Сатпрем

ШРИ АУРОБИНДО

или

Путешествие сознания

LITRU.RU

Annotation

Книга французского автора Сатпрема «Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания» известна как классическое введение в мировоззрение Шри Ауробиндо (1872–1950) — выдающегося индийского провидца, йогина, поэта и философа. Получив классическое образование в Англии, по возвращении в Индию он становится одним из лидеров национально-освободительного движения, а затем неожиданно оставляет политическую деятельность и полностью посвящает себя йоге и исследованиям человеческого сознания. Литературное наследие Шри Ауробиндо насчитывает 35 томов. Особое место занимает в нем шедевр мировой поэзии — эпическая поэма «Савитри», которую в Индии называют пятой Ведой.

Сатпрем
Шри Ауробиндо, или Путешествие Сознания

Предисловие

Посвящается Матери

Век путешествий и приключений прошел. Даже если мы отправимся к далеким галактикам, облаченные в скафандры и вооруженные компьютерами, то это ничего не изменит, мы обнаружим, что мы — все те же: дети, беспомощные перед лицом смерти, живые существа, которые не слишком уверены в том, как и зачем они живут или куда они идут. Что же касается земных путешествий, то ясно, что времена Кортеса и Писсаро прошли. Все та же машина окружает нас, ловушка сжимается со всех сторон. Но, как это часто бывает, чем тяжелее испытание, тем быстрее мы находим способ преодолеть его; и оказывается, что этот нелегкий переходный период, в который мы вовлечены, ведет к более яркому свету. Итак, мы стоим, как перед стеной, перед последним исследованием, которое нам осталось, перед последним путешествием, последним приключением — перед самими собой.

Знаков тому множество, они просты и очевидны. Важнейшие события 60-х годов — не путешествие на Луну, а «путешествия» за наркотиками, студенческие волнения в мире и переселения хиппи — но куда бы они могли податься? Нет больше мест ни на кишащих людьми пляжах, ни на перегруженных дорогах, ни в растущих муравейниках наших городов. Выход следует искать где-то в другом месте.

Но существует множество этих «где-то» самого разного рода. Наркотики — вещь неопределенная и полная опасности, главное же — они ставят в *зависимость* от внешних средств, тогда как истинное переживание должно быть осуществимо по желанию и где угодно — и в продуктовом магазине, и в уединении в собственной комнате — в противном случае это не переживание, а аномалия или порабощение. Психоанализ в настоящее время все равно что тускло освещенная пещера, и самое главное — ему не достает того рычага сознания, который дает человеку возможность вольно двигаться, сохраняя полный контроль, вместо того, чтобы быть бессильным свидетелем или несчастным пациентом. Религиозные пути несут гораздо больше света, но они слишком зависимы от бога или от догмы; главное же то, что они заключают нас внутри *одного* типа опыта, ибо можно так же легко стать пленниками иных миров — на самом деле, это даже легче, — чем быть пленником этого мира. Ценность переживания измеряется в конечном счете его способностью преобразовывать жизнь — в противном случае это просто пустая мечта или галлюцинация.

Шри Ауробиндо ведет нас к жизненно важному открытию, двойственному по своему характеру: оно не только позволяет нам найти приемлемый смысл тому душному хаосу, в котором мы живем, но и преобразовать наш мир. Следуя за ним шаг за шагом в этом удивительном исследовании, мы приходим к самому важному открытию, к порогу Великой Тайны, которой суждено изменить лицо этого мира, а именно, что *сознание есть сила*. Загипнотизированные современной научной обстановкой, в которой мы родились и от которой, кажется, никуда не уйти, мы думаем, что единственная наша надежда — это все большее распространение машин, которые будут лучше нас видеть, лучше нас слышать, лучше нас считать, лучше, чем мы, лечить, — и, наверное, в конечном счете, жить лучше, чем мы живем. На самом же деле нам следует для начала осознать то, что мы можем действовать лучше, чем наша техника, и что чудовищной Машине, которая душит нас, суждено рассыпаться так же быстро, как она и возникла, — при условии, что мы завладеем рычагом истинной силы и низойдем в свое сердце методично и строго, подобно исследователю с ясным умом.

Затем мы можем прийти к открытию, что наш блестящий двадцатый век в отношении психологии является веком каменным, что несмотря на все наши науки мы еще не вступили в истинную науку жизни и не приблизились к подлинному господству над миром и над самим собой и что перед нами открываются горизонты совершенства, гармонии и красоты, в сравнении с которыми наши самые великолепные открытия подобны грубой заготовке подмастерья.

Сатпрем

Пондишери, 27 января 1970 г.

Введение

Я становлюсь тем, что я прозреваю в себе. Я могу сделать все, что внушает мне мысль; могу стать всем, что мысль открывает во мне. Это должно стать непоколебимой верой человека в себя, ибо Бог пребывает в нем.[1]

Жил на свете злой махараджа, для которого была нестерпима сама мысль, что кто-то может быть выше его. Созвав всех пандитов царства, как было принято в важных случаях, он задал им такой вопрос: «Кто из нас более велик — я или Бог?» Пандиты задрожали от страха. Будучи людьми мудрыми, как к тому их обязывала профессия, они попросили отсрочки, чтобы подумать — в силу привычки они цеплялись за свое положение и свои жизни. Но они были достойными людьми и не желали гневить Бога. Они очень сокрушались по поводу постигшего их несчастья, и тогда их утешил самый старый пандит: «Предоставьте все мне, завтра я поговорю с государем». На следующий день, когда весь двор был собран для торжественного приема, пришел и этот старый человек. Он был спокоен, руки его были смиренно сложены, лоб был натерт белой золой. Он низко поклонился и произнес: «О господин, ты, несомненно, более велик». Правитель трижды закрутил свои длинные усы и высоко поднял голову. «Ты более велик, о царь, потому, что ты можешь изгнать нас из своего царства, а Бог — не может, ибо поистине Его царство — это все вокруг, и некуда уйти от Него».

Эта индийская легенда, место происхождения которой — Бенгалия, где родился Шри Ауробиндо, наверняка была известна ему — тому, кто говорил, что Он — это все: боги, бесы, люди, земля, а не только небеса, и чей весь опыт ведет к божественной реабилитации Материи. На протяжении последних пятидесяти лет психология занимается лишь тем, что реинтегрирует демонов в человеке; вероятно, задачей следующего полувека будет, как полагал Андре Мальро, «реинтегрировать в человеке богов», или, точнее, говоря словами Шри Ауробиндо, реинтегрировать Дух в человеке и в Материи и создать «жизнь божественную на земле»: *Потусторонние небеса — велики и удивительны, но гораздо более велики и более удивительны небеса внутри вас. И эти Эдемы ожидают божественного труженика.*[2]

Есть много путей, чтобы начать эту работу — по сути дела, каждый из нас имеет свой собственный подход: для одного это может быть красиво исполненное изделие или хорошо сделанная работа, для другого — возвышенная идея, завершенная философская система, для третьего — гармония музыки, течение реки, отблеск солнечного света на поверхности моря; все это — дыхания Бесконечного. Но это лишь краткие мгновения, а мы хотим постоянства. Эти неуловимые мгновения обусловлены многими обстоятельствами, которыми мы не способны управлять, а мы ищем то, что нельзя было бы отнять, нечто не зависимое от условий и обстоятельств — некое окно внутри себя, которое, раз открывшись, уже никогда не закрылось бы вновь.

Из-за того, что здесь, на земле, трудно осуществить эти условия, мы говорим о «Боге», о «духовности», о Христе или о Будде, или о целой цепи основателей великих религий — и все это пути поиска постоянства. Но, может быть, мы люди вовсе не религиозные и не мистики, а просто устали от догм, верим в землю и подозрительно относимся к громким словам. Возможно, и наши заумные рассуждения тоже достаточно утомили нас и все, чего мы хотим — это найти свою маленькую речку, впадающую в Бесконечность. В Индии жил один великий святой, который в течение многих лет, прежде чем достиг великого покоя, задавал каждому встречному

такой вопрос: «Видел ли ты Бога?.. Видел ли ты Бога?..» И всякий раз он уходил разочарованный и сердитый, ибо люди рассказывали ему всякие небылицы. А он хотел видеть. Ведь не виноват же он в том, что с этим словом, как, впрочем, и со многими другими, люди связывают столько ложного. Когда мы увидим, мы сможем рассказать об этом — но, скорее всего, мы будем хранить молчание. Нет, мы не хотим обманывать себя словами; мы хотим начать с того, что мы имеем, прямо оттуда, где мы находимся, с грязью, прилипшей к нашим башмакам, и маленьким лучом света наших лучших дней, ибо в этом состоит наша простая вера. Затем мы видим, что мир вокруг нас не так уж велик, и нам хотелось бы изменить его, но мы стали слишком скептичными по отношению к универсальным панацеям, всяким движениям, партиям и теориям. Вот поэтому-то мы и начинаем с самого близкого, с самого начала, т. е. с самих себя; это немного, но это все, что мы имеем. Мы попытаемся изменить этот маленький кусочек мира прежде, чем отправиться спасать других. И, может быть, в конце концов это не такая уж глупая мысль, ибо, кто знает, не является ли изменение самих себя самым эффективным способом изменения других?

Чем может помочь нам Шри Ауробиндо на таком невысоком уровне?

Есть Шри Ауробиндо философ, Шри Ауробиндо поэт, кем он, по сути, и был, и провозвестник эволюции, но далеко не каждый из нас философ или поэт, а еще менее — пророк. Возможно, мы были бы вполне удовлетворены, если бы он просто дал нам средство поверить в свои собственные возможности, не только в человеческие, но и в сверхчеловеческие и божественные возможности и не только поверить в них, но и раскрыть их в себе шаг за шагом, *увидеть* себя и стать бескрайними — бескрайними, как земля, которую мы любим, и как все страны и моря, которые находятся внутри нас. Ибо есть Шри Ауробиндо исследователь, он же — йогин; разве не говорил он, что *йога — это искусство сознательного самообнаружения?*[3] Именно это исследование сознания хотим мы предпринять вместе с ним. И если мы пойдем спокойно, терпеливо, со всей искренностью, храбро встречая лицом к лицу все трудности пути, — а Бог знает, что путь этот довольно каменист, — то однажды окно обязательно откроется и солнце осветит нас навеки. На самом деле, открывается не одно окно, а несколько, одно за другим, с каждым разом раскрывая перед нами все более широкую перспективу, новые измерения нашего собственного царства; и каждый раз это означает *изменение сознания* такое радикальное, как скажем, переход из сна в бодрствование. Мы проследим основные этапы этих изменений сознания так, как их пережил Шри Ауробиндо, и описал ученикам в своей *интегральной йоге* — до того момента, когда они поведут нас к новому, до сих пор не изведанному опыту, который, возможно, обладает силой изменить саму жизнь.

Ибо Шри Ауробиндо — не только исследователь сознания, он — строитель нового мира. В самом деле, какая польза в изменении собственного сознания, если мир вокруг нас остается все тем же? Мы уподобились бы королю из сказки Андерсена, который разгуливал нагишом по улицам своей столицы. И действительно, после того, как Шри Ауробиндо исследовал самые дальние границы миров, известных и древней мудрости, он открыл иной мир, не нанесенный ни на одну карту. Он назвал его *Суперразумом,* или *Супраментальным,* и стремился низвести этот мир вниз, на землю. Он предлагает нам немного напрячься, приложить усилия и принять участие в этой прекрасной сказке, если мы любим сказки. Ибо Суперразум, говорит нам Шри Ауробиндо, вносит радикальные и драматические изменения в эволюцию сознания на земле; именно *это* изменение сознания будет обладать силой преображения нашего физического мира, и оно преобразует наш мир — мы надеемся, к лучшему, — так же основательно и необратимо, как сделал это Разум, впервые появившись в живой Материи. И тогда мы увидим, каким образом интегральная йога ведет к йоге *супраментальной,* или йоге земной трансформации, контуры которой мы попытаемся здесь набросать, потому что сказка еще только делается, и дело это и

новое, и сложное; мы пока не знаем, куда это приведет нас, и завершится ли все это успехом.

На самом деле это немного зависит и от каждого из нас.

Глава 1. Совершенно западный человек

С точки зрения человеческой Шри Ауробиндо близок нам. Преклонившись перед «мудростью Востока» и перед необыкновенными аскетами, которые, кажется, игнорируют все известные нам законы, мы сознаем тем не менее, что затронуто было лишь наше любопытство, но отнюдь не жизнь — нам нужна практическая истина, которая могла бы вынести наши суровые зимы. Эти зимы были хорошо известны Шри Ауробиндо, он пережил их, будучи студентом — с семилетнего возраста и до тех пор, пока ему не исполнилось двадцать. Он переезжал из одних меблированных комнат в другие в зависимости от расположенности более или менее доброжелательных хозяек, довольствуясь лишь одной трапезой в день и не имея даже возможности накинуть себе на плечи пальто, но всегда нагруженный книгами: французские символисты, Малларме, Рембо — он читал их в оригинале задолго до того, как прочел Бхагавадгиту в переводе. Для нас феномен Шри Ауробиндо являет собой уникальный синтез.

Он родился в Калькутте 15 августа 1872 г., всего на несколько лет раньше Эйнштейна; Рембо уже написал свои «Озарения»; современные физики — Макс Планк в том числе — уже появились на свет, а Жюль Верн занимался исследованиями будущего. То было время, когда королева Виктория собиралась стать императрицей Индии, а завоевание Африки еще не было завершено — это был поворотный пункт, означавший переход от одного мира к другому. С исторической точки зрения кажется, что рождению нового мира всегда предшествуют периоды испытаний и разрушений, но это, возможно, лишь неверное истолкование: именно потому, что семена нового мира *уже* живы, неистовствуют силы разрушения (или рассеяния). Так или иначе, Европа в то время была на вершине своей славы; казалось, что «игра» делается на Западе. Именно так полагал отец Шри Ауробиндо, доктор Кришнадхан Гхош. Он изучал в Англии медицину и вернулся в Индию законченным англоманом. Он не хотел, чтобы его сыновья — у него было трое сыновей, Шри Ауробиндо был самым младшим — хоть как-то попали под пагубное влияние «чадного и отсталого» мистицизма, в котором его страна, казалось, катилась к гибели. Он не хотел даже, чтобы они знали что-нибудь о традициях и языках Индии. Поэтому Шри Ауробиндо получил не только английское имя Акройд, но и английскую гувернантку, мисс Паджет, а затем, по достижении им пятилетнего возраста, был отдан в ирландскую монастырскую школу в Дарджилинге вместе с сыновьями английских чиновников. Двумя годами позже все трое мальчиков Гхошей уехали в Англию. Шри Ауробиндо было тогда семь лет. До двадцати лет он не узнает своего родного языка, бенгали; не увидит он и своего отца, который умрет как раз перед возвращением сына в Индию, и лишь мельком увидит свою мать, которая будет больна и не узнает его. Итак, это был ребенок, который вырос абсолютно независимым от влияния семьи, страны и традиций — свободный дух. Может быть, первым уроком, который дает нам Шри Ауробиндо, является как раз урок свободы.

Шри Ауробиндо и его двух братьев поручили англиканскому священнику Манчестера *со строгими наставлениями, которые запрещали им заводить знакомства среди индийцев или подвергаться какому бы то ни было индийскому влиянию.* [4] Доктор Гхош в самом деле был очень странным человеком. Он распорядился также, чтобы пастор Древетт не давал его сыновьям никаких религиозных наставлений с тем, чтобы они могли сами выбрать религию, если пожелают, по достижении совершеннолетия. Затем он предоставил их своей судьбе на тринадцать лет. Доктор Гхош может показаться жестокосердным человеком, но это совсем не так; не только свои силы на докторском поприще отдавал он бедным бенгальским крестьянам, но и свои деньги (в то время, когда его сыновьям в Лондоне было почти нечего есть и не во что

одеться), а умер он от удара после того, как получил ложное известие о том, что его любимый сын Ауробиндо погиб во время кораблекрушения. Просто он считал, что его дети должны иметь характер мужчин.

Первые годы, проведенные в Манчестере, сыграли определенную роль в жизни Шри Ауробиндо, ибо там он изучил французский язык (английский был, конечно, его «родным языком») и там же проявилось его неожиданно возникшее влечение к Франции: *Была некоторая привязанность к английскому языку и к европейской мысли и литературе, но не к Англии как стране; с нею меня ничто не связывало… Если и была какая-то привязанность к какой-нибудь европейской стране как ко второй родине, то это было интеллектуальное и эмоциональное тяготение к стране, которой я не видел и в которой не жил в этой жизни — не к Англии, а к Франции.*[5] В нем начал пробуждаться поэт; он уже прислушивался к *шагам невидимых явлений* [invisible things], как он писал в одном из своих ранних стихотворений. Его внутреннее окно было уже открыто, хотя религия не производила на него особого впечатления, как это явствует из описания Шри Ауробиндо своего «обращения». Было очевидно — и так оно и случилось — что мать священника Древетта предпримет попытку спасти души трех еретиков или, по крайней мере, душу самого младшего из них, которого она взяла однажды на собрание священников-«нонконформистов». *После того, как кончились молитвы, — писал Шри Ауробиндо, — почти все разошлись, но особо благочестивые немного задержались. Именно в это время совершались обряды обращения. Мне было ужасно скучно. Потом ко мне подошел один священник и задал несколько вопросов (мне тогда было около десяти лет). Я не отвечал. Тогда они все закричали: «Он спасен, он спасен», стали молиться за меня и возносить хвалу Богу.*[6] Шри Ауробиндо, провидец, никогда не думал становиться религиозным человеком ни в Индии, ни на Западе и очень часто подчеркивал, что религия и духовность — не обязательно синонимы: *Истинная теократия, — писал он позднее, — это царство Божие в человеке, а не царство Папы, духовенства или сословия жрецов.*[7]

В начале своей жизни в Лондоне, в возрасте двенадцати лет, Шри Ауробиндо уже знал латынь и французский язык. Директора школы Св. Павла, куда был зачислен Шри Ауробиндо, так поразили способности ученика, что он сам стал с ним заниматься греческим языком. Через три года Шри Ауробиндо смог перескочить через половину школьного курса, что позволило ему проводить большую часть времени за своим любимым занятием — чтением. Ничто, казалось, не ускользало от этого ненасытного юноши (кроме, конечно, крикета, который интересовал его так же мало, как и воскресная школа); Шелли и «Раскованный Прометей», французские поэты, Гомер, Аристофан, а скоро и вся европейская мысль в целом — ибо он быстро овладел немецким и итальянским языками в такой степени, что мог читать Данте и Гете в оригинале — заполняли его одиночество, о котором он ничего не говорит. Он никогда не искал связей, тогда как Манмохан, средний брат, разгуливал по Лондону в обществе своего друга Оскара Уайльда и намеревался сделать себе имя в английской поэзии. Каждый из трех братьев жил, по сути дела, своей собственной жизнью. Однако в Шри Ауробиндо не было никакой строгости и, конечно, ничего пуританского (похотливые [the prurient][8] — так называл он пуритан),[9] — просто он находился «где-то в иных сферах» и мир его был полон. Он даже шутил всегда с бесстрастным выражением лица, которое никогда не покидало его. *Чувство юмора? Это же соль существования. Без него мир давным-давно бы полностью утратил равновесие — а он уже и так достаточно расшатан — и устремился бы в ад.*[10] Ибо есть также Шри Ауробиндо юморист, и этот Шри Ауробиндо, может быть, важнее, чем Шри Ауробиндо философ, о котором с такой торжественностью рассуждают университеты Запада: для Шри Ауробиндо философия была лишь средством общения с определенным типом людей, которые ничего не понимают без

объяснений; это был только язык — точно так же, как поэзия была для него еще одним языком, более ясным и истинным; но юмор был самой сутью его существа — не саркастический юмор остряка, не остроумие, но некая радость, которая не может не танцевать везде, где бы она не появлялась. Бывают моменты, когда во вспышке молнии, изумляющей нас, мы умеем почувствовать за самыми трагичными, самыми скорбными ситуациями и случаями в жизни людей некий смех, как если бы ребенок разыгрывал трагедию и вдруг сам себе состроил рожу, потому что ребенок создан для смеха и потому, что в конечном счете никто и ничто в мире не может завладеть тем маленьким укромным убежищем внутри нас, где мы навеки — цари. Может быть, в этом и заключается основная черта юмора Шри Ауробиндо — отказ видеть вещи в трагическом свете и даже более того: чувство неотъемлемого царского величия.

Мы не знаем, оценили ли в школе Св. Павла его чувство юмора, но там, конечно, оценили его поразительные познания. Ему предоставили стипендию для продолжения обучения в Кембридже (как раз вовремя — помощь из дому практически прекратилась), которая была, однако, слишком мала для того, чтобы избавить его от холода и голода, ибо старшие его братья с радостью воспользовались этой неожиданной удачей. Шри Ауробиндо исполнилось восемнадцать лет. Ради чего он пошел в этот инкубатор джентльменов? Только ради одного — он исполнял волю своего отца. Но это продолжалось недолго. За первый год своего пребывания в Королевском Колледже он получил все призы за стихосложение на греческом и латыни, но греческий и латынь уже не увлекали его так, как раньше. Жанна Д'Арк, Мадзини, американская революция — вот что интересовало его, и это понятно: он думал об освобождении своей Родины; позже он стал одним из борцов за независимость Индии. Это политическое призвание, которое было трудно предвидеть, будет владеть им в течение почти двадцати лет и владело им уже тогда, когда он даже точно не знал, что собою представляет индиец, не говоря уже об индусах! Но он узнал это очень быстро. После изучения западной культуры ему удалось изучить и усвоить индуизм вдвое быстрее; по сути дела, настоящим Шри Ауробиндо он станет лишь после того, как усвоит обе культуры и найдет ту точку, где эти два мира сходятся внутри того, что не является ни тем, ни другим, ни даже их синтезом — того, что Мать, продолжившая работу Шри Ауробиндо, называет *третьим состоянием* [a thrid position], «чем-то иным», в чем мы, не являясь ни узкими материалистами, ни чистыми идеалистами, отчаянно нуждаемся.

Затем он стал секретарем Индийского Меджлиса — ассоциации индийских студентов Кембриджа, выступил со множеством революционных речей, а потом, отказавшись от своего английского имени, присоединился к тайному обществу «Лотос и Кинжал» — вот так! (Хотя такая романтика и может привести вас на виселицу.) В конце концов, его имя было занесено в черный список Уайтхолла.[11] Тем не менее он получил степень бакалавра, но не явился на церемонию вручения диплома, так как был сыт всем по горло. Так же ни о чем не заботясь, он сдавал приемные экзамены для поступления на службу в Индиан Сивил Сервис, которая ему открывала двери индийского правительства и возможность продвижения по служебной лестнице в качестве британского государственного чиновника. Экзамены он сдал блестяще, но не счел нужным явиться на экзамен по верховой езде — в тот день он пошел на прогулку, вместо того чтобы скакать рысью в Вулвиче — и таким образом провалился. В это время старший преподаватель Кембриджа писал властям: «То, что человек такого масштаба будет потерян для индийского правительства только из-за того, что он отказался сесть на лошадь или не явился вовремя на экзамен, кажется мне, признаюсь, непревзойденной близорукостью чиновников… Последние два года он жил тяжелой и беспокойной жизнью. Помощь из дому почти прекратилась, и он должен был содержать двух своих братьев и себя самого… Я несколько раз писал отцу от его имени, но, как правило, безуспешно. Лишь позднее мне удалось вытянуть из него сумму, достаточную, чтобы заплатить лавочнику, который в противном случае отдал бы его

сына под суд…»[12] Ходатайство не помогло; в Министерстве колоний были убеждены, что Шри Ауробиндо — это опасное предложение. И были не далеки от истины.

Когда Шри Ауробиндо возвращался морем в Индию, ему было двадцать лет. Только что умер его отец; у него не было ни положения, ни титулов. Что сохранилось в нем после четырнадцати лет, проведенных на Западе? Невольно вспоминается очень точное высказывание Эдуарда Херриота о том, что образование — это то, что остается в нас, когда все позабыто; если это так, то то, что остается в человеке, покидающем Запад, — это не книги, не музеи и не театры, но стремление воплотить в жизнь то, чему научила его теория. Возможно, именно в этом заключается истинная сила Запада. К сожалению, Запад слишком интеллектуален, чтобы иметь истинное видение сути вещей и воплощать это видение в жизнь, а у Индии, слишком погруженной внутрь, нет должной устремленности, необходимой для того, чтобы привести в гармонию то, чем она живет, с тем, что она видит. Этот урок не пропал даром для Шри Ауробиндо.

Глава 2. Вечный закон

Пролетариат у нас погряз в невежестве и подавлен отчаянием![13] — воскликнул Шри Ауробиндо вскоре по прибытии в Индию. Его волновали не метафизические вопросы, а вопрос действия. Действовать, ведь мы находимся в миру, чтобы действовать. Но какие действия избрать и, главное, какие средства будут наиболее эффективны? Этот вопрос практического действия будет занимать Шри Ауробиндо с первых дней его пребывания в Индии и до его высочайших йогических реализаций. Я вспоминаю (да простится мне отступление) одну поездку в Гималаи, где я прекрасно провел несколько замечательных дней в обществе святого человека — среди сосен и олеандров, в окружении сверкающих снегов между небом и долиной. Это было чудесно, и я, помню, сказал себе: легко иметь божественные мысли, даже видения на этих высотах, но каково там, внизу? И я не был далек от правды, хотя позднее узнал, что можно действовать и работать для мира в тишине и неподвижности своего тела (мы очень часто думаем, что возбуждение и действие — это одно и то же, но это совсем не так), но, все-таки, что остается от наших божественных мгновений, как только мы выходим из нашего одиночества и спускаемся вниз, на равнину? Это — иллюзия, мираж, что должны понять рьяные поборники индуизма на Западе, ибо если мы хотим просто уйти от мира, то можно найти укромное место в Альпах или удалиться в Йосемитскую долину, или даже просто в небольшую выбеленную келью. «Паломничество к истокам»[14] имеет мало общего или вообще ничего не имеет с Гангом или Брахмапутрой. Что в таком случае собиралась преподнести Шри Ауробиндо Индия? Обладает ли она секретом действия в жизни?

Читая книги об индуизме, можно подумать, что это некий вид духовной палеонтологии, насыщенной многосложными санскритскими словами, как будто индусы — это сплошь внушающие страх философы и нераскаявшиеся идолопоклонники. Но если мы взглянем на духовный мир Индии просто, изнутри, не пытаясь делить на параграфы, то обнаружим, что Индия — это страна исключительной духовной свободы, не имеющая себе равных. А делить на параграфы — это все равно, что уподобиться путешественнику, который отправился в Дели в мае и заключил, что Индия — жаркая, знойная страна; но если бы он поехал на юг Индии или на восток в ноябре или марте или вообще в какую угодно сторону, то он нашел бы там погоду одновременно то холодной, то бурной, то влажной, то сухой, как в пустыне, то по-средиземноморски мягкой; Индия — мир такой же неопределенный, как и ее «индуизм», которого фактически не существует, потому что индуизм — это не вера, не духовная долгота, и нет надобности определять точный азимут, чтобы попасть туда, потому что куда бы вы ни двигались, вы уже там. Так называемый индуизм — это выдумка Запада; индусы говорят только о «вечном законе», *санатана дхарма,* который они не считают своей монополией, но который существует и для мусульман, негров, христиан и даже для анабаптистов. То, что кажется человеку Запада самой важной частью религии — а именно структура, которая *отличает* ее от всех других религий и устанавливает, что человек не является католиком или протестантом, если он не считает себя тем или другим и не соглашается с такими-то и такими-то параграфами веры, — является для индуса самым несущественным аспектом, ибо он инстинктивно стремится отбросить все внешние различия с тем, чтобы вновь обнаружить всех там, где все сходится в одной центральной точке.

Такая непредубежденность не есть «толерантность», которая является обратной стороной нетерпимости; это положительное понимание и того, что каждое человеческое существо имеет внутреннюю потребность, которую можно назвать Богом или любым другим именем, и того, что

он испытывает потребность любить то, что *он* понимает как Бога на своем уровне и на своей стадии внутреннего развития, и того, что путь Ивана — не путь Петра. То, что каждый должен любить, например, распятого бога, кажется неестественным среднему индусу, который почтительно склонится перед Христом (с тем же благоговением, для него естественным, которое он чувствует, поклоняясь своему образу Бога), но увидит лицо Бога и в улыбке Кришны, и в ужасной Кали, и в нежности Сарасвати, и в тысячах и тысячах других богов, которые пляшут, разноцветные и усатые, веселые и ужасные, озаренные и сострадательные, на затейливо изрезанных башнях индийских храмов. *Бог, который не умеет улыбаться, не смог бы создать такой забавной вселенной,*[15] — сказал Шри Ауробиндо. Все — это его лицо, все — его игра, ужасная или прекрасная, такая же причудливая, как и сам наш мир. Ибо страна эта, Индия, так изобилующая богами, является в то же время страной монолитной веры в Единство: «Единый, господствует он над всеми лонами и сущностями [natures], сам являясь лоном всего» (Шветашватара Упанишада, V.5). Но не каждый может сразу слиться с Абсолютом, Восхождение состоит из множества ступеней. Тот, кому близка маленькая Лолита с лицом ребенка, которой он приносит благовония и цветы, может быть, не сможет обратиться к Вечной Матери в мире и покое своего сердца. Другой предпочтет отринуть все формы, чтобы погрузиться в созерцание Того, что не имеет формы. «Кто как ко мне обращается, того я так и принимаю. Моим путем следуют все люди», — говорится в Бхагавадгите (IV, II).) [16] Как мы видим, существует так много путей постижения Бога — в трех лицах или в трех миллионах лиц — что лучше нам отказаться от догм, иначе мы все уничтожим, не оставив в конце концов ничего, кроме бога Декарта, единого и универсального лишь благодаря своей узости. Возможно, мы до сих пор еще путаем понятия единства и единообразия. Именно в духе этой традиции Шри Ауробиндо вскоре напишет: *Совершенство интегральной Йоги придет тогда, когда каждый человек сможет следовать своему собственному пути Йоги, занимаясь развитием своей природы, направляя ее рост к тому, что превосходит ее пределы. Ибо свобода — это конечный закон и последнее свершение.*[17]

Индиец никогда не спросит: «Веришь ли ты в Бога?» Этот вопрос показался бы ему таким же ребяческим, как вопрос «Веришь ли ты в CO2?» Он просто скажет: «*Попробуй сам*; если ты будешь делать это, получишь такой результат; если же сделаешь то, результат будет другим». Всю изобретательность, искусность и точность, которые мы прикладываем в течение последнего столетия или двух к изучению физических явлений, Индия направляет с не меньшей тщательностью на протяжении четырех или пяти тысяч лет на исследование явлений внутренней жизни. У народа «мечтателей» есть для нас сюрпризы. И если мы хоть немного честны по отношению к себе, то нам придется признать, что наше изучение внутреннего мира, т. е. психология и психоанализ, наши знания о человеке находятся еще на эмбриональном уровне — просто потому, что самопознание требует аскетизма такого же методического и упорного и порой такого же утомительного, каким является длительное изучение, требуемое для овладения ядерной физикой. Если мы хотим вступить на этот путь, то читать книги или собирать клинический материал о всех неврозах потерявшего равновесие общества недостаточно — *мы должны полностью посвятить себя пути.* В самом деле, если к изучению внутреннего мира мы приложим всю ту искренность, тщательность и настойчивость, которые мы проявляем при чтении наших книг, то мы будем быстро продвигаться и далеко пойдем. У Запада тоже есть свои сюрпризы. Но для начала он должен избавиться от своих предубеждений: ведь и Колумбу для того, чтобы начертить карту Америки, пришлось покинуть Палос! Видимо, стоит напомнить об этих простых истинах, поскольку Запад, кажется, зажат между двумя видами ложных построений — между слишком серьезной ложью последователей религий и духовных учений, которые уже разрешили проблему Бога, заключив его в несколько непогрешимых параграфов, и

более легковесной ложью недоразвитых оккультистов и разных там «ясновидящих», которые свели невидимое к образам больного или помраченного воображения. Индия мудро отсылает нас к прямому опыту и к экспериментальным методам. В скором времени Шри Ауробиндо воплотит в жизнь этот фундаментальный урок экспериментальной духовности.

Но каких людей, какой человеческий материал найдет он в неизвестной ему тогда Индии? Если даже оставить в стороне экзотическую яркость и странные (для нас) обычаи, которые забавляют, интригуют туристов, все равно в индийцах останется что-то необычное, странное [e'trange]. Сказать, что это мягкий, мечтательный, фаталистичный народ, отрешенный от мира — значит описать следствие, а не причину. «Странное» — очень точное слово, [18] ибо по своей физической сути, естественно, без малейшей «мысли» или даже «веры», индийцы погружены своими корнями глубоко в иные миры, они не принадлежат только этому миру. И эти миры иные постоянно поднимаются в этих людях на поверхность — *при малейшем касании рвется завеса,* — замечает Шри Ауробиндо. Этот физический мир, для нас такой реальный, абсолютный и уникальный, кажется индийцам лишь одним способом существования среди многих других, одним из множества видов совокупного существования, одним словом — маленькой, хаотичной, возбужденной и полной боли границей *на краю необъятных континентов, которые лежат, неисследованные, по ту ее сторону.* [19] Эта существенная разница между индийцами и другими народами особенно ярко проявляется в их искусстве (впрочем, искусство Египта и, вероятно, Центральной Америки заметно выделяются на общем фоне мировой культуры). Если мы оставим наши светлые и открытые соборы, стремящиеся ввысь, символизирующие торжество божественной мысли в человеке, и вдруг окажемся перед Сохмет[20] в тишине Абидоса ни Ниле или лицом к лицу с Кали за перистилем Дакшинешвара,[21] то мы вдруг что-то почувствуем — какое-то неизвестное измерение — и остановимся в изумлении перед «чем-то», что ошеломляет нас, лишает нас слов и что совершенно отсутствует в нашем западном искусстве. В наших соборах нет тайн! Все там чисто и аккуратно, открыто всем ветрам, доступно каждому — но на самом деле и там много тайн… Здесь ведь речь не о том, кто чего достиг, не в этом дело, просто мы что-то *забыли.* Если столько цивилизаций, которые были когда-то такими же великолепными и утонченными, как и наша — давайте скромно признаем это — и чьи элитарные прослойки были не менее «интеллектуальны», чем лучшие умы наших университетов, видели и знали по опыту невидимые иерархии (не видимые для нас) и великие психические ритмы, которые выходят за рамки короткой пульсации отдельной человеческой жизни, то как же нам до сих пор не пришло в голову, что это, наверное, не глупое суеверие и не умственное заблуждение — было бы странным считать заблуждением то, что встречается в местах, удаленных друг от друга на тысячи миль, в цивилизациях, которые были абсолютно неизвестны друг другу. Да, время Мистерий прошло: все сейчас чудным образов декартизовано, прагматично, но все-таки чего-то не хватает. Новым человеком, наверное, будет тот, кто вдруг остро осознает ужасную нехватку чего-то, которую не могут заполнить ни его наука, ни церкви, ни наслаждения. Человека нельзя безнаказанно лишить его тайн. Это также стало живым уроком, который Индия преподнесла Шри Ауробиндо, если только он уже не познал этого раньше на собственном опыте.

Однако, если мы полагаем, что Индия — страна, где древние Мистерии продолжают свое существование — даст нам практическое решение, которое мы ищем, то мы, вероятно, будем разочарованы. Шри Ауробиндо очень скоро оценил свободу, духовную широту и огромные экспериментальные познания, которые Индия предлагает ищущему, но отнюдь не согласился принять все в том виде, в каком это предстало перед его глазами — не потому, что оттуда надо было что-то отбросить. Не нужно ничего удалять ни из так называемого индуизма, ни из христианства, ни из любого другого человеческого стремления, но нужно все расширять,

расширять до бесконечности. То, что мы принимаем за окончательную истину, является чаще всего лишь частичным переживанием Истины — ибо всеобъемлющего, тотального Переживания, очевидно, не существует ни во времени, ни в пространстве, ни в каком-то месте и существе, каким бы озаренным оно ни было; ибо Истина бесконечна, она всегда находится в движении. *Но человек всегда взваливает на себя бесконечную ношу,* — говорила Мать в беседе о буддизме. — *Он не хочет позволить уйти тому, что относится к его прошлому, и таким образом сгибается все больше и больше под тяжестью бесполезных накоплений. Пусть на каком-то отрезке пути у вас был руководящий принцип, но как только вы прошли этот отрезок, оставьте и его, и то, что руководило вами, и идите дальше. Это как раз то, что люди делают с большой неохотой. Ухватившись за то, что им помогает, они цепляются за него и не позволяют ему уйти. Те, кто продвинулся с помощью христианства, не желают оставить его и несут на своих плечах; те, кто продвинулся с помощью буддизма, не желают оставить его и несут на своих плечах. Это ужасно отягощает и тормозит вас. Как только вы прошли какую-то стадию, оставьте ее, позвольте ей уйти! И идите дальше!* Да, есть вечный закон, но это закон вечно юный и вечно развивающийся. Индия хотя и была способна понять, что Бог в своей космической поступи вечно разрушает традиционные верования людей и их представления о нем, не всегда имела силу справиться с собственной мудростью. *Безбрежное невидимое,* наполняющее собой эту страну, намеревалось взять у нее двойной выкуп — человеческий и духовный. Человеческий — потому что народ ее, пронизанный потусторонним, сознающий великую космическую Игру и внутренние просторы, где наша маленькая поверхностная жизнь представляет собой лишь точку, которая периодически то расцветает, то вскоре угасает вновь, кончил безразличием к миру — инерцией, безразличным отношением к прогрессу, покорностью, которая часто надевает маску мудрости. Но она заплатила и духовный выкуп (и это гораздо серьезнее), потому что во всей этой безмерности, слишком большой для нашего *настоящего* ограниченного сознания, судьба земли, нашей Земли, теряется где-то в далеких галактиках или в неизвестности, вновь погружаясь в Брахмана, откуда в конце концов она, может быть, никогда не появлялась, кроме как в наших мечтах — таким образом, и учение об иллюзии, и трансы, и закрытые глаза йога тоже часто были всего лишь масками Бога. Поэтому очень важно четко определить цель, которую имеет в виду религиозная Индия; тогда мы лучше поймем, в чем она может помочь нам, ищущим всеобъемлющей, интегральной истины, а в чем — нет.

Прежде всего мы должны признать, что мы поставлены перед удивительным противоречием. Индия — это страна, которая сделала великое открытие: «Все есть Брахман», — говорит она. Все — это Дух, этот мир — тоже Дух, так же, как и эта земля, эта жизнь, эти люди — не существует ничего вне Него. «Все — это бессмертный Брахман, и нет ничего другого; Брахман — перед нами, Брахман — позади нас и к югу от нас, и к северу, и под нами, и над нами; повсюду простирается Он. Все, вся эта великолепная вселенная — это только Брахман» (Мундака Упанишада, II, 12). Наконец-то разделение, раздирающее этот бедный мир на части между Богом и Дьяволом, устраняется раз и навсегда — как будто человек всегда должен был выбирать между небесами и землей и не мог быть спасен иначе, кроме как изуродовав себя. *На практике,* однако, в религиозной истории Индии в течение последний трех тысяч лет господствует мнение, что есть как бы истинный Брахман — транцендентный, неподвижный, вечно находящийся по ту сторону этого бедлама, и Брахман ложный, или, лучше сказать, второстепенный (есть несколько школ), для промежуточной и более или менее сомнительной действительности (т. е. для жизни, земли, для нашей жалкой земной неразберихи). «Отринь этот иллюзорный мир», — восклицал великий Шанкара.[22] «Брахман — реален, мир — обман», — говорит Нираламба Упанишада: *брахма сатьям джаган митхья.* Как мы ни старались, мы все-

таки не поняли, каким образом, в силу какого искажения «все есть Брахман» превратилось во «все, кроме мира, есть Брахман».

Если мы отложим в сторону Писания — ибо человеческий разум так изощрен, что и на обелиске может увидеть пасущихся овец — и взглянем на практические учения Индии, то противоречие становится еще более поразительным. Индийская психология основана на очень тонком наблюдении, что все во вселенной от минерала до человека состоит из трех элементов, или качеств (гун), которые находятся повсюду, хотя называть их могут по-разному в зависимости от порядка явлений [l'ordre de realite], которые рассматривают: ТАМАС — инерция, темнота, несознание; РАДЖАС — движение, борьба, усилие, страсть, действие; САТТВА — свет, гармония, радость. Ни один из этих трех элементов не существует в чистом виде, мы всегда представляем собою смесь инерции, страсти и света. Мы можем быть саттвично-тамасичными — хорошими, но немного туповатыми, доброжелательными, но немного несознательными или саттвично-раджасичными, страстными в высоком смысле слова [passiones vers la haut], или тамасично-раджасичными, с низменными страстями [passiones vers le bas]. Чаще же всего мы являем собою превосходную смесь этих трех качеств. В самом темном *тамасе* также сияет свет, но, к сожалению, истинно и обратное. Иными словами, мы всегда находимся в состоянии неустойчивого равновесия; боец, аскет и животное весело владеют в разных пропорциях нашим существом. Поэтому различные индийские учения стремятся к тому, чтобы восстановить равновесие, помочь нам выйти из игры трех гун, которая бесконечно бросает нас от света к тьме, от энтузиазма к опустошению, от серой апатии к мимолетным удовольствиям и повторяющимся страданиям, и к тому, чтобы обрести это равновесие наверху — иными словами, вновь обрести божественное сознание (*йога*), которое является состоянием совершенного равновесия. Для достижения этой цели все эти учения пытаются вывести нас из состояния рассеянности и бесполезной траты энергии, в котором мы проводим день за днем всю нашу жизнь, и создать в нас концентрацию настолько мощную, чтобы она могла разрушить обычные ограничения и в положенное время вывести нас в другое состояние. Эта работа по концентрации может быть проделана на любом уровне нашего существа — физическом, ментальном или витальном. В зависимости от выбранного нами уровня мы обращаемся к какой-нибудь одной йоге — хатха-йоге, раджа-йоге, мантра-йоге или к другим бесчисленным йогам, которые мы выбираем сообразно нашим устремлениям. Мы не будем здесь обсуждать ценность этих методов или замечательные промежуточные результаты, к которым они могут привести; мы исследуем только их цель, их окончательное предназначение. Истина заключается в том, что это «равновесие наверху» не имеет, по-видимому, никакого отношения к жизни — прежде всего потому, что конечной их целью является состояние транса или йогического экстаза, *самадхи* — абсолютное равновесие, невыразимое блаженство, в котором полностью растворяется, поглощается восприятие этого мира. Из этого следует, как кажется, что Брахман, Дух, не имеет никакой связи с нашим обычным бодрствующим сознанием. Он — вне всего, что мы знаем, Он — не от мира сего. Не одни индийцы говорили об этом.

По сути дела все религии мира говорят об этом. Говорим ли мы о «спасении» на Западе или об «освобождении», или *мукти*, на Востоке, скажем ли мы «рай» или «окончание цикла перерождений», здесь нет существенной разницы, так как в конечном счете целью является уход из этого мира. Однако не всегда это было так. Где-то между последними временами Мистерий и появлением великих религий как на Западе, так и на Востоке, была допущена какая-то ошибка. Знание, которое не делало этого непреодолимого различия между Богом и миром, скрылось — все традиции, все легенды свидетельствуют об этом. Конфликт между Материей и Духом — это создание сегодняшнего дня; так называемые материалисты на самом деле — дети, законные или нет, идеалистов, последователей духовных учений; да, часто, часто расточительные сыновья

рождаются у скупых отцов. Где-то между временами первых Упанишад, написанных три или четыре тысячи лет тому назад, наследниц Вед, которые видели Бога везде в этой «чудесной вселенной», и временами последних Упанишад Тайна была утеряна — она была утеряна не только в Индии, но в Месопотамии, Египте, Греции и Центральной Америке. Именно эту Тайну готовился вновь открыть Шри Ауробиндо — может быть, потому, что в его существе соединились утонченнейшие западные традиции и глубокая духовная жажда Востока. *У Востока и Запада два взгляда на жизнь, которые являются противоположностями одной реальности. Между прагматической истиной, с одной стороны, на которую такое сильное и исключительное внимание обращает витальная мысль современной Европы, очарованная энергией жизни и пляской Бога в Природе, и вечной, неизменной Истиной — с другой, к которой, в свою очередь, очарованный покоем и равновесием индийский разум любит обращаться с той же страстью к уникальным открытиям, нет тех раздоров и противоречий, о которых ныне заявляют пристрастный ум, рассудок, разделяющий все на части, и всепоглощающее страстное желание добиться своего любой ценой [the absorbing passion of an exclusive will of realisation]. Единственная вечная и неизменная Истина есть Дух, а в отсутствие Духа у прагматической истины самосоздающейся вселенной не будет ни истока, ни основания; она будет лишена значения и внутреннего руководства, потеряется в своем окончании, как фейерверк, выпущенный в пространство лишь затем, чтобы развалиться и исчезнуть в воздухе. Но и прагматическая истина — это не мечта несуществующего, не иллюзия и не долгий приступ бесплодной лихорадки творческого воображения; это значило бы считать вечный Дух пьяницей или мечтателем — жертвой своей собственной гигантской галлюцинации. Истины вселенского существования бывают двух видов: первый — это истины духа, которые сами вечны и неизменны — великие истины, которые сами вызывают свое становление и постоянно реализуют в нем свои силы и значения, и второй — это игра сознания с этими истинами — диссонансы, музыкальные вариации, звучание возможностей, восходящие каденции, возвращения, повторы и постепенные переходы в более высокие сферы гармонии; и из всего этого Дух сотворил и всегда творит свою вселенную. Но он творит в ней себя, он сам есть создатель и энергия созданного, причина, метод и результат работы, механик и машина, музыка и музыкант, поэт и стих, суперразум, разум и жизнь, и материя, душа и Природа.*[23]

Но для Шри Ауробиндо недостаточно было примирить Дух и Материю на бумаге. Имеет ли Дух связь с этим миром или нет — здесь, в конце концов, нет большой разницы, если знание о Духе в жизни не сопровождается властью над жизнью:

> *For truth and knowledge are an idle gleam,*
> *If Knowledge brings no power to change the world.*[24]
>
> *Ведь истина и знанье лишь отблеск пустой,*
> *Когда Знанье бессильно мир изменить.*

Утерянная Тайна была не просто истиной теоретического порядка, это была реальная власть Духа над Материей. Именно эту практическую Тайну Шри Ауробиндо собирался заново отыскать — шаг за шагом, путем опыта, отважившись отправиться как за пределы западного мировосприятия, так и за пределы индусской религиозной традиции. Ибо воистину подлинная сущность является тогда, когда все забыто.

Глава 3. Конец интеллекта

Четырнадцать лет понадобилось Шри Ауробиндо для того, чтобы пройти путь Запада; почти столько же времени он затратит на то, чтобы пройти путь Индии и достичь «вершины» традиционных йогических построений [realisations] — отправной точки его собственной работы. Самым интересным для нас является то, что Шри Ауробиндо прошел этот традиционный путь, который мы будем рассматривать как подготовку, вне всех привычных правил, как бы вольным стрелком или, еще вернее, исследователем, который не заботится о предосторожностях и картах, оставляя в стороне все обходные пути просто потому, что имеет смелость идти прямо вперед. Итак, не в уединении, не в позе лотоса, не под руководством просвещенного Учителя предпринял Шри Ауробиндо это путешествие, а так, как могли бы это сделать и мы, — без специальных знаний, прямо в гуще повседневной жизни — жизни, не менее загруженной и напряженной, чем наша, — и совсем один. Он принял твердое решение не делить жизнь надвое (отличительная черта йоги Шри Ауробиндо), на действие и медитацию, на внутреннее и внешнее и на все прочие выдуманные нами ложные противопоставления. С того дня, как он задумался о йоге, он вложил в нее все — высокое и низкое, внутреннее и внешнее, все целиком — и отправился в путь ни разу не оглянувшись назад. Шри Ауробиндо пришел не для того, чтобы продемонстрировать исключительные особенности в исключительной среде, — он пришел для того, чтобы показать нам, на что способен человек, и доказать, что исключительное есть не что иное, как нереализованная потенциальная возможность, точно так же, как *сверхъестественное, — есть то, природы чего мы еще не постигли или пока не знаем, или возможностями чего мы еще не овладели.*[25] В конечном счете все в этом мире — это вопрос правильной концентрации: нет ничего, что бы в конце концов не поддалось примененной должным образом концентрации.

Когда Шри Ауробиндо сошел на берег на набережной Apollo Bunder в Бомбее, он был охвачен спонтанным духовным переживанием: *безбрежный покой* овладел им. Но ему нужно было позаботиться о другом — прокормить себя, как-то прожить. Ему было двадцать лет. Он нашел место преподавателя французского языка у махараджи Бароды, затем преподавал английский в государственном колледже, где стал вскоре заместителем директора. Кроме того, Шри Ауробиндо был личным секретарем махараджи. И хотя у него было много работы при дворе и в колледже, более всего занимала его судьба Индии. Он много раз ездил в Калькутту, следил за политической ситуацией, написал несколько статей, которые вызвали скандал, ибо он не только называл королеву, императрицу Индии, *вежливо выражаясь, старой леди,*[26] но и убеждал своих соотечественников избавиться от британского ига и остро критиковал политическое попрошайничество партии Индийский Конгресс: *никаких реформ, никакого сотрудничества.* У него была цель — собрать и организовать все силы нации для революционных действий. Для этого нужна была определенная храбрость, тем более, что дело было в 1893 году, когда британские владения занимали три четверти территории земного шара. Но у Шри Ауробиндо был свой, весьма особый подход к проблеме: он возлагал вину не на англичан, но на самих индийцев. *Наш настоящий враг — это не какая-то там внешняя сила, но наша вопиющая слабость, наша трусость, наша тупая сентиментальность.*[27] В этих словах — один из главных принципов Шри Ауробиндо, который как в политической, так и в духовной борьбе, при всех обстоятельствах настаивает на том, что нужно прежде всего смотреть внутрь себя, чтобы выяснить причину собственных несчастий и страданий в миру, а не искать ее вовне или еще где-нибудь. *Внешние обстоятельства — это лишь развертывание того, что мы собою*

представляем, — скажет Мать, его будущий соратник в труде. Шри Ауробиндо скоро понял, что газетных статей недостаточно для того, чтобы пробудить страну; он начал подпольную работу, которая привела его на порог виселицы. В течение тринадцати лет Шри Ауробиндо будет играть с огнем.

Однако в этом молодом человеке не было ни излишней суетливости, ни фанатизма. «Его улыбка была простой, как у ребенка, и такой же прозрачной и нежной», — писал его учитель бенгальского языка, который жил вместе с ним в течение двух лет (Шри Ауробиндо, естественно, начал изучать свой родной язык). С трогательным простодушием он добавляет: «Прежде, чем я встретил Ауробиндо, я представлял его рослым, безупречно одетым с ног до головы на европейский манер, со строгим взглядом из-под очков, ужасным акцентом (из Кембриджа, конечно!) и очень трудным характером… Кто бы мог подумать, что этот смуглый молодой человек с мягкими мечтательными глазами, длинными волнистыми волосами, разделенными посередине и ниспадающими на шею, одетый в обычное грубое ахмедабадское *дхоти* и облегающую индийскую куртку, обутый в старомодные туфли с загнутыми носками, чье лицо было слегка отмечено оспой, был ни кто иной, как *господин* Ауробиндо Гхош, живое вместилище французского, латыни и греческого?»

На самом деле Шри Ауробиндо еще не покончил с книгами, интеллектуальный период, начатый на Западе, еще не завершился; он поглощал книги, заказанные из Бомбея и Калькутты. «Ауробиндо, бывало, сидел за своим столом, — продолжает его учитель бенгальского, — и читал при свете масляной лампы до часу ночи, безучастный к нестерпимым укусам москитов. Я наблюдал, как он часами сидит в одной и той же позе, с глазами, устремленными в книгу, как йогин, захваченный созерцанием Божественного, не сознающий ничего, что происходит вокруг. Случись в доме пожар, он не прервал бы своей концентрации». Он читал английские, русские, немецкие и французские романы, а также во все возрастающем количестве священные книги Индии — Упанишады, Бхагавадгиту, Рамаяну, хотя он никогда не был в храме или был только как наблюдатель. «Однажды, вернувшись из колледжа, — вспоминает один из его друзей, — Шри Ауробиндо сел, взял наугад первую попавшуюся книгу и стал читать, в то время, как Х. с друзьями затеяли шумную игру в шахматы. Через полчаса он отложил книгу в сторону и выпил чашку чая. Мы уже много раз наблюдали, как он делает это, и с нетерпением ждали случая, чтобы проверить, читает ли он книги от корки до корки или просто кое-как просматривает несколько страниц. Испытание началось. Х. открыл книгу, прочел вслух одну строчку и попросил Шри Ауробиндо вспомнить, что следует дальше. Шри Ауробиндо сосредоточился на секунду, а затем воспроизвел по памяти всю страницу без единой ошибки. Если он мог прочесть сто страниц за полчаса, то нет ничего удивительного в том, что он смог прочесть уйму книг за такое невероятно короткое время». Но Шри Ауробиндо не удовлетворился чтением переводов священных текстов; он начал изучать санскрит, причем — характерный для него факт — изучать самостоятельно; когда о каком-либо предмете было известно, что его трудно или невозможно изучить, он обычно отклонял любую помощь, отказываясь принять от кого-либо хоть одно слово — будь то грамматик, пандит или священник — всегда пытаясь овладеть предметом без посторонней помощи, непосредственно. По-видимому, метод этот имеет свои достоинства, ибо он не только изучил санскрит, но и несколькими годами позже смог постичь утерянный смысл Вед.[28]

Однако пришел день, когда Шри Ауробиндо почувствовал, что с него достаточно интеллектуальных упражнений. Вероятно, он осознал, что можно бесконечно накапливать знания, читая книги и изучая языки, но даже изучив все языки и прочтя все книги на свете, можно при этом не продвинуться ни на шаг. Ведь ум, на самом деле, стремится не к познанию, хотя и кажется, что это так — он стремится перемалывать что-нибудь. Его потребность в знании

— это, прежде всего, потребность в чем-то, что можно перемалывать, пережевывать. Если бы вдруг вся эта машина остановилась из-за того, что знание было бы достигнуто, то ум сразу бы восстал и нашел какой-нибудь новый объект, который бы он мог перемалывать — просто ради самого перемалывания. Такова его функция. То, что в нас стремится к знанию и прогрессу — это не ум, а нечто, что находится за ним и пользуется им: *Основным периодом моего интеллектуального развития, — говорил Шри Ауробиндо ученику, — было время, когда я мог ясно видеть, что то, что говорит интеллект, может быть и верно, и неверно, что то, что интеллект подтверждает — истинно, но истинно и противоположное. Принимая какую-либо истину умом, я всегда держал его при этом открытым для ее противоположности… И первым результатом такого подхода стало то, что престиж интеллекта упал!*[29]

Шри Ауробиндо подошел к поворотной точке своего развития: храмы не интересовали его, а книги были для него пусты. Один приятель посоветовал ему заняться йогой; Шри Ауробиндо отказался: *Йога, которая требует отречения от мира — не для меня,*[30] более того, он добавит: *я чувствовал чуть ли не отвращение к спасению собственной души, которое предоставляет мир его судьбе.*[31] Но однажды Шри Ауробиндо стал свидетелем любопытной сцены, которая для Индии не представляла собой чего-то необычного (однако обыденность часто бывает лучшим толчком для пробуждения внутренних движений). Его брат Барин страдал тяжелой лихорадкой (Барин родился, когда Шри Ауробиндо находился в Англии, он стал тайным агентом Шри Ауробиндо в период организации индийского сопротивления в Бенгалии), когда к ним в дом вошел один из тех полунагих бродячих монахов, вымазанных золой, которых называют *нага-саньясинами.* Вероятно, он ходил от дома к дому, выпрашивая пищу согласно своему обычаю, когда заметил закутанного в одеяла Барина, трясущегося в лихорадке. Без единого слова он попросил стакан воды, начертил над ним какой-то знак, пропел *мантру* и дал выпить воду Барину. Через пять минут Барин был здоров, а монах исчез. Шри Ауробиндо, конечно, слышал о необыкновенных силах этих аскетов, но на этот раз он видел это своими глазами. Он понял, что йога может служить не только спасению. А ему нужна была *сила,* чтобы освободить Индию: *Во мне был агностик, во мне был атеист, во мне был скептик, и я не был абсолютно уверен, существует ли Бог вообще… Я чувствовал, что где-то в этой йоге должна заключаться могущественная истина… Поэтому, когда я обратился к йоге и решил практиковать ее и выяснить, верна ли моя мысль, то вот в каком духе и с какой молитвой, обращенной к Нему, я сделал это: «Если Ты существуешь, Ты знаешь мое сердце. Ты знаешь, что я не прошу Мукти [освобождения], и я не прошу ничего, что просят другие. Я прошу только дать мне силу поднять эту нацию и позволить мне жить и работать для этого народа, который я люблю…»*[32] Так вступил на путь Шри Ауробиндо.

Глава 4. Безмолвие разума

Ментальные построения

Первым этапом в йоге Шри Ауробиндо и главной задачей, решение которой послужит ключом ко многим постижениям, является установление безмолвия в разуме. Могут спросить: зачем нужно это безмолвие ума? Очевидно, если мы хотим открыть новую страну внутри себя, то для начала нам необходимо покинуть старую, и все зависит от решимости, с которой мы делаем этот первый шаг. Иногда это похоже на вспышку. Что-то кричит в нас: «Довольно этой болтовни!», и мы сразу оказываемся на пути и идем не оборачиваясь назад. Другие говорят «да», затем «нет» — они колеблются до бесконечности между двумя мирами. Еще раз подчеркнем, что мы не стремимся оторвать от себя то, что у нас уже есть и что досталось нам тяжелым трудом, во имя Мудрости — Мира — Просветленности, и постараемся избегать слов высоких и пустых; мы стремимся не к святости, а к юности — вечной юности вечно растущего существа, мы стремимся не к ущемленному бытию, но к существованию более совершенному и прежде всего более широкому: *Не приходило ли вам когда-нибудь в голову, что если бы они действительно стремились к чему-то холодному, темному и мрачному, то они были бы не мудрецами, а ослами?*[33] — как-то шутя заметил Шри Ауробиндо.

Действительно, когда останавливается машина ума, человек делает разного рода открытия и, прежде всего, он понимает, что если способность думать — это замечательный дар, то *способность не думать*[34] — дар гораздо более великий. Пусть ищущий попытается не думать хотя бы в течение нескольких минут — он быстро увидит, с чем имеет дело! Он поймет, что живет в невидимом хаосе, в изматывающем непрестанном вихре, заполненном исключительно его мыслями, его ощущениями, побуждениями и реакциями — «я», всегда «я» — гном-переросток, который во все вмешивается, все затемняет, видит и слышит только себя, знает только себя (если вообще знает!), гном, чьи неизменные темы создают иллюзию новизны лишь благодаря тому, что они постоянно сменяют друг друга. *В определенном смысле мы есть ни что иное, как сложный сгусток ментальных, нервных и физических привычек, удерживаемых вместе несколькими управляющими идеями, желаниями и ассоциациями — амальгама из многих самоповторяющихся сил и нескольких основных вибраций.*[35] К восемнадцати годам мы как будто сформировались, сформировались наши главные вибрации. А затем вокруг этой первичной структуры все более плотными слоями, слоями все более изысканными и утонченными непрестанно наращивается одно и то же — то, что имеет тысячу лиц и что мы называем культурой или нашим «я». В действительности мы заключены в какую-то *конструкцию* — она может быть совершенно непроницаемой, без малейшего отверстия, или изящной, как минарет, но так или иначе мы замурованы — в гранитной ли оболочке или в стеклянной статуе. Мы без конца повторяем самих себя, жужжим всегда одно и то же. Первая задача йоги — это научиться свободно дышать. И разрушить, конечно, эту *ментальную завесу*, которая пропускает лишь один вид вибраций, раскрыть, наконец, многоцветную бесконечность вибраций, увидеть мир и людей такими, каковы они есть в действительности, и найти внутри себя другое «я», которое невозможно оценить на ментальном уровне.

Когда мы сидим с закрытыми глазами с тем, чтобы установить молчание ума, вначале мы оказываемся затопленными потоком мыслей. Они появляются отовсюду, подобно испуганным или даже агрессивным крысам. Есть только один путь как их утихомирить: пытаться выполнять это вновь и вновь, терпеливо и настойчиво, а главное — не делать ошибки: не бороться с умом ментально — необходимо сконцентрироваться на другом. У всех у нас над умом или глубоко внутри есть *стремление* — то самое, что привело нас на путь, некий пароль, который имеет для нас особое значение. Если мы придерживаемся этого стремления, то работать становится легче, из отрицательной работа превращается в положительную, и чем больше мы повторяем наш пароль, тем более действенным он становится. Можно также использовать образ, например, безбрежный океан, гладкую поверхность без зыби, на которой мы лежим, по которой мы плывем, становясь этой спокойной беспредельностью. Так мы учимся не только успокоению ума, но и расширению сознания. На самом деле, каждый должен найти свой путь, и чем меньше напряжения вкладывается в эти поиски, тем быстрее придет успех: *Можно начать тот или иной процесс ради цели, которая обычно требует длительной работы, и пережить при этом, даже вначале, быстрое вмешательство или явление Безмолвия с результатами, которые не соизмеримы с теми средствами, которые были использованы вначале. Начинают практиковать некий метод, но работу принимает на себя Милость свыше — от Того, к чему стремятся, — или же, это другой случай, она свершается внезапным вторжением бесконечности Духа. Именно таким путем я сам пришел к абсолютному безмолвию ума, о котором я не мог иметь представления прежде, чем получил реальное переживание.*[36] Действительно, это чрезвычайно важный момент. Ведь можно подумать, что все эти красивые и интересные йогические переживания находятся далеко за пределами обычных человеческих возможностей; куда уж таким, как мы, достичь этого. Наша ошибка заключается в том, что по нашему нынешнему «я» мы судим о возможностях другого «я». При этом в ходе йоги *автоматически*, вследствие одного лишь факта, что человек встал на путь, пробуждается целый ряд скрытых способностей и невидимых сил, которые во всех отношениях превосходят возможности нашего внешнего существа и могут делать за нас то, чего при обычных условиях мы делать не можем: *Нужно расчистить проход между внешним разумом и чем-то во внутреннем существе… ибо они (йогическое сознание и его силы) уже находятся внутри вас,*[37] и лучший способ «очищения» этого прохода — заставить замолчать ум. Мы не знаем, кто мы такие, и еще меньше знаем о том, на что мы способны.

Но упражнения в медитации не являются подлинным решением проблемы (хотя вначале они могут быть необходимы для того, чтобы сообщить нам начальный импульс), потому что даже если мы достигаем относительного безмолвия ума, мы теряем его сразу же за порогом нашего убежища, попадая в привычную суету, подвергаясь привычным разделениям внутреннего и внешнего, жизни внутренней и жизни мирской. Нам нужна жизнь во всей ее полноте, мы хотим жить в истине нашего существа каждый день, каждую минуту, а не только по праздникам или в уединении. И достичь этого блаженными медитациями в идиллической обстановке просто невозможно. *В нашем духовном уединении мы можем закостенеть и обнаружить позднее, что нам трудно во всей полноте [triumphantly] излить себя вовне и применить к жизни наши достижения, относящиеся к высшей Природе. Когда мы обратимся к внешнему, чтобы к нашим внутренним завоеваниям присоединить и это царство, то обнаружим, что мы слишком привыкли к чисто субъективной деятельности, которая на материальном плане неэффективна. Преобразовать внешнюю жизнь и тело будет чрезвычайно трудно. Или же мы обнаружим,*

что наши действия не соответствуют внутреннему свету; они продолжают следовать привычными ложными путями и подчиняться старым несовершенным влияниям. Истина внутри нас по-прежнему отделена болезненным разрывом от невежественного механизма нашей внешней природы… Все происходит так, как если бы мы жили в другом мире, мире более широком и более тонком, но не имели бы никакого не только божественного воздействия, но и никакого иного, даже самого малого, влияния на материальное и земное существование.[38] Поэтому единственное решение — практиковать успокоение ума там, где это *кажется* труднее всего: на улице, в метро, за работой — везде. Вместо того, чтобы проходить четыре раза в день по бульвару Сен-Мишель, вечно спеша, как будто за нами кто-то гонится, мы можем идти, сознавая все внутри и вовне, как и подобает ищущему. Вместо того, чтобы жить от случая к случаю, рассеянными во множестве мыслей, которые не только не приносят никакого удовольствия, но и выматывают, как испорченная пластинка, мы можем собрать разбегающиеся нити нашего сознания и работать — работать над собой — каждую минуту. И тогда жизнь становится удивительно увлекательной, потому что малейшее обстоятельство становится возможностью для победы — мы *сосредоточены*, мы куда-то идем вместо того, чтобы идти в никуда.

Ибо йога — это не способ действия, но способ существования.

Переходный период

Итак, мы заняты поисками иной страны. Но нам следует знать о том, что между той страной, которую мы покидаем, которой мы еще не достигли, лежит ничья земля [no-man's-land], в которой все находится в крайнем смятении. Это период испытания, продолжительность которого зависит от нашей собственной решимости. Но, как известно, история духовного восхождения человека с незапамятных времен — от восточных, египетских или орфических инициаций и до поисков чаши Грааля — всегда сопровождалась испытаниями. Может быть, эти испытания и поражали воображение своей необычностью и таинственностью, но, в конце концов, что особенного в том, чтобы заключить себя в саркофаг под звуки флейт или отметить у погребального костра собственные похороны? Сегодня ритуалы с саркофагами стали публичными, а жизнь некоторых людей подобна похоронам. ПОэтому имеет смысл совершить определенные усилия для того, чтобы выбраться из всего этого. А, кроме того, если вглядеться попристальнее в окружающее, то терять-то нам почти нечего.

Основная трудность переходного периода — это внутренняя пустота. После того, как мы долго жили в ментальном возбуждении, мы вдруг начинаем чувствовать себя так, как чувствует себя выздоравливающий после серьезной болезни — немного растерянными, со странным шумом в голове; мир кажется нам ужасно шумным и утомительным. Мы становимся чрезвычайно чувствительными — создается такое впечатление, будто мы ударяемся обо все на свете — о серых и агрессивных людей, о тяжелые предметы, об отвратительные события — весь мир представляется нам сплошным абсурдом. Это верный признак начала погружения вовнутрь. Однако, если мы пытаемся с помощью медитации сознательно нисходить внутрь себя, то находим там все ту же пустоту — что-то вроде темного колодца или аморфного безразличия; если мы настойчиво продолжаем наше нисхождение, то можем даже погрузиться в сон — на две секунды, десять секунд, две минуты, иногда больше; на самом деле, это не обычный сон — мы лишь переходим в другое сознание, но пока еще нет *связи* между ним и нашим обычным сознанием и кажется, что мы выходим из него не более просвещенными, чем вошли. Такое

состояние, характерное для переходного периода, может привести к своего рода нигилизму довольно нелепому: нет ничего вовне, но и внутри — тоже ничего. И по ту, и по эту сторону — ничто. И именно здесь мы должны быть очень осторожны, чтобы после того, как мы разрушили наши внешние ментальные построения, не стать пленниками иной конструкции, обладающей ложной глубиной и несущей в себе абсурдность, иллюзорность, скептицизм, даже какую-то мятежность. Мы должны идти дальше. Раз мы взялись за йогу, нам нужно идти *до конца* — неважно, до какого именно, — ибо если мы потеряем нить, то можем уже никогда не найти ее. И это, действительно, испытание. Просто ищущий должен понять, что он рождается к другой жизни, и его новые глаза, новые органы чувств еще не сформировались; он подобен новорожденному, только что явившемуся на свет. На самом деле, это не умаление сознания, но переход к другому сознанию: *Чашу нужно вычистить и опустошить для того, чтобы божественный напиток мог наполнить ее.*[39] Единственным средством, к которому мы можем обратиться в данных обстоятельствах — это держаться нашего стремления, позволить ему расти и расти именно потому, что мы ощущаем ужасную недостаточность всего вокруг — расти подобно огню, в который мы кидаем все наши старые одежды, нашу старую жизнь, наши старые идеи, наши чувства; просто мы должны иметь непоколебимую веру в то, что за этим переходом откроется дверь. И вера наша не безрассудна, это не глупость доверчивости, но *предчувствие* [pre-connaissance] — что-то, что знает раньше, чем мы, видит раньше нас и посылает свое видение и знание на поверхность как стремление, искание, необъяснимую веру. *Вера, — говорит Шри Ауробиндо, — это интуиция, которая не только ожидает опыта, подтверждающего ее, но и ведет к опыту.*[40]

Нисхождение силы

Мало-помалу пустота заполняется. У нас появляется целый ряд наблюдений и переживаний значительной важности, но их невозможно представить в виде логической последовательности, потому что с того момента, как мы покидаем старый мир, мы обнаруживаем, что все возможно и прежде всего что не бывает двух одинаковых случаев — нам открывается ложь всех духовных догматов. Здесь мы можем дать лишь несколько основных направлений опыта.

Прежде всего, когда в уме довольно прочно установилось если и не абсолютное безмолвие, то во всяком случае покой, когда наше стремление, наша потребность выросли и стали постоянными, когда они стали подобны не закрытой ране внутри нас — чувству внутренней пустоты, которую ничто не может заполнить, — мы наблюдаем феномен, имеющий огромные последствия для всей нашей последующей йоги. Вокруг головы, и особенно в затылке, мы ощущаем какое-то необычное давление. Вначале нам может показаться, что это — головная боль; мы не можем долго выносить ее и пытаемся от нее избавиться, отвлекаясь на что-нибудь или «пытаясь думать о чем-то другом». Постепенно это давление обретает более конкретную форму, и мы действительно начинаем чувствовать *нисходящий* ток силы, который не похож на бьющий электрический ток, но, скорее, подобен текучей массе. И тогда мы понимаем, что «давление» или ложная головная боль вначале были вызваны ничем иным, как нашим сопротивлением нисхождению этой Силы, и единственное, что нам нужно делать, — это не препятствовать этому потоку, задерживая его в голове, а позволить ему низойти во все слои нашего существа — с головы до пят. Вначале это нерегулярный, спазматический ток, и необходимо небольшое сознательное усилие для того, чтобы вновь связаться с ним, когда он исчезает. Потом он становится непрерывным, естественным и возникает спонтанно,

автоматически, принося приятное ощущение свежей энергии — это подобно новому дыханию, дыханию более полному, чем дыхание легкими. Этот поток окружает, омывает, озаряет нас и придает нам устойчивость. Физическое ощущение почти такое же, как при быстрой ходьбе на ветру. Мы не осознаем по-настоящему его истинной силы (он входит в нас постепенно, маленькими дозами) до тех пор, пока по той или иной причине — отвлечение внимания, ошибка или неумеренность в чем-либо — мы не оказываемся отрезанными от этого потока. Тогда мы вдруг чувствуем себя опустошенными, съежившимися, как будто нам не хватает кислорода; возникает очень неприятное ощущение, как будто мы физически сократились в размерах, как высохшее, лишенное запаха и цвета яблоко, из которого выжали сок. И мы искренне недоумеваем, как мы могли жить без этого прежде. Это первый признак преображения наших энергий. Вместо того, чтобы обращаться к привычному источнику, который находится вокруг нас во всеобщей жизни, мы черпаем свыше. Эта энергия — гораздо более ясная, постоянная, без перерывов и, главное, — гораздо более динамичная. В нашей повседневной жизни, в гуще нашей работы и тысяч иных забот ток силы бывает довольно слаб поначалу, но стоит нам на минуту остановиться и сосредоточиться, как он превращается в мощный напор. Все приходит в полный покой. Этот ток наполняет нас. Само ощущение «тока» исчезает, как если бы все тело с головы до ног было заряжено огромной энергией — плотной и прозрачной одновременно *(цельная прохладная глыба покоя,*[41] — говорит Шри Ауробиндо). И если наше внутреннее видение уже начало открываться, то мы обнаруживаем, что все стало голубым. Нас как будто проницает аквамариновый свет, мы чувствуем себя безбрежными, как океан. Штиль без ряби. И эта неописуемая свежесть. Ощущение поистине такое, как будто купаешься в Источнике. Эта «нисходящая сила» на самом деле есть не что иное, как Сила Духа — *Шакти.* Духовная сила — это не просто слово. В конечном итоге нам уже не нужно будет закрывать глаза и уходить в себя, чтобы почувствовать ее; мы будем ощущать ее присутствие во всякое мгновение нашей жизни, независимо от того, чем мы заняты — едим ли, читаем или разговариваем; мы станем свидетелями того, как эта сила будет приобретать все бОльшую интенсивность по мере того, как наше существо будет привыкать к ней. На самом деле речь идет об огромном количестве энергии, а мы получаем лишь малую долю ее, ограниченную нашей «емкостью» и восприимчивостью.

Когда ученики говорят о переживании этой нисходящей Силы, они называют ее «Силой Шри Ауробиндо и Матери». При этом они не имеют в виду, что эта *Шакти* есть личная собственность Шри Ауробиндо и Матери — таким образом они просто выражают тот факт, что у этой силы нет эквивалента ни в одной из известных йог. И здесь мы подходим к фундаментальному отличию йоги Шри Ауробиндо (*пурна-йога*) от других йог. Ведь отличительной чертой традиционных йогических систем является то, что после определенного периода занятий практикующие начинаю ощущать *восходящую* (а не нисходящую, как в йоге Шри Ауробиндо) силу (называемую в Индии *кундалини*), которая пробуждается — довольно грубо — у основания позвоночного столба и затем восходит от уровня к уровню до тех пор, пока не достигает макушки головы, где она «распускается» в некую светящуюся, излучающую пульсацию, что сопровождается ощущением необъятности (и часто — потерей сознания, называемой экстазом), как если бы человек выходил в вечное Потустороннее. Все йогические методы, которые можно назвать термогенетическими (*асаны* хатха-йоги, все виды концентрации раджа-йоги, дыхательные упражнения или *пранаяма* и т. д.), направлены на пробуждение этой восходящей силы. Они могут быть опасны и создать глубокие нарушения — здесь необходимы присутствие и защита просветленного Учителя. Мы еще вернемся к этой теме. Это различие в направлении тока — восходящее — нисходящее — объясняется различием целей этих йог, которое невозможно переоценить. Традиционные йоги и, как мы полагаем,

религиозные учения Запада стремятся, по сути дела, к освобождению сознания: все существо, охваченное стремлением ввысь, устремляется туда; ищущий пытается пробиться за пределы видимого и выйти вверх, в Покой или экстаз. Отсюда как следствие — пробуждение восходящей Силы. Но целью Шри Ауробиндо, как мы видели, является не только восхождение, но и нисхождение, не только найти вечный Покой, но и преобразовать Жизнь и Материю, начав с той маленькой частички жизни и материи, которую представляем собою мы. Отсюда, как следствие — пробуждение или, скорее, «отклик» нисходящей Силы. Переживание нисходящего тока — это переживание преобразующей Силы. Именно эта сила будет делать за нас йогу — делать автоматически (если мы позволим), именно она обновит нашу, быстро истощающуюся энергию и неуклюжие усилия, именно эта сила начнет действовать там, где кончаются другие йоги, озаряя сначала вершину нашего существа, а затем нисходя от уровня к уровню — мягко, спокойно и неотразимо (она никогда не действует грубо, жестко; сила удивительным образом отмерена, как будто ею руководит непосредственно Мудрость Духа), и именно эта сила сделает универсальным [всеобщим] все наше существо вплоть до самых низших слоев. Таково основное переживание интегральной йоги. *Когда устанавливается Покой, эта высшая, или Божественная Сила свыше, сможет низойти и работать в нас. Обычно она нисходит сначала в голову и освобождает внутренние центры разума, затем — в сердечный центр… затем — в область пупа и другие витальные центры… затем — в крестцовую область и ниже… Она работает одновременно и ради совершенства, и для освобождения; она берет часть за частью всю нашу природу и работает с ней, отвергая то, что должно быть отринуто, возвышая то, что должно быть возвышено, создавая то, что должно быть создано. Она все объединяет [integrates], приводит в гармонию, устанавливает новый ритм в природе.*[42]

Выход в новый способ познания

Молчание разума приносит еще одно изменение, которое имеет огромную важность, но которое трудно заметить, потому что оно растягивается иногда на несколько лет и признаки его вначале незаметны. Его можно назвать выходом в новый способ познания и, следовательно, в новый способ жизнедействия.

Мы можем допустить, что безмолвие разума можно сохранять в толпе, во время прогулки, во время еды, одевания или когда мы отдыхаем, но как это сделать за работой, на службе, например, или когда мы беседуем с друзьями? Нам необходимо думать, вспоминать, подыскивать мысли — вызывать ментальные процессы всех видов. Однако опыт показывает, что это вовсе не является необходимым — это лишь результат длительной привычки: мы привыкли зависеть от ума, обращаясь к нему за знанием и обоснованием действия, но это не больше, чем привычка, которую можно изменить. Йога в основном это не столько способ научиться, сколько способ отучиться от массы неизбежных на первый взгляд привычек, которые мы унаследовали от нашей животной эволюции.

Когда ищущий предпринимает усилия для того, чтобы успокоить свой разум, например, во время работы, он проходит через несколько стадий. Вначале ему с трудом удается время от времени вспоминать о своем стремлении и прекращать на несколько минут работу, чтобы вновь настроиться на нужную волну; затем все снова поглощается повседневной рутиной. Но по мере того, как ищущий развивает привычку совершать усилие везде, где бы он ни находился — на улице, дома, где угодно — интенсивность этого усилия постепенно растет и уже само усилие может неожиданно притягивать внимание ищущего в любой его деятельности — он вспоминает

все чаще и чаще. Затем постепенно меняется природа этого воспоминания — вместо волевого вмешательства, которое необходимо для того, чтобы опять и опять настраиваться на истинный ритм, ищущий чувствует внутри себя нечто *живое,* похожее на маленькую приглушенную вибрацию где-то внутри своего существа. Стоит ему ненадолго погрузиться в себя, как он вновь обретает вибрацию молчания — в любое время, в течение секунды. И он открывает, что она — там, всегда там — синеватая глубина где-то внутри его существа; в любое время он может обновить свои силы и расслабиться прямо в суете, в самой гуще своих забот — в самом себе несет он нерушимое пристанище покоя.

Вскоре эта вибрация становится все более ощутимой и продолжительной и ищущий чувствует некое *разделение* в своем существе: безмолвную, вибрирующую глубину где-то внутри и довольно тонкую поверхность, где разворачиваются его деятельность, мысли, жесты и слова. Он открывает в себе *Свидетеля.* Теперь он будет все меньше и меньше позволять захватывать себя этой внешней игре, которая непрестанно пытается поглотить нас живьем, как осьминог. Открытие это такое же древнее, как Риг Веда: «Две прекраснокрылые птицы, друзья и товарищи, сидят на одном дереве и одна ест сладкий плод, а другая глядит на нее и не ест» (I.164.20). На этой стадии становится легче заменить — применяя для начала сознательное усилие — старую поверхностную привычку ментального размышления, воспоминания, планирования и расчетов привычкой обращаться в безмолвии к этой вибрирующей глубине. На практике этот перехода длится долго и сопровождается задержками, спадами и продвижениями (на самом деле, они ощущаются не как неудачи и продвижения, но, скорее, как нечто то появляющееся, то вновь покрывающееся завесой), а также противодействием старого механизма, который постоянно стремится вмешаться и вернуть себе утраченные права, пытаясь убедить нас, что мы не можем без него обойтись; наша лень может оказать ему поддержку, когда мы находим более удобным для себя «действовать как обычно». Но, с другой стороны, работе освобождения оказывают мощную помощь, во-первых, переживание нисходящей Силы, которая автоматически и неустанно приводит наше жилище в порядок и оказывает успокоительное давление на мятежный механизм — она как бы схватывает и замораживает на месте каждую волну мысли, а, во-вторых, накопление тысяч все более ощутимых маленьких опытов, переживаний, которые дают нам понять, что мы можем прекрасно обходиться без ума, что на самом деле без него нам гораздо лучше.

Действительно, постепенно мы открываем, что нет никакой необходимости в том, чтобы думать. Точность и безошибочность всей нашей работы, которую выполняет это нечто, что находится за нами или выше нас, возрастают по мере того, как мы привыкаем обращаться к нему. Нет никакой необходимости запоминать, потому что точная информация приходит к нам в нужную минуту; нет никакой необходимости планировать действия, потому что скрытый источник приводит все в действие помимо нашей воли или нашей мысли об этом, побуждая нас делать то, что необходимо, с мудростью и предвидением, на которые наш недальновидный ум абсолютно неспособен. Мы видим также, что чем больше мы доверяем и подчиняемся этим неожиданным указаниям, этим мгновенным советам, тем более частыми, ясными, властными и естественными они становятся, напоминая иногда интуитивный процесс, но с той существенной разницей, что наша интуиция почти всегда затуманивается и искажается разумом, который на самом деле находит удовольствие в том, чтобы подражать ей и заставлять нас принимать свои капризы за откровения, тогда как здесь передача осуществляется ясно, безмолвно и точно — просто потому, что ум в покое. Мы все имели опыт «чудесного» разрешения проблем во сне — т. е. именно тогда, когда останавливается машина мысли. Несомненно, прежде, чем установится новый процесс, будут и заблуждения, и ошибки; ищущий должен быть готов к тому, что он совершит множество ошибок ради того, чтобы научиться. Он увидит, что на самом деле ошибки

всегда являются результатом вторжения ментального процесса: каждый раз, когда вмешивается ум, он затемняет все, разделяет и задерживает. В конце концов, после многих испытаний и поражений, мы поймем раз и навсегда и увидим своими глазами, что *ум — это не орудие познания, а лишь организатор знания*, — как заметила Мать, и что знание приходит из другого источника.[43] Когда ум спокоен, все — слова, речь, действие — приходят автоматически, с поразительной точностью и скоростью. Поистине это иной, более светлый способ существования. Ибо *нет ничего доступного уму, чего нельзя было бы сделать лучше при полной неподвижности ума и в безмолвии, свободном от мысли.*[44]

Всеобщий разум

До сих пор мы говорили о прогрессе ищущего в терминах «внутреннего», но прогресс этот проявляет себя и внешне. На самом деле стена, разделяющая внутреннее и внешнее, становится все более тонкой; это разделение все больше и больше становится похожим на искусственное соглашение, установленное по-юношески незрелым умом, поглощенным исключительно лишь самим собой, видящим только себя. Ищущий чувствует, как эта стена постепенно утоньшается; он испытывает определенное изменение в конституции своего существа, как будто он становится более светлым, более прозрачным, как бы более пористым. Поначалу это изменение дает о себе знать неприятными симптомами, ибо ищущий, в отличие обыкновенного человека, которого защищает его толстая кожа, уже не имеет этой защиты — он получает мысли людей, их желания и страсти в их истинной форме, во всей наготе, такими, как они есть — в виде атак. И здесь мы должны подчеркнуть, что не только «дурные мысли» или «злая воля» несут в себе насилие; нет ничего более агрессивного, чем добрые намерения, высокие чувства, альтруизм — в любом случае это эго, выпячивающее себя под видом нежности или насилия. Мы цивилизованы только на поверхности. Под нею в нас продолжает жить каннибал. Поэтому абсолютно необходимо, чтобы ищущий мог чувствовать и использовать эту Силу, о которой мы говорили — с Нею он может отправляться куда угодно. И в самом деле, космическая мудрость не допустит, чтобы такая прозрачность пришла без соответствующей защиты. Затем, вооруженный «своей» Силой, с успокоенным умом, ищущий постепенно обнаруживает, что он открыт всем внешним влияниям, ударам, которые он получает отовсюду, что расстояния — это не преграда: никто не далек, никто не ушел, все находится вместе и происходит одновременно; он может отчетливо воспринять мысль друга, находящегося от него за десять тысяч миль, или чей-то гнев, или страдание брата. Стоит только ищущему настроиться в безмолвии на какое-то конкретное место или на человека, как он получает более или менее точное восприятие ситуации, причем это «более или менее» зависит от его способности сохранять состояние безмолвия. Ибо и здесь ум все путает и искажает, потому что он полон желаний, страхов, предубеждений и все, что он воспринимает, немедленно искажается тем или иным желанием, страхом или предрассудком (существуют и другие причины путаницы и искажения, которые мы обсудим ниже). Поэтому безмолвный ум, как представляется, приводит к расширению сознания, которое становится способным обратиться по желанию к любой точке всеобщей реальности, чтобы получить оттуда то знание, которое ему необходимо.

В этой безмолвной прозрачности мы вскоре приходим еще к одному открытию, которое имеет исключительно важное значение для практики. Мы обнаруживаем, что не только чужие мысли приходят к нам извне, но и наши собственные мысли *приходят извне*. Когда мы становимся достаточно прозрачными, мы можем чувствовать в неподвижном молчании ума

маленькие вращающиеся завихрения, которые касаются нашей атмосферы подобно маленьким, слабо различимым вибрациям, притягивающим наше внимание. Когда мы приближаемся к ним, чтобы «увидеть, что это такое», т. е. если мы позволяем одному из этих завихрений войти в нас, то внезапно обнаруживаем, что наши мысли чем-то заняты: то, что мы чувствовали на периферии нашего существа, есть мысль в своей чистой форме или, скорее, *ментальная вибрация*, существовавшая перед тем, как незаметно войти в нас и появиться затем на поверхности нашего существа, приняв личную форму и давая нам право торжественно заявить: «Это — *моя* мысль». Именно так тот, кто умеет хорошо читать мысли, может узнать, что происходит даже в том человеке, чьего языка он не знает — ибо он улавливает не мысли, а вибрации, которым затем приписывает соответствующую ментальную форму в себе самом. Но на самом деле нам не следует особо удивляться, потому что если бы мы были способны создать своими силами хотя бы одну простую вещь, пусть даже крошечную мысль, то мы были бы создателями мира! *Где то «я» в вас, которая может создать все это?* — спрашивала Мать. Но обыкновенный человек не способен воспринять этот процесс — во-первых, потому, что он живет в постоянной суете, а, во-вторых, потому, что процесс присвоения вибраций срабатывает почти мгновенно и автоматически. Благодаря своему воспитанию и окружению человек привыкает выбирать из всеобщего Разума довольно узкий диапазон вибраций, которые близки ему. Весь остаток своей жизни он будет принимать все ту же длину волны, воспроизводить все ту же вибрационную тональность, произнося более или менее высокопарные слова, лишь облачая их, может быть, в новые формулировки. Снова и снова будет бродить он, совершая круги в своей клетке. Все, что мы воспринимаем как прогресс — это более или менее обширный словарный запас, изящество и блеск наших выражений. Но этот прогресс — лишь иллюзия. Да, мы меняем свои идеи, но смена идей — это не продвижение вперед. Это вовсе не означает возвыситься до более высокой или интенсивной вибрационной тональности; это просто новый пируэт все в той же среде. Именно поэтому Шри Ауробиндо говорил об *изменении* сознания.

Когда ищущий увидел, что мысли приходят к нему извне и после того, как он сотни раз повторил этот опыт, он обладает ключом к подлинному господству над умом. Потому что избавиться от мысли после того, как она вошла и закрепилась в нас, действительно, сложно, но отринуть ту же мысль, когда мы видим, как она приходит к нам извне, не составляет труда. Как только мы овладеваем безмолвием, мы становимся хозяевами ментального мира, потому что вместо того, чтобы быть вечно прикованными к одной и той же длине волны, мы теперь можем свободно двигаться по всему диапазону волн, принимая или отвергая их — как нам угодно. Но давайте послушаем, как Шри Ауробиндо сам описывает этот опыт, который он впервые пережил вместе с другим йогином, Бхаскаром Леле, проведшим с ним три дня: *Все ментально развитые люди, достигшие уровня выше среднего, должны так или иначе или хотя бы время от времени или же для определенных целей разделять ум на две части — на активную часть, которая является фабрикой мыслей, и на спокойную, господствующую часть, которая есть одновременно Свидетель и Воля и которая наблюдает эти мысли, рассматривает их, отвергает, исключает, принимает, вносит поправки и изменения — Хозяин в Доме Разума, способный к самоуправлению, самраджа. Йогин идет еще дальше — он не только становится там хозяином, но даже оставаясь так или иначе связанным с разумом, он как бы выходит из него и находится над ним или совсем вне него и свободен. Образ фабрики мыслей для него уже не совсем приемлем, ибо он видит, что мысли приходят извне, из всеобщего Разума, или всеобщей Природы — иногда оформленные, четкие, а иногда бесформенные — и тогда они обретают форму где-то в нас. Принципиальное назначение нашего ума — реагировать на эти волны мысли (так же, как и на витальные волны, волны тонкой физической энергии), принимая или отвергая их, или придавать личную ментальную форму веществу мысли (или витальным*

движениям) из окружающей Силы-Природы (Nature-Force). Я очень обязан Леле за то, что он показал мне это. «Медитируй сидя, — сказал он, — но не думай, а лишь смотри на свой ум; ты увидишь, как в него входят мысли; прежде, чем они смогут войти, отбрасывай их от своего ума до тех пор, пока ум твой не станет абсолютно безмолвным (capable of entire silence)». Раньше я никогда не слышал о том, что можно видеть мысли, приходящие в ум извне, но я не стал размышлять о том, правда ли это, или возможно ли это, я просто сел и сделал это. В одно мгновение ум мой стал спокоен, как воздух в безветрие на горной вершине, а затем я увидел одну мысль, а потом другую, которые вполне определенным путем приходили извне; я отбрасывал их прежде, чем они могли войти и завладеть мозгом, и через три дня я был свободен. С этого момента, в принципе, ментальное существо во мне стало свободным Интеллектом, всеобщим Разумом, но не работником на фабрике мыслей, ограниченным узким кругом своих личных мыслей, а тем, кто получает знание изо всех сотен и сотен царств бытия и свободен выбирать то, что ему хочется в этой огромной империи видения и империи мысли.[45]

Когда ищущий оглядывается назад и видит то несложное ментальное построение, с которого он когда-то начинал, он недоумевает, как можно было жить в такой тюрьме. Особенно поразительно для него видеть то, что в течение многих лет он жил в окружении ограниченных мыслей и представлений о возможном и невозможном и что по большей части люди живут за решетками: «Не делай того, не делай этого; это против одного закона, то — против другого; это нелогично; это неестественно; это невозможно…» Он открывает, что все возможно; истинное препятствие заключается в самом убеждении, что что-то является трудным. Прожив двадцать или тридцать лет в своей ментальной скорлупе, как какой-нибудь мыслящий моллюск, он начинает дышать свободно.

Он обнаруживает также, что разрешено вечное противоречие внутреннего и внешнего, что это противоречие не более, чем еще одна догма нашей ментальности. В действительности «внешнее» повсюду внутри! Мы находимся повсюду! Было бы заблуждением полагать, что если нам только удастся осуществить некие идеальные условия покоя, красоты и идиллического уединения, то все станет гораздо легче. Это не так, потому что *всегда найдется что-нибудь*, что будет мешать нам, притом везде. Поэтому вместо того, чтобы стремиться осуществить эти условия, мы можем с тем же рвением решиться разрушить наши построения и принять в себя все «внешнее» — тогда мы будем везде дома. То же самое касается противопоставления медитации действию; ищущий установил внутри себя безмолвие, и, следовательно, его действие есть медитация (попутно ему откроется тот факт, что даже медитация может быть действием): принимает ли он душ или занимается своими служебными делами, в него вливается, вливается Сила. Он навеки созвучен мирам иным. И в заключение он увидит, что действия его становятся более точными, более эффективными и мощными и при этом они абсолютно не нарушают его покоя: *Субстанция ментального существа… неподвижна, так неподвижна, что ничто не нарушает его покоя. Если приходят мысли или действия, то они… проходят сквозь ум, как птицы, летящие по небу в безветренном воздухе. Они проходят, ничего не задевая, не оставляя никакого следа. Даже если тысячи образов, отражающих самые бурные события, пройдут через него, все равно остается та тихая неподвижность, как если бы самим веществом ума была субстанция вечного и нерушимого мира. Ум, который достиг такой тишины, может начать действовать, причем интенсивно и мощно, но он сохранит при этом свою основу — неподвижность — ничего не создавая из себя, но получая Свыше и придавая этому ментальную форму, ничего не прибавляя от себя — тихо, бесстрастно, но с восторгом радования Истине, с блаженной силой и светом ее явления.*[46]

Стоит ли напоминать, что в то время Шри Ауробиндо возглавлял революционное движение

и подготавливал партизанскую войну в Индии?

Глава 5. Сознание

Однажды одному из учеников предстояло принять трудное решение. Он обратился за советом к Шри Ауробиндо, написав ему письмо, и был сильно обескуражен, когда прочел ответ, где говорилось, что решение должно прийти «из вершины его сознания». Он был человеком Запада и недоумевал: что бы это могло значить? Что это за «вершина сознания» — особый способ усиленного размышления, некий восторг, который возникает, когда мозг хорошо разогрет, или что-то еще? Таковы были мысли ученика, ведь единственный вид сознания, известный нам на Западе — это ментальный процесс: я думаю — значит я существую. Такова уж наша особая точка зрения на сознание. Мы помещаем себя в центр вселенной и признаем начиличе сознания лишь в тех, кто разделяет наш образ жизни и мировосприятие. Не так давно мы изумлялись, как это можно быть персом. Однако, если мы хотим понять, что такое сознание, и использовать его, нам нужно выйти за пределы этого ограниченного взгляда на сознание. После того, как Шри Ауробиндо достиг определенного уровня ментального безмолвия, он заметил: *Ментальное сознание — это диапазон чисто человеческий, он отнюдь не охватывает всех возможных диапазонов сознания точно так же, как человеческое зрение не может охватить все цветовые оттенки, а человеческий слух — все уровни звука — ибо есть множество звуков и цветов, которые находятся выше или ниже доступного человеку диапазона, которые человек не может видеть и слышать. Точно так же есть планы сознания выше и ниже человеческого плана; обыкновенный человек не имеет с ними контакта, и они кажутся ему лишенными сознания — супраментальный или глобально-ментальный (supramental or overmental)*[47] *— и субментальный планы…*[48] *То, что мы называем несознанием, — это просто иное сознание… На самом деле, когда мы спим или когда нас оглушили, или когда мы находимся под влиянием наркотиков, или когда мы «мертвы», или находимся в любом другом состоянии — в это время мы не более бессознательны, чем при глубокой внутренней сосредоточенности на какой-то мысли, когда мы не замечаем ни нашего физического «я», ни того, что нас окружает. Для любого, кто хотя немного продвинулся в Йоге, это самое элементарное утверждение… По мере того, как мы продвигаемся вперед и пробуждаемся к сознанию души в себе и в предметах, нам становится ясно, что сознание присутствует и в растении, и в металле, и в атоме, и в электричестве — в любом предмете физической природы; мы обнаружим даже, что в действительности оно ни в каком отношении не является низшей или более ограниченной формой по сравнению с ментальной; наоборот, во многих «неживых» формах оно является более интенсивным, быстрым, живым, хотя и менее развитым в направлении к поверхности [less evolved towards the surface].*[49] Поэтому задача начинающего практиковать Йогу — Это становиться сознательным во всех отношениях, на всех уровнях своего существа и на всех планах всеобщего существования — не только ментального; осознавать себя и других, и все предметы, находясь как в состоянии бодрствования, так и во сне; и, в конце концов, научиться быть сознательным в том, что люди называют «смертью», ибо и в смерти нашей мы будем обладать той же степенью сознательности, которую мы обрели в нашей жизни.

Нам вовсе не нужно принимать на веру слова Шри Ауробиндо. Наоборот, он настаивает на том, чтобы мы убедились в этом сами. Поэтому мы должны стремиться раскрыть то, что связует в нас все способы нашего существования — сон, бодрствование и «смерть» — и дает нам возможность войти в контакт с иными формами сознания.

Центры сознания

Если мы следуем нашему экспериментальному методу, основа которого — безмолвие ума, то мы приходим к нескольким открытиям, которые постепенно выводят нас на путь. Прежде всего, мы увидим, что смятение, в котором мы живем, мало-помалу спадает; уровни нашего существа становятся все более различимыми, как если бы мы были сделаны из разных фрагментов, каждый из которых обладает своей собственной индивидуальностью и имеет свой особый центр и, более того, живет жизнью, не зависимой от жизни остальных фрагментов. Эта полифония (хотя это больше похоже на какофонию) обычно скрыта от нас голосом разума, который все заглушает и присваивает себе. Нет ни одного движения нашего существа, ни на одном уровне, ни эмоции, ни желания, ни малейшего телодвижения, которое не было бы мгновенно схвачено умом и покрыто слоем мысли — иными словами, мы все *ментализируем*. Таково истинное назначение ума в эволюции: он помогает нам вывести на поверхность сознания все движения нашего существа, которые в противном случае остались бы в состоянии бесформенной подсознательной или сверхсознательной магмы. Кроме того, он помогает нам установить некое подобие порядка в этой анархии, объединяя все эти мелкие феодальные государства под своей верховной властью. Но поступая таким образом, разум скрывает от нас их истинный голос и функции — от верховной власти до тирании всего один шаг. Все надразумные механизмы полностью уничтожаются, а если каким-то голосам сверхсознательного все-таки удается пробиться, то они тут же искажаются, ослабляются и вуалируются. Подобным же образом атрофируются подсознательные механизмы, лишая нас спонтанности чувств, которая была весьма полезна на предыдущих стадиях эволюции и пригодилась бы и сегодня. Одни малые части нашего существа уже поднимают бунт, в то время как другие потихоньку накапливают силы, ожидая первой возможности бросить нам вызов. Но ищущий, успокоивший свой ум, начнет различать все эти состояния в их обнаженной реальности, без ментального лоска; он почувствует на различных уровнях своего существа определенные центры концентрации, силовые сплетения (узлы), каждое из которых обладает своим типом вибраций или своей вибрационной частотой. Все мы переживали, по крайней мере раз в жизни, вибрации, излучавшиеся на различных уровнях нашего существа. Например, мы могли чувствовать великую вибрацию откровения, когда кажется, что завеса внезапно разрывается и перед нами предстает истина, без слов, и мы даже точно не знаем, из чего это откровение состоит — просто что-то вибрирует, и это делает мир необыкновенно широким, светлым и ясным. Мы могли также переживать более тяжелые вибрации гнева или страха, вибрации желания, вибрации симпатии; при этом мы замечали, что эти вибрации пульсируют на различных уровнях и с различной интенсивностью. Внутри нас находится целый ряд вибрационных узлов, или *центров сознания*, каждому из которых соответствует один специфический тип вибраций, которые можно различать и чувствовать непосредственно в зависимости от степени нашего безмолвия и остроты нашего восприятия. Ум — лишь *один* из этих центров, *один* тип вибрации, только *одна* форма сознания, хотя он и стремится занять первое место.

Мы не будем ни подробно останавливаться на описании этих центров, которое дается традицией — ибо лучше самим пережить, чем говорить об этом, — ни обсуждать их местоположение; ищущий без труда почувствует их, как только станет немного просветленней. Достаточно сказать, что эти центры, называемые в Индии *Чакрами*, находятся не в нашем физическом теле, а в другом измерении, хотя концентрация в них бывает временами столь интенсивна, что у нас возникает острое локализованное физическое ощущение. На самом деле, некоторые из них довольно близки к различным нервным сплетениям нашего тела, хотя и не все.

Есть по меньшей мере семь центров, распределенных в четырех зонах.

1) *Сверхсознательное* с единственным центром немного выше макушки головы,[50] который управляет нашим размышляющим умом и сообщается с высшими ментальными сферами — с озаренным разумом, интуитивным разумом, глобальным разумом и т. д.

2) *Разум,* имеющий два центра: один между бровями, который управляет волей и динамикой нашей ментальной активности (он является также центром тонкого видения, «третьим глазом», о котором говорят некоторые традиции); второй — на уровне горла, он управляет всеми формами ментального выражения.

3) *Витальное,* имеет три центра: один — на уровне сердца — управляет нашей эмоционлаьной жизнью (любовь, ненависть и т. д.); второй — на уровне пупа — управляет нашими импульсами власти: господствовать, обладать, покорять, а также нашим честолюбием и т. д.; и третий, низшее витальное — между пупом и половым центром, на уровне брыжейкового сплетения — управляет низшими вибрациями — ревностью, завистью, вожделением, жадностью, гневом.

4) *Физическое и подсознательное,*[51] с центром у основания позвоночника — этот центр управляет нашим физическим существом и сексуальными импульсами; этот центр также открыт низшим регионам подсознательного.

Обычно у «нормального» человека эти центры спят или они закрыты, или же через них проходит лишь маленький ток, необходимый для ограниченного существования личности; в действительности человек замурован внутри самого себя, он не может общаться с миром непосредственно и это общение ограничено довольно узким кругом; по сути дела, он не видит других людей или предметы, но видит себя в других, себя в предметах — везде только себя. И нет выхода из этого положения. С помощью йоги эти центры открываются. Открытие центров может происходить в направлении снизу вверх или сверху вниз — в зависимости от того, применяем ли мы традиционные йогические или духовные методы, или йогу Шри Ауробиндо. Как уже говорилось выше, с помощью концентрации и упражнений мы можем в конце концов почувствовать Силу, пробуждающуюся у основания позвоночника и восходящую волнообразным движением, подобно змее, от уровня к уровню к макушке головы. На каждом из уровней эта Сила *прорывается* (довольно грубо) через соответствующий центр — этот центр открывается и в то же время открывает нас всем всеобщим вибрациям или энергиям, соответствующим частоте этого центра. В йоге Шри Ауробиндо нисходящая Сила открывает те же самые центры в направлении сверху вниз, открывает медленно и мягко. Очень часто низшие центры остаются не раскрытыми и открываются лишь намного позже. Этот процесс имеет заметное преимущество, если мы примем во внимание, что каждый центр соответствует *всеобщему* виду сознания или энергии: открытие низших витальных центров или центров подсознания в самом начале подвергает нас большому риску — нас грозят затопить не только наши мелкие личные проблемы, но и потоки всеобщей грязи, потому что мы автоматически вступаем в контакт с Неразберихой и Грязью мира. На самом деле, именно поэтому в традиционных йогах необходимо присутствие Учителя, который может защитить. Нисходящая Сила позволяет нам избежать этой опасности; мы имеем дело с низшими центрами лишь после того, как наше существо прочно укрепилось в высшем, сверхсознательном свете. Когда ищущий овладевает своими центрами, он действительно начинает видеть объекты, существа, весь мир и самого себя такими, каковы они есть, ибо он воспринимает уже не внешние признаки, не сомнительные слова и жесты — всю эту мимикрию замурованного в себе человека и обманчивую внешность предметов — но чистые вибрации на каждом уровне в каждом предмете и в каждом существе, которые ничто не может замаскировать.

Но самое главное открытие касается нас самих. Если мы будем поступать так же, как это

было описано при успокоении ума, и останемся совершенно прозрачными, то вскоре мы обнаружим, что не только ментальные вибрации приходят извне прежде, чем они войдут в наши центры, но что *все* приходит извне: вибрации желания, вибрации радости, вибрации воли и т. д. Все наше существо сверху донизу — это воспринимающая станция: *Поистине, это не мы думаем, изъявляем волю или действуем, но мысль, воля, побуждение и действие являются в нас [occur in us]*.[52] Поэтому говорить «я мыслю — следовательно, я существую» или «я чувствую — следовательно, я существую» или «я хочу — следовательно, я существую» — значит уподобиться ребенку, который думает, что диктор или оркестр спрятаны в телевизоре, что телевизор — это мыслящий орган. В действительности ни одно из этих «я» не есть мы и они не принадлежат нам, ибо музыка их — всеобща.

Фронтальное существо

Нам хочется не согласиться с этим, ибо в конце концов это все *наши* ощущения, *наша* боль, наши желания; это *наша* чувствительность, а не какой-то там телеграфный аппарат! В некотором смысле мы правы, это *наша* природа в том смысле, что мы привыкли реагировать на одни вибрации больше, чем на другие, или некоторые вещи волнуют нас или причиняют нам боль больше, чем другие; и этот набор привычек, по крайней мере, на первый взгляд, выкристаллизовался в личность, которую мы называем самими собой. Однако если мы пристальнее взглянем на это, то не сможем даже сказать, что это именно «мы» приобрели все эти привычки. Наше окружение, наше воспитание, наши атавизмы, наши традиции делают выбор за нас. Каждую секунду выбирают они то, чего мы хотим или жаждем, то, что нам нравится или не нравится — как будто жизнь проходит без нас. Когда же во всем этом проявляется подлинное «я»?…*Подлинная Природа, — говорит Шри Ауробиндо, — откладывает в нас определенные привычки движения, личности, характера, способностей, склонностей, тенденций — и это то, что мы обычно называем самими собой.*[53] Мы даже не можем сказать, что данное «я» по-настоящему устойчиво: *Видимость стабильности создается постоянным повторением и возвращением одних и тех же вибраций и образований*, потому что она всегда одна и та же — длина волны, которую мы ловим, или, вернее, которая ловит нас в соответствии с законами нашей среды или воспитания, потому что они всегда одни и те же — вновь и вновь проходящие через наши центры ментальные, витальные или иные вибрации, которые мы присваиваем себе автоматически, бессознательно и непрестанно. В действительности все находится в состоянии *постоянного движения*, все приходит к нам из разума более широкого, чем наш — из всеобщего, из витального более широкого, чем наше — из всеобщего, или из еще более низкий сфер — из регионов подсознательного, или из высших сфер — сфер сверхсознательного. Таким образом, это маленькое *фронтальное существо*[54] окружено, затемняется, поддерживается, пересекается и приводится в движение целой иерархией «миров», что было хорошо известно древней мудрости: «Без усилий один мир движется в другом», — говорит Риг Веда (II.24.5). Шри Ауробиндо называет эту иерархию лестницей *планов сознания*, которые размещаются по порядку от чистого Духа до Материи, и каждый из которых связан с одним из наших центров. Но *мы осознаем лишь какое-то пузырение на поверхности.*[55]

Что же остается от нас самих во всем этом? По правде говоря, немного или все — в зависимости от того, какой уровень сознания мы имеем в виду.

Индивидуализация сознания

Понемногу мы начинаем понимать, что такое сознание, и чувствовать, что оно находится повсюду во вселенной, на любом уровне, и имеет соответствующие центры в нас самих, но пока мы еще не нашли «свое» сознание. Может быть, потому, что сознание нельзя найти в готовом виде — это нечто, что должно быть зажжено, как огонь. В некоторые благословенные минуты нашей жизни мы чувствуем в нашем существе некое тепло, какие-то внутренние волны или живую силу, которую невозможно описать словами, которая появляется без нашего ведома, внезапно возникая из ниоткуда, без причины, обнаженная, как нужда или пламя. В детстве нас еще часто охватывает ощущение этого чистого восторга, этой неизъяснимой ностальгии. Но вскоре мы вырастаем из юношеского возраста; этой силой, как и всем остальным, завладевает разум и покрывает ее высокими идеальными словами. Он направляет ее в русло физических усилий, профессии, церкви. Или этой силой овладевает витальное и прикрывает ее более или менее возвышенными сентиментами, или использует ее для какого-нибудь личного предприятия, для осуществления господства, покорения или обладания. Иногда эта сила увязает еще глубже. А иногда они целиком поглощается, и остается лишь подобие жалкой тени под тяжелым бременем. Но ищущий, который заставил замолчать свой ум и уже не становится жертвой идей, который успокоил свое витальное существо и уже не захватывается и не уносится каждую минуту великой неразберихой ощущений и желаний, открывает во вновь обретенной прозрачности своей природы нечто подобное новой молодости, новый *толчок в более высокое, свободное состояние*. По мере того, как с помощью «активных медитаций», с ростом стремления и потребности ищущего усиливается его концентрация, он начинает чувствовать, что этот толчок как бы *оживает* внутри него: «Он ширится, выявляя то, что живет, — говорит Риг Веда (I.113.8), — пробуждая кого-то, кто был мертв», — он почувствует, что этот толчок обретает все более ощутимую плотность, все более явную силу и, главное, — *независимость,* как будто внутри его существа одновременно находятся и сила, и существо. Он заметит — сначала в своих пассивных медитациях (в спокойствии, дома, с закрытыми глазами) — что эта сила в нем движется, имеет массу и различную интенсивность, что она перемещается в нем вверх и вниз, как жидкость, как некая живая субстанция. Эти движения внутри него могут быть даже настолько мощными, что они сгибают его тело, когда сила нисходит, или выпрямляют его и отклоняют назад, когда она поднимается вверх. В наших активных медитациях, в повседневной внешней жизни эта сила ослабляется и ощущается как маленькая приглушенная вибрация на заднем плане — об этом мы уже говорили; затем мы начинаем чувствовать, что это не только безличная сила, но присутствие, *существо* внутри нас, некая поддержка, нечто, что дает нам крепость и силу, почти как доспехи, и дает нам возможность спокойно смотреть на мир. Эта маленькая внутренняя вибрация делает нас неуязвимыми, и притом мы уже не одиноки. Она существует все время, везде — согревающая, близкая и сильная. И довольно странно — как только мы нашли ее, мы обнаруживаем *то же самое* везде — во всех существах и во всех предметах; мы непосредственно входим в контакт с ними, как если бы они все были одним и тем же, без всяких различий. Мы соприкоснулись с чем-то в нас, что не является ни марионеткой всеобщих сил, ни неубедительным и сухим «я мыслю — следовательно, я существую», но представляет собою фундаментальную реальность нашего существа, наше «я», наше подлинное «я», наш подлинный центр, тепло и бытие, сознание и силу.[56]

По мере того, как этот внутренний толчок, или внутренняя сила, обретает ярко выраженную индивидуальность — а она действительно растет так, как растет ребенок, — ищущий начинает понимать, что движения ее не случайны, как он думал вначале, но что эта сила концентрируется

в различных точках его существа в зависимости от того, какой деятельностью он занят в данный момент — на самом деле эта сила концентрируется за центрами сознания: за ментальными центрами — когда мы думаем, изъявляем волю или выражаем что-нибудь; за центрами витальными — когда мы ощущаем, страдаем или желаем чего-то; а также за другими центрами, расположенными выше и ниже. В действительности именно эта сила начинает осознавать предметы и явления: все центры, включая разум — это только ее каналы, открывающиеся на различных уровнях всеобщей реальности, орудия ее проявления и выражения. Именно эта сила является *странником миров,*[57] исследователем планов сознания: именно она связует наши различные способы существования от бодрствования до сна и смерти, когда уже не существует ограниченного внешнего разума, который осведомлял или направлял нас; именно эта сила движется вверх и вниз во всех сферах, во всем диапазоне всеобщего существования и сообщается со всем.

Иными словами, мы открыли *сознание.* Мы освободили то, что в обычном человеке постоянно рассеяно, смешано с другими вещами и увязает в разно- и многообразной деятельности его ума и чувств. Вместо того, чтобы вечно жить где-то между животом и головой,[58] мы теперь можем посылать наше сознание в более высокие и глубокие регионы, которые не доступны ни уму, ни нашим органам чувств. Ибо сознание — это не способ мышления или чувствования (или, по крайней мере, не только это), но способность входить в контакт с мириадами планов существования — видимыми и невидимыми. Чем больше развивается наше сознание, тем обширнее становится поле его деятельности и количество планов, с которыми оно может сообщаться. Мы также обнаружим, что это сознание не зависит от мыслей, ощущений и желаний нашего маленького фронтального существа; оно не зависит ни от ума, ни от витального существа, ни даже от физического тела; в некоторых состояниях (которые мы обсудим позже) оно может даже покидать тело и выходить за его пределы, чтобы получить определенный опыт. Наше тело, мысли и желания — это лишь тонкий пласт нашего тотального существования.

Сознание-сила, сознание-радость

Когда мы открываем сознание, мы обнаруживаем, что это — сила. Примечателен тот факт, что ток внутренней силы мы начинаем ощущать еще до того, как осознаем, что это — сознание. Сознание — это сила, *сознание-сила,* как говорит Шри Ауробиндо. Действительно, эти два понятия неразделимы и равнозначны [взаимозаменяемы]. Это было хорошо известно древней мудрости Индии, которая никогда не говорила о сознании, *Чит,* не присоединив к нему термина *Агни* — жар, пламя, энергия: *Чит-Агни* (иногда употребляют слово *Тапас,* синоним *Агни: Чит-Тапас*). В санскрите понятию духовной или йогической дисциплины соответствует слово *тапасья* — то, что вырабатывает жар или энергию, или, правильнее, сознание-жар или сознание-энергию. *Агни,* или *Чит-Агни,* повсюду одно и то же. Мы говорим о нисходящей или восходящей силе, о ментальной, витальной или материальной силе, но не существует многих различных видов сил — в мире есть только одна Сила, единый ток, который проходит через нас, как и через все предметы, который обладает тем или иным свойством в зависимости от уровня, на котором он действует. Электрический ток, освещающий храм или бар, школьный класс или кафе, остается все тем же током, хотя он освещает разные объекты. Точно так же эта Сила, это Тепло, *Агни* — всегда одна и та же, оживляет ли она или освещает наше внутреннее убежище, нашу ментальную фабрику, наш витальный театр или пещеры физического. В зависимости от

уровня она несет более или менее интенсивный свет, более или менее тяжелые вибрации — сверхсознательные, ментальные, витальные, физические — но всегда она связует все и оживляет все. Это основная субстанция вселенной: *Сознание-Сила, Чит-Агни.*

Если сознание — это сила, то верно и обратное: сила — это сознание; *все силы — сознательны*.[59] Всеобщая Сила — это всеобщее Сознание. Именно это открывает ищущий. После того, как он вошел в контакт с током сознания-силы в себе самом, он может подключиться к любому плану всеобщей реальности, к любой точке и воспринять сознание в этой точке, и даже воздействовать на него — ибо ток сознания везде один и тот же, различны лишь типы вибраций. Он присутствует в растениях и в мыслях человеческого разума, в светящемся сверхсознательном и в инстинкте животного, в куске металла и в наших глубочайших медитациях. Если бы кусок дерева не обладал сознанием, никакой йогин не смог бы его сдвинуть с помощью концентрации, ибо отсутствовала бы возможность контакта между ними. Если бы хоть одна точка вселенной была бы лишена сознания, то вся вселенная была бы лишена его, потому что бытие должно быть единым. Формула Эйнштейна — поистине великое открытие — говорит нам, что Материя и Энергия взаимозаменяемы: E = m * c^2, Материя — это сгущенная Энергия. Теперь мы должны убедиться на опыте, что эта Энергия, или Сила, есть Сознание и что Материя — это тоже форма сознания, точно так же, как разум — форма сознания, а Витальное и Сверхсознательное — это другие формы сознания. Когда мы откроем ту Тайну, что сознание — в силе, мы по-настоящему овладеем материальными энергиями — обретем прямую власть над ними. Таким образом, мы лишь вновь открываем древнейшие истины, ибо Упанишадам четыре тысячи лет назад было известно, что Материя — это сгущенная Энергия или, вернее, Сознание-Энергия: «Энергией Сознания (*Тапасом*) сгущает себя Брахман; из этого рождается Материя, а из Материи — Жизнь, Разум и миры» (Мундака Упанишада, I.1.8).

Все вокруг — это Сознание, ибо все есть Бытие, или Дух. Все — это *Чит,* потому что все — это *Сат — Сат-Чит* — на любом уровне своего проявления. История нашей земной эволюции — это не что иное, как медленное превращение Силы в Сознание, или, точнее, медленное вспоминание Сознанием, погруженным в свою Силу, самого себя. На первых стадиях эволюции сознание атома, например, поглощено его вращением, как сознание гончара, безучастного ко всему остальному, поглощено горшком, который он делает, как растение поглощено своим фотосинтезом, как наше собственное сознание может быть поглощено книгой или желанием, равнодушное к остальным уровням своей реальности. Весь эволюционный прогресс в конечном счете измеряется способностью отделять и совобождать элемент сознания от его элемента силы — это то, что понимается под «индивидуализацией сознания». На духовной, или йогической стадии эволюции, сознание полностью свободно, освобождено от ментальной, витальной и физической суматохи, оно становится само себе господином и может восходить по всей шкале вибраций сознания — от атома до духа; Сила полностью становится Сознанием, она полностью вспоминает себя. Вспомнить себя — это значит вспомнить все, потому что это Дух в нас вспоминает Дух, находящийся повсюду.

Одновременно — по мере того, как Сила вновь обретает свое Сознание, — Сознание вновь обретает господство над своей Силой и над всеми силами; быть сознательным — значит обладать силой. Ни вращающийся атом, ни человек, работающий в силу своей биологической привычки или работающий на своей ментальной фабрике, не имеют власти над своей ментальной, витальной или атомной силой — просто они кружатся вновь и вновь. Но на сознательной стадии мы, наоборот, свободны и становимся хозяевами своих действий; мы убеждаемся на конкретном опыте, что сознание — это сила, *субстанция,* с которой можно манипулировать, как манипулируют с гидроокисями или электрическими полями: *Когда*

человек начинает осознавать внутреннее сознание, — писал Шри Ауробиндо, — он может проделывать с ним самые разные вещи: посылать его, как поток силы, создавать вокруг себя круг или стену сознания, направить мысль так, чтобы она вошла в голову кому-нибудь в Америке, и т. д. и т. д.[60] Далее он поясняет: *Невидимая Сила, производящая ощутимые результаты как внутри, так и вовне, и составляет весь смысл йогического сознания… Если бы мы не имели тысяч опытов, показывающих, что эта Сила внутри может изменить разум, развить его способности и прибавить новые, привести к новым сферам познания, овладеть витальными движениями, изменить характер, оказывать влияние на людей и на предметы, управлять условиями и работой тела, воздействовать, как конкретная динамическая Сила, на другие силы, изменять события… то мы бы не говорили о ней так, как говорим. Более того, эта Сила является осязаемой и конкретной не только по своим результатам, но и в своих движениях. Когда я говорю об ощущении Силы или Энергии, я не имею в виду лишь смутное ее ощущение, но ощущение конкретное, а, следовательно, способность направлять ее, манипулировать ею, наблюдать ее движения, осознавать ее массу и интенсивность и подобным же образом поступать с другими, противоположными силами.*[61] Далее мы увидим, что Сознание может воздействовать на Материю и трансформировать ее. Это окончательное превращение Материи в Сознание и, может быть, когда-нибудь, и Сознания в Материю — является целью *супраментальной йоги*, о которой мы будем говорить позже. Есть много степеней развития сознания-силы — от ищущего или человека, который только что осознал свое внутреннее стремление, до йогина; подобная градация существует даже среди йогинов — именно там начинается подлинная иерархия.

И последнее уравнение. Сознание — это не только сила, не только бытие, но и радость, *Ананда* — Сознание-Радость, *Чит-Ананда*. Осознавать — это радость. Когда сознание совобождается от тысяч ментальных, витальных или физических вибраций, в которых оно было погребено, мы открываем радость. Все существо как бы заполняется массой вибрирующей силы — прозрачной, неподвижной, никуда не стремящейся («подобно четко оформленной колонне», — как говорит Риг Веда, V.45). Это — чистое сознание, чистая сила, чистая радость, ибо все это — одно и то же, это же есть и *конкретная* радость, широкая и покойная субстанция радости, которая, кажется, не имеет ни начала, ни конца, ни причины и находится везде, в предметах и существах и является их скрытой причиной роста и скрытой потребностью расти — именно потому, что эта радость присутствует и здесь, рядом, и повсюду, все любят жизнь и никто не хочет уйти из нее. Ей ничего не нужно для существования, она *есть*, подобная скале, незыблемой во времени и в пространстве, подобная улыбке, спрятанной по ту сторону всех вещей. В ней — вся загадка вселенной. В ней — все, что существует. Незаметная, скрытая улыбка, почти ничто, которое есть все. И все — это радость, потому что все — это Дух, который есть радость, *Сат-Чит-Ананда*, Существование-Сознание-Блаженство, вечная троица, которая есть вселенная и которая есть мы, тайна, которую мы должны открыть и пережить в нашем длинном эволюционном путешествии. «Из Блаженства родились все эти существа, благодаря Блаженству они существуют и растут, к Блаженству они возвращаются» (Таиттирия Упанишада, III.6).

Глава 6. Успокоение витального

Моральные узы

В нашем существе есть одна область, которая является источником как больших трудностей, так и большой энергии. Источником трудностей — так как она стремится исказить все, что приходит извне или свыше, бешено противостоя нашим усилиям успокоить ум, стараясь засосать сознание на свой уровень мелких занятий и интересов, препятствуя таким образом его свободному движению к иным сферам; источником энергии — так как это проявление в нас великой силы жизни. Этот регион, расположенный между сердцем и витальным центром, Шри Ауробиндо называет *витальным*.

Это место всевозможных смешений; удовольствие неразрывно связано со страданием, боль — с радостью, зло — с добром, а притворство — с правдой. Самые разные духовные традиции мира нашли эту зону настолько сложной, что предпочли полностью ее отвергнуть, оставив место лишь для так называемых «религиозных эмоций» и настоятельно рекомендуя новообращенному отринуть все остальное. Человеческую природу не изменишь — кажется, все согласны с этим. Но эта *моральная хирургия*,[62] как называет ее Шри Ауробиндо, имеет два недостатка: во-первых, она не приносит настоящего очищения, потому что высшие эмоции, какими бы утонченными они ни были, так же неоднородны, как и эмоции низшие, ибо они по существу сентиментальны и, следовательно, частичны; во-вторых, эта хирургия на самом деле ничего не предотвращает, а просто подавляет. Витальное само по себе — сила, совершенно не зависимая от наших рассуждений и моральных позиций. Если мы попытаемся подавить эту силу или заглушить ее радикальным аскетизмом или чрезмерной самодисциплиной, то достаточно малейшей трещины, чтобы вызвать открытое восстание, — а она знает, как отомстить за себя. Или же, если мы обладаем силой воли, достаточной для того, чтобы навязать ей наши моральные или ментальные правила, то мы, возможно, и одержим верх, но при этом иссушим саму силу жизни в нас, потому что неудовлетворенное витальное объявляет забастовку, и мы обнаруживаем, что очистились не только от зла, но и от даров жизни — мы становимся бесцветными и лишенными аромата. Более того, мораль действует лишь в пределах ментального процесса; она не касается областей подсознания или сверхсознания, а также областей смерти и сна (который, в конце концов, отнимает у нас один день из каждых трех дней нашего существования, так что в течение шестидесяти лет нашей жизни нам дано право сорок лет блюсти моральную жизнь и двадцать лет аморальную — курьезная арифметика). Иными словами, мораль не выходит за пределы нашей маленькой фронтальной личности. Поэтому мы должны подчинить наше существо не моральной и радикальной дисциплине, но дисциплине духовной и всеохватывающей, дисциплине, которая считается с каждой частью нашей природы, освобождая ее от присущей ей мешанины; ибо на самом деле нигде нет абсолютного зла, повсюду одни лишь смешения.

Кроме того, ищущий уже не рассуждает (если он вообще еще «рассуждает») в таких терминах, как «добро» и «зло», — и пользуется терминами «точность» и «неточность». Когда мореплаватель берет пеленг, он при этом пользуется не своей любовью к морю, а секстантом, следя за тем, чтобы зеркало было чистым. Если наше зеркало загрязнено, то нам никогда не увидеть подлинной реальности вещей и людей, потому что везде мы будем находить отражение

наших страстей и страхов, эхо нашей суеты — и не только в этом мире, но и в других мирах в бодрствовании, во сне и смерти. Очевидно, для того, чтобы *видеть*, нам нужно перестать находиться в центре картины. Таким образом ищущий будет отличать все то, что стремиться затуманить его видение, от того, что очищает его; это, по сути дела, и будет его «моралью».

Привычка ответной реакции

Первое, на что наталкивается ищущий, исследуя витальное, — это та часть разума, единственной задачей которого, по-видимому, является придать форму (и оправдание) нашим импульсам, ощущениям и желаниям; Шри Ауробиндо называет ее *витальным разумом*. Нам уже известно, как необходимо ментальное безмолвие, поэтому мы постараемся распространить наш метод успокоения и на этот, более низкий уровень. Когда это будет сделано, мы будем видеть вещи гораздо яснее, без всех их ментальных приукрашений; различные вибрации нашего существа предстанут в своем подлинном свете, на своем подлинном уровне. А главное — мы сможем увидеть, как они приходят. Внутри этой зоны безмолвия, которую мы обретаем, малейшие движения ментальной, витальной или иной субстанции будут восприниматься нами как сигналы; мы будем немедленно осведомлены о том, что что-то коснулось нашей атмосферы. Таким образом мы будем естественно воспринимать множество вибраций, постоянно излучаемых людьми, которые даже не осознают этого; мы будем четко знать, что происходит и что за человек стоит перед нами (внешний лоск обычно не имеет ничего общего с этой тонкой вибрирующей реальностью). Прояснятся наши отношения с внешним миром; мы поймем, почему мы инстинктивно любим или не любим кого-то, почему мы боимся или встревожены, и мы сможем привести все в порядок, исправить свои реакции, принимать полезные вибрации, отклонять вибрации темные и нейтрализовывать вредные. Ибо мы заметим один интересный феномен: наше внутреннее безмолвие обладает силой. Если вместо того, чтобы отвечать на приходящие вибрации, мы сохраним абсолютную внутреннюю неподвижность, то мы увидим, что эта неподвижность *растворяет* вибрацию; вокруг нас возникает нечто, подобное снежной стене, которая поглощает и нейтрализует все удары. Возьмем простой пример — гнев; если вместо того, чтобы вибрировать в унисон с человеком, который стоит перед нами, мы сможем остаться внутри абсолютно неподвижными, то мы увидим, что гнев этого человека постепенно рассеивается, как дым. Мать говорила, что эта внутренняя неподвижность, эта способность не отвечать может остановить даже руку убийцы или прыжок змеи. Однако, если мы надеваем лишь маску бесстрастия, но при этом кипим внутри, то это не будет иметь никакого эффекта — нельзя скрыть вибрации (это хорошо известно животным); наша цель — это не так называемый самоконтроль, который является лишь внешним самообладанием, искусством внешнего проявления, но подлинное господство над внутренним состоянием. Это безмолвие способно нейтрализовывать абсолютно все вибрации по той простой причине, что вибрации любого порядка *заразительны* (высочайшие точно так же, как и самые низшие — именно так передает Учитель духовное переживание или силу ученику), и от нас зависит, примем ли мы заражение или нет; если мы испугались, то это значит, что мы уже восприняли его, это заражение, и, следовательно, приняли удар разгневанного человека или укус змеи. (Можно также получить удар из-за любви, как Шри Рамакришна, который, увидев, как возница бьет вола, вскрикнул вдруг от боли и, терзаемый болью и окровавленный, почувствовал на своей спине следы ударов бича). То же самое касается и физической боли: или мы позволяем заражению болезненной вибрации подчинить нас себе, или, наоборот, ограничиваем область боли в конечном итоге, с

ростом нашего умения (господства над собой) нейтрализуем боль, отсоединяя сознание от этой области. Ключом к такому господству является безмолвие — всегда и на всех уровнях, потому что благодаря безмолвию мы можем распознать вибрации, а распознать их — значит обрести способность воздействовать на них. Существует множество практических ситуаций, когда мы можем применять эту способность, а, значит, совершенствовать ее. Обычная повседневная жизнь (обычная лишь для тех, кто живет по-обычному) становится обширным полем для опыта овладения вибрациями — вот почему Шри Ауробиндо всегда стремился распространить свою йогу на жизнь: жить в одиночестве в полной иллюзии власти над собой, действительно, очень легко.

Эта сила безмолвия, или внутренняя неподвижность, имеет гораздо более важные приложения, особенно в нашей психической жизни. Витальное, как мы знаем, — это место множества страданий и беспокойств, но это также источник великой энергии. Поэтому нам следует попытаться отделить эту жизненную энергию от ее смешанных состояний (как в одной индийской легенде лебедь отделил воду от молока), но не отделив себя при этом от жизни. Нужно ли говорить, что осложнения находятся не в жизни, но в нас самих, что внешние обстоятельства являются точным отображением того, что мы собой представляем? Главная проблема витального состоит в том, что оно ложным образом отождествляет себя почти со всем, что из него исходит; оно говорит: *моя боль, моя депрессия, моя личность, мое желание* и думает, что оно — все эти маленькие *я,* но это не так. Если мы убеждены, что все это — наше, то тогда, очевидно, нам не остается ничего другого, как терпеть всю эту жалкую семейку и ждать, пока она не прекратит все свои бессмысленные фокусы. Но если мы способны сохранять внутреннюю тишину, то мы ясно видим, что все это не наше; как мы уже говорили, все приходит извне. Мы всегда принимаем одни и те же длины волн, мы подхватываем любую заразу. Предположим, например, что вы находитесь в компании человека, оставаясь внутренне безмолвным и неподвижным; внезапно вы чувствуете в этой прозрачности, что что-то пытается привлечь ваше внимание, войти в вас — некое давление или вибрация в атмосфере (которые могут вызвать смутную тревогу). Если вы воспримете эту вибрацию, то через несколько минут обнаружите, что боретесь с депрессией или чувствуете какое-то желание, или ощущаете беспокойство — вы подхватили заразу. Присутствие человека вовсе не обязательно — вы можете находиться в одиночестве в Гималаях и точно так же воспринимать вибрации мира. Тогда где же «мое» беспокойство, «мое» желание во всем этом, если не в привычке постоянно ловить одни и те же вибрации? Но ищущий, который воспитал в себе способность оставаться внутренне безмолвным, уже не будет захвачен этим *ложным отождествлением;*[63] он начал осознавать то, что Шри Ауробиндо называет *окружающим сознанием,*[64] или *вокругсознательным* [the environmental consciousness, the circumconscient] — ту стену вокруг себя, то снежное поле, которое может быть интенсивно светящимся, сильным и прочным, или темным, испортившимся и иногда даже полностью разложившимся — в зависимости от внутреннего состояния ищущего. Это своего рода индивидуальная атмосфера, *защитная оболочка* (достаточно чувствительная, чтобы можно было ясно ощутить чье-то приближение или избежать несчастного случая как раз в тот момент, когда он готов произойти), благодаря которой мы можем почувствовать и остановить психические вибрации *прежде,* чем они войдут в нас. Как правило, они так привыкли входить прямо в нас — ибо они чувствуют себя там, как дома, — и имеют такое сильное притяжение, что мы даже не чувствуем, как они приходят — процесс их присваивания и отождествления с ними действует почти мгновенно. Но наша практика безмолвия создаст некую прозрачность, что позволит нам видеть, как они приходят, останавливать их и отвергать. После того, как мы их отвергаем, они иногда остаются в вокругсознательном,[65] вращаясь около нас и ожидая малейшей возможности войти — мы

можем очень отчетливо ощущать, как гнев, страсть или депрессия *рыщут вокруг нас*, но из-за того, что этим вибрациям никак не удается вмешаться, они постепенно теряют свою силу и в конце концов оставляют нас в покое. Мы разрываем связь между ними и собой. И однажды мы с радостью отмечаем, что некоторые вибрации, от которых, казалось, невозможно было избавиться, уже потеряли свою власть над нами; они как бы истощили свои силы и просто вспыхивают, как на экране. Интересно, что мы можем видеть заранее, как эти маленькие жулики собираются вновь проделать свои трюки. Также можно обнаружить, что в определенные моменты времени приходят или периодически возвращаются к нам определенные психические состояния (то, что Шри Ауробиндо и Мать называют *формациями*; формация — это некое образование, состоящее из вибраций, которое, в конце концов, благодаря одному лишь повторению, обретает некое подобие личности); как только мы их принимаем, мы видим, что эти формации не остановят своей деятельности до тех пор, пока не исчерпают себя от начала и до конца, подобно *граммофонной пластинке*.[66] Нам предстоит решать, хотим ли мы «двигаться дальше» или нет. Существуют тысячи всевозможных опытов — целый мир наблюдений. Но самое существенное наше открытие состоит в том, что во всем этом присутствует очень незначительная доля «нас», а именно — лишь *привычка ответной реакции*.[67] До тех пор, пока мы в невежестве своем ложным образом отождествляем себя с витальными вибрациями, мы не можем надеяться на то, чтобы что-либо изменить в своей природе, разве только с помощью отсечения. Но с того момента, когда мы понимаем подлинный механизм этого отождествления, все можно изменить, ибо мы можем не отвечать на беспокоящие нас вибрации, мы можем остаться безмолвными и с помощью этого безмолвия растворить их и настроиться на иные планы — как нам угодно. Следовательно, человеческую природу *можно* изменить вопреки всем старым утверждениям. Нет ничего ни в нашей природе, ни в сознании, что было бы жестко определено раз и навсегда — все есть игра сил или вибраций, которая своей повторяемостью создает иллюзию «естественной» необходимости. Именно поэтому йога Шри Ауробиндо говорит о *возможности полного изменения на обратное обычного правила, которому подчиняется реагирующее сознание*.[68]

Открыв этот механизм, мы открываем в то же время подлинный метод овладения витальным — не хирургический, а успокаивающий. Проблему витального не решить витальной борьбой с ним — это лишь истощает наши силы, но не уничтожает существования витального во вселенной; эту проблему можно решить, заняв иную позицию — нейтрализовывать его с помощью безмолвного покоя: *Когда вы достигаете покоя, — писал Шри Ауробиндо ученику, — очищение витального становится легким делом. Если же вы просто чистите и чистите, не делая ничего другого, то продвижение ваше становится очень медленным, ибо витальное загрязняется вновь и его нужно очищать сотни раз. Покой — это нечто чистое само по себе, поэтому установление покоя — это положительный путь достижения вашей цели. Поиски грязи и очищение ее — это путь отрицательный*.[69]

Враждебные силы

Но есть еще одна трудность. Не только те вибрации, что исходят от других людей или из всеобщего витального, доставляют беспокойство ищущему (впрочем, едва ли можно различить эти два вида вибраций, так как индивид — это лишь *наземная станция*[70] всеобщего витального или всеобщего разума, и вибрации этих двух видов без конца переплетаются между собой). Есть

еще один вид вибраций, который отличается от других своей внезапностью и неистовством Ищущий ощущает, как эти вибрации в буквальном смысле обрушиваются на него, подобно урагану. В течение нескольких секунд он становится «другим человеком», полностью забывая само свое назначение, свои усилия, свою цель, как если бы все потеряло свое значение, было сметено потоком, распалось на части. Это то, что Мать и Шри Ауробиндо называют *враждебными силами*. Это в высшей степени сознательные силы, единственной целью которых, как кажется, является обескуражить ищущего и заставить его свернуть с выбранного им пути. Можно легко заметить первый признак их появления: омрачается радость, омрачается сознание, все облачается в трагическую атмосферу. Страдание — это первый признак присутствия врага. Трагедия — любимое пристанище этих сил; именно так они могут создать величайшие опустошения — ибо они вовлекают в игру своего старого партнера, который сидит в нас и продолжает любить трагедию даже тогда, когда взывает о помощи. Обычно они стремятся прежде всего толкнуть нас на внезапные, крайние и необратимые решения с тем, чтобы увести нас как можно дальше с пути — это давящая, навязчивая вибрация, которая требует *немедленного* согласия. Или же они с поразительной изобретательностью пытаются разрушить основные принципы, которыми мы руководствуемся в наших поисках, чтобы доказать, что мы обманываем себя и наши усилия ни к чему не приведут. Чаще же всего они вызывают состояние депрессии, вовлекая в свою игру другого партнера в нас, которого Шри Ауробиндо называет *человеком печалей: это приятель… который кутается в семислойные покровы трагедии и уныния — он не чувствовал бы свое состояние оправданным, если бы не мог быть ужасно несчастным*.[71] Все эти вибрации хаоса, которые мы называем «нашей» печалью или «нашими» заботами, вызывают немедленно ослабление или разрушение защитной «снежной стены», широко распахивая двери перед враждебными силами. В их распоряжении есть множество способов атаковать нас — а это поистине ни что иное, как атака, — и чем сильнее наша решимость, тем они жестче, безжалостнее. Это может показаться преувеличением, но лишь тот, кто никогда не пытался продвигаться вперед, может сомневаться в этом. Пока мы бредем общим стадом, жизнь бывает относительно проста, со своими успехами и неуспехами — успехов немного, но не слишком много и неудач; однако, как только мы хотим покинуть общую колею, восстают тысячи сил, вдруг очень заинтересованных в том, чтобы мы вели себя «как все», — мы воочию убеждаемся, как хорошо организовано наше зключение. Кроме того, мы узнаем, что можем пасть лишь так низко, как высоко можем подняться — наши падения находятся в точном соответствии с нашей способностью к восхождению. Многое открывается нам, когда с наших глаз спадает пелена. Если мы хотя немного честны по отношению к самим себе, то увидим, что мы способны на все, и воистину, как говорит Шри Ауробиндо, наша *добродетель — это претенциозная нечистота*.[72] Лишь те, кто никогда не выходил за пределы фронтальной личности, могут лелеять какие-то иллюзии по поводу самих себя.

На протяжении всей духовной истории мира какие только демонические и «ругательные» названия не давались этим враждебным силам, как будто единственная их задача — осудить, провалить ищущего и доставлять хлопоты порядочным людям. В действительности же дело обстоит несколько иначе — ибо где же дьявол, как не в Боге? Если он не в Боге, то от Бога немного остается, потому что в этом мире предостаточно зла (как и в некоторых других мирах) и немного остается того, что является чистым и незапятнанным — разве только безразмерная и бесплотная математическая точка. На самом деле, как показывает опыт, эти причиняющие хлопоты и беспокойство силы имеют свое место во вселенной; они являются таковыми лишь для нашего маленького мгновенного сознания. Более того, они имеют свое особое назначение. Во-первых, они всегда захватывают нас врасплох, когда мы не готовы; если бы мы были не рассеянны, но однонаправленны, то они не смогли бы поколебать нас ни на секунду. Кроме

того, если мы посмотрим внутрь себя вместо того, чтобы хныкать и порицать дьявола или порочность мира, то мы увидим, что каждая из этих атак разоблачает один из множества наших добродетельных обманов, или, как говорит Мать, снимает *жалкие покровы, которые мы набрасываем на вещи, чтобы не видеть их.* Жалкие или же более внушительные покровы скрывают не только наши собственные недостатки; они находятся повсюду в мире, скрывая и его мелкие изъяны, и его непомерное самодовольство. Если эти силы, приводящие нас в смятение, срывают эти покровы довольно грубо, то они делают это не случайно и не из беспричинной злобы, но для того, чтобы открыть нам глаза и заставить совершенствоваться. В противном случае мы бы сопротивлялись этому совершенствованию, потому что, как только мы обретаем крупицу истины или проблеск идеала, у нас появляется печальная тенденция закрыть их на замок в герметически непроницаемый сейф и больше не двигаться. Иными словами, как для индивидуума, так и для мира, эти довольно неприветливые силы служат орудиями прогресса. «Люди возвышаются тем, что способствовало их падению», — гласит мудрость Куларнава Тантры. Мы протестуем против кажущейся бессмысленности и произвола «трагедии», которая потрясает наше сердце или поражает плоть, мы обвиняем «Врага», но *разве не может быть, что сама душа — не внешний разум, но дух внутри нас — приняла и избрала все это как часть своего развития для того, чтобы быстрым темпом пройти через необходимые переживания — прорваться, durchhauten * (нем. «просекать», «прорубать»), даже с риском или ценой ущерба для внешней жизни или тела? Для растущей души, для духа внутри нас, разве не могут трудности, препятствия, атаки быть средством роста, прибывающей силы, расширяющегося опыта, подготовкой к духовной победе?*[73] Мы жалуемся, сетуя на зло, но не будь его здесь — осаждающего нас, бросающего нам вызов, — мы давным-давно схватили бы вечную Истину и превратили бы ее в замечательную маленькую аккуратную пошлость. Истина движется, у нее есть ноги, а князья тьмы существуют для того, чтобы подтверждать, довольно грубо, что она не спит. *Отрицания Бога так же полезны для нас, как и признания Его существования,*[74] — говорит Шри Ауробиндо. *Враг исчезнет лишь тогда, когда он не будет нужен в мире,* — заметила Мать. — *Он нужен, вне сомнений, миру, как нужен золоту пробный камень, чтобы убедиться в подлинности того, что мы делаем.*

Ведь Бог, наверное, это все-таки не отвлеченная математическая точка, находящаяся вне этого мира. Наверное, Он — это весь этот мир со всей своей нечистотой, мир, который трудится и страдает, чтобы стать совершенным и вспомнить Себя здесь, на земле.

Способ обхождения с этими силами — тот же, что и с другими вибрациями: покой, внутренняя неподвижность — они утихомиривают шторм. Возможно, в первый раз нам не удастся растворить их атаки, но со временем мы будем все более и более ощущать, что они затрагивают лишь поверхность нашего существа; мы можем быть потрясены, расстроены, однако глубоко внутри себя мы чувствуем присутствие «Свидетеля» — безучастного (его *никогда* не затрагивают атаки), неприкосновенного. Мы падаем и поднимаемся вновь, с каждым разом становясь все сильнее. Единственный грех — это прийти в отчаяние. Фактически ищущий в интегральной йоге будет больше открыт опасности, чем другие (Шри Ауробиндо часто говорил, что его йога — это *битва*),[75] потому что он стремится *все охватить своим сознаньем,* ничего не расчленяя, и потому, что ему предстоит открыть не один-единственный путь к благодати высот и победить не одного-единственного стража бесценных сокровищ, но освоить множество путей — справа, слева, внизу, на каждом уровне своего существа — и добыть не одно сокровище.

Итак, нам нужно пересечь некий порог, если мы хотим найти истинную силу жизни за беспокойной жизнью фронтального человека. Согласно традиционным духовным учениям, этот переход включает в себя все виды унижения и отречения (которые, между прочим, служат главным образом тому, чтобы поднять и без того высокое мнение аскета о самом себе), но мы ищем нечто совершенно другое. мы стремимся не покинуть жизнь, но расширить ее, мы не хотим отказаться от кислорода ради водорода или наоборот, но стремимся изучить химический состав сознания и посмотреть, при каких условиях оно даст наиболее чистую воду и будет лучше всего работать. Йога — *это великое искусство жизни*,[76] — говорил Шри Ауробиндо. *Позиция аскета, который говорит «я ничего не хочу», и позиция мирянина, который говорит «я хочу того-то и того-то», — это одно и то же*, — замечает Мать. — *Один может быть точно так же привязан к своему отречению, как другой — к своей собственности.* На самом деле, пока мы чувствуем необходимость отрекаться от чего бы то ни было, мы еще не готовы, мы вязнем по уши в противоположностях. Любой человек может проделать следующие наблюдения без всякой специальной подготовки. Во-первых, стоит нам только сказать витальному: «Ты должно отречься то того, отказаться от этого», как его тотчас же охватит противоположное желание. Если оно соглашается отречься, то можно быть уверенным, что оно ожидает, что ему будет оплачено сторицей, и уж таково оно само по себе, что совершить большое отречение для него ничуть не сложнее, чем отречение малое, поскольку в любом случае оно получает свое питание, и обе стороны, как отречение, так и обладание, для него одинаково питательны. Осознав эту простую истину, мы обнажаем полностью весь механизм работы витального, а именно его полное безразличие к нашим человеческим сентиментам: боль привлекает его так же, как и радость, лишения — как и изобилие, ненависть — как любовь, муки — как экстаз. Оно выигрывает в любом случае. Потому что и в страдании, и в наслаждении — Сила, одна и та же Сила. Итак, мы поставлены перед тем фактом, что все без исключения ощущения, из которых состоят фрагменты нашей фронтальной личности, двойственны, противоречивы по своей природе. Любое ощущение — это обратная сторона другого ощущения; в любой момент оно может превратиться в свою «противоположность» — утративший иллюзии филантроп (или, точнее, витальное в филантропе, утратившее иллюзии) становится пессимистом, рьяный проповедник удаляется в пустыню, упорный неверующий становится фанатиком, а добродетельного человека шокируют все те вещи, совершить которые у него не хватает смелости. Здесь мы открываем еще одну особенность поверхностного витального: это — *неисправимый шарлатан*,[77] актер, бессовестный фигляр (мы даже не можем с уверенностью сказать, что смерть нашей матери не доставит ему удовольствия). Каждый раз, когда у нас исторгается крик протеста или боли (вообще, любой крик), мы можем слышать, как внутри нас хихикает обезьяна. Это известно всем, и все же мы остаемся такими же сентиментальными, как и прежде. И, в довершение всего, витальное отличается своей способностью затуманивать все — это само воплощение тумана, оно принимает силу своих ощущений за силу истины, а *высоты заменяет дымящейся вершиной вулкана на дне пропасти*.[78]

Совершенно очевидно следующее наблюдение, вытекающее из первого, а именно — витальное абсолютно не способно помочь другим и даже просто вступать в сообщение с другими за исключением тех случаев, когда эго индивидуумов совпадают. Нет ни одной вибрации, посылаемой или, вернее, передаваемой нами, которая не могла бы тотчас же превратиться в свою противоположность в другом человеке; стоит нам только пожелать добра, как автоматически пробуждается соответствующее отрицательное чувство (как будто его принимают одновременно с первым) или соответствующее сопротивление, или противоположная реакция — кажется, что этот процесс протекает так же спонтанно и неизбежно, как химическая реакция. В действительности витальное стремится не помочь, а

взять. Всегда. Любым возможным способом. Все наши чувства и ощущения запятнаны «хватанием». Чувство грусти при измене друга, например, — да и любая печаль — это верный признак вовлеченности нашего эго, потому что если бы мы по-настоящему любили людей ради них самих, а не ради себя, то мы любили бы их при любых обстоятельствах — даже если бы они стали врагами; во всех случаях мы радовались бы тому, что они существуют. Наши скорби и страдания на самом деле — это всегда признак смешения, а потому они ложны. Истинна одна только радость. Потому что истинно только то «Я» внутри нас, которое охватывает все существования и все возможные противоположности существования. Когда все находится внутри, тогда все является радостью, потому что нигде уже нет пробелов.

«А как же Сердце (с большой буквы)?» — протестуем мы. Но разве сердце не является местом самой большой неразберихи и смешения? Да и оно быстро утомляется. И в этом состоит наше третье наблюдение: наша способность радоваться — мала, наша способность страдать — также мала, мы быстро становимся безразличными к самым ужасным бедствиям; были ли у нас хоть какие-нибудь печали, которые мы не предали забвению? Мы можем вместить в себя лишь малую часть этой великой Силы Жизни. *Мы не способны удержать заряд*, — говорит Мать. Одно слишком глубокое дыхание — и мы кричим от радости или от боли, рыдаем, танцуем или теряем сознание. Потому что это все та же многоликая Сила, которая вливается и переполняет нас. Сила Жизни не страдает, она не тревожится и не возносится, не является ни хорошей, ни плохой — она просто есть, она течет, всеохватывающая и безмятежная. Те противоположные друг другу формы, которые она принимает в нас, — это результат нашей прошлой эволюции, когда мы были жалки, чрезвычайно жалки, разобщены, мы должны были защищать себя от этой огромной живой массы, слишком интенсивной для нас. Мы должны были различать «полезные» и «вредные» вибрации, причем первые обладали положительным коэффициентом удовольствия, симпатии или добра, а вторые — отрицательным коэффициентом страдания, отвращения или зла; но страдание — это слишком большая интенсивность все той же Силы, ведь даже удовольствие, если оно слишком интенсивно, превращается в свою причиняющую страдание противоположность: *Это — конвенции наших чувств*,[79] — говорит Шри Ауробиндо. — *Достаточно лишь незначительного перемещения стрелки сознания, — говорит Мать. Космическому сознанию в состоянии абсолютного знания и совершенного опыта все соприкосновения являются как радость, Ананда.*[80] Ни что иное, как узость и недостаточность нашего сознания, являются причиной всех наших несчастий, моральных и физических, причиной нашего бессилия и вечной трагикомедии нашего существования. Но средством избавления от этого является не истощение витального, как учат моралисты, а его расширение; не отрекаться, но принимать все больше и больше, расширять свое сознание. Ведь именно в этом — смысл эволюции. По сути дела единственное, от чего нам нужно отречься — это от собственного невежества и ограниченности. Когда мы упорно цепляемся за свою жалкую фронтальную личность, за ее претензии, слащавую и неотвязную сентиментальность и священные печали, мы не люди в подлинном смысле этого слова — мы улитки Каменного Века, *мы защищаем свое право на скорби и страдания.*[81]

Та сомнительная игра, которая разворачивается в поверхностном витальном, уже не сможет ввести ищущего в заблуждение, но в течение длительного времени у него еще сохранится привычка отвечать на тысячи биологических и эмоциональных вибраций, вращающихся вокруг него. Переходный период требует времени (как и переход от гудящего ума к ментальному молчанию), и он часто сопровождается короткими периодами сильной усталости, потому что организм расстается с привычкой обновления энергии из обычного поверхностного источника (который очень скоро покажется нам грубым и тяжелым, как только мы вкусим другого вида энергии), но при этом он еще не обладает способностью быть постоянно соединенным с

истинным источником — отсюда и «пробелы». Но и здесь ищущему помогает нисходящая Сила, которая мощно способствует установлению в нем нового ритма. Он замечает с неиссякаемым удивлением, что стоит ему сделать один маленький шаг вперед, как Помощь свыше делает десять шагов навстречу — как будто его ждали. Однако неправильно думать, что работа состоит только в отрицании старого; витальному, конечно, очень льстит та мысль, что оно совершает огромные усилия, борясь против самого себя — это ловкий прием, как защитить себя на всех фронтах; на деле же ищущий не подчиняется каким-то особо строгим или несущим массу запретов правилам, а следует позитивному стремлению своего существа; он действительно растет, а потому нормы вчерашнего дня или удовольствия позавчерашнего кажутся ему такими же скудными, как пища сосунка — его уже не удовлетворяет все это, он должен действовать лучше, жить лучше. Именно поэтому так сложно объяснить путь тому, кто никогда не пытался идти по нему — он увидит лишь собственную точку зрения сегодняшнего дня или, вернее, то, что он теряет ее. Но если бы мы только знали, какой это шаг вперед — оставить прежнюю точку зрения, как изменяется жизнь, когда человек движется от стадии замкнутых истин к стадии истин открытых и далее к истине, подобной самой жизни, истине слишком великой, чтобы уместиться в каком-либо ограниченном взгляде на вещи, ибо она охватывает их все и оценивает полезность каждой вещи на каждой стадии бесконечного развития; к истине достаточно великой для того, чтобы отрицать себя и бесконечно переходить в истину более высокую.

За этим инфантильным, беспокойным, быстро истощающим свои силы витальным мы находим витальное спокойное и мощное — то, что Шри Ауробиндо называет *истинным витальным,* — витальное, которое содержит саму сущность Жизненной Силы, очищенную от сентиментальных и болезненных побочных продуктов. Мы входим в состояние спокойной, спонтанной концентрации — так море всегда спокойно в глубинах, под волнующейся поверхностью. Эта фундаментальная неподвижность не есть притупление нервов, как и ментальное безмолвие не является оцепенением мозга; это — основа для действия. Это — концентрированная сила, способная начать любую деятельность, противостоять любому, самому неистовому и продолжительному потрясению и при этом не потерять своего равновесия. в зависимости от степени нашего развития из этой витальной неподвижности могут возникнуть новые способности самого разного рода, но прежде всего мы чувствуем неисчерпаемую энергию — любая усталость — это признак того, что мы снова захвачены поверхностной суетой. Работоспособность и даже физическая выносливость увеличиваются в десятки раз. Еда и сон перестают быть единственным и всеисчерпывающим источником обновления энергии. (Изменяется, как мы увидим, природа сна, а количество еды может быть сокращено до гигиенического минимума, так что еда не будет вызывать обычного пресыщения и сопутствующих ему болезней). Могут появиться и другие силы, которые часто называют «чудесными», но эти чудеса — *результат метода*; мы не будем их здесь обсуждать — их надо пережить на опыте. Скажем лишь, что если человек научается управлять некой вибрацией в себе самом, то он автоматически обретает способность управлять той же вибрацией везде в мире, где бы он ее ни встретил. Кроме того, в этой неподвижности установится еще одно свойство: отсутствие страдания и чувство постоянной радости. Когда обычный человек получает удар, физический или моральный, его непосредственная реакция — скрючиться; он сжимается, кипит внутри от боли и гнева и тем десятикратно увеличивает свои страдания. Наоборот, ищущий, который добился в себе некоторой неподвижности, обнаружит, что она растворяет все удары, потому что она *широка,* потому что он уже не жалкая зажатая личность, а сознание, переливающееся за пределы своего тела; успокоенное витальное, как и безмолвный разум, естественным образом становится всеобщим: *Опыт сознания в йоге расширяется во всех направлениях — в стороны, вниз, вверх, распространяясь во всяком направлении до*

бесконечности. Когда сознание йогина становится свободным, это происходит не в теле, но в той бесконечной высоте, глубине и широте, в которых он живет всегда. Его основа — это бесконечная пустота или безмолвие, но в них все может проявиться — Покой, Свобода, Сила, Свет, Знание, Ананда.[82] Малейшее страдание любого рода — это непосредственнный признак противоречий в нашем существе и потери сознательности.

Это расширение существа имеет одно очень важное следствие, которое заставит нас оценить абсолютную необходимость витальной неподвижности не только с точки зрения ясности в общении, эффективности наших действий или радости в жизни, но просто с точки зрения нашей собственной безопасности. Пока мы живем в нашей жалкой фронтальной личности, вибрации малы, слабы удары, невелики радости — нас защищает собственная малость. Но когда мы выходим во всеобщее Витальное, мы находим там те же вибрации или, скорее, силы гигантского всеобщего масштаба; это те самые силы, которые движут миром так же, как они движут нами; если мы не обладаем абсолютным *спокойствием* или внутренней неподвижностью, то будем попросту сметены. Это относится не только ко всеобщему Витальному, но и ко всем планам сознания. Действительно, можно и должно (по крайней мере, для ищущего в интегральной йоге) постичь космическое сознание на всех уровнях — в Сверхсознательном, в разуме, в витальном и даже в теле. Когда ищущий поднимется и войдет в Сверхсознательное, он увидит, что подавлять может и напряженность, накал Духа (на самом деле это всегда все та же божественная Сила, все та же Сознание-Сила наверху или внизу, в Материи или в Жизни, в Разуме или на высших уровнях; но чем ниже, тем тусклее она становится и тем более искажается и разрушается средой, через которую она проходит); если ищущий, не успев выйти из своего оцепенения, пытается восходить слишком быстро, перескакивать некоторые ступени, не установив предварительно ясного и прочного основания, то он легко может взорваться, как паровой котел. Поэтому можно сказать, что витальная прозрачность — это не вопрос этики, но необходимое техническое или даже органическое условие. В действительности же великая Заботливость всегда предохранит нас от преждевременных опытов; может быть, мы ограничены и малы лишь до тех пор, пока нам нужно оставаться ограниченными и малыми.

И в довершение всего, когда мы овладеваем этой неподвижностью, то обнаруживаем, что можем довольно эффективно помогать другим. Ведь помощь другим не имеет ничего общего с эмоциями или милосердием — это вопрос силы, видения, радости. В этом спокойствии мы обладаем не только радостью, передающейся другим, но и видением, которое рассеивает все тучи; мы воспринимаем все вибрации, а способность различения — когда мы видим, что представляют собой эти вибрации — дает нам возможность манипулировать ими, успокаивать, отвращать или даже изменять их. *Спокойствие, — говорит Мать, — это очень положительное состояние; есть покой, который не является противоположностью борьбы — покой активный, заразительный [передающийся другим] и могущественный, который подчиняет и успокаивает, приводит все в порядок и каждой вещи отводит свое место.* Приведем пример этого «заразительного покоя», хотя он относится к несколько более позднему периоду жизни Шри Ауробиндо. Это произошло в Пондишери много лет тому назад. Стоял сезон тропических дождей, когда дожди, а иногда циклоны, обрушиваются совершенно внезапно, принося большие разрушения. Двери и окна нужно было защищать толстыми бамбуковыми щитами. В ту ночь налетел циклон, обрушив на землю целые потоки дождя, и Мать поспешила в комнату Шри Ауробиндо помочь закрыть ему окна. Он сидел за столом и писал (в течение многих лет Шри Ауробиндо писал каждый день по двенадцать часов — с шести вечера до шести утра — а следующие восемь часов ходил взад-вперед для «йоги»); окна были раскрыты настежь, но внутри комнаты не было ни одной капли дождя. Покой, царивший там, вспоминает Мать, был

настолько плотным, компактным, что циклон *не смог* проникнуть туда.

Глава 7. Психический центр

Мы — это не разум, так как все наши мысли исходят из Разума более широкого, чем наш — из всеобщего Разума; мы — это не витальное, т. е. не являемся ощущениями и действиями, так как все наши побуждения, импульсы исходят из Витального более широкого, чем наше — из всеобщего; мы также не являемся этим телом, ибо его компоненты состоят из Материи, которая подчиняется законам более великим, чем наши — законам всеобщим. Тогда что же это такое — тот элемент в нас, который не есть ни наша социальная среда, ни семья, ни наши традиции, ни брак, ни профессия — элемент, который не является игрой всеобщей Природы или обстоятельств, но тем не менее дает нам ощущение «я» даже тогда, когда все остальное разрушено? По сути дела наше истинное «Я» обнажается именно тогда, когда все рушится, потому что тогда наступает момент *нашей* истины.

В процессе нашего исследования мы наблюдали различные центры и уровни сознания и видели, что за этими центрами живет сознание-сила, связующая различные состояния нашего существа (главным следствием ментальной тишины и успокоения витального было отделение этой сознание-силы от ментальной и витальной деятельности, которыми она обычно захвачена), и ощутили, что этот поток силы или сознания — это сама реальность нашего существа, действующая за различными его состояниями. Но эта сознание-сила должна быть *чьим-то* сознанием. Кто или что в нас является сознающим? Где центр, где хозяин? Или мы попросту марионетки некого всеобщего (универсального) Существа, которое и есть наш подлинный центр, поскольку все ментальные, витальные и физические виды деятельности всеобщи по своей природе? На самом же деле истина оказывается двойственной по своему характеру, но уж, конечно, никоим образом мы не марионетки, за исключением тех случаев, когда мы упорно продолжаем отождествлять себя с фронтальным существом, ибо *оно-то* как раз и есть настоящая марионетка. У нас, действительно, есть индивидуальный центр, который Шри Ауробиндо называет *психическим существом*, так же, как и некий космический центр или *центральное существо*. Нам предстоит отыскать шаг за шагом как первый центр, так и второй, и стать Хозяином всех наших состояний. Для начала мы попытаемся найти свой индивидуальный центр, психическое существо, которое также называют душой.

Это одновременно и самая простая, и самая сложная вещь на свете. Самая простая — потому что что ребенок понимает ее или, вернее, *живет* в ней самым естественным образом: он — царь, он — в центре всего мира, он *живет* в своем психическом существе.[83] Самая сложная — потому что эта естественность очень скоро покрывается всевозможными идеями и ощущениями; мы начинаем говорить о «душе» — т. е. ничего уже в ней не смыслим. Все страдания юности — это ни что иное, как история медленного «пленения» психического существа (мы говорим о «страданиях роста», но, скорее всего, существуют лишь страдания от удушья, а зрелости достигают тогда, когда состояние удушья становится естественным состоянием). Таким образом, все трудности ищущего — это обратный процесс, история медленного высвобождения из всякой ментальной и витальной мешанины. Но на самом деле, как мы увидим, это не есть возвращение к отправной точке, во-первых, потому, что назад пути нет, а, во-вторых, потому, что новорожденное психическое, которое обретают в конце пути (в конце, который всегда является началом) — это не сиюминутное преходящее достижение, но *сознательное* господство. Ибо психическое — это существо, оно растет; это чудо вечно длящегося детства во все более просторном царстве. Оно находится «внутри, как ребенок, который должен родиться», — говорит Риг Веда (IX.83.3).

Психическое рождение

Первый признак открывающейся психики — это любовь и радость — радость, которая может быть очень интенсивной и мощной, но без всякой экзальтации и без объекта — спокойная и глубокая, как море. Психической радости ничего не нужно для того, чтобы быть, она *есть*; даже в тюрьме она не может не существовать: это не ощущение, а состояние — как река, которая искрится, сверкает везде, где бы она ни протекала — по грязи ли или по камням, через горы или по равнинам. Это любовь, которая не является противоположностью ненависти и которой ничего не нужно для поддержки, она просто *есть*. Она горит постоянным огнем независимо от того, с чем она встречается, горит во всем, что она видит и чего касается, просто потому, что она не может не любить, такова ее природа; для нее нет ничего высокого или низкого, чистого или нечистого; ни пламя ее, ни радость не могут померкнуть. Есть и другие знаки ее присутствия: она легка, ничто не является бременем для нее, как будто сам мир — это площадка для ее игр; она неуязвима и неприкосновенна, как будто навеки находится за пределами всех трагедий, вне всех катастроф; она — провидец, она прозревает; она спокойна, очень спокойна — едва заметное дыхание в глубинах существа; и широка, безбрежна, как море. Ибо она вечна. И свободна; ничто не может сковать, пленить ее: ни жизнь, ни люди, ни идеи, ни доктрины, ни страны — она — за их пределами, всегда по ту сторону их, и все-таки находится в сердце всех и каждого, как будто она едина со всем. Это Бог в нас.

Вот каким предстает психическое существо видящему взгляду: *Когда вы смотрите на кого-нибудь, кто сознает свою душу и живет в душе своей, — говорит Мать, — вы чувствуете, как вы нисходите, вы проникаете глубоко-глубоко в человека, далеко, очень далеко внутрь. Обычно, когда вы смотрите людям в глаза (бывают глаза, в которые войти невозможно, они подобны закрытым дверям, но глаза некоторых — открыты, и вы можете войти), недалеко от поверхности вы наталкиваетесь на нечто вибрирующее, иногда оно светится и искрится, и если вы не обладаете знанием, вы скажете: «У него живая душа» — но это не душа, это его витальное. Для того, чтобы найти душу, вам нужно удалиться с поверхности, уйти глубоко внутрь, глубоко-глубоко, спуститься вниз, на самое дно, туда, где безмолвно, спокойно; и там вы находите нечто мягко греющее, спокойное, состоящее из какой-то обильной субстанции, обладающее необыкновенной полнотой и неподвижностью, исключительно мягкое — это душа. И если вы продолжаете этот процесс, оставаясь сознательными, приходит ощущение изобилия, полноты с неизмеримыми глубинами. Вы чувствуете, что если бы вы вошли туда, то раскрылись бы многие тайны; это подобно отражению чего-то вечного на тихую, спокойную поверхность воды. Времени больше не существует. У вас возникает впечатление, что вы были всегда и будете вечно.*

Но это только признаки, внешнее выражение того, что существует само по себе и что мы хотим пережить сами, непосредственно. Как открыть двери психического существа? Ведь оно недурно скрыто. Прежде всего, оно скрыто нашими идеями и ощущениями, которые бессовестно обкрадывают его и подражают ему; у нас столько всяких мнений о том, что высоко и что низко, что чисто, а что нечисто, божественно или небожественно, столько сентиментальных стереотипов по поводу того, что заслуживает любви, а что — нет, что бедное психическое существо не имеет никакой возможности проявить себя, так как его место уже занято всем этим хаосом. Стоит ему показать свое лицо, как на него тут же набрасывается витальное, которое в экзальтации использует его для блестящих полетов, для своих «божественных» и мутных

эмоций, собственнической любви, расчетливого благородства и яркой безвкусной эстетики; или же разум заточает его в клетку и использует для своих особенных идеалов, непогрешимых филантропических схем, для своей ограниченной этики и моральных догм; или его присваивают себе церкви, бесчисленные церкви и заключают его в символы веры и догматы. Где же психическое существо во всем этом? И все же оно здесь — божественное, терпеливое, стремящееся пробиться сквозь все наслоения и на самом деле использующее все то, что ему дано или что ему навязано, как говорится, «оно довольствуется тем, что имеет». И именно в этом заключается проблема: когда бы оно ни выходило из своего укрытия, пусть даже на секунду, оно выплескивает на все, чего оно касается, такое великолепие, что мы склонны принимать за его лучащуюся истину те обстоятельства и окружение, при которых к нам пришло это откровение. Тот, кому довелось раскрыть свое психическое существо, слушая Бетховена, скажет: «Музыка, одна лишь музыка истинна и божественна в этом мире». Другой, почувствовав свою душу среди безбрежных океанских просторов, создаст религию открытых морей. Третий будет бесконечно верить лишь своему пророку, своей церкви или своему евангелию. Каждый вокруг своего переживания сооружает свою собственную доктрину. Но психическое существо свободно, чудесным образом свободно от чего бы то ни было! Ему не нужно *ничего* для того, чтобы существовать, это воплощенная Свобода, и оно использует нашу более или менее возвышенную музыку, наши более или менее великие писания просто для того, чтобы пробить в человеческом панцире отверстие и выйти на свет. Оно дает свою силу и любовь, свою радость, свой свет и свою неопровержимую открытую Истину всем нашим идеям, всем нашим ощущениям и доктринам потому, что для него это единственная возможность проявить себя, единственное средство выражения, которое у него есть. Но взамен этого эмоции, идеи и доктрины извлекают из него уверенность в своей правоте; они присваивают его себе и обволакивают его, вытягивая из этого элемента чистой Истины свои неоспоримые утверждения, свою исключительную глубину, свою одностороннюю универсальность, и *сама сила элемента истины увеличивает силу элемента заблуждения*.[84] В конце концов психическое настолько поглощается, настолько сливается со всем остальным, что мы уже не можем отличить и отделить подделку, не разрушив самой ткани истины — так вот и живет мир, отягощенный полуистинами6 которые еще тяжелее, чем ложь. Может быть, настоящая трудность заключается не в том, чтобы освободиться от зла, которое легко распознать, если мы хоть немного искренни, но в том, чтобы освободиться от того добра, которое является ни чем иным, как обратной стороной зла, и навечно узурпировало лишь крупицу истины.

Если мы хотим иметь непосредственное переживание психического существа во всей его кристальной чистоте и удивительной свежести, такого, каким оно существует вне всех наших ловушек, которые мы расставляем для него, вне всех наших идей, ощущений и заявлений о нем, то мы должны создать внутри себя прозрачность. Бетховен, море, наша церковь были лишь средством достижения этой прозрачности. Потому что всегда, как только мы становимся прозрачными, сразу же автоматически, без малейшего усилия с нашей стороны появляются Истина, видение, радость, ибо Истина — это самая естественная вещь в мире, а все остальное как раз создает путаницу — ум и витальное со своими хаотическими вибрациями и учеными хитросплетениями. Все духовные практики, которые достойны такого названия, все *тапасья*, должны в конечном счете стремиться к этому состоянию — абсолютно естественному, свободному от всякого усилия, потому что усилие — это еще один источник путаницы, еще одно усложнение. Поэтому ищущий не будет пытаться проникнуть в путаницу выводов морализирующего рассудка или приниматься за невыполнимую задачу отделить добро от зла в своем стремлении освободить психическое, ибо на самом деле полезность и добра, и зла почти не отделима от вреда каждого из них *(мой возлюбленный снял с меня покровы греха, и я, радуясь,*

позволила им упасть; затем он дернул за мои покровы добродетели, но мне было стыдно, я была испугана и препятствовала ему. И когда он сорвал их с меня силой, я увидела душу свою, которая была скрыта от меня);[85] он просто будет стараться, чтобы все успокоилось и прояснилось в безмолвии, ибо безмолвие — это нечто чистое само по себе, оно как прозрачная вода. «Не старайся смывать одно за другим пятна с одежды твоей, — говорит одна очень древняя халдейская мудрость, — смени ее целиком». Это то, что Шри Ауробиндо называет *изменением сознания.* Мы увидим, как в этой прозрачности спокойно разглаживаются старые привычные структуры, мы почувствуем новое равновесие сознания — не интеллектуальное состояние, но некий центр притяжения в нас. На уровне сердца, глубже витального сердечного центра (который скрывает психическое и подражает ему), мы чувствуем зону концентрации более интенсивную по сравнению с остальными, как если бы они все впадали туда — это *психический центр.* Мы уже почувствовали, как внутри нас уже начал действовать и обретать свою независимую жизнь поток сознания-силы, который перемещается в теле и становится все более интенсивным по мере того, как он постепенно освобождается от ментальных и витальных видов активности, но в то же время в этом центре загорается нечто, подобное пламени — *Агни.* Подлинное «Я» в нас. Мы говорим «мне нужно знать», «я чувствую потребность любить», но кто же это в нас действительно испытывает потребность? Разумеется, это не жалкое эго, вполне удовлетворенное самим собой, не скучный, повторяющий одно и то же ментальный приятель, движущийся туда-сюда по своей проторенной колее, и не лживое витальное, которое не желает ничего иного, как только хватать и хватать без конца. Но за всем этим — бессмертное пламя; это оно испытывает потребность, ибо оно помнит нечто иное. «Присутствие» — такое слово обычно употребляют для его обозначения, но это похоже скорее на острое отсутствие, на живое отверстие, на пустоту внутри нас — она шевелится, жжет, подталкивает и подгоняет до тех пор, пока не становится реальностью, единственной реальностью в мире — и тогда приходят сомнения: действительно ли живы люди или только претендуют на жизнь? Именно это огненное «я» — единственно подлинное «я» в мире, единственное, на что можно опереться и что не подведет нас: «В центре нас находится сознательное существо, которое властно над прошлым и будущим; оно подобно пламени без дыма… Его нужно терпеливо освобождать [отделять] от своего тела», — говорится в Упанишадах (Катха Упанишада IV.12, 13; VI.17). Это «ребенок, скрытый в тайной пещере», о котором говорит Риг Веда (V.2.1), «сын небес с телом земли» (III.25.1), «тот, кто бодрствует в тех, кто спит» (Катха Упанишада V.8). «Он — в середине дома» (Риг Веда I.20.2), «Он подобен жизни и дыханию нашего существования, он — как наше вечное дитя» (I.66.1), он — это «сияющий Царь, который был скрыт от нас» (I.23.14). Это — Центр, Хозяин, место объединения всех вещей:

> *Солнечное пространство, где все известно навеки.*
>
> *The sunlit space where all is for ever known*[86]

Если мы хоть раз в жизни, на одно лишь мгновение почувствовали это Солнце внутри себя, это пламя, эту живую жизнь — ведь есть так много мертвых жизней, — то все изменяется для нас; все остальное тускнеет перед этим воспоминанием. Это — *та* Память. И если мы доверяем этому горящему *Агни,* то он будет становиться все сильнее, подобно живому существу в нашей плоти, подобно неиссякающему стремлению. Мы будем чувствовать, как что-то в нас концентрируется все больше и больше и испытывает острые муки заключения, как будто оно стремится и не может прорваться наружу: *Ужасное ощущение, как будто что-то ограничивает*

ваше видение и ваши движения; все ваши попытки форсировать переход приводят лишь к тому, что вы оказываетесь перед стеной. И вы толкаете, толкаете вновь и вновь, но все тщетно, — говорит Мать. Затем, в силу исключительной потребности, благодаря исключительной силе воли и настоящей агонии, вызванной этим удушьем, психическое напряжение достигает однажды своей критической точки, и мы обретаем переживание: *Давление становится настолько большим, напряженность вопроса — столь сильной, что что-то переворачивается в сознании. Вместо того, чтобы будучи вовне, пытаться заглянуть внутрь, вы оказываетесь внутри; и в тот самый момент, когда вы оказываетесь внутри, меняется радикальным образом абсолютно все. Все, что казалось истинным, естественным, нормальным, настоящим, ощутимым, кажется теперь гротескным, смешным, нереальным и абсурдным. Вы соприкоснулись с чем-то в высшей степени истинным и вечно прекрасным; вы никогда уже не потеряете это.* «О, Огонь, когда мы должным образом поддерживаем тебя, тобой растем мы и ввысь и вширь, вся слава и красота — в твоих желанных красках и твоем совершенном видении. О, Безбрежность, ты — полнота [изобилие], несущая нас к концу нашего пути; ты — многообразие богатств, рассеянных повсюду, со всех сторон» (Риг Веда II.1.12). Перед нами открывается новая жизнь, как будто раньше мы никогда не видели дневного света: *Положите призму на одну из граней, — говорит Мать, — и свет будет белым; переверните ее — и увидите преломление света. Это как раз то, что происходит: вы восстанавливаете белый свет.* Мать описывает это переживание и таким образом: *Вы сидите как бы перед закрытой дверью, массивной бронзовой дверью, желая, чтобы она открылась и позволила вам войти. Для этого вы концентрируете все ваше устремление в единый луч, который начинает толкать, толкать эту дверь, ломиться в нее все сильнее и сильнее, с возрастающей энергией до тех пор, пока дверь внезапно не откроется и не впустит вас. И вы входите, как будто вас вытолкнули на свет.*

Тогда человек воистину рождается.

Рост психического

Когда дверь психического отворяется, самым первым и неопровержимым переживанием является убеждение в том, что мы существовали всегда и пребудем вовеки. Поистине мы выходим в иное измерение, где нам открывается, что мы стары, как мир, и вечно молоды, что эта жизнь — это *один* из опытов, *одно* звено в неразрывной цепи опытов и переживаний, которая тянется из далекого прошлого и теряется в далеком будущем. Внезапно все расширяется до масштабов Земли. Каким человеком мы еще не были? Какого греха не совершили? Опрокидываются все ценности. Все виды мелочности и величия — есть ли что-нибудь среди них, что было бы по-настоящему чуждо нам? Где чужой, предатель, враг? О, божественное понимание, абсолютное сострадание! И все начинает искриться, сверкать, как будто из пещер мы вышли на высоты; все обретает смысл и связано между собой, как будто старая загадка разрешается в дыхании света — смерти больше нет, умирают лишь невежественные; как может существовать смерть для того, кто сознателен? *Живу я или умираю, я существую всегда.*[87] «Старый и изнуренный, он вновь и вновь становится молодым», — говорит Риг Веда (II.4.5). «Он никогда не рождается и не умирает, не возникая, — говорит Бхагавадгита, — он никогда вновь не возникает. Нерожденный, постоянный, бесконечный, он, древний, не умирает, когда гибнет тело. Как, покинув старые одежды, человек берет другие, новые, так, покинув старые тела, входит воплощенная душа в другие, новые. Для рожденного неизбежна смерть, для умершего

неизбежно рождение».[88]

То, что известно под названием реинкарнации (перерождении, рождении вновь) не является, конечно, особенностью учения Шри Ауробиндо; о ней говорит вся древняя мудрость Земли от Дальнего Востока и до Египта (а впоследствии и неоплатоники),[89] но Шри Ауробиндо придает реинкарнации новый смысл. С того момента, как мы вышли за пределы ограниченного сиюминутного видения отдельной жизни, обрываемой смертью, у нас есть две возможности: или мы соглашаемся с крайними спиритуалистами [последователями духовных учений], что все эти жизни есть ни что иное, как не имеющая цели цепь страданий, от которой лучше всего освободиться как можно скорее для того, чтобы обрести покой в Боге, в Брахмане или в некой Нирване, или мы держимся веры Шри Ауробиндо — веры, основанной на опыте — что все эти отдельные жизни, взятые вместе, представляют собой рост сознания, причем вершиной, кульминацией этого роста является *земное* свершение. Иными словами, за внешней эволюцией видов осуществляется эволюция сознания, и этой духовной эволюции суждено завершиться индивидуальной и коллективной реализацией на земле. Может возникнуть вопрос, почему столь просветленные последователи традиционных духовных учений не видели такой возможности земной реализации? Прежде всего это относится лишь к недавним учениям; в Ведах же (чью тайну заново открыл Шри Ауробиндо) и, видимо, в некоторых других, пока еще неправильно понятых традициях, вопрос этот решается положительно. Что же касается недавних учений, то надо сказать, что духовность нашей современной эпохи отмечена затемнением сознания, которое прямо пропорционально его ментальному развитию. Кроме того, вряд ли последователи духовных учений могли прийти к заключению, которое по своей природе существенно отличается от их предпосылок. Исходя из идеи, что земной мир — это иллюзия или промежуточное царство, которое так или иначе подчинено дьяволу и плоти, в итоге они не могли не прийти к тому, что изначально было обусловлено их же предпосылками: освобождения и спасения искали они вне мира. Вместо того, чтобы терпеливо исследовать все человеческие возможности — ментальные, витальные, физические и психические — с тем, чтобы освободить их от «склероза» и расширить, т. е. выявить их божественную сущность, как это делали мудрецы Вед (и, возможно, мудрецы древних Мистерий, не говоря уже о Шри Ауробиндо), они отвергли все это и стремились *вознестись сразу от чистого ума к чистому духу.*[90] Таким образом, они, конечно, не могли видеть того, чего видеть не желали. Материалисты также не охватывают всего, но по-другому: они исследуют лишь малую часть физической реальности и отрицают все остальное. Начав с идеи, что материя — это единственная реальность, а все остальное — галлюцинация, в итоге они точно так же приходят к тому, что изначально было обусловлено их же предпосылками. Если же с самого начала мы отбросим все предубеждения, как это сделал Шри Ауробиндо, примем, что истина шире, чем все предпосылки, и будем продвигаться с абсолютным доверием к интегральным возможностям человека, то, может быть, мы завершим наш путь, достигнув интегрированного знания, а следовательно, и интегрированной жизни.

Если рассматривать реинкарнацию с точки зрения эволюции сознания, то она перестает быть бесцельным круговоротом рождений и смертей, как ее видят одни, или бредовой фантазией, как ее изображают другие. С чисто западной четкостью мышления Шри Ауробиндо освобождает нас от *духовных небылиц,* как их называет Мать, в которые выродилось духовное знание в конце Века Мистерий; он приглашает нас к эксперименту, для которого необходима ясность ума, а не способность ясновидения. Дело не в том, чтобы «верить» в перерождения, а в том, чтобы пережить это на опыте и прежде всего понять условия, при которых это переживание возможно. Это вопрос практики, имеющий большое значение для нашего интегрального развития на протяжении всего времени. Перерождается, очевидно, не маленькое фронтальное существо, даже если это разочарует тех, кто представляет себя вечно тем же месье Дюпоном —

сначала в галльской набедренной повязке, затем в бархатных кюлотах и, наконец, в джинсах (что было бы, кроме всего прочего, довольно однообразно). Подлинный смысл перерождения и глубже, и шире. После смерти все внешнее фронтальное существо разлагается. Все скопление ментальных вибраций, которые окружали нас и постоянным повторением формировали наше ментальное эго, ментальное тело, разлагается и возвращается во всеобщий Разум. Точно так же витальные вибрации, которые образовывали наше витальное эго, или витальное тело, разлагаются во всеобщем Витальном подобно тому, как физическое тело разлагается на свои природные компоненты во всеобщей Материи. Остается только психическое. Как мы видели, оно вечно. Поэтому переживание перерождения на опыте зависит от того, открыли ли мы Центр, психическое, Хозяина, который несет свои воспоминания из одной жизни в другую, и от степени нашего психического развития. Если всю нашу жизнь психическое остается погребенным под нашими ментальной, витальной и физической активностями, то у него нет никаких воспоминаний, которые оно могло бы взять с собой — и оно возвращается на землю вновь и вновь именно для того, чтобы выйти на поверхность нашего существа и стать открытым, сознательным. Для того, чтобы помнить что-то, нам нужно для начала перестать быть забывчивыми — это очевидно. Поэтому едва ли можно говорить о реинкарнации раньше, чем достигается определенная стадия развития, ибо какая польза в знании того, что психическое перерождается, если мы не сознаем его? Сам смысл нашей эволюции заключается в том, чтобы стать сознательными.

Из жизни в жизнь за фронтальным существом безмолвно растет психическое — через многообразие восприятий нашего тела, возбудителей наших ощущений, посредством неисчислимого количества мыслей, которые шевелятся в нас. Оно растет, когда мы растем, и растет, когда мы падаем, через наши страдания и радости, наше добро и зло: все это — его щупальца-антенны для восприятия мира. Когда распадается этот внешний аппарат, психическое сохраняет лишь *суть* своих переживаний, основные тенденции, которые становятся все более рельефными и формируют за фронтальным существом зародыш *психической личности;*[91] на нее оказывают особое влияние определенные результаты предыдущей жизни, ибо каждое наше действие обладает динамизмом, тенденцией повторения (то, что называется *кармой* в Индии). Некоторые переживания будут преобразованы в следующей жизни в особые таланты, специфические проблемы, во врожденные влечения, в необъяснимые страхи, непреодолимую притягательность и иногда даже в особые обстоятельства, которые повторяются почти механически как будто для того, чтобы вновь поставить нас перед лицом все той же проблемы и дать возможность решить ее. Итак, каждая жизнь представляет собой один тип опыта (можно думать, что мы имеем много переживаний, но это всегда одно и то же переживание, один тип опыта); путем накопления многих типов опыта психическое постепенно обретает некоторую индивидуальность, которая становится все более сознательной и широкой, как будто подлинное существование психического начинается лишь после того, как исчерпан весь человеческий опыт. Чем больше оно растет, тем ярче выраженную индивидуальность обретает сознание-сила в нас и тем более возрастает психическое напряжение — это давление внутри нас растет до тех пор, пока однажды психическому уже не будет нужен этот кокон фронтальной личности — оно вырвется на свободу. С этого момента психическое начнет непосредственно осознавать окружающий мир; оно становится господином природа вместо того, чтобы быть ее спящим пленником; сознание становится господином своей силы вместо того, чтобы увязать в ней. Йога, по сути дела, — это та точка нашего развития, когда мы от бесконечных витков естественной эволюции переходим к самосознательной и контролируемой эволюции — это *процесс концентрированной эволюции.*

Как мы видим, существует много уровней — от обычного человека, в котором психическое

— это только скрытая возможность, до пробужденного существа. Как если не реинкарнацией объяснить поразительную разницу между душами, уровнями разных людей — например, между сводником и Данте или Франциском Ассизским, или же, другой пример, между *расчетливым обывателем*, как его называет Шри Ауробиндо, и человеком ищущим? Объяснить это считая, что духовное развитие есть следствие образования, среды и наследственности, неверно в принципе, ибо это означало бы, что лишь у отпрысков респектабельных семей есть душа, а три четверти непросвещенного человечества обречены на вечное проклятие. *Сама природа нашего человеческого естества [humanity], — говорит Шри Ауробиндо, — предполагает разнообразное и разнородное прошлое души так же, как и ее земное будущее, проистекающее из настоящего.*[92] Но если мы, несмотря на очевидность этой истины, все-таки настаиваем на том, что человеку дана лишь одна жизнь, то это ведет к абсурду: *Платон и готтентот, счастливое дитя святых или риши *) Риши — мудрецы эпохи Вед, одновременно пророки и поэты, создавшие Веды. — и тот, кто будучи рожден и воспитан преступником, погружен с самого начала и до конца своей жизни на самое дно зловонного разложения большого современного города, все они должны в неравных условиях, но как бы на равных, создавать своей деятельностью или верою в одной-единственной жизни свое вечное будущее. Это — парадокс, который оскорбляет и ум, и душу, и этическое существо, и духовную интуицию.*[93] Но даже среди пробужденных существуют огромные различия; некоторые души, некоторые сознания-силы только рождаются, тогда как другие обладают вполне отчетливой индивидуальностью; некоторые души находятся в своем первом лучезарном самораскрытии, но им мало что известно за пределами собственной сверкающей радости, у них нет даже отчетливой памяти о своем прошлом и они не сознают тех миров, которые несут в себе, тогда как другие души, редкие души, обладают широким, планетарным сознанием. Человек может быть озаренным йогином или святым, живущим в глубинах своего существа, внутри души своей, но при этом у него может быть незрелый ум, подавленное витальное, он может пренебрегать телом и обращаться с ним, как с животным, и в довершение всего у него может быть абсолютно пустое сверхсознательное. Можно достичь «спасения», но ни в коем случае это не будет полнотой интегральной жизни.

Поэтому за раскрытием психического должно следовать то, что можно образно назвать «колонизацией психического», или, иными словами, *психической интеграцией*. Слово *интеграция* использует также и современная психология, но только вокруг чего она собирается интегрировать? Для интеграции нужен центр. Или она предполагает интегрировать вокруг суматохи ментального или витального эго? С таким же успехом можно пытаться пришвартовать лодку к хвосту угря. После того, как мы открыли внутреннее царство психического, мы должны теперь постепенно и терпеливо завоевывать и присоединять к нему царство внешнее; если мы хотим достичь реализации здесь, на земле, то нам нужно объединить вокруг нового центра все виды нашей ментальной и витальной активности и даже, как мы увидим, всю нашу физическую природу. Лишь при этом единственном условии они будут жить дальше: только те виды активности, которые, так сказать, будут «психизированы», станут бессмертными вместе с психическим. Все, что происходит вне психического, происходит по сути дела вне нас и не выходит из пределов жизни нашего тела. Есть целые жизни, в которых никого нет. Для того чтобы психическое могло помнить внешние события, ему необходимо принять участие в нашей внешней деятельности; в противном случае оно становится подобным слепому царю. И вот тогда, и только тогда, сможем мы говорить о реинкарнации и воспоминаниях прошлых жизней — не обязательно это будут воспоминания о ярких и славных подвигах (сколько было Наполеонов, сколько Цезарей, если верить популярным авторам, которые писали о реинкарнации!), но это будут воспоминания о *мгновениях души,*[94] ибо для психического нет ничего славного или бесславного, высокого или низкого — покорение Эвереста для него

событие отнюдь не более великое, чем обычная прогулка к метро, если мы совершаем ее сознательно. Психическое — это слава сама по себе.

Эти «мгновения души» могут хранить воспоминание о физических условиях, которые их сопровождали; мы можем помнить окружающую обстановку, место, костюм, который в тот момент был на нас, незначительные детали, которые становятся как бы отмеченными вечностью в тот момент, когда происходит внутреннее откровение. Нам всем знакомы, даже в этой жизни, мгновения какой-то чистой прозрачности или внезапного расцветания, причем через двадцать или сорок лет мы не обнаруживаем никаких изменений на этом моментальном снимке, все остается нетронутым — оттенок неба, маленький камушек на дороге или карусель мелких повседневных забот, которыми был отмечен тот день — и все так, как будто все это — вечно. И даже без «как будто» — это *на самом деле вечно.* Это единственные мгновения, когда мы жили, когда из сотен часов небытия на поверхность вышло подлинное «Я». Психическое может выйти на поверхность и при трагических обстоятельствах, когда все существо собирается, концентрируется в мучительном напряжении, и что-то рвется в нас, мы ощущаем некое присутствие где-то глубоко внутри, которое может заставить нас сделать то, на что в нормальном состоянии мы не способны. И это — другое лицо психического: психическое — это не только радость и свежесть, но также и спокойная сила, как будто оно навеки — над всеми трагедиями — неуязвимый владыка. И в этом случае также могут неизгладимо запечатлеться в памяти все детали места происшествия. Но в следующую жизнь переходят не столько детали, сколько суть происшествия; нас поразят некоторые сплетения обстоятельств или тупиковые ситуации, с которыми, кажется, мы уже когда-то встречались, их как будто окружает ореол фатальности: то, что не было преодолено в прошлом, возвращается вновь и вновь, каждый раз немного отличаясь по форме, но по сути являясь все тем же — до тех пор, пока мы не встанем лицом к лицу со старыми трудностями и не развяжем узел. Ибо таков закон внутреннего прогресса.

Но обычно воспоминания о конкретных физических условиях не сохраняются, потому что в конце концов они не имеют того значения, которое им приписывает наше мелкое поверхностное сознание. Существует даже естественный механизм, который стирает избыток бесполезных воспоминаний прошлых жизней и постепенно сглаживает воспоминания жизни настоящей. Если мы попытаемся охватить всю нашу жизнь единым взглядом, то что, в самом деле, остается от нее? Серая масса с двумя или тремя яркими, выделяющимися на общем фоне образами; все остальное стирается, исчезает. То же самое происходит с душой и ее прошлыми жизнями. То есть существует обширная сортировка воспоминаний. И на протяжении долгого времени закон забвения действует чрезвычайно мудро, поскольку, если бы нам пришлось преждевременно вспомнить наши предыдущие жизни и возможности, эти воспоминания постоянно угнетали бы нас. Даже в этой настоящей жизни слишком много бесполезных воспоминаний стоит на пути нашего прогресса, слишком много, ибо они запирают нас в пределах все той же внутренней позиции, того же противоречия, того же отрицания или протеста, в пределах той же жизненной ориентации. Нам нужно забывать для того, чтобы расти. Если мы, обладая до безнадежности внешним сознанием, вдруг вспомним, что когда-то мы были, например, добропорядочным банкиром, а сейчас обнаруживаем себя в шкуре проворного мошенника, то мы будем изрядно смущены! В этом случае мы, наверное, еще слишком молоды для того, чтобы понять такой переход, понять, что нашей душе необходимо было познать противоположность (как обратную сторону) добродетели или, вернее, что сейчас она вскрыла абсцесс, который назывался добродетелью. Эволюция не имеет ничего общего с тем, чтобы становиться «святее» или «интеллектуальнее», ее смысл заключается в том, чтобы становиться сознательнее. Пройдет много времени, прежде чем мы будем в состоянии вынести истины прошлых жизней.

Итак, все зависит от уровня нашего развития и от того, в какой степени наше психическое существо принимает участие во внешней жизни; чем больше мы «колонизировали» внешний мир, тем больше воспоминаний мы берем с собой. К сожалению, очень часто мы удовлетворяемся тем, чтобы иметь так называемую внутреннюю жизнь, а что касается внешнего, то там мы живем по-старому, не обращая на него особого внимания. Это прямо противоположно целям интегральной йоги. Однако, если с самого начала мы охватим все в наших поисках — все уровни нашего существа, всю жизнь — вместо того, чтобы отвергать мирскую деятельность ради каких-то уникальных поисков души, то мы достигнем интегральной и целостной жизни, где не будет различий между внутренним и внешним. Если же, наоборот, мы исключим все ради достижения так называемых «духовных целей», то потом нам будет очень трудно возвратиться, низойти с наших хрупких высот для того, чтобы расширить и сделать всеобщим разум, освободить и сделать всеобщим витальное, очистить подсознательное и, наконец, работать в грязи физического, чтобы выявить Божественное в нем. Нам слишком удобно там, наверху, и совсем не до того, чтобы месить всю эту грязь, а, по правде говоря, мы *уже и не в состоянии* делать это. На самом деле мы даже не думаем об этом, да и как нам может прийти в голову взяться за столь грандиозную задачу, если с самого начала мы считаем, что разум, витальное и тело — смертны и что единственная цель — это бегство от жизни и достижение спасения?

Поэтому постижение психического, или открытие души, не будет для ищущего концом пути, это будет началом другого путешествия, в которое ищущий отправится в полном сознании вместо того, чтобы идти в неведении — причем это сознание становится все шире по мере продвижения, потому что чем больше растет психическое существо, чем более активное участие принимает оно в нашей мирской деятельности, тем более ясными, четкими и продолжительными становятся его ментальные, витальные и физические воспоминания из жизни в жизнь (тогда мы по-настоящему начинаем понимать, что такое бессмертие) и тем более согласованными, волеопределенными и эффективными становятся рождения психического. Мы свободны, мы пробудились навсегда. Смерть — это уже не ухмыляющаяся маска, дразнящая нас тем, что мы не обрели себя, но спокойный переход от одного вида опыта к другому. Мы поймали нить сознания раз и навсегда и переходим туда или сюда так, как переходят границу между двумя государствами, а затем возвращаемся вновь на старую землю — наверное, до тех пор, пока, как говорил Шри Ауробиндо, мы не вырастем, т. е. пока мы не будем в состоянии не только обеспечить непрерывность нашего ментального и витального существования, но и влить достаточно сознания в это тело с тем, чтобы и оно могло принять участие в бессмертии психического. Ибо все и всегда — это вопрос сознания, это касается как нашей ментальной, витальной и физической жизни, так и нашего сна, нашей смерти и нашего бессмертия. Сознание — это средство, сознание — это ключ, сознание — это последний предел.

Глава 8. Независимость от физического

Физическое, которое представляет собой третье, после разума и витального, орудие Духа в нас, играет важную роль в йоге Шри Ауробиндо, ибо без него невозможна *божественная жизнь* на Земле. Сейчас мы обсудим лишь предварительные части опыта, а именно, те, к которым Шри Ауробиндо пришел в начале своей йоги. На самом деле для йоги тела необходимо гораздо более развитое сознание, чем то, о котором мы говорили до сих пор, потому что по мере нашего приближения к Материи становятся необходимыми все высшие силы сознания: чем ниже мы спускаемся, тем сильнее сопротивление. Материя — это место величайших духовных трудностей, но это также и *место Победы.* То есть йога тела лежит вне сферы действия нашей витальной или ментальной силы, для тела необходима *супраментальная йога,* которую мы обсудим немного позже.

Независимость от чувств

Материя — это исходная точка нашей эволюции; заключенное в Материи сознание высвобождается, и чем больше оно выделяется из материи, тем в большей степени оно возвращает себе свой суверенитет, утверждает свою независимость. Это — первый шаг (но не последний, как мы увидим). Однако мы находимся почти в абсолютной зависимости у потребностей тела — чтобы выжить — и у его органов — чтобы воспринимать мир; мы очень гордимся, и по праву, нашими машинами, но когда наша собственная машина страдает от легкой головной боли, то все вокруг рушится, а когда все наши телеграфы, телефоны, телевизоры и т. д. отказывают нам, то мы не в состоянии знать, что происходит за соседней дверью, а наше видение не простирается дальше конца улицы. Мы — гиперцивилизованные существа, и в отношении нашего физического состояния мы ничем не лучше пещерного человека. По-видимому, наши машины — это не символ господства, а, скорее, символ ужасающего бессилия. Виноваты в этом как материалисты, не верящие в силу внутреннего Духа, так и последователи духовных учений, которые не верят в реальность Материи. Однако это бессилие не является непоправимым, поскольку в его основе лежит, главным образом, наше убеждение в том, что мы — бессильны; мы чем-то напоминаем человека, который, унаследовав от предков пару костылей, потерял веру в собственные ноги. Главное — это иметь веру в наше собственное сознание, ибо у него есть не только ноги, но и сотни глаз, рук и даже крылья.

В самом процессе нашей эволюции сознание, погруженное в Материю, привыкло зависеть от некоторых внешних органов и антенн-щупалец, которые воспринимают мир, а поскольку мы получили их прежде, чем осознали, что у них есть хозяин, то, мы, как дети, заключили, что антенны создают хозяина, что без антенн не может быть хозяина, не может быть восприятия мира. Но это — иллюзия. Наша зависимость от чувств — это всего лишь привычка, которая хотя и вырабатывалась тысячелетиями, но тем не менее является не большей неизбежностью, чем каменные орудия первобытного человека: *Разум может — и это было бы для него естественно, если бы его можно было убедить освободиться от господства над ним материи, на которое он согласился — получать непосредственное знание, доставляемое объектами чувств, без помощи органов чувств.*[95] Можно видеть и чувствовать через континенты так, как будто расстояний не существует, потому что расстояние — это препятствие только для тела и

его органов, но не для сознания, которое может добраться куда оно пожелает в течение секунды при условии, что оно научилось расширять себя: поистине есть иное, более светлое пространство, где в единой вспышке все сосуществует одновременно. Может быть, читатель ждет здесь некого «рецепта» ясновидения и вездесущности, но ведь во всяком рецепте присутствует некая механистичность, поэтому-то мы и любим их. Действительно, хатха-йога может быть очень эффективной так же, как и многие другие виды йогических упражнений, такие, например, как концентрация на горящей свече (*тратака*), соблюдение различных «безупречных» диет, методические дыхательные упражнения, включая упражнения на задержку дыхания (*пранаяма*). Все полезно, все может быть полезно. Но все эти упражнения требуют много времени, а возможности их ограничены; кроме того, полезность этих упражнений становится сомнительной — иногда же они попросту становятся опасными — когда их практикуют люди, недостаточно подготовленные, или очищенные: мало одного желания обладать силой — получая ее, «машина» не должна развалиться; мало «видеть» — мы должны также понимать то, что мы видим. На практике наше путешествие будет проходить гораздо легче, если мы поймем, что ни что иное, как *сознание*, использует все эти методы и упражнения и действует их посредством. Поэтому, если мы обратимся прямо к сознанию, то сразу ухватимся за главное, плюс еще то преимущество, что сознание-то не обманет. Даже если бы весь подручный материал сознания состоял бы из одного куска необработанного дерева, то оно превратило бы его в волшебную палочку. И в этом не было бы никакой заслуги ни того же куска дерева, ни использованного при этом метода. Для сознания не существует темниц. Вся история эволюции сознания в Материи является подтверждением тому.

Для интегрального ищущего работа над телом естественным образом следует за работой над разумом и витальным. Для удобства мы описываем различные уровни существа последовательно, один за другим, но они прогрессируют все вместе, и любая победа, любое открытие на каком-либо из уровней сказывается на состоянии всех остальных уровней. Работая над установлением ментального безмолвия, можно заметить, что успокоить надлежит не один, а два ментальных уровня: *думающий разум*, обеспечивающий обычный процесс наших рассуждений, и *витальный разум*, оправдывающий наши вожделения, ощущения и побуждения. Но кроме них существует и *физический разум*, который причиняет гораздо больше хлопот и укрощение которого является главным условием господства над физическим, точно так же, как покорение думающего и витального разума — это главное условие господства над ментальным и витальным. Возникает впечатление, что разум — это козел отпущения в интегральной йоге: мы преследуем его повсюду; правда, мы должны отдать ему должное за то, что он был нашим главным помощником в процессе нашей эволюции, и до сих пор для многих он остается пока еще незаменимым орудием, но все помощники, каким бы высоким или даже божественным статусом они ни обладали, в конечном итоге становятся преградой на нашем пути, ибо их цель — помочь нам сделать всего один шаг, а нам предстоит много прошагать и овладеть множеством истин. Если мы сможем распространить этот принцип на всю систему наших ценностей, не делая исключения даже для идеала, воодушевляющего нас и в настоящий момент, то мы быстро пойдем по дороге эволюции. Физический разум — самый тупой из всех возможных, это рудимент, сохранившийся со времен первого появления Разума в Материи. Это — микроскопический разум, упрямый, полный страха, ограниченный и консервативный (в этом заключалось его предназначение в эволюции), разум, который заставляет нас десять раз проверить, закрыли ли мы дверь, когда мы прекрасно знаем, что сделали это, приходит в панику при малейшей царапине и предвещает самые ужасные болезни, когда в организме хотя бы чуть-чуть что-то не так; его скепсис по поводу чего-нибудь нового непоколебим, а когда ему приходится менять что-то в своей рутине, то он нагромождает кучу всяких осложнений — он без

конца повторяет внутри нас одно и то же, как вечно ворчащая старая дева. Все мы рано или поздно знакомимся с ним и ругаем его за те затруднения, которые он несет, тем не менее он по-прежнему существует в нас, создавая как бы приглушенный фон, непрестанно бормоча свое; лишь шум нашей повседневной суеты мешает нам слышать его. Когда мы успокоили думающий и витальный разум, мы можем обнаружить его присутствие и осознать, насколько он прилипчив. Мы даже не можем разумно общаться с ним, настолько он туп. И все-таки мы должны будем сделать это, потому что так же, как думающий разум препятствует расширению нашего ментального сознания, так же, как разум витальный препятствует универсализации нашего витального сознания, так и физический разум воздвигает массивную стену на пути расширения нашего физического сознания, которое является основой всякой власти над физическим. Кроме того, физический разум искажает все, что к нам приходит (при общении с людьми и вообще с внешним миром), и притягивает всевозможные беды; мы часто забываем о том, что как только мы думаем о чем-то или о ком-то, то тем самым вступаем в ту же минуту в контакт (чаще всего несознательно) как со всеми вибрациями, из которых состоит этот предмет или человек, так и со всеми последствиями, которые приносят эти вибрации. И поскольку физический разум вечно чего-то боится, он постоянно рисует перед нами самые ужасные возможности, тем самым приводя нас в соприкосновение с ними. Он всегда ожидает самого худшего. Эта одержимость не имеет большого значения в обычной жизни, когда деятельность физического разума теряется в общем шуме, и мы защищены как бы самим недостатком нашей восприимчивости, но когда мы систематически работаем над созданием прозрачности внутри себя и над усилением нашей восприимчивости, искажения физического разума могут стать очень серьезным барьером на нашем пути.

Ментальная, витальная и физическая прозрачность — это ключ к независимости двойного рода. Во-первых, к независимости от ощущений: так как сознание-сила уже не рассеяна по всем уровням нашего существа, а собрана в луч, которым можно управлять по желанию, мы можем отсоединить его от любой точки — холода, голода, боли и т. д. Во-вторых, к независимости от органов чувств: поскольку сознание-сила теперь свободна, не погружена в нашу ментальную, витальную и физическую деятельность, то она может расширяться за пределы телесной структуры и входить в соприкосновение с предметами, существами и отдаленными событиями посредством некоторого рода внутренней проекции.[96] Обычно для того, чтобы видеть на расстоянии, в пространстве или во времени, чтобы освободиться от ощущений, приходящих извне, нам нужно войти в состояние сна или гипноза, но эти примитивные неуклюжие методы совершенно не нужны, когда устанавливается ментальное безмолвие, и в нас вырабатывается способность управлять нашим сознанием. Сознание — это *единственный орган*.[97] Это оно чувствует, видит и слышит. Сон и гипноз — это средства освобождения, хотя и самые элементарные, от оболочки поверхностного разума. И это вполне понятно: пока в нас царит шум наших желаний и страхов, мы можем увидеть или услышать лишь бесконечные преломления и отображения этих желаний и страхов. Точно так же, как становятся всеобщими (универсальными) успокоенные разум и витальное, так и проясненное физическое самопроизвольно, естественно становится универсальным. Наши тюремщики — это мы сами, и за воротами нашей тюрьмы нас ждет весь мир во всей своей необъятности — нам нужно лишь согласиться разрушить оковы наших куцых построений. К способности сознания расширяться необходимо добавить способность концентрироваться с тем, чтобы расширенное сознание могло безмолвно и спокойно сосредоточиться на желанном объекте и *стать* этим объектом. Но концентрация и расширение — это естественные следствия внутреннего безмолвия. В этой внутренней тишине сознание видит.

Независимость от болезни

Когда мы освобождаемся от напряжения и жужжания думающего разума, от тирании, беспокойства и бесконечных требований витального разума, от тупости и страхов разума физического, мы начинаем понимать, что такое тело, не изнуряемое всеми этими пороками, мы начинаем ценить его и открываем, что это изумительное орудие — податливое, выносливое, полное неиссякаемой доброй воли. Из всех орудий оно является наименее понятным и с ним хуже всего обращаются. Вновь обретя изначальную чистоту всего существа, можно увидеть, что тело никогда не болеет, а только изнашивается; но даже изнашивание тела, по-видимому, не является неизбежным, как это станет ясным в супраментальной йоге. Это не тело болеет, это ослабевает сознание. По мере нашего продвижения в йоге мы замечаем, что каждый раз, когда мы заболеваем или становимся жертвами нашего «несчастного случая», это *всегда* результат недостаточности сознания, неправильной позиции или душевного хаоса. Эти наблюдения становятся все более захватывающими: как только мы вступаем на путь йоги, что-то в нас становится *бдительным*, постоянно указывая нам на ошибки и, более того, ясно показывая нам действительную причину всего, что случается с нами, как если бы «кто-то» принял наши поиски всерьез. Словом, все предстает перед нами как в ярком дневном свете. И все чаще и чаще мы замечаем — и порой с изумлением — строгую зависимость между нашим внутренним состоянием и внешними обстоятельствами (болезнями, например, или «несчастными случаями»), как будто жизнь разворачивается не извне внутрь нас, а изнутри наружу, как будто внутреннее определяет внешнее вплоть до самых незначительных обстоятельств — на самом деле нет уже ничего незначительного, вся повседневная жизнь представляется нам неким сплетением символов, которые ждут, чтобы их распознали. Все взаимосвязано, весь мир — это чудо. Полагать, что жить духовной жизнью значит иметь видения и воспринимать разные сверхъестественные феномены — это ребячество: Божественное ближе к нам, чем мы думаем, это «чудо» гораздо менее помпезно, но зато оно более глубокое и всеохватывающее, чем все эти примитивные фантазии. Когда мы распознаем один из тех неприметных символов, что проходят перед нашими глазами, или различаем ту едва ощутимую связь, которой держится все в этом мире, мы ближе к великому Чуду, чем если бы на нас низошла манна небесная. Ибо чудо, наверное, состоит в том, что Божественное — тоже естественно. Но мы не умеем смотреть.

Итак, ищущий становится теперь свидетелем того, как поток жизни меняет свое направление, течет изнутри наружу (очевидно, уже после того, как Хозяин психического вышел из своего заточения). Он научается различать символы повседневной жизни и видит, что его внутренняя позиция обладает силой, способной формировать внешние обстоятельства к лучшему или к худшему; когда ищущий находится в состоянии гармонии и действия его соответствуют самой внутренней истине его существа, то ничто, кажется, не может противостоять ему, растворяется даже все «невозможное», как будто на смену «природному» закону пришел другой закон (на самом же деле это истинная «природа», появляющаяся на свет из-под ментальных и витальных засорений), и он начинает наслаждаться царской свободой; но когда внутри хаос ментального или витального характера, то ищущий обнаруживает, что этот хаос неотразимым образом *притягивает* негативные внешние обстоятельства, несчастный случай или болезнь. Причина проста: когда внутри нас что-то не так, тот тип вибраций, который мы посылаем вовне, автоматически выявляет все остальные вибрации того же типа и приходит с ними в непосредственное соприкосновение, причем это происходит на всех уровнях нашего существа; повсюду возникает хаос, который нарушает все внешние обстоятельства, да и вообще разрушает все. Кроме того, что это негативное внутреннее состояние вызывает хаос, оно

ослабляет «околосознательную» защитную оболочку, о которой мы говорили выше, т. е. мы уже не защищены некой напряженностью вибрации, а сплошь открыты, уязвимы, и ничто не может проделать в нашей защитной оболочке бреши скорее, чем вибрация беспорядка, хаоса; более того, она может даже полностью разложить эту оболочку — и тогда все что угодно может проникнуть в нас. Следует также помнить, что негативное внутреннее состояние заразительно: общение с определенными людьми всегда имеет тенденцию притягивать и несчастные случаи, и смятение. После того, как мы десять, сто раз имеем один и тот же опыт — а им может быть все что угодно от обыкновенной простуды до серьезного несчастного случая — мы поймем в конце концов, что ни наша личность, ни так называемый случай не имеют к этому никакого отношения и что нам не помогут никакие лекарства, но что средство заключается в том, чтобы восстановить истинную позицию, внутреннюю гармонию, иными словами, в сознании. Если ищущий сознателен, он может жить в центре эпидемии, пить всю грязь Ганга, если ему так хочется; ничто не коснется его, ибо что может коснуться пробужденного Хозяина? Мы открыли и сумели выделить бактерии и вирусы, но не поняли, что они — лишь внешние посредники; болезнь — это не вирус, а сила, которая стоит за ним и использует его; когда мы очищены, прозрачны, то никакие вирусы в мире не смогут ничего с нами сделать, потому что наша внутренняя сила могущественнее их силы, или, иными словами, потому что интенсивность вибрации нашего существа настолько высока, что никакая более низкая вибрация не может проникнуть в нас. Подобное может проникать лишь в подобное. Возможно, и рак станет излечимым и исчезнет с лица земли так же, как исчезли болезни средневековья, но этим мы не искореним *силы* болезни, которая начнет попросту использовать что-нибудь другое — другого посредника, другой вирус — когда будет уничтожено их нынешнее орудие. Наша медицина касается лишь поверхности вещей, а не их источника. Единственная болезнь — это недостаточность сознания. На более поздних стадиях, когда в нас прочно установится внутреннее безмолвие и мы будем в состоянии воспринимать ментальные и витальные вибрации еще на периферии нашего околосознательного, мы сможем точно так же чувствовать вибрации болезни и отводить их прежде, чем они смогут войти в нас: *Если вы будете осознавать это ваше окружающее «я» [the enviromental self of yours], — писал Шри Ауробиндо ученику, — то вы сможете уловить мысль, страсть, внушение или силу болезни и предотвратить их вторжение в вас.*[98]

Есть два рода болезней, которые стоит упомянуть особо: они не имеют прямого отношения к нашим ошибкам. Это болезни, вызываемые сопротивлением подсознательного (мы обсудим их позже, когда будем рассматривать очищение подсознательного), и болезни, которые можно назвать «йогическими» и которые являются результатом различия в развитии высших уровней нашего сознания и нашего физического сознания. Наше ментальное или витальное сознание может, например, существенно расшириться и обрести новую интенсивность, тогда как сознание физическое остается пока все там же, среди старых вибраций, и не может вынести этой возрастающей интенсивности. Это ведет к нарушению, которое может вызвать болезни не из-за вторжения какого-то внешнего посредника — вируса или микроба, а в силу разрыва нормального соотношения внутренних частей нашего существа; болезнями такого рода могут быть аллергии, коллоидные нарушения крови, а также ментальные нарушения и нарушения нервной системы. Таким образом, речь идет о проблеме восприимчивости материей высших сфер сознания, одной из основных проблем супраментальной йоги. В этом также заключается одна из причин, почему Шри Ауробиндо и Мать так настаивали на развитии нашей физической основы тела. Может быть, тело не столь важно для того, чтобы погрузиться в экстаз или вознестись прямо к Абсолюту, однако без него мы будем не в состоянии привнести напряженность и полноту Духа вниз, в наше «низшее» царство — в ментальную, витальную и

материальную сферы — чтобы осуществить там божественную жизнь.

Независимость от тела

Открыв неиссякаемый источник великой Силы Жизни, сознание может стать независимым от органов чувств, от болезней и в значительной степени — от пищи и сна. Оно может стать независимым даже от тела. Когда поток сознания-силы в нас обретает достаточную индивидуальность, мы обнаруживаем, что его можно отстранить не только от чувств и объектов чувств, но и от тела. Мы замечаем — поначалу лишь в наших медитациях, которые являются первым тренировочным полем, прежде чем придет естественное мастерство, — что сознание-сила становится необычайно однородным и компактным. После того, как оно освободилось от разума и от витального, оно постепенно отделяется и от гудения тела, которое становится очень спокойным, неподвижным, подобным прозрачной и невесомой массе, не занимающей никакого пространства — чем-то почти несуществующим. Дыхание становится незаметным, а биения сердца — все более и более слабыми; затем — внезапное, резкое освобождение, и мы обнаруживаем себя «где-то в другом месте», вне тела. Это то, что на специальном языке называется «экстериоризацией».

Есть много видов этих «других мест» — столько, сколько существует планов сознания; мы можем выходить на различные уровни в зависимости от того, где мы фокусируем наше сознание (мы уже говорили о всеобщем Разуме и всеобщем Витальном), но при этом ближайшим к нам, граничащим с нашим миром и очень на него похожим, отличаясь лишь более высокой интенсивностью [напряженностью], является то, что Шри Ауробиндо называет *тонким физическим*. Знание это старо как мир и не является характерной чертой йоги Шри Ауробиндо, но оно есть часть нашего интегрального развития, подготавливающее нас к тому дню, когда мы покинем наше тело на более продолжительный период и уйдем в то состояние, которое люди в неведении своем называют смертью. Для того, чтобы прояснить эту тему, давайте обратимся к рассказу одного ученика — юноши, который следующим образом описал свои переживания в тонком физическом, когда он впервые покинул свое тело: «Я лежал в концентрации, вытянувшись на кушетке, и вдруг обнаружил себя в доме моего друга; он музицировал со своими приятелями. Я видел все очень четко, даже более отчетливо, чем в физическом мире, и мог очень быстро и беспрепятственно перемещаться с места на место. Я побыл там немного, наблюдая за происходящим, и даже пытался привлечь их внимание, но они не замечали этого. Затем вдруг что-то подтолкнуло меня, какой-то инстинкт: „Мне пора возвращаться“. Затем возникло ощущение боли в горле. Помню, для того, чтобы выйти из комнаты, в которой не было никаких выходов, кроме маленького отверстия у потолка, мой облик начал как бы испаряться (у меня все-таки был облик — но не материальный, а более лучащийся, более прозрачный), и я вышел из комнаты, как дым, через открытое окно. Потом я снова обнаружил себя в своей комнате, у своего тела; шея моя была неестественно изогнута, голова лежала на подушке в неудобной позе, а сам я тяжело дышал. Я попытался вернуться в тело, но не смог. Я пытался войти через ноги, но каждый раз, дойдя до колен, соскальзывал обратно. Это повторилось два или три раза: сознание поднималось, а затем снова выскакивало назад, как пружина. Я подумал: „Если бы мне только удалось опрокинуть эту табуретку (у меня под ногами стояла маленькая табуретка), то шум разбудил бы меня!“ Но ничего не произошло. А дышал я все тяжелее и тяжелее. Я ужасно испугался. Вдруг я вспомнил о Матери и позвал: „Мать! Мать!“ И оказался снова в своем теле — я проснулся и почувствовал, что шея моя затекла.»[99]

Так после многих циклов «пленения» и пробуждения, после бесчисленных потрясений, которые вынуждают сознание вспомнить себя и раскрыться, а затем вновь закрыться, с тем чтобы расти под оболочкой, оно в конце концов обретает вполне законченную индивидуальную структуру, разбивает свою внешнюю скорлупу и утверждает свою независимость. Эта независимость, пишет Шри Ауробиндо, *станет настолько естественным отношением всего существа к физической структуре, что мы будем ощущать ее как нечто внешнее и отделимое, как платье, которое мы носим, или инструмент, оказавшийся в наших руках. Может быть, мы даже начнем ощущать, что тела в некотором смысле не существует — есть лишь некоторое частичное выражение нашей витальной силы и нашей ментальности. Эти переживания являются признаком того, что разум подходит к правильной позиции по отношению к телу, что ложная точка зрения ментальности, плененной и управляемой ощущениями тела [physical sensations], заменяется истинной точкой зрения, подлинным видением вещей.*[100] Истинная точка зрения — это видение вещей такими, как их видит Хозяин, психическое, Дух в нас. Каждый раз, когда перед нами встает непреодолимое препятствие, когда мы ощущаем какое-нибудь ограничение или барьер, мы можем быть уверены, что с ними связана победа завтрашнего дня, потому что если бы мы не чувствовали препятствия, мы не смогли бы его преодолеть. Мы созданы для того, чтобы все преодолеть и реализовать все наши мечты, ибо это мечты Духа внутри нас. В мире, где нас все сильнее и сильнее, как железной сетью, опутывают всяческие узы, главной нашей мечтой, наверное, будет желание вырваться на волю, стать свободными от нашего тела и не зависимыми ни от каких границ. И тогда, после обретения независимости, нам не нужны будут паспорта, мы не будем принадлежать ни одному государству и у нас не будет виз, мы сможем быть гражданами мира. Мы сможем наслаждаться и свободой: «О, Беспредельность…» [Etendue], — говорит Риг Веда.

Глава 9. Сон и смерть

Планы сознания

Далеко не каждый способен сознательно покинуть свое тело или сознательно расширить свой ум и витальное, но многие из нас проделывают это бессознательно, во сне, т. е. когда жалкие «я» нашего фронтального существа не столь деятельны и не в такой мере поглощены внешними занятиями. Все эти «я» составляют лишь часть реальности, а именно реальность, видимую невооруженным глазом, но за ними простираются безграничные сферы — мы уже говорили о всеобщем Разуме, всеобщем Витальном, тонком Физическом, которое находится сразу за покровами физического. Таким образом, нам нужно постараться вновь обрести полноту всеобщей реальности. Есть три способа достичь этого (причем каждый из них отвечает и определенной стадии развития). Первый способ, которым располагает каждый, — это сон; второй, который используется гораздо реже, — это сознательная экстериоризация или глубокая медитация; третий же способ, с которым все становится гораздо проще, представляет собой уже более высокую ступень развития: оказывается, все можно видеть не во сне и не в медитации, а «широко открытыми глазами» и в гуще нашей деятельности — видеть так, как будто перед нами находятся все без исключения планы всеобщего существования, доступные нам благодаря простому перемещению нашего сознания — мы видим их так же, как видим предметы, фокусируя наш взгляд сначала на одном объекте, а затем переводя его на другой, более отдаленный. Итак, сон — это первое орудие; он может стать сознательным, причем степень его сознательности может возрастать вплоть до такого уровня, когда мы становимся сознательными постоянно, всегда и везде, когда сон и смерть будут уже не возвращением к чисто животному существованию, не рассеянием, распадом на естественные составные части, а переходом от одного способа существования к другому. Ибо то разграничение, которое мы сделали между сном и бодрствованием, между жизнью и смертью, может быть, и соответствует внешним явлениям, но по сути оно нереально, т. е. обладает той же степенью реальности, что и национальные границы для физической географии или же внешняя окраска и фиксированные очертания предмета с точки зрения его молекулярной структуры. На самом деле нет никакого разделения, *разделение возникает лишь в результате недостаточности сознания*; два мира (или, вернее, этот мир с одной стороны и бесчисленное множество миров — с другой) постоянно сосуществуют и проникают друг в друга — взаимно пересекаются. Не что иное как различные способы восприятия *одного и того же явления* заставляют нас в одном случае говорить «я живу», а в другом — «я сплю» или «я мертв» (при условии, что мы сознательны настолько, что можем осознать это) — точно так же, как можно по-разному познать один и тот же объект в зависимости от уровня исследования, который мы выбираем — субатомный, атомный, молекулярный или чисто внешний. «Потустороннее» находится здесь, повсюду. Мы придаем исключительную и уникальную ценность различным символам, формирующим нашу внешнюю жизнь, лишь потому, что они находятся прямо перед нашими глазами, но они обладают ценностью не большей и не меньшей, чем другие символы, которые составляют нашу экстрафизическую жизнь. Атомная реальность объекта не аннулирует его внешней реальности и не противоречит ей, более того, первая неотделима от второй et vice versa. Иные символы, о которых идет речь, могут обладать или обладают той же ценностью, что и символы физические,

но нам не понять этого, более того, нам по-настоящему не понять своих собственных символов, если *все* остальные символы не поняты нами. Без знания иных уровней существования наше знание обыкновенного человеческого мира остается таким же неполным и ложным, каким было бы изучение физического мира, исключающее знание молекул, атомов и элементарных частиц. Невозможно понять что-либо до тех пор, пока не понято все.

Итак, существует бесконечная «лестница» взаимно пересекающихся и существующих одновременно реальностей, к восприятию которых сон открывает естественное окно. Действительно, если мы отбросим поверхностную классификацию «жизнь — смерть — сон» и перейдем к более глубокой и существенной классификации, относящейся ко всей вселенной, то мы увидим, что эта вселенная сверху донизу (если в ней вообще существует верх и низ) есть ни что иное как континуум сознания-силы, или, как определяет ее Шри Ауробиндо, шкала *планов сознания,* которые следуют непрерывно друг за другом — от чистой Материи до чистого Духа: Тонкое Физическое, Витальное, Ментальное, Супраментальное (можно, если угодно, использовать иные слова, вообще иную терминологию, но факт остается фактом), и все, что случается, происходит именно на этих планах: наша жизнь, наш сон и наша смерть. Эта шкала охватывает все, ничто не существует за ее пределами, и все, что есть, не только находится в ее пределах, но и сосуществует там одновременно без всякого разделения. Жизнь, смерть и сон — это различные *положения* сознания внутри все той же шкалы. Когда мы бодрствуем, мы получаем ментальные или витальные вибрации, которые переводятся в определенные символы, способы видения, понимания или проживания; когда мы спим или «мертвы», мы получаем *те же самые* ментальные, витальные или иные вибрации, которые переводятся в другие символы, в другие способы видения, понимания или проживания *все той же* реальности. В любом случае ключом к нашему существованию — здесь или вообще где угодно — всегда является способность обладать сознанием; если мы недостаточно сознательны в жизни, то таковыми мы останемся всегда и везде, смерть будет действительно смертью, а сон — настоящим оцепенением. Поэтому наша фундаментальная задача — начать осознавать эти различные степени реальности. Когда мы закончим эту работу, разрушатся все искусственные границы, которые разделяют различные уровни [modes] нашего существования; мы будем переходить от жизни ко сну и к смерти без всяких помех, сохраняя непрерывность в сознании; вернее, уже не будет ни смерти, ни сна так, как мы их понимаем, — это будут различные способы восприятия тотальной Реальности, которые, весьма вероятно, в итоге сольются в интегральное сознание, которое будет воспринимать все одновременно. Таким образом, наша эволюция еще далека до завершения. *Смерть — это не отрицание Жизни, а процесс Жизни.*[101]

Таким образом, физическая жизнь в этом физическом теле приобретает особое значение среди всех уровней [modes] нашего существования, так как именно здесь мы можем стать сознательными — это место, *где совершается работа*, — говорит Мать; здесь, в теле, встречаются все планы бытия. Это место, где совершается работа, поскольку тело — это отправная точка нашей эволюции. Или почти отправная. Именно посредством этого тела — медленно, после бесчисленных, неотличимых друг от друга жизней «я» обретает индивидуальность, входя в контакт со все более и более высокими планами и достигая с каждым планом все более и более широкого сознания. Поэтому существует столько же различных видов смерти и сна, сколько и жизней, ибо они тождественны между собой; все зависит от степени нашего эволюционного развития; как и в жизни, вариации здесь бесконечны — от полного идиотизма до совершенно пробужденного и индивидуализированного сознания. Следовательно, не может быть общих правил, касающихся смерти и сна, потому что там все возможно точно так же, как и здесь. Самое большее, что мы можем сделать — это указать несколько основных направлений (для их исследования).

Мы состоим, как мы уже говорили, из нескольких центров сознания, которые располагаются в теле от макушки головы и ниже. Каждый из этих центров подобен радиоприемнику, который настроен на свой диапазон волн и связан с различными планами сознания. Из этих планов сознания мы постоянно получаем, чаще всего не сознавая того, все виды вибраций — вибрации тонкие физические, витальные или ментальные, высокие или низкие, которые определяют нашу манеру думать, чувствовать, жить; при этом индивидуальное сознание действует подобно фильтру: в соответствии с социальной средой, традициями, воспитанием, образованием и т. д. оно принимает одни вибрации и отвергает другие. Общее правило состоит в том, что во время сна или в момент смерти мы идем в силу некого притяжения, некого сродства в те места или к тем планам [сознания], с которыми мы уже установили связь. Но это — элементарная стадия, когда сознание еще не обладает по-настоящему индивидуальностью; с точки зрения ментального развития оно может быть очень рафинированным, развитым и утонченным, но при этом думает оно, чувствует и живет более или менее так, как и сознание любого другого, может быть, и менее развитого индивидуума; такое сознание — это лишь временный конгломерат, длительность существования которого определяется телом, вокруг которого оно вращается. Когда этот центр — тело — умирает, то все рассеивается на мелкие витальные, ментальные и иные фрагменты, которые возвращаются каждый в свою сферу, поскольку у них уже нет объединяющего центра. Когда же этот центр спит, то и все находится так или иначе в состоянии сна, так как ментальные и витальные элементы нефизической природы существуют лишь в непосредственной связи с телесной жизнью и служат ей. Таким образом, на этой первичной стадии, когда тело впадает в состояние сна, сознание соскальзывает назад в подсознательное (мы используем слово *подсознательное* в этимологическом смысле — в том смысле, как его использует Шри Ауробиндо — имея в виду то, что является подсознательным в историческом плане — не то, что ниже уровня нашего бодрствующего сознания, а то, что ниже сознательной стадии в эволюционном смысле, т. е. сознание животных или растений);[102] иными словами, сознание возвращается к своему эволюционному прошлому, которое может наполнить его самыми разными беспорядочными образами, созданными посредством случайных объединений множества фрагментов воспоминаний и впечатлений — если сознание не продолжает более или менее связно свою деятельность, начатую в бодрствующем состоянии. Оттуда сознание погружается еще глубже в растительное или личиночное прошлое (уровень сознания соответственно современных растений и животных), а это уже воистину его настоящий [actual] сон. Индивидууму предстоит пройти через множество стадий, прежде чем будет сформирован истинный центр — психическое и его сознание-сила, — что придаст всей этой изменчивой смеси некую связность и цельность. Но с того момента, когда тело перестает быть основным центром, и внутренняя жизнь становится не зависимой от физических обстоятельств и физической жизни — в особенности, когда практикуют йогу, которая представляет собой процесс ускоренной эволюции — жизнь поистине меняется так же, как смерть и сон; это и есть начало существования. Первое, что замечает ищущий, — это особая природа некоторых снов, как будто видимым внешним изменениям предшествуют изменения внутренние более тонкого порядка, ощущаемые нами в наших снах. От животного сна мы переходим к *сну-переживанию* [sommeil d'experience], от разложения смерти — к смерти, которая живет. Рассыпаются все разделения, дробившие нашу интегральную жизнь. Вместо того, чтобы подвергаться беспорядочному рассеянию из-за отсутствия центра, мы находим Хозяина и ловим нить сознания-силы, которая соединяет все планы всеобщей реальности.

В зависимости от уровня развития нашего сознания есть много степеней этого нового типа сна — от редких нерегулярных вспышек, которые можно видеть на том или ином плане, до непрерывного и самоуправляемого видения, которое способно перемещаться по всей иерархии планов сверху донизу[103] — в точности так, как оно само пожелает. И опять здесь все зависит от нашего бодрствующего сознания. Благодаря близости, сродству мы идем обычно к тем планам, с которыми установили связь. Связь эта образуется ментальными, витальными или иными вибрациями, которые мы принимаем и которые превращаются в нас в идеи, стремления, желания, в низость или благородство. Когда же мы покидаем наше тело, то мы попросту отправляемся к источнику этих вибраций — источнику необычайно живому и удивительному, в сравнении с которым наше ментальное и витальное «переизлучение» [traduction] в физический мир кажется бледным и почти пустым. И тогда мы начинаем осознавать те необъятные и бесчисленные миры, которые окружают, окутывают, словом, перекрывают полностью нашу маленькую планету, определяют ее судьбу и наши судьбы. Очевидно, описать эти миры на нескольких страницах или даже в нескольких томах нет никакой возможности — это то же самое, что описать Землю на основании поверхностного взгляда, брошенного, например, на Нормандию. Поэтому мы не будем описывать их, а просто дадим ищущему несколько общих пояснений, которые помогут ему оценить собственные переживания. Основные требования для такого исследования — на это часто указывал Шри Ауробиндо — это ясная простота [clear austerity], отсутствие желаний и успокоенный разум, ибо если этого нет, то мы легко можем пасть добычей иллюзий самого разного рода. Терпеливо, вновь и вновь повторяя всякий опыт-переживание, мы учимся сначала распознавать, на каком плане происходит переживание, а затем — и на каком уровне внутри каждого из планов оно происходит. Этот процесс определения относительного расположения нашего опыта-переживания так же важен для наших поисков, как, скажем, процесс определения того, на какой дороге мы находимся и через какое государство проезжаем, когда путешествуем по земле. Затем мы учимся понимать значение нашего переживания; это иностранный язык, даже несколько языков, которые нам предстоит расшифровать без малейшего вмешательства со стороны нашего ментального языка. На самом деле одна из основных трудностей заключается в том, что ментальный язык — это единственный известный нам язык, поэтому после того, как мы просыпаемся, его толкования [transcriptions] будут бессознательно стремиться исказить чистоту переживания. Так как у нас нет хорошо осведомленного проводника, который мог бы распутать этот клубок, то мы должны научиться оставаться после пробуждения как можно более спокойными, не позволяя вмешиваться уму и стараясь интуитивно почувствовать значение этих других языков; эта способность развивается довольно быстро по мере того, как развивается сознание и увеличивается число переживаний. Вначале это похоже на джунгли или на китайский базар: все предстает перед нами в виде однообразной массы. Затем, спустя месяцы и годы, мы уже начинаем различать тропинки и лица, различные места и символы и вообще гораздо более живое разнообразие [воспринимаемого], чем на земле.

Но как можно вспомнить свой сон? Для большинства людей он представляет собой абсолютный пробел — не достает связующей нити. На самом деле существует много нитей, или *мостов*, по выражению Матери, которые соединяют между собой различные страны, из которых мы как бы состоим. Таким образом, мы можем легко вспомнить некоторые части нашего существа и все их путешествия, что же касается других частей, то о них у нас не остается никаких воспоминаний потому, что нет моста, связующего такую часть с остальным сознанием.

Когда мы пересекаем эту пустоту, или необученную часть сознания, то впоследствии забываем об этом (именно это часто случается с теми, кто впадает в «экстаз»; позднее мы вернемся к этой теме). В принципе человек достаточно развитый проходит во сне через весь диапазон планов сознания и идет прямо к высшему Свету или Духу — *Сат-Чит-Ананде* — чаще всего несознательно, но эти несколько минут и есть истинный сон, истинный отдых в абсолютной релаксации Радости и Света. Шри Ауробиндо говорил, что истинной целью сна является спонтанный возврат к Источнику с тем, чтобы вновь погрузиться в него. Оттуда мы медленно опускаемся через все планы — Ментальное, Витальное, Тонкое Физическое и Подсознательное (этот последний план вспоминается легче всего) — где у каждой части нашего существа есть соответствующие переживания, опыт. Внутри каждого плана также есть много зон, которые связаны между собой мостами. Главная трудность состоит в том, чтобы построить первый мост, мост к внешнему бодрствующему сознанию. Единственный способ — это оставаться полностью неподвижными и безмолвными сразу после пробуждения. Если мы поворачиваемся или совершаем любое другое движение, то все пропадает или, вернее, большое озеро сна мгновенно покрывается мелкой рябью и мы больше ничего не видим. Если же мы начинаем думать, то уже не рябь, а грязные вихри заволакивают все — в этом процессе нет места мысли, нельзя пытаться вспомнить что-то умом. Вместо этого мы должны смотреть непрерывно и пристально на безбрежное, спокойное озеро, как в длительном, но лишенном объекта созерцании, как бы стараясь пронзить эти темные синие глубины одной лишь силой нашего взгляда. И если мы настойчивы, то спустя какое-то время перед нашими глазами внезапно всплывает какой-нибудь образ или, может быть, просто неясная тень, подобная дыму далекой страны, напоенному каким-то очень знакомым, но неуловимым ароматом. Только не нужно в тот же момент набрасываться на это — в таком случае картина немедленно исчезнет — нужно позволить ей постепенно проявиться, принять форму по своему усмотрению, и в конце концов мы вспомним целиком всю сцену. Когда мы надежно держим нить в своих руках, этого в принципе достаточно для того, чтобы медленно вытягивать ее, не пытаясь думать или понимать. (Понимание приходит позже; если мы начнем сразу же интерпретировать, то тем самым оборвем связь.) Эта нить поведет нас из страны в страну, от воспоминания к воспоминанию. Может случиться так, что мы застрянем на целые годы на одной и той же точке пути, как будто где-то в памяти есть брешь, пробел, яма на дороге. Для восстановления недостающей связующей нити нам нужно запастись терпением и продолжать работать, постоянно стремясь обрести эту связь; если мы проявим настойчивость, то в конце концов путь откроется, как это часто бывает в непроходимых джунглях. Однако попытка вновь войти в сон — это не единственный метод; можно также концентрироваться вечером перед отходом ко сну на том, чтобы пробудиться в определенные промежутки времени, один или два раза за ночь, с тем, чтобы вспомнить то, что произошло за соответствующий отрезок ночи — следовать за нашей нитью по дискретным ее точкам. Этот метод особенно эффективен. Все мы знаем, что стоит только захотеть проснуться в определенное время, как наши внутренние часы срабатывают безотказно с точностью до минуты; это называется «созданием формации». Формации эти подобны маленьким вибрационным [частотным] импульсам, испускаемым усилием воли, которые обретают затем свое независимое существование и с большим успехом выполняют свое назначение.[104] Можно сознательно создавать формации различной мощности и длительности (их можно периодически «подзаряжать») ради достижения самых разных целей и, в частности, с целью пробуждения в определенные моменты во время нашего сна. И если мы проявляем упорство месяцы, а если нужно, и годы, то в конце концов каждый раз, когда на каком-нибудь плане нашего сна происходит какое-то значительное событие, мы сразу же автоматически становимся бдительными, сознательными. Нам нужно просто остановиться прямо во сне, повторить два или

три раза содержание видения, чтобы оно хорошо запомнилось, а затем вернуться в сон.

На этом необъятном поле духовного опыта мы можем выделить лишь несколько практических моментов, которые могут быть важны для ищущего в начале его исследования. Прежде всего он должен четко отличать обычные подсознательные сны от подлинных переживаний. Переживания — это не сны, хотя в силу привычки мы склонны все сваливать в одну кучу; это реальные события на том или ином плане, в которых мы принимаем участие; от обычных снов они отличаются поразительной интенсивностью: все события физического мира, даже самые исключительные, кажутся тусклыми в сравнении с ними. Они оставляют глубокое впечатление и воспоминание более живое, чем любое из наших воспоминаний на земле, как будто мы вдруг коснулись более полного способа существования — богатого не по своему внешнему аспекту или цвету (хотя переживание может быть изумительным по яркости, особенно в Витальном), а по своему содержанию. Когда ищущий пробуждается с переполняющим его ощущением, будто он погружался в мир, полный символов, каждый из которых в высокой степени многозначен (события нашего физического мира редко несут в себе больше, чем одно значение зараз), символов настолько богатых невидимыми разветвлениями и глубинами, что их можно созерцать очень долго, не исчерпывая при этом всего их смысла, или же — в другом случае — когда перед его взором предстают некоторые сцены, причем он может участвовать в них — сцены, которые кажутся бесконечно более реальными, чем явления нашего физического мира (последние всегда являются плоскими, мы сразу же ощущаем за ними жесткий, как бы фотографичный задний план), то он знает, что это было подлинное переживание, а не сон.

Кажущиеся нереальными и все же реальней, чем жизнь,
… правдивей подлинных вещей и событий,
Даже если бы они были только лишь снами
или пленяющими образами,
Истина их обратила бы в ложь всю тщетную реальность Земли.

Unreal-seeming yet more real than life,
… truer than things true
If dreams these were jr captured images,
Dream's truth made false earth's vain realities.[105]

Существует еще одно замечательное явление: по мере восхождения по шкале сознания меняется качество света; различия в яркости света — самое верное указание на то, где мы находимся, и даже на то, каков смысл самой сцены. Здесь охвачена поистине вся световая гамма: от грязных тонов подсознательного — серых, коричневых, черных — до вибрирующих оттенков Тонкого Физического, ярких цветов Витального, которые, надо сказать, всегда выглядят немного искусственными, броскими, какими-то жесткими (эта область особенно обманчива), до света Разума, который становится все более мощным и чистым по мере восхождения к Первоисточнику [l'Origine]. Начиная с Глобального разума и выше (о Глобальном разуме мы будем говорить дальше) наблюдается радикальное отличие в природе видения: объекты, существа и предметы, которые мы видим, кажутся уже не освещенными снаружи, на поверхности, подобно тому, как нас освещает солнце, но *светятся сами по себе*; в конце концов вообще пропадает ощущение, что находишься «вне» предметов — это экстаз в неподвижном и

ярком Свете, абсолютно очищенный от всякой суеты и чувственных явлений низших планов. Войдя в контакт с этим светом, даже всего на несколько минут, отдыхаешь так же, как после восьми часов сна. Именно таким образом йоги могут обходиться без сна; именно поэтому несколько минут концентрации в течение дня могут взбодрить нас так же, как прогулка на природе. Тело обладает невероятной выносливостью, утомляет нас не что иное, как психическое возбуждение, суета.

Кроме того, что во сне мы участвуем в событиях всеобщего масштаба, мы обнаруживаем, что сон — это кладезь информации о нашем собственном индивидуальном состоянии; все планы нашего существа отчетливо проявляют себя как раз во время сна, как будто внешне, во время бодрствования, мы немы и глухи, как деревянные куклы, а во время сна все пробуждается к жизни более истинной, чем жизнь. Эти внутренние области или уровни нашего существа могут являться во сне в виде комнат или домов, в которых имеет значение даже малейшая деталь: *Когда вы приступаете к исследованию внутреннего существа, — говорит Мать, — очень часто у вас будет создаваться впечатление, что вы входите в зал или комнату; и в соответствии с цветом, атмосферой и предметами, которые там находятся, к вам приходит очень четкое ощущение той части вашего существа, которую вы посещаете. Вы даже можете входить во все глубже и глубже расположенные комнаты, каждая из которых будет иметь свой собственный характер.* Иногда нам случается встретить не комнаты, а самые разные виды существ — целые семейства или даже зверинец — которые представляют собой различные силы или вибрации, которые мы привыкли принимать и которые составляют «нашу» природу. И это не существа «из сна», а настоящие существа, которым мы даем убежище: силы — сознательны, вибрации — сознательны; но будь то существа или силы, или же сознание или сила, по сути это две стороны одной реальности. И тогда мы видим ясно и отчетливо то, что мы хотим или же больше не хотим удерживать в себе.

Ищущего поразит еще одно наблюдение — поразит тем, что оно повторяется почти ежедневно. Он обнаруживает, уже по свершении факта, что по ночам у него бывает четкое предчувствие всех значительных *психических* событий, которые произойдут потом, днем. Сначала он думает, что это чистая случайность, совпадение, он еще не вполне понимает связь между предчувствием и событием; потом, после того, как это повторяется с ним сотни раз, он становится внимательнее; в конце концов, когда он уже полностью сознателен, он может использовать это знание, заранее предугадывая то, что произойдет, и принимая защитные меры. В какой-то день, например, мы можем испытать непродолжительную депрессию или разразиться гневом, или почувствовать движение протеста внутри себя, или половое вожделение и т. д., или даже, если взять примеры, которые по внешнему проявлению отличаются от предыдущих, мы можем несколько раз споткнуться на ступеньках и едва не сломать себе ногу или схватить сильную простуду — при этом мы замечаем, что каждый из этих незначительных, тривиальных эпизодов точно соответствует другому эпизоду, который по своей природе чаще всего символичен (поскольку, когда мы просыпаемся утром, он является не самим фактом, а его ментальной транскрипцией) и который мы пережили накануне ночью: или мы были атакованы врагом «во сне», или были вовлечены в несчастное сплетение обстоятельств, или видели, порою очень точно, все детали какой-то определенной психологической сцены следующего дня. Создается впечатление, что в нас есть «некто», кто полностью пробужден и очень заботится о том, чтобы помочь нам показать все «почему» и скрытые механизмы нашей психической жизни, все причины наших падений и нашего прогресса. Ибо у нас могут быть предчувствия и благоприятных психических событий, которые на другой день проявляются в виде какого-нибудь достижения, открытия сознания, некого просветления, внутреннего расширения; и мы вспоминаем, что накануне ночью мы видели свет или чувствовали подъем, или наблюдали

крушение стены или дома (символизирующие наше сопротивление или какие-то ментальные построения, которые держат нас в плену). Нас поразит и тот факт, что эти предчувствия обычно никак не связаны с теми событиями, которые *мы* считаем важными, значительными на нашем физическом плане, такими, как, например, смерть одного из родителей или успех в обычной деятельности (хотя иногда у нас могут быть и такие предчувствия), напротив, они [предчувствия] связаны с самыми тривиальными деталями, которые внешне не имеют никакого значения, но всегда очень важны для нашего внутреннего прогресса. Это признак развивающегося сознания; вместо того, чтобы бессознательно принимать ментальные, витальные и другие вибрации, которые формируют нашу жизнь без нашего участия и знания и которые мы наивно принимаем за свои (мы говорим: это *мой* гнев, *моя* депрессия, *мое* половое вожделение, *моя* лихорадка), мы начинаем видеть, как они приходят к нам. Это — видимое доказательство (подкрепляемое сотнями опытов ночь за ночью) того, что вся игра нашей фронтальной природы берет свое начало не в нас, а во всеобщем Разуме, всеобщем Витальном или даже в еще более высоких сферах, если мы способны подключаться к ним. В этом — начало господства, поскольку, когда мы видим или предвидим события, мы можем изменять их ход. Земная жизнь — это поле действия самого сурового и слепого детерминизма и в то же время — поле всепобеждающей свободы: все зависит от нашего сознания. Один ученик писал однажды Шри Ауробиндо о своих «снах» и странных совпадениях между событиями дня и ночи. Вот ответ Шри Ауробиндо: *Поймите, что эти переживания — это не просто игра воображения или сны, а реальные события… Неверно думать, что живем мы только физически, наделенные внешним разумом и жизнью. Мы постоянно живем и действуем на других планах сознания, встречаясь там с другими и воздействуя на них, и то, что мы там делаем и чувствуем, о чем думаем, те силы, которые мы собираем, и те результаты, плоды, которые мы подготавливаем, имеют несоизмеримое значение для нашей внешней жизни и влияние на нее, которые, однако, неизвестны нам. Не все из этого доходит до физического плана, а то, что доходит, принимает там другую форму — хотя иногда имеет место точное соответствие; но эта малая часть и есть основание нашего внешнего существования. Все, чем мы становимся, что мы делаем и претерпеваем в физической жизни, подготавливается за покровом внутри нас. Поэтому для йоги, которая стремится к трансформации, преобразованию жизни, необычайно важно начать осознавать то, что происходит внутри этих сфер, стать там господином и научиться чувствовать, знать и обращаться с теми скрытыми силами, которые определяют нашу судьбу и наш внутренний и внешний рост или падение.*[106]

Сон действия

От животного сна мы перешли к сну сознательному, или опытному; теперь мы можем перейти к третьему типу сна — к сну действия. В течение долгого времени наш сон, как бы сознателен он ни был, остается по сути дела лишь пассивным состоянием, где мы — всего лишь свидетели событий, беспомощные зрители, наблюдающие за тем, что происходит в той или иной части нашего существа; следует подчеркнуть, что всегда в переживании принимает участие только некая часть нашего существа, хотя в тот момент, когда это происходит, у нас может быть впечатление, что страдает, борется или путешествует все наше существо точно так же, как во время дружеской беседы о политике или о философии нам может казаться, что все наше «я» принимает участие в дискуссии, тогда как в разговор вовлечена лишь ментальная или витальная его часть. По мере того, как сон становится все более сознательным, от впечатлений мы

переходим к обнаженной реальности (и непонятно, что является более «конкретным» — наши сны или «реальная» жизнь с ее «объективной реальностью».[107] Нам становится понятным, что мы созданы из смеси ментальных, витальных и других фрагментов, каждый из которых обладает своим независимым существованием и имеет переживания каждый на своем плане. Ночью, когда отсутствует связь с телом, и тирания ментального ментора, эта независимость становится очень ощутимой, очевидной. Вся совокупность тех мелких вибраций, что прилипают к нам и составляют «нашу» природу, распадается на маленькие сущности, которые разлетаются во все стороны. Мы встречаем в себе незнакомцев всякого рода, о существовании которых мы даже не подозревали. Это значит, что все эти фрагменты не объединены вокруг подлинного центра — психического — и поскольку они не объединены, мы неспособны управлять ими и изменять ход событий. Мы пассивны потому, что большинство этих фрагментов никак не связано с психическим, которое является подлинным «я». Таким образом, если мы хотим быть хозяевами не только здесь, но и в иных сферах и вообще везде, то очень быстро становится очевидной необходимость интеграции. Например, когда мы покидаем тело и отправляемся в области низшего Витального (которой соответствует область пупа и сексуального центра), то та часть нашего существа, которая отделилась и отправилась в эту область, очень часто проходит через очень неприятные переживания; жадные голодные силы самого разного рода нападают на нее, и мы переживаем то, что обычно называют кошмаром — мы убегаем оттуда, стремясь как можно быстрее вернуться в свое тело, где мы находимся в безопасности. Если же эта часть нашего существа соглашается с тем, чтобы ее объединили около психического центра, то она сможет безопасно выходить в эти дьявольские сферы, поскольку она будет обладать психическим светом; психическое — это свет, это часть великого изначального Света; стоит ему лишь вспомнить об этом свете (или об Учителе, что то же самое), когда оно подвергается нападению, как все враждебные силы попросту исчезают. Этим воспоминанием она вызывает истинную вибрацию, которая обладает силой растворить или рассеять все вибрации меньшей интенсивности. Можно даже наблюдать этот интересный переход, когда мы, беспомощные, участвуем в ужасных событиях, подвергаясь, например, преследованию, а затем, когда эта часть нашего существа вдруг вспоминает о свете (или об Учителе), ситуация становится совершенно иной, полностью противоположной тому, что было. На этих планах можно встретить и самых разных людей — знакомых и незнакомых, близких и далеких, живых и мертвых — *тех вечно живых, которых мы зовем мертвыми,*[108] как говорит Шри Ауробиндо, — людей, которые находятся на одной с нами длине волны. Мы можем быть свидетелями или беспомощными участниками их злоключений (которые, как мы видели, могут обратиться неприятными событиями на земле — все полученные там удары мы получим и здесь, каждое событие, которое происходит там, подготавливает то, что случится здесь), но если во время контакта части нашего существа с соответствующей частью друга, незнакомца или «мертвого» человека она сумеет вспомнить Свет, т. е. если она объединится вокруг психического, то она сможет обратить ход событий, помочь в беде другу или незнакомцу, помочь лишенному тела существу пройти через трудный переход или выбраться из опасного места, да и сама сможет освободиться от некоторых вредных связей (есть так много мест, где мы поистине являемся пленниками). Мы нарочно выбрали отрицательный и как можно более тривиальный пример: Х. снится, что она гуляет с подругой по берегу озера, вода которого кажется необыкновенно прозрачной; вдруг со дна озера выпрыгивает змея и кусает подругу за горло. Х. предпринимает несколько попыток спасти ее, но затем сама приходит в ужас, змея преследует теперь и ее, и она убегает «назад, домой» (в свое тело). На следующий день она узнает, что ее подруга заболела и совершенно потеряла голос; ее саму весь день преследует целый ряд мелких неудач, несчастий внутренних и внешних. Если бы она была активно сознательна и сосредоточена, то ничего не случилось бы — враждебные силы

бежали бы. Есть множество примеров тому, как «чудесным образом» удавалось избежать несчастных случаев, когда накануне ночью они были преодолены если не самим человеком, то его другом, пришедшим на помощь. Мы можем с пользой участвовать во всех видах деятельности, которые подготавливают наше собственное завтра или общий для всех новый завтрашний день, в зависимости от наших способностей: «Сознательное существо размером не больше мизинца находится в центре нашего 'я'; это Хозяин прошлого и настоящего… он есть сегодня и пребудет завтра», — говорит Катха Упанишада (IV. 12, 13). Однако нам нужно пройти через множество переживаний, причем постоянно сверяя их, насколько это в наших силах, со всем происходящим, прежде чем мы сможем понять, до какой степени сны эти не являются снами. Есть даже некоторые виды порабощения, которые невозможно уничтожить здесь до тех пор, пока мы не сделали этого там. Таким образом, вопрос действия тесным образом связан с вопросом объединения, интеграции.

Эта интеграция тем более необходима потому, что когда у нас больше нет тела, т. е. когда предполагается, что мы мертвы, эти фрагменты уже не могут прибегнуть к помощи тела, возвратившись в него, как в убежище. Если они не интегрированы (вокруг психического), то, возможно, им придется пройти через множество неприятностей. Здесь-то, по-видимому, и находятся истоки всех наших историй об аде, которые — никогда не будет лишним повторить это — имеют отношение лишь к низшим *частям* нашей природы. Ибо низшие планы (особенно низшее Витальное, которому соответствует область пупа и половой центр и которое, естественно, труднее всего поддается интеграции) населены хищными, прожорливыми силами. Один юный ученик, который преждевременно умер и явился своему другу, когда тот спал, чтобы рассказать о том, что случилось с ним по пути, сказал так: «Сразу за вашим миром нет ни закона, ни порядка». Он высказался об аде, как мы видим, с истинно британским лаконизмом. И добавил: «Со мной был свет Матери (Учителя), и я прошел через все это». Поскольку подобное переживание является характерным для многих смертей, то, наверное, нужно сказать, что встреча друзей происходила в тех великолепных многоцветных садах, которые можно найти в высших витальных сферах (которым соответствует сердечный центр) и которые образуют некоторые так называемые «раи» («парадизы») из несчетного числа раев иного мира — на самом деле они являются раями второго порядка. Обычно развоплощенный (лишенный тела) человек остается там столько, сколько он пожелает. Когда он достаточно насладится этим, душа его отправляется к месту истинного покоя, в изначальный Свет, и ждет там своего часа возвращения на землю. Говорить, что человек отправляется в «вечный ад» — жестокая нелепость. Каким образом душа, которая являет собою чистый Свет, может стать пленником этих низших вибраций? Это все равно, что сказать, что «инфра» господствует над «ультра». Подобное всегда и везде идет к подобному, на этой ли стороне или на той. А что иное может быть «вечным», истинным, как не душа, как не радость? *Если бы существовал бесконечный Ад, то он бы мог быть только обителью бесконечного блаженства, — говорил Шри Ауробиндо, — ибо Бог — это радость, Ананда, и нет иной вечности, кроме как вечности Его блаженства.*[109]

Таким образом, по мере того, как наше существо интегрируется вокруг психического, оно переходит от пассивного сна к активному, если вообще еще можно говорить о «сне», и от мучительных тревог смерти — к интересному путешествию или к иной форме работы. Но и здесь существуют самые разные степени, зависящие от широты нашего сознания — от ограниченных действий, не выходящих за рамки узкого круга живых или мертвых лиц или миров, которые знакомы и близки нам, до действий космического масштаба тех немногих живых существ, чье психическое овладело в известном смысле необъятными сферами сознания, — тех, кто защищает мир своим тихим светом.

В заключение этих кратких замечаний общего порядка, которые, в лучшем случае, могут

служить ищущему путевыми вехами, приведем последнее наблюдение. Касается оно предчувствий. Снова следует подчеркнуть, что сам факт того, что мы имеем предчувствие какого-то события, говорит о том, что это событие уже существует на каком-то плане прежде, чем произойти здесь — оно не приходит из ничего. Мы очень точны в исследовании физической реальности, тогда как с явлениями нефизических миров обращаемся довольно странно — так, как будто они являются несвязными или неопределенными — может быть, потому, что неопределенность заключается в самом нашем разуме. Однако, обретая опыт, мы обнаруживаем, что во всем есть смысл, даже если это воспринимается не сразу: по мере восхождения по шкале сознания помимо увеличения интенсивности и частоты излучения убыстряется и время, оно покрывает как бы более широкое пространство или охватывает более отдаленные события (как в будущем, так и в прошлом); в конце этого восхождения мы выходим в неподвижный Свет, где у ж е *присутствует все*. Поэтому мы можем заметить, что земное свершение нашего предчувствия происходит раньше или позже во времени в зависимости от того, на каком плане сознания имело место наше видение. Например, когда мы наблюдаем событие в тонком Физическом — в мире, который граничит с нашим — то земная транскрипция этого события следует незамедлительно: спустя всего несколько часов или один день. Мы видим несчастный случай, а на следующий день он происходит с нами. Причем видение бывает очень точным, вплоть до малейших деталей. Чем выше мы поднимаемся по шкале сознания, тем дальше во времени расположено свершение события как предмета нашего видения и тем более всеобщим становится угол зрения этого видения, но подробности его осуществления становятся уже не такими четкими, как если бы само событие, будучи неизбежным (при условии, что наше видение в достаточной степени свободно от эгоизма), обладало бы при этом «запасом неопределенности» в деталях своего свершения — этим запасом неопределенности до известной степени объясняются те изменения и искажения, которые претерпевает высшая истина по мере своего нисхождения от плана к плану вплоть до своего земного осуществления. Отсюда можно вывести много всяких интересных заключений — в частности, то, что чем более мы сознательны на земле, или чем выше мы можем подниматься по шкале сознания, приближаясь к Изначальному, тем ближе к Изначальному мы приближаем землю, устраняя вызывающее искажения детерминирующее влияние [предопределенность] промежуточных планов. Это может иметь очень важные последствия не только для нас самих — для управления собственной жизнью и ее преобразования, — но и в глобальном масштабе — для преобразования мира. О свободе воли и детерминированности много писали, но этот вопрос рассматривался не в надлежащем ракурсе. Не существует противопоставления свободы воли предопределению — есть свобода *и* множество предопределений. Мы подчинены, как говорит Шри Ауробиндо, целому ряду *предопределений, наложенных друг на друга [superimposed determinisms]* — физическому, витальному, ментальному и высшим, причем предопределение конкретного плана способно изменить или упразднить предопределение низшего, непосредственно следующего за ним плана. Например, в человеке, которому были отпущены хорошее здоровье и долгая жизнь, витальное предопределение «его» страстей и психические расстройства могут сильно повлиять как на здоровье, так и на срок его жизни, но это витальное предопределение, в свою очередь, может быть изменено предопределением ментальным — силой воли человека или его идеалом, но и оно может быть изменено более высоким законом, законом психического — и так далее. Свобода — это продвижение к высшим планам. Причем это относится также и к земле, поскольку одни и те же силы движут и индивидуумом, и социумом. И если мы, представляющие собой точку пересечения всех этих предопределений в Материи, способны подняться к высшему плану, то тем самым мы автоматически способствуем тому, что земля поднимается к большей свободе — до тех пор, пока не придет день, когда с помощью пионеров эволюции мы сможем

подняться к *супраментальному* плану, который изменит настоящую судьбу мира так радикально, как некогда в третичном периоде изменил его судьбу Разум. А в конце — если конец существует — Земля, вероятно, достигнет высшего Предопределения, которая есть высшая Свобода и абсолютное исполнение и свершение. Посредством нашей работы над сознанием каждый из нас участвует в сопротивлении фатальностям, которые осаждают наш мир, мы — это соль земной свободы и обОжения Земли. Ибо эволюция сознания имеет значение для всей Земли.

Глава 10. Йогин-революционер

Таковы открытия ментального, витального, физического и психического порядка, сделанные Шри Ауробиндо — он сделал их в возрасте между двадцатью и тридцатью годами, продвигаясь в одиночку, шаг за шагом, просто следуя нити сознания. Примечательно то, что он практиковал йогу при всех обстоятельствах — даже тогда, когда это считается невозможным: во время своих лекций по французской и английской филологии в государственном колледже в Бароде, во время работы при дворе махараджи и все больше и больше — непосредственно в своей подпольной работе. Те ночные часы, которые не были посвящены изучению его родного языка, санскрита или политической работе, Шри Ауробиндо проводил за сочинением стихов: «У Ауробиндо была привычка писать стихи до глубокой ночи, — вспоминает его учитель бенгальского языка, — и он, естественно, вставал утром не слишком рано… Перед тем, как начать, он сосредотачивался на минуту, а затем стихи потоком лились с его пера». После сочинения стихов Шри Ауробиндо переходил к своему опытному сну. В 1901 г. в возрасте двадцати девяти лет он женился на Мриналине Деви и пытался разделить с нею свою духовную жизнь: *Я ощущаю все признаки и симптомы [предназначенного мне пути], — писал он ей в письме, найденном в архиве британской полиции. — Я хотел бы взять вас с собой в этот путь.* Но Мриналини не поняла его; Шри Ауробиндо остался один. Тщетно мы будем искать в жизни Шри Ауробиндо те трогательные или чудесные истории, которые украшают жизни великих святых или мистиков, напрасными будут и поиски сенсационных йогических методов; все кажется настолько естественным, что ничего нельзя увидеть — как и в самой жизни. Может быть, он находил больше чудесного в обыкновенном, чем в необыкновенном: *Со мною все не так, все необычно, — писал он в письме Мриналини. — Все полно глубины, и чудно для тех очей, что зрят!* [All is deep and strange to the eyes that see.][110] И, возможно, именно это хотел он открыть нам своим примером, своей работой, своей йогой — все те неведомые богатства, которые скрыты под коркой обыкновенного: *И жизни наши — это тайна, что глубже всех фантазий наших.* [Our lives {are} a deeper mystery than we have dreamed].[111] Если бы мы только знали, насколько пусты внутри наши так называемые «чудеса», лишенные реальной ценности, эти магические фокусы для взрослых; как только человек обретает знание, которое хоть чего-то стоит, он видит, что все это лишь прелестные картинки и что Истина проще всех этих сверхъестественных ухищрений. По мере своего продвижения в йоге Шри Ауробиндо оставлял позади себя всю эту феерию образов ради того, что он называл *духовным реализмом*[112] — не потому, что он не любил прекрасные образы — ведь он был поэт! — а потому, что он понимал, что эти образы могли бы быть гораздо более прекрасны, если бы они воплотились в физической реальности на земле, если бы сверхфизическое стало бы для нас обыкновенным физическим, видимым невооруженным глазом. То, что Шри Ауробиндо сделал потустороннее естественным и достиг спокойного господства над жизнью, стало возможным благодаря лишь тому, что он никогда не делал различия между двумя мирами: *Моя жизнь и моя йога со времени моего приезда в Индию всегда были как посюсторонними, так и потусторонними без всякого ущерба для какой-либо из сторон, — писал он ученику. — Все человеческие интересы, я полагаю, являются посюсторонними, и многие из них вошли в мою ментальную сферу, а некоторые, как, например, политика — и в мою жизнь, но в то же время с того момента, как я ступил на набережную Apollo Bunder в Бомбее, у меня появились духовные переживания, причем они не были отделены от этого мира, напротив, внутренне они теснейшим образом опирались на него — как, например, переживание Бесконечного, наполняющего собой материальное*

пространство, или Имманентного, которое присутствует в материальных объектах и телах. В то же самое время я обнаружил, что выхожу в сверхфизические миры и планы, которые имеют влияние и воздействие на план материальный, — таким образом для меня оказалось невозможным создание четкого разграничения или непримиримого противоречия между тем, что я называю двумя полюсами существования, и всем тем, что лежит между ними. Для меня все есть Брахман, и я нахожу Божественное повсюду.[113]

Проблема действия

Духовный реализм Шри Ауробиндо проявился, прежде всего, в его революционной деятельности. Вскоре была составлена программа, состоявшая из четырех пунктов: пробудить Индию к мысли о независимости, для чего будет достаточно газетных статей и политических речей; поддерживать умы людей в состоянии постоянного возмущения, протеста (в начале столетия он был определенно одним из первых вместе с другим героем Индии Тилаком — кто заговорил о полном освобождении, пассивном сопротивлении и несотрудничестве; Ганди появится на политической арене лишь спустя пятнадцать лет); преобразовать партию Индийский конгресс и ее робкие требования в экстремистское движение, недвусмысленно выдвигающее идеал абсолютной независимости; и, наконец, тайно подготовить вооруженное восстание.

Вместе со своим младшим братом Барином он начал организовывать партизанские отряды в Бенгалии под прикрытием спортивных и культурных обществ; он даже отправил за свой счет одного своего человека в Европу с тем, чтобы тот ознакомился с технологией изготовления бомб. Когда Шри Ауробиндо говорил: *Я — не бессильный моралист и не слабый пацифист,*[114] это были не пустые слова. Он достаточно подробно изучил историю Франции, а также итальянскую и американскую революции, чтобы знать, что вооруженное восстание в некоторых случаях может быть оправданным; ни Жанна д'Арк, ни Мадзини, ни Вашингтон не были проповедниками «ненасилия». Когда к нему в Пондишери в 1920 г. прибыл с визитом сын Ганди, чтобы обсудить концепцию ненасилия, Шри Ауробиндо ответил ему простым и конкретным вопросом: «Что бы вы стали завтра делать, если бы со стороны северных границ в Индию было совершено вооруженное вторжение?» Двадцатью годами позже, в 1940 г., Шри Ауробиндо и Мать открыто встали на сторону союзников, в то время как Ганди в порыве чувств, которые, несомненно, достойны похвалы, послал открытое письмо британскому народу, убеждая его не поднимать оружия против Гитлера, а использовать вместо этого лишь «духовную силу». Поэтому здесь было бы уместно прояснить духовную позицию Шри Ауробиндо в отношении насильственных действий.

Война и разрушение, — писал он, — это всеобщий принцип не только нашей жизни здесь в ее чисто материальных аспектах, но и нашего ментального и морального существования. Совершенно очевидно, что в действительной человеческой жизни — интеллектуальной, социальной, политической, моральной — мы не можем сделать ни одного реального шага вперед без борьбы, без битвы между тем, что существует и живет, и тем, что стремится существовать и жить, а также всем тем, что находится за каждой из этих сторон. Невозможно — по крайней мере до тех пор, пока люди и предметы находятся в их теперешнем состоянии, — продвигаться вперед, расти, работать и при этом соблюдать по-настоящему и до конца тот принцип непричинения зла, который все-таки стоит перед нами как высший и лучший закон поведения. Будем использовать исключительно душевную силу и никогда не будем

ничего разрушать войнами или применением физического насилия даже в целях обороны? Хорошо, хотя душевная сила и эффективна, но между тем асурическая сила в людях и нациях топчет, разрушает, убивает, сжигает, оскверняет — как мы видим это сегодня, свободно и беспрепятственно, — и своим невмешательством вы, может быть, причиняете столько же разрушения, как и другие, прибегающие к насилию… Для того, чтобы закон борьбы и разрушения полностью исчез из этого мира, недостаточно, чтобы наши руки оставались чистыми, а души — незапятнанными; ***необходимо для начала, чтобы его корень был удален из человечества.***[115] *Гораздо в меньшей мере будет способствовать уничтожению этого закона обыкновенная неподвижность и инерция, не желающие или не способные использовать какой бы то ни было способ сопротивления злу; инерция, тамас, приносит на самом деле гораздо больше вреда, чем (динамический) раджасический принцип борьбы, который создает в конечном счете больше, чем разрушает. Поэтому относительно проблемы индивидуальной деятельности можно сказать, что воздержание от борьбы и неизбежно сопутствующего ей разрушения в их наиболее грубой форме может помочь собственному моральному существованию индивида, но не затрагивает Убийцу творений.*[116]

Все развитие мысли Шри Ауробиндо и его практической позиции по отношению к войне, начиная его подпольной работой в Бенгалии и кончая уходом в Пондишери в 1910 г., связано с проблемой *метода*: как вернее всего поразить этого «Убийцу творений», «Пожирателя», как называли его Риши Вед? И от независимости Индии Шри Ауробиндо перешел к независимости мира. Ибо по мере того, как он продвигался в своей йоге, он все более и более осознавал посредством опыта, что скрытые силы находятся не только за самими нашими психическими нарушениями и расстройствами, но и за нарушениями и расстройствами мира — все приходит, как мы уже говорили, из другого источника — и что если наше невмешательство не затрагивает Убийцу творений, то и войны наши, конечно, тоже не уничтожают его, хотя практически мы не можем пока обойтись без войн и нам приходится иногда пачкать свои руки. В самый разгар первой мировой войны Шри Ауробиндо написал слова, полные пророческой силы: *Поражение Германии… само по себе не может убить тот дух, который в Германии воплотился; оно может вести к новому воплощению этого духа — возможно, в каком-нибудь другом народе или же другой империи — и тогда всю битву нужно будет вести вновь. До тех пор, пока живы старые боги, разрушение или подавление тела, в котором они живут, не имеет большого значения, ибо они прекрасно знают, как переселяться. Германия победила наполеоновский дух во Франции в 1813 г. и разрушила основы ее господства в Европе в 1870; та же Германия стала воплощением того, что было ею свергнуто. Этот феномен способен легко возродиться в более грозном масштабе.*[117] Сегодня нас уже не нужно убеждать в том, что старые боги знают, как переселяться. Увидев, как все годы ненасилия завершились ужасными насилиями, которыми было отмечено разделение Индии в 1974 г., сам Ганди незадолго до своей смерти с горечью говорил: «Мы снова встали на позиции насилия, которому мы тайно позволили жить в себе, и хватаем друг друга за горло, когда дело дошло до разделения власти… Теперь, когда сброшено иго зависимости, все силы зла вышли на поверхность». И все потому, что ни насилие, ни ненасилие не затрагивают корней Зла. В середине второй мировой войны, когда Шри Ауробиндо открыто встал на сторону союзников, так как это было единственным *практическим* шагом, который можно было сделать, он писал ученику: *Вы пишете, как если бы то, что происходит теперь в Европе, было бы войной между силами Света и силами Тьмы, но это, как, впрочем, и то, что происходило во время первой мировой войны, совсем не так. Это битва между двумя видами Неведения… Глаза йогина видят события, людей и причины не только во внешнем аспекте, они видят также огромные силы, которые ввергают их в действие. Если люди, которые воюют, — это орудия в руках правителей, финансистов и т. д., то и те, в свою*

очередь, — марионетки в лапах этих сил. Когда человек привыкает видеть явления по ту сторону вещей, он уже не склонен захватываться их внешним аспектом или ожидать какой-либо помощи от политических, общественных или социальных изменений.[118] Шри Ауробиндо сумел осознать и эти «огромные силы», действующие за поверхностью явлений, и постоянное проникновение сверхфизического в физическое; его энергия была сосредоточена уже не на проблеме морали «насилие или ненасилие» (это, в конце концов, довольно поверхностный подход), а на вопросе эффективности; он ясно видел — опять же посредством опыта — что для того, чтобы излечить мир от зла, для начала необходимо излечить «то, что составляет его основу в человеке», он видел и то, что невозможно ничего излечить вовне, не излечившись прежде всего внутри, ибо это — одно и то же. Нельзя управлять внешним, не умея управлять внутренним, ибо это — одно и то же. Мы не можем преобразовать внешнюю материю, не преобразовав нашей «внутренней» материи, потому что это снова одно и то же. Есть только одна Природа, один мир, одна материя, и до тех пор, пока мы подходим к проблеме с ложного конца, мы никуда не придем. Если же такое разрешение покажется нам слишком непосильным, то тогда не на что надеяться ни человеку, ни миру, потому что все наши внешние панацеи и слащавая добродетель обречены в конечном счете на уничтожение этими скрытыми силами: *Есть единственный выход, — писал Шри Ауробиндо, — это нисхождение сознания, которое не является марионеткой этих сил, которое более велико, чем они, и которое может заставить их измениться или исчезнуть.* Именно к этому новому, супраментальному сознанию двигался Шри Ауробиндо в гуще своей революционной работы.

… И, может быть, тщету всех упований испытав,
Мы к совершенству ключ внутри обрящем.

… We may find when all the rest has failed
Hid in ourselves the key of perfect change.[119]

Нирвана

В 1906 г. Шри Ауробиндо покинул Бароду и перебрался в Калькутту с тем, чтобы полностью погрузиться в самое сердце политической борьбы. Грубые промахи лорда Керзона, губернатора Бенгалии, привели к студенческим волнениям; пришло время действовать. Вместе с другим великим борцом за национальную независимость, Бепином Палом, Шри Ауробиндо основал ежедневную газету, выходившую на английском языке — «Банде Матарам» («Преклоняюсь перед Матерью-Индией») — газету, которая впервые открыто провозгласила целью полную независимость и которая стала мощным орудием пробуждения Индии. Он основал также *экстремистскую партию* и учредил программу действия нации — бойкот английских товаров, бойкот английских судов, бойкот английских школ и университетов. Он стал директором первого Национального Колледжа в Калькутте и создал вокруг такое смятение, что не прошло и года, как был выписан ордер на его арест. К сожалению для англичан, в статьях и речах Шри Ауробиндо не было ничего противозаконного — он не проповедовал расовой ненависти, не нападал на правительство Ее Величества, но просто провозглашал право наций на

независимость. Возбужденное против него дело было закрыто за отсутствием улик. Только издателя, не знавшего ни слова по-английски, осудили на шесть месяцев тюрьмы. Этот неудавшийся арест принес Шри Ауробиндо известность, с тех пор он стал признанным лидером национальной партии, он вышел из-за кулис, где, однако, предпочитал оставаться: *Меня ни на грош не заботит то, будет ли имя мое поминаться в местах «священных» [I do not care a button about having my name in any blessed places], — писал он позднее; — я никогда не рвался к славе, даже в дни моей политической борьбы; я предпочитал оставаться за кулисами, побуждая людей к действию так, чтобы они не знали об этом, и для меня главное — результат.*[120] Однако было бы неверным представлять Шри Ауробиндо фанатиком; всех его современников поражал этот «спокойный молодой человек, который мог одним словом утихомирить бушевавший митинг». Во время этой бурной деятельности (политические митинги, издание газеты, которая должна была выходить каждое утро при постоянной угрозе со стороны тайной полиции) 30 декабря 1907 г. Шри Ауробиндо встретил йогина по имени Вишну Бхаскар Леле, которому было суждено привнести еще один парадоксальный опыт в его и без того парадоксальную жизнь.

Это был первый случай, когда Шри Ауробиндо согласился встретиться с йогином — после тринадцати лет пребывания в Индии! Это показывает, насколько он не доверял аскетизму и последователям духовных учений. Первый же его вопрос Леле был так характерен для него: *Я хочу практиковать йогу для работы, для действия, а не ради санниясы (отречения от мира) и Нирваны.*[121] Странный ответ Леле заслуживает внимания: «Это было бы легко для вас, поскольку вы — поэт». Они удалились вдвоем в тихую комнату, где пробыли три дня. С тех пор йога Шри Ауробиндо приняла иное направление, которое, казалось, уводило его от деятельности, но лишь для того, чтобы привести его к раскрытию ее тайны точно так же, как и тайны изменения мира. *Первым результатом, — писал Шри Ауробиндо, — был ряд потрясающе мощных переживаний, о возможности которых он [Леле] никогда и не предполагал… и которые были абсолютно противоположны моим собственным идеям, поскольку вследствие этого я с поразительной силой увидел мир, как некую игру на киноленте, игру лишенных содержания образов в безличной универсальности Абсолютного Брахмана.*[122]

Теперь в просторах «я» бескрайних
Блуждающей скорлупкою казалось тело…

In the enormous spaces of the self
The body now seemed only a wandering shell…[123]

И здесь вся интегральная йога Шри Ауробиндо разом рассыпалась. Все его усилия по работе над ментальной, витальной и физической трансформацией и его вера в совершенную земную жизнь были сметены, поглощены гигантской Иллюзией: не осталось ничего, кроме пустых образов. *Я был выброшен в такое состояние над мыслью и без мысли, которое не было запятнано никакими ментальными или витальными движениями; не было ни эго, ни реального мира — лишь глядя сквозь неподвижные чувства, нечто ощущало или связывало со своим абсолютным безмолвием мир пустых образов, материализованные тени, лишенные подлинной субстанции. Не было ни Единого, ни даже множественности — лишь абсолютное То, лишенное признаков, безотносительное, сущее, неописуемое, немыслимое, абсолютное и все же в высшей степени реальное и единственно реальное. Это не было ни ментальной реализацией, ни*

мимолетным озарением, блеснувшим где-то вверху — это не было абстракцией — это была позитивная, единственно позитивная реальность, которая хотя и не будучи пространственным физическим миром, наполняла собой, занимала или, скорее, наводняла и затопляла эту видимость физического мира, не оставляя никакого места или пространства для иной реальности, кроме самой себя и не позволяя ничему, кроме себя, казаться реальным, позитивным или субстациональным… Оно (это переживание) принесло невыразимый Покой, изумительную тишину, необъятность освобождения и свободу.[124] Шри Ауробиндо прямо вошел в то, что буддисты называют Нирваной, индусы — Безмолвным Брахманом, Тем,[125] в *Тао* китайцев, в то, наконец, что на Западе называется Трансцендентным, Абсолютным, Безличным.[126] Он достиг того знаменитого «освобождения» (*мукти*), которое считается «вершиной» духовной жизни, ибо что же еще может быть за пределами Трансцендентного? Шри Ауробиндо подтвердил на собственном опыте слова великого индийского мистика Шри Рамакришны: «Если мы живем в Боге, мир исчезает; если ми живем в миру, то Бога уже не существует». Пропасть между Материей и Духом, через которую он пытался воздвигнуть мост, вновь разверзлась перед его незамутненным взором. Последователи духовных учений Запада и Востока были правы, определяя потустороннюю жизнь — рай, Нирвану или освобождение — как единственную цель человеческих усилий где-то в другом месте, но не здесь, не в этой юдоли слез и иллюзий. Переживание Шри Ауробиндо было неопровержимо, оно стояло прямо перед его глазами.

Но это переживание, которое считается последним шагом, станет для Шри Ауробиндо отправной точкой новых, высших переживаний, которые объединят мирскую истину и истину потустороннего в тотальной, цельной, божественной Реальности. Это — существенный вопрос, главный вопрос самого смысла нашего существования, потому что есть только две альтернативы: или высшая Истина не имеет никакого отношения к этому миру [не от мира сего], как утверждают все религии мира — и тогда мы здесь зря теряем время, — или существует нечто иное помимо всего того, о чем мы уже слышали. Этот вопрос является тем более насущным, что это вопрос не теории, а практики. Вот что рассказывает Шри Ауробиндо: *Я жил в этой Нирване дни и ночи, прежде чем она позволила войти в себя чему-то другому или вообще позволила себе как-то измениться… в конце концов она стала растворяться в превосходящем ее Сверхсознании, что находится выше… Видение [the aspect] иллюзорного мира уступило место видению, в котором иллюзия была лишь незначительным поверхностным феноменом, по ту сторону которого находилась бесконечная [immense] Божественная Реальность, над которым — высшая [supreme] Божественная Реальность, и она же — высоконапряженная [intense] Божественная Реальность — виделась в сердце всего, что прежде казалось лишь кинематографическими образами или тенями. И это не было возвращением в тюрьму чувств, умалением высшего переживания или падением из него, это пришло, скорее, как постоянное возвышение и расширение Истины… Нирвана в моем освобожденном сознании превратилась в начало моей реализации, она стала первым шагом к полноте постижения [towards to complete thing], а вовсе не единственно возможным истинным достижением или, более того, — кульминационным завершением.*[127]

Тогда что же собою представляет это Трансцендентное, которое, по-видимому, находится не на вершине, а где-то в середине? Используя довольно простую, но вполне корректную аналогию, можно сказать, что сон — это трансцендентное состояние по отношению к бодрствованию, хотя сам по себе он не является ни более высоким, ни более истинным состоянием по сравнению с бодрствованием, но он же не является и менее истинным состоянием. Просто это другое состояние сознания. В тот момент, когда мы устраняемся от от ментальных и витальных движений, все естественно исчезает — точно так же, как когда мы

принимаем обезболивающую таблетку, которая притупляет все наши ощущения. У нас есть врожденная склонность полагать, что этот неподвижный и безличный Покой лежит неизмеримо выше нашей суеты, но здесь все дело в том, что мы сами и создаем всю эту суету. Понятия «выше» или «ниже» характеризуют не иерархию разных состояний сознания, а его качественную сторону, его устойчивость внутри данного состояния. Следовательно, Нирвана — это не вершина лестницы точно так же, как ни сон, ни смерть не могут быть этой вершиной. Она может иметь место *на любом уровне нашего сознания;* в уме с помощью концентрации, в витальном с помощью концентрации и даже в физическом сознании — с помощью концентрации. Хатха-йогин, склонившийся над своим пупом, или басуто,[128] пляшущий около своего тотема, могут внезапно выйти в иной мир — если таково их предназначение, — в иное, трансцендентное измерение, туда, где весь этот мир превращается в Ничто. То же самое может случиться с мистиком, погруженным в свое сердце, или с йогином, концентрирующемся в своем уме. Ведь на самом деле, выходя в Нирвану, человек не поднимается *выше*. Он просто пробивает отверстие и выходит наружу. Шри Ауробиндо во время своего переживания Нирваны не вышел за пределы ментального плана: *Я сам получил переживание Нирваны и безмолвия в Брахмане задолго до того, как пришло вообще какое-то знание о высших духовных планах.*[129] И только после того, как он поднялся к высшим суперсознательным планам, к нему пришли переживания высшие, чем Нирвана, в которых иллюзорный, неподвижный и безличный аспект реальности перешел в новую Реальность, охватывающую одновременно и этот мир, и потустороннее. Таково было первое открытие Шри Ауробиндо. *Нирвана не может быть внезапным завершением Пути, за которым нет ничего, подлежащего исследованию… это конец низшего Пути, пройденного через низшую Природу, и одновременно начало Высшей Эволюции.*[130]

Взглянем теперь на Нирвану с другой стороны и спросим себя, действительно ли целью эволюции является выход из этого мира, как считают последователи Нирваны, да и всех прочих религий, которые определили потустороннее как цель наших усилий. Ведь если мы оставим наши эмоциональные доводы, на которых основаны наша вера или неверие, и просто взглянем на процесс эволюции, то мы будем вынуждены признать, что Природа могла легко обеспечить нам этот «выход», когда мы находились еще на стадии элементарного ментального развития и жили инстинктивно, руководствуясь интуицией, т. е. были вполне податливыми и открытыми существами. Люди времен Вед, Мистерий Древней Греции или даже средних веков гораздо лучше подошли бы для этого «выхода», чем мы; поэтому, если бы это действительно было целью эволюции Природы — если полагать, что эволюция происходит не случайно, а в соответствии с Планом — то она предпочла бы именно этот человеческий тип для выполнения *такого* плана. В таком случае было бы легко *перепрыгнуть через интеллект,*[131] как пишет Шри Ауробиндо в своей работе «Человеческий Цикл», и перейти от инстинктивно-интуитивной стадии к духовной жизни иных миров. Если цель эволюции — выход из этого мира, то интеллект — это какое-то совершенно ненужное образование, бесполезный нарост. Похоже, что Природа, наоборот, работает в направлении, противоположном той прошлой примитивной интуиции, нарочно покрывая ее все более толстыми ментальными слоями — слоями все более сложными и универсальными, все более бесполезными с точки зрения выхода из этого мира; нам всем известно, что как интуиция Индии эпохи Упанишад, которая пережила свой изумительный расцвет в начале нашей эры, так и интуиция неоплатонической Греции уступили место человеческому интеллекту, который был, несомненно, и ниже, и грубее интуиции, но в определенном смысле был более универсальным. Можно поставить следующий вопрос, не пытаясь дать на него ответ: в чем заключается смысл эволюции — в том, чтобы допустить такую роскошь, как возникновение разума, лишь для того, чтобы потом разрушить его, вернувшись к

субментальной или внементальной религиозной стадии, или, наоборот, в том, чтобы максимально развивать разум[132] (и именно в этот процесс мы сейчас и вовлечены) до тех пор, пока он не исчерпает собственную ограниченность и поверхностную суету и не поднимется в высшие, сверхсознательные сферы, на духовный и супраментальный уровни, где исчезает, как мираж, противоречие между Материей и Духом и где у нас уже не будет необходимости «выходить», поскольку везде, где бы мы ни были, мы будем Внутри.

Однако было бы неверным считать Нирвану ложным переживанием — некой иллюзией иллюзий — во-первых, потому, что ложных переживаний нет, есть лишь переживания неполные, а, во-вторых, потому, что Нирвана на самом деле освобождает нас от некоторой определенной иллюзии. Наш обычный способ видения мира несовершенен. Это в некотором роде оптическая иллюзия, иллюзия, если можно так выразиться, чрезвычайно реальная, похожая на то, как мы видим опущенную в воду палку сломанной. Т. е. наш способ видения мира столь же реален, сколь и ошибочен. Мы должны «очистить двери восприятия», как сказал Вильям Блейк, и Нирвана способствует такому очищению, хотя, может быть, и довольно резко. Обычно мы видим плоский, трехмерный мир с множеством объектов и существ, *отделенных* друг от друга — так же, как палка, погруженная в воду, кажется состоящей из двух частей, — но когда мы смотрим с высшего плана, из Суперсознательного, то реальность предстает нам совершенно иной, точно так же, как она предстает в ином виде, когда мы смотрим на нее с низшего, атомарного уровня. Единственное различие между восприятием сломанной палки и нашим привычным видением мира состоит в том, что первое — это всего лишь оптическая иллюзия, тогда как второе — это уже иллюзия более серьезная, укоренившаяся. Здесь, в этом последнем случае, мы настаиваем на том, что видим именно сломанную палку, хотя на самом деле это не так. И эта серьезная иллюзия может быть вполне оправдана, ибо она полностью согласуется с нашей практической жизнью и с тем поверхностным уровнем, на котором разворачивается наше существование, но в то же время именно в этом заключается причина того, что мы не способны управлять жизнью — ибо ложно видеть — значит ложно жить. Ученый, которого не может обмануть кажимость, видит лучше и обретает бОльшую способность управлять жизнью, но его видение также неполно, а господство — ненадежно; он по-настоящему не овладел жизнью, не овладел даже ее физическими силами, а просто использует некоторые из их наиболее видимых проявлений. Следовательно, вИдение — это вопрос не только личного удовлетворения; дело не в том, чтобы иметь прекрасные голубые и розовые видЕния (которые, вообще говоря, находятся не на слишком высоком уровне), видеть лучше — значит достичь подлинного господства над миром, над обстоятельствами и над собой, хотя все это, в сущности, одно и тот же, поскольку ничто не разделено. До сих пор те, которые поднялись до этого высшего видения (поскольку вообще есть много уровней), пользовались им в первую очередь для себя или же были не способны *воплотить* то, что они видели, поскольку все их усилия были направлены как раз на уход из воплощенного. Но, как показал Шри Ауробиндо, вовсе не обязательно становиться на эту сомнительную позицию. Не случайно им была создана вся эта основа — физическое, ментальное, витальное и психическое.

Таким образом, Нирвана — это полезная (но не необходимая) стадия перехода от обычного видения к иному способу видения. Она освобождает нас от всеохватывающей, тотальной иллюзии, в которой мы живем: «Будто опутанные чарами, видят они ложное как истинное», — говорит Маитри Упанишада [VII.10]. Шри Ауробиндо не употребляет этого слова — «иллюзия»; он просто говорит, что мы живем в *Неведении.* Нирвана освобождает нас от нашего Неведения, но лишь для того, чтобы привести нас к Неведению другого рода, ибо такова уж вечная проблема человека: он бросается из одной крайности в другую; он всегда ощущает необходимость отрицать что-либо для того, чтобы согласиться с чем-то другим, а потому промежуточную

стадию он воспринимает как некое завершение, как финал, так уже и случилось со множеством великих духовных переживаний. На самом же деле конца не существует, ибо есть только *постоянное возвышение и расширение Истины*.[133] Можно сказать, что в целом нирваническая или религиозная стадия, открывая дверь в запредельный мир, представляет собою лишь первую стадию эволюции, которая уводит нас от ложного видения мира, поэтому, по существу, эта стадия решает вопросы воспитательного характера. Но человек пробудившийся, истинно рожденный, должен искать следующую эволюционную стадию, оставив в себе религиозного человека, сосредоточенного на мире ином, — чтобы обрести человека духовного, сосредоточенного на Тотальности. Тогда ничего не нужно будет исключать, все расширяется. Но при том ищущий в интегральной йоге должен быть начеку, ибо все внутренние переживания, затрагивающие самые сокровенные глубины нашего существа, всегда, когда они приходят, кажутся неопровержимыми и принимаются нами за предел; на любом уровне они ослепительны; здесь можно вспомнить слова Вивекананды[134] о Нирване: «Океан безграничного покоя, без зыби, без дуновения» — и сейчас же возникает сильный соблазн остаться там, как будто это «высшие, последние небеса». А теперь мы просто приведем совет Матери всем ищущим: *Какова бы ни была природа переживания, каким бы сильным или чудесным оно ни было, вы никогда не должны позволить ему завладеть вами настолько, чтобы оно затопило целиком все ваше существо… Когда бы вы ни входили в контакт с силой или сознанием, которые находятся за пределами вашего сознания, вместо того, чтобы полностью подчиниться этому сознанию или силе, вы должны всегда помнить, что это лишь одно переживание среди тысяч и тысяч других, а потому оно ни в коей мере не является абсолютным. Как бы прекрасно оно ни было, вы можете и должны иметь лучшие переживания; как бы ни было оно исключительно, есть другие, более чудесные переживания; как бы ни было оно высоко, в будущем вы сможете вырасти еще выше.*

Шри Ауробиндо месяцами жил в этой Нирване, прежде чем он вышел оттуда. Странно, что в этом состоянии он был способен ежедневно издавать газету, посещать тайные собрания и даже выступать с политическими речами. Когда ему впервые предстояло выступить с публичной речью в Бомбее, он поделился своими затруднениями с Леле: *Он сказал мне, чтобы я молился, но я был настолько поглощен сознанием Безмолвного Брахмана, что не мог молиться. Он ответил, что это не беда; будут молиться он и некоторые другие, а я должен был просто пойти на митинг и сделать присутствующим Намаскар [поклониться], как Нарайяне, и ждать, и речь придет ко мне из некого другого источника, не из ума.*[135] Шри Ауробиндо сделал в точности то, что ему было сказано, и *речь пришла так, как будто ее кто-то диктовал. И с тех пор все — речь, мои рукописные произведения, моя мысль и внешняя активность приходят ко мне из того же источника, который находится выше головы [above the brain-mind]*.[136] Шри Ауробиндо вошел в контакт с Сверхсознательным. Содержание той речи, что была произнесена в Бомбее, действительно, очень интересно. *Попытайтесь осознать ту силу, что находится внутри вас, — говорил он воинствующим националистам, — попытайтесь вывести ее на передний план; тогда все, что вы делаете, сможет стать не вашим действием, а действием этой Истины внутри вас… Ибо это — не вы, это нечто внутри вас. Что могут сделать все эти суды, все силы мира Тому, что внутри вас, тому Бессмертному, тому Нерожденному и Неумирающему, кого меч не может пронзить, кого огонь не может сжечь?… Его нельзя ни заключить в тюрьму, ни отправить на виселицу. Есть ли что-нибудь в мире, чего вы должны бояться, когда вы осознаете присутствие Того, кто находится внутри вас?*[137]

На рассвете 4 мая 1908 г. его разбудили вооруженные английские полицейские. Шри Ауробиндо было тридцать шесть лет. Только что сорвалось покушение на жизнь английского

судьи в Калькутте. Бомба, которая предназначалась для него, была изготовлена в саду, где Барин, младший брат Шри Ауробиндо, обучал «учеников».

Глава 11. Единство

Шри Ауробиндо предстояло провести в алипорской тюрьме целый год в ожидании приговора. Он не был замешан в неудавшемся покушении; организация восстания не имела ничего общего с отдельными актами терроризма. *Когда меня арестовали и посадили в полицейский участок в Лал Базаре, моя вера на некоторое время была поколеблена, ибо я не мог видеть сути Его намерения. Поэтому в какой-то момент я заколебался и воззвал к Нему в сердце своем: «Что ж это такое? Я верил, что моя миссия — работать для народа моей страны и до тех пор, пока эта работа не окончена, я под Твоей защитой. Почему же тогда я здесь, да еще с таким обвинением?» Прошел день, затем второй и третий, когда я услышал голос изнутри: «Жди и смотри». Тогда я успокоился и стал ждать; из Лал Базара меня перевели в Алипор и поместили на месяц в одиночную камеру, отдельно от всех остальных. Там день и ночь ждал я гласа Божия внутри себя, чтобы узнать то, что Он должен был мне сказать, узнать то, что я должен был делать… Затем я вспомнил, что где-то около месяца до моего ареста я слышал зов, который настаивал на том, чтобы оставить все дела, уединиться и взглянуть внутрь себя, чтобы войти в более тесное общение с Ним. Я был слаб и не послушался зова. Моя работа*[138] *была очень дорога мне, и в гордыне сердца своего я полагал, что без меня она пострадает или прекратится, или даже провалится совсем, поэтому я не оставил ее. Мне показалось, что Он вновь заговорил со мною и сказал: «Я разорвал за тебя путы, порвать которые ты был не в силах, ибо не в том воля моя и никогда это в промысел мой не входило — продолжать это дело. У меня есть для тебя другое, и именно ради этого я привел тебя сюда — научить тебя тому, чему ты не смог научиться сам, и подготовить тебя к моей работе.»*[139] Этой «работой» была реализация космического сознания, или Единства, и исследование планов сознания, лежащих выше обычного разума, т. е. планов Сверхсознательного. И это приведет Шри Ауробиндо на путь Великой Тайны. *Я не буду говорить обо всем, что происходило со мной в течение этого времени, — скажу лишь то, что день за днем Он разворачивал передо мной свои чудеса… День за днем в течение двенадцати месяцев моего заключения давал Он мне это знание.*[140]

Космическое сознание

Целые месяцы жил Шри Ауробиндо в каком-то фантасмагорическом сне, в пустоте, и происходило это на единственном фоне — на фоне статической Реальности Трансцендентного. Однако довольно странно, что именно в этой Пустоте, как бы возникая из нее, вновь показался мир, который обрел новое лицо. Очень часто все происходит так, — так было и в данном случае, — как будто каждый раз необходимо все потерять для того, чтобы обрести все снова, но на высшем уровне: *Покоренный и побежденный, успокоенный, освобожденный от самого себя разум принимает само Безмолвие как Высшее. Но затем ищущий открывает, что все уже заключено для него в этом безмолвии или создается заново… и тогда пустота начинает заполняться, из нее возникает или в нее стремительно низвергается вся многоликая Истина Божественного, динамическое Бесконечное со всеми своими аспектами, проявлениями и множественностью планов.*[141] Когда мы видим только статическое Бесконечное, перед нами один лишь облик Бога, который в таком видении пребывает вне этого мира (и, возможно, мир

«без Бога» лучше, чем мир, в котором правит строгий Бог-судья), но когда Безмолвие смывает все наши претенциозно-торжественные представления, наполняя нас чистой белизной, мы обнаруживаем, что мир и Бог — снова вместе, во всех точках и на всех уровнях, как будто их никогда ничто не разделяло — кроме крайнего материализма или спиритуализма. Такое вот новое изменение сознания произошло во дворе алипорской тюрьмы во время одной из прогулок: *Я смотрел на тюрьму, отделявшую меня от людей, и я уже не был заключен в ее высоких стенах, нет — меня окружал Васудева.*[142] *Я гулял под ветвями дерева, растущего против моей камеры, но оно не было деревом, я знал, что это — Васудева, это — Шри Кришна*[143] *— я видел, как он стоит, простирая свою тень надо мной. Я смотрел на запоры моей камеры, на ту самую решетку, которая служила дверьми, и вновь я видел Васудеву. Ни кто иной, как Нарайяна,*[144] *сторожил меня, стоял при мне на часах. Или, когда я ложился на грубые одеяла, служившие мне постелью, я чувствовал руки Шри Кришны, обнимавшие меня, руки моего Друга и Возлюбленного… Я смотрел на заключенных — воров, убийц, мошенников — и когда я смотрел на них, я видел Васудеву, я находил Нарайяну в этих затемненных душах и неправильно используемых телах.*[145] Это ощущение уже никогда не покинет Шри Ауробиндо. Шесть месяцев длилось следствие, где фигурировали двести с лишним свидетелей и четыре тысячи улик; каждый день Шри Ауробиндо запирали в железную клетку, которая помещалась в зале суда, но он уже не видел вокруг себя ни враждебной толпы, ни судей: *Когда начался процесс, меня преследовал все тот же внутренний голос. Он говорил мне: «Когда тебя бросили в темницу, не отчаялось ли сердце твое и не взывал ли ты ко мне: 'Где твоя защита? Взгляни теперь на судью, взгляни теперь на прокурора». Я посмотрел на судью — это был Васудева, это был Нарайяна, сидевший в суде. Я посмотрел на прокурора и увидел не прокурора — это был Шри Кришна, который сидел и улыбался. «Боишься ли ты теперь?», — говорил он, «я — во всех людях и руковожу их делами и словами».*[146] Поистине Бог не находится вне Своего мира. Он не «сотворил» мир, а *стал* этим миром, как говорят Упанишады: «Он стал знанием и неведением, Он стал истиной и ложью… Он стал всем, что бы то ни было» (Таиттирия Упанишада II.6). «Весь этот мир полон существ, которые суть его члены», — говорит Шветашватара Упанишада (IV.10). *Для глаз, которые видят, все есть Единое; в божественном переживании все вокруг — это единая глыба Божественного.*[147]

Мы можем подумать, что это — абсолютно мистическое видение вселенной, которое имеет мало общего с нашей повседневной реальностью; мы наталкиваемся на зло и безобразие на каждом шагу, весь мир подавлен страданиями и полон криков во тьме. Где же тогда Божественное во всем этом? Неужели Божественное — это варварство, всегда готовое открыть свои лагеря пыток; неужели же этот всепроникающий эгоизм, эта мерзость, скрытая или явная — тоже Божественное? Бог незапятнан всеми этими преступлениями. Он, несомненно, совершенен, Он попросту не может быть частью этого — *нети, нети*[148] — Бог настолько чист, что Он — не от мира сего, для него просто нет места в этой грязи, где мы задыхаемся! *Мы должны взглянуть существованию в лицо, если наша цель — прийти к правильному решению, каким бы это решение ни было. А посмотреть в лицо существованию — значит посмотреть в лицо Богу, поскольку их невозможно разделить… Этот мир нашей битвы и труда — жестокий, опасный, разрушительный, пожирающий мир, в котором жизнь полна неопределенности [life exist precariously], а душа и тело человека движутся среди огромных опасностей, мир, в котором с каждым шагом вперед, хотим мы того или нет, что-то ломается и разрушается, в котором каждое дыхание жизни является и дыханием смерти. Возложить ответственность за все, что кажется нам дурным и ужасным, на плечи полувсемогущего Дьявола, списать ее на счет Природы, создавая тем самым непримиримое*

противоречие между природой мира и природой Бога, как будто природа не зависима от Бога, или же свалить эту ответственность на человека и на его грехи, как будто ему принадлежал решающий голос в создании этого мира или он мог сотворить хоть что-нибудь против воли Бога — все это удобные, но неуклюжие выдумки… Мы создаем Бога Любви и Милосердия, Бога добра, Бога справедливого, праведного и добродетельного в соответствии с нашими моральными понятиями о справедливости, добродетели и праведности, а все остальное, говорим мы, это не Он или не Его, а было создано некой дьявольской Силой, которой он позволил по какой-то причине проявить свою злую волю, или неким темным Ариманом, действующим в противовес нашему доброму Ормузду, или, наконец, все это было следствием ошибки себялюбивого человека-грешника, который испортил то, что было создано Богом совершенным… Мы должны смело посмотреть реальности в лицо и увидеть, что именно Бог, и никто другой, сотворил этот мир в Своем бытии и что Он создал его таким, каков он есть. Мы должны видеть, что Природа, пожирающая своих детей, Время, поглощающее жизни живых существ, Смерть всеобщая и неотвратимая и неистовость сил Рудры[149] *в человеке и Природе — это тоже высшее Божество в одной из своих космических ипостасей [figures]. Мы должны видеть, что Бог, щедрый творец, творец изобилия, Бог, участливый, сильный и милостивый охранитель, есть также Бог пожиратель и разрушитель. Муки на ложе страдания и зла, где нас пытают — это тоже его прикосновение так же, как и счастье, нежность и наслаждение. И лишь тогда, когда мы увидим все с точки зрения абсолютного единства и почувствуем эту истину в глубинах нашего существа, сможем мы различить и за этой маской покойный и прекрасный лик всеблаженного Божества, а в этом прикосновении, которое испытывает наше несовершенство, почувствовать прикосновение друга и строителя духа в человеке. Диссонансы мира — это диссонансы Бога, и лишь принимая их и проходя сквозь них можем мы достичь более великих созвучий его высшей гармонии, вершин и трепетной безбрежности его трансцендентной Ананды, Ананды космической… Ибо истина — это основание подлинной духовности, а храбрость — ее душа.*[150]

И тогда заживляется рана, которая, казалось, вечно разделяла мир надвое между Сатаной и Небесами так, как если бы не существовало ничего другого — только Добро и Зло, и снова Добро и Зло, а посередине находились бы мы, подобные *избалованному ребенку, которого наставляют на путь истинный.*[151] Всякая двойственность — это видение, основанное на Неведении. Ведь везде — лишь одно: *неисчислимое Единое*[152] — а «диссонансы Бога» служат росту божества внутри нас. Но даже если и так, то по-прежнему сохраняется разрыв между этим, пусть божественным, несовершенством и высшим окончательным Совершенством. Не является ли это космическое Божественное усеченным Божественным? Не следует ли нам попытаться отыскать где-то в другом месте незапятнанное, трансцендентное и совершенное Божественное? *Если между духовной жизнью и жизнью мира существует противоречие, то именно через эту пропасть ему [ищущему в интегральной йоге] предстоит возвести мост, именно это противоречие он должен превратить здесь в гармонию. Если миром движут плоть и дьявол, то тем более необходимо детям Бессмертия быть здесь — чтобы покорить мир для Бога и для Духа. Если жизнь — это безумие, тогда стольким миллионам душ нужен свет божественного разума; если жизнь — это грезы, то все-таки внутри самих себя они реальны для многих грезящих, которых или нужно привести к более возвышенным грезам, или пробудить; если же жизнь — это обман, то необходимо дать обманутым правду.*[153]

Но мы все-таки чувствуем неудовлетворенность. Мы можем принять, что Бог находится во всем этом зле, во всех страданиях, мы можем понять, что темный Враг, мучающий нас, есть на самом деле созидатель нашей силы, скрыто формирующий наше сознание, и вполне возможно,

что мы — «воители Света» в этом сумрачном мире, подобно риши древности. Но тогда почему повсюду — прежде всего тьма? Зачем Тот, кого мы считаем вечно чистым и совершенным, стал этим миром, который, кажется, так далек от божественного; для чего Ему нужны были Смерть, Ложь и Страдание? Если это только маска, то для чего она? Если это только иллюзия, то зачем нужна эта жестокая игра? И все же то, что Господь не сотворил этот мир в соответствии с нашими представлениями о совершенстве — это благословение, потому что у нас есть столько всяких идей о том, что является совершенным, а что — нет, о том, каким должен быть Бог и особенно каким он быть не должен, что после того, как мы отбросили бы все, что не соответствует этим представлениям, в нашем мире не осталось бы ничего, кроме или одного большого нуля, который уже никак не потерпел бы нечистоты нашего собственного существования, или одной большой казармы. *Добродетель, — говорила Мать, — всегда стремилась что-нибудь подавить в этой жизни; если сложить вместе сразу добродетели всех стран мира, то едва ли от жизни что-либо останется.* Ведь пока нам известен только один вид совершенства — тот, который, скорее, стремится исключить что-то, а не охватить все в целом; а совершенство — это *полнота*. Ведь мы можем уловить лишь одно мгновение Вечности, а это мгновение не содержит всего того, что мы хотели бы видеть и иметь, и вот мы жалуемся, заявляя, что мир этот дурно устроен; когда же мы возвышаемся над мгновением и выходим в Полноту, все меняется, и мы становимся причастными Совершенству в становлении. Этот мир не закончен, он *находится в становлении*, это постепенное покорение Божественного Божественным для Божественного на его пути к становлению *бесконечно бОльшим [-тем,], чем нам должно стать* [The endless more that we must be].[154] Наш мир находится в процессе эволюции, а эволюция имеет духовное значение:

Неисчислимости земных путей, что рвутся к божеству.

Earth's million roads struggled towards deity.[155]

Что мы знаем о великом земном путешествии? Оно кажется нам мучительным, жестоким, нечистым, но мы ведь только рождаемся! Мы уже вышли из Материи — грязные, жалкие, подавленные болью — встали, как бог из могилы, который уже ничего не помнит, не знает, где право, а где лево, бредет ощупью, на все поминутно натыкаясь. Но кто знает, какое иное рождение, какая обновленная память, какая сила, которую мы вновь обретаем, ожидают нас на нашем пути? Этот мир находится в становлении; мы еще не знаем всей истории до конца.

Ты на земле ищи Его…
Ты Он еси, о Царь. Лишь нощи тьмой
Душа твоя объята —
Но то была твоя лишь воля.
Так сбрось же сей покров и возврати
Ту цельность ясную,
С которой вы воистину одно.

Seek Him upon the earth…
For thou art He, o King. Only the night

Is on thy soul
By thy own will. Remove it and recover
The serene whole
Thou art indeed…[156]

Центральное существо. Всеобщая личность

«Ты есть Он» [Ты Он еси] — такова вечная истина: *Тат твам аси* — ты То еси. Такова Истина, которой учили древние Мистерии и которую забыли более поздние религии. Утеряв главную тайну, они впали в того или иного рода дуализм — источник заблуждения, и тогда мистерии, уже лишенные истинного света, вменили великую и в то же время простую Мистерию. «Я и Отец мой — одно», — говорил Иисус Христос (Иоанн, 10,30), «Я — это Он», — говорят мудрецы Индии: *со'хам* — ибо такова истина, которую открывают *все* люди свободного духа — с Востока ли они или с Запада, из прошлого или из настоящего. Это вечный Факт, который все мы должны открыть. И это «я», утверждающее свое тождество с Богом, не является принадлежностью какой-либо привилегированной личности. И действительно, разве можем существовать во всем этом безбрежном неудержимом распускании, расцветании хотя бы одно жалкое обособленное «я», неужели же единение с Богом — удел лишь мудрецов Упанишад, риши Вед или Христа? На самом деле это голоса всех людей, слитые в едином космическом сознании. Мы все — дети Божьи.

Есть два пути к этому Открытию, или две ступени. Первая — это найти душу, психическое существо, которое вечно едино с Божественным, малый свет этого великого Света: «Дух, который находится здесь, в человеке, и Дух, который находится там, в Солнце — взгляни: это Единый Дух и нет никакого другого», — говорят Упанишады (Таиттирия Упанишада X); «кто думает 'я — это одно, а он — другое', тот не знает» (Брихадараньяка Упанишада I.4.10). Шесть или семь тысяч лет тому назад Веды назвали такое открытие Духа в человеке «рождением Сына»: «Видна его красная сверкающая субстанция: великий бог высвобождается из мрака» (Риг Веда V.1.2); сильным мощным языком утверждали риши Вед вечное тождество Сына и Отца и божественную трансмутацию человека: «Освобождай отца твоего, знанием своим охраняй его — отца твоего, который становится твоим сыном и поддерживает тебя» (Риг Веда V.3.9).

В тот момент, когда мы рождаемся, мы видим, что эта душа в нас является такой же и во всех человеческих существах. Она скрыта, не проявлена не только в существах, но и в предметах: «Это дитя вод, дитя лесов, дитя предметов неподвижных и предметов, которые движутся. Он присутствует даже в камне» (Риг Веда I.70.20). Все едино, потому что все — это Единое. Разве не говорил Христос: «Это — тело мое, это — кровь моя» о двух самых материальных, самых земных символах — хлебе и вине, — чтобы показать, что и Материя — это тело Единого, кровь Бога?[157] Если бы его не было уже в камне, то как бы Он проник в человека, каким волшебным вмешательством? Мы представляем собою результат эволюции, а не продукт замысловатой последовательности произвольных чудес: *Там (в нашей человеческой природе) заключено все прошлое земли… сама природа человеческого существа и предполагает наличие материальной и витальной стадий, которые подготавливают появление разума в человеке, а также наличие определенного животного прошлого, которое формировало первый элемент его сложной человеческой структуры. И давайте не будем говорить, что это так из-за того, что*

материальная Природа в процессе эволюции сначала создала жизнь человека, его тело и животный разум, и лишь затем душа низошла в эту оболочку, таким образом созданную… так как это предполагает наличие пропасти между душой и телом, между душой и жизнью, между душой и разумом — пропасти, которой не существует; нет тела без души, нет тела, которое само бы не являлось формой души; сама Материя — это субстанция и сила духа — и не могла бы существовать, если бы была чем-нибудь иным, ибо не существует ничего, что не является субстанцией и силой Вечного…[158] *Глухое, слепое и грубое (а не только утонченное, ментально сознательное человеческое или животное существование — тоже То. Все это бесконечное становление — это рождение Духа в форму.*[159]

С открытием дверей психического разворачивается первая стадия космического сознания. Но растущее психическое, сознание-силу, которое становится все более и более живым, плотным и сильным, уже не устраивает эта ограниченная индивидуальная форма. Чувствуя свое единство с Тем, оно стремится стать таким же безбрежным, как То, таким же всеобщим и вновь обрести присущую ему врожденную Полноту. *Быть и быть во всей полноте [to be and to be fully] — это цель Природы, которую она стремится реализовать в нас… а быть во всей полноте — значит быть всем, что существует.*[160] Мы ощущаем необходимость в полноте бытия потому, что мы и *есть* эта Полнота. Идеал, который притягивает нас, цель, которая определяет наше движение, находятся на самом деле не впереди — они не влекут нас к себе, а толкают нас; цель находится позади нас, а также — и впереди нас, и внутри нас. Эволюция — это вечное распускание цветка, который всегда был цветком. Не будь этого семени внутри, ничто бы не тронулось с места, потому что ничто не испытывало бы потребности ни в чем. Такова Потребность мира. Это наше центральное существо. Это наш брат света, который иногда появляется в те минуты, когда все кажется потерянным, это пронизанная солнечным светом память, которая неустанно тормошит, будоражит нас и не оставит нас в покое до тех пор, пока мы не раскроем, не обретем вновь наше Солнце. Это — наш космический центр так же, как психическое — это наш центр индивидуальный. Но центральное существо пребывает не в какой-то конкретной точке, оно — во всех точках сразу; непостижимым образом находится оно в сердце каждой вещи и в то же время охватывает все. Верховно пребывает оно внутри так же, как и наверху, внизу и везде — *это исполинская точка* [giant point].[161] Когда мы находим ее, то с нею находим все, ибо все в ней заключено. Взрослая душа вновь находит свой источник. Сын вновь становится Отцом, или, вернее, Отец, который стал Сыном, вновь становится Самим Собой. *Раздвигаются и раскалываются, рушатся стены, которые держали в заточении наше сознательное существо; теряется всякое ощущение индивидуальности и личности, ощущение Пространства и Времени, собственной деятельности и, наконец, вообще всякого закона Природы; нет больше эго, личности определенной или определимой — только сознание, только существование, только мир и блаженство; становишься бессмертием, становишься вечностью, становишься бесконечностью. Все, что остается от индивидуальной души, — это гимн мира, свободы и блаженства, вибрирующий где-то в Вечности.*[162]

Мы считали себя жалкими, отделенными друг от друга — один человек плюс другой среди отдельных предметов. Такое разделение было необходимо нам для того, чтобы вырасти под своей скорлупой — в противном случае мы остались бы недифференцированной [неразличимой] частью вселенской плазмы, членами стаи, не обладающими собственной жизнью. Благодаря этому разделению мы стали сознательными. Но до сих пор мы сознательны не полностью — и мы страдаем, страдаем от своей отделенности — отделенности от других, отделенности от самих себя, отделенности от предметов, от явлений — от всего, потому что мы находимся вне такой точки, где все встречается.

Единственный способ исправить все — это вновь обрести сознание; и это очень просто. Есть только один источник [origine]. Этот источник есть совершенство Истины, поскольку это — единственное, что по-настоящему существует. Проявляя себя вовне, разбрасывая себя и рассеивая, оно создало то, что мы видим, оно создало множество прекрасных и блистательных, хотя и крохотных умов в поисках того, чего они пока не нашли; но они могут найти это, потому что то, что они ищут — внутри них.

Средство исцеления находится в сердце [centre] болезни.[163]

Когда мы достаточно натерпелись после бесчисленных жизней этой длинной эволюции, когда мы доросли до того, чтобы понять и признать, что все приходит к нам извне — из Жизни более великой, чем наша жизнь, из Разума и Материи более обширных, чем наши, — из всеобщих, — тогда приходит время сознательно стать тем, кем мы, не сознавая того, были всегда — всеобщей Личностью: *Зачем тебе ограничивать себя? Чувствуй, что ты находишься и в мече, который поражает тебя, и в руках, которые тебя обнимают, в сверкании солнца и в танце земли… во всем, что прошло, во всем, что происходит сейчас и во всем, что прокладывает себе дорогу к становлению. Ибо ты — бесконечен, и вся эта радость доступна тебе.*[164]

Познание через отождествление

Возможно, мы думаем, что космическое сознание — это своего рода поэтическая и мистическая сверхфантазия, нечто абсолютно субъективное, не имеющее никакого практического значения. Но для начала нам следует попытаться уточнить, что мы понимаем под словами «объективное» и «субъективное», потому что если мы настаиваем на том, чтобы использовать так называемое «объективное» в качестве единственного критерия истины, то, вероятно, весь этот мир может полностью ускользнуть от нас — и это доказывают наше искусство, живопись и даже наша наука на протяжении последних пятидесяти лет, когда в искусстве и науке от мира остаются лишь жалкие крохи того, что можно считать незыблемым и бесспорным. Конечно, в существовании бифштекса легко убедиться, и, следовательно, бифштекс более объективен, чем радость в последних квартетах Бетховена; но это же обедняет мир, а вовсе не раскрывает его сокровищ. На самом деле это ложное противопоставление. Субъективность — это и более высокая, и в то же время подготовительная стадия объективности. Если бы каждый вкусил космического сознания или просто радости в квартетах Бетховена, то, может быть, объективно у нас во вселенной было бы меньше варварства.

Шри Ауробиндо был не тем человеком, который мог бы удовлетвориться космическими мечтаниями. В подлинности переживания и его практическом соотношении с действительностью можно немедленно убедиться на очень простом факте — на появлении нового способа познания, познания через отождествление: мы познаем некую вещь постольку, поскольку мы сами уже и *есть* та вещь. Сознание может переместиться в любую точку всеобщей реальности, оно может сфокусироваться на любом существе или событии и познать их там в тот же момент — познать так близко, как биение собственного сердца, ибо все теперь происходит внутри, ничего уже нет вовне, ничто уже не разделено. Уже Упанишады говорили об этом: «Когда познано То, познано все» (Шандилья Упанишада, II.2). Первые признаки этого нового сознания вполне ощутимы: *Человек начинает ощущать и других как часть самого себя или как различные повторения себя — того же самого «я», видоизмененного Природой в других телах. Или, по крайней мере, как живущего в более широком всеобщем «я», которое теперь*

становится его собственной великой реальностью. Фактически все вещи начинают менять свою природу и внешний вид; все восприятие мира таким человеком радикально отличается от восприятия тех, что замкнут в своем личном «я». Он начинает познавать вещи на основе иного опыта — более непосредственного, не зависящего от внешнего ума и чувств. И хотя возможность ошибки не устраняется — этого не может произойти до тех пор, пока ум любого рода остается орудием передачи знания, — просто существует новый, широкий и глубокий способ переживания, видения, познания, соприкосновения с вещами; и границы познания могут быть раздвинуты почти до беспредельности.[165]

Этот новый способ познания в действительности не отличается от нашего. В самом деле: любое переживание, любое знание какого бы то ни было порядка — от чисто физического уровня до метафизических высот — неявно есть познание через отождествление: мы знаем что-то постольку, поскольку мы сами уже и *есть* то, что мы познаем. *Истинное знание достигается не размышлением, — говорил Шри Ауробиндо. — Оно есть то, чем вы являетесь; оно есть то, чем вы становитесь.*[166] Не будь этой скрытой тождественности, этого тотального единства, лежащего в основе всего сущего, мы были бы не способны обладать хоть каким-нибудь знанием о мире и о существах. Рамакришна, кричащий от боли и истекающий кровью при виде ран буйвола, которого хлестали бичом у него на глазах, медиум, который определяет местоположение спрятанного предмета, йогин, излечивающий болезнь ученика, который удален на сотни миль от учителя, или Шри Ауробиндо, не позволяющий циклону проникнуть в его комнату, — это лишь несколько поразительных иллюстраций естественного явления, ибо естественным является не разделение, не различия, а неделимое единство всех вещей. Если бы существа и предметы отличались бы от нас, были бы действительно отделены от нас, если бы мы в сущности своей не были бы этим циклоном или буйволом. спрятанным предметом или больным учеником, то мы не только не смогли бы воздействовать на них, чувствовать их или познавать, но они просто были бы невидимы и не существовали бы для нас. Только подобное может знать и ощущать подобное, только подобное может воздействовать на подобное. Мы можем познать лишь то, чем мы являемся: *Разум нельзя научить ничему, что бы уже не было заключено в качестве потенциального знания в разворачивающейся душе творения. Таким образом, и все совершенство, на которое способен внешний человек, — это только реализация вечного совершенства Духа внутри него. Мы познаем Божественное и становимся Божественным потому, что уже являемся им по своей скрытой природе. Всякое обучение — это раскрытие [revealing — откровение], всякое становление — это развертывание. Обретение себя — это тайна; самопознание и растущее сознание — это средство и процесс.*[167]

В течение тысячелетий нашей эволюции мы отделились от мира и от других существ. Мы сформировали это, создали из нескольких атомов великого Тела жесткую форму и провозгласили «я-мы» против всех остальных, которые, подобно нам, окостенели под коркой эго. Будучи отделенными, мы уже не могли видеть ничего, что первоначально было нашим «я» в великом Материнском Единстве. Поэтому мы изобрели глаза, руки, органы чувств, ум — чтобы общаться с тем, что мы исключили из нашего великого Тела, а теперь мы думаем, что без этих глаз, пальцев или головы мы неспособны познавать. Но это лишь наша иллюзия, которая возникла в результате отделения. Наше привычное косвенное познавание [connaissance] покрывает и скрывает от нас познавание [reconnaissance] непосредственное, без которого наши глаза, пальцы, голова и даже микроскопы не могли бы воспринимать, понимать или действовать. Наши глаза — это не орган видения, а орган разделения;[168] когда в нас открывается Глаз Истины, то во всех этих линзах и других «костылях» нет уже никакой необходимости. Наше эволюционное путешествие — это медленное отвоевывание того, что мы

изгнали, восстановление [prise] Памяти. Наш прогресс измеряется не количеством наших изобретений, которые являются лишь искусственными средствами возвращения того, что мы удалили, но той частью воссоединенного мира, которую мы можем считать самими собой.

И эта радость — *Ананда* — потому что быть всем, что существует — значит обладать радостью всего, что существует.

Блаженство мириад мириад, которые суть одно.

The bliss of a myriad myriads who are one.[169]

«Откуда придет к нему печаль, как будет он обманут — тот, кто повсюду видит Единство?» (Иша Упанишада 7).

Глава 12. Сверхсознательное

Загадка

Итак, тройное изменение сознания отмечает наше земное путешествие: открытие психического существа, или имманентного Духа, открытие Нирваны, или трансцендентного Духа, и открытие центрального существа, или космического Духа. Вероятно, истинное значение троицы Отец-Сын-Святой Дух в христианской традиции отвечает этим аспектам сознания. Однако наша цель состоит не в том, чтобы сравнивать один опыт с другим, а в том, чтобы самим удостовериться в них, выявить их для себя: *Философии и религии спорят о приоритете того или иного аспекта Бога, и различные Йогины, Риши и Святые отдают предпочтение той или иной философии или религии. Наша задача — не обсуждать их, но реализовать и стать ими всеми, не следовать какому-то одному аспекту, исключая все остальные, но объявить Бога во всех его аспектах и за их пределами*[170] — в этом смысл интегральной йоги. И все же мы можем сомневаться: не существует ли чего-нибудь за пределами этого тройного открытия — потому что, какими бы великими ни казались нам его составные части в момент их переживания, ни одно из них не дает нам того интегрального завершения, к которому мы стремимся, т. е. не дает, если мы считаем, что в этом свершении должны участвовать как земля, так и индивидуум. Открытие психического существа, например, — великое постижение: мы начинаем осознавать свою божественность; но это открытие ограничено рамками индивидуума, оно не выходит за пределы стен личности, которые держат нас в заточении. Открытие центрального существа — это реализация огромной широты и охвата — мир становится нашим собственным существом — но при этом мы теряем чувство индивидуальности, потому что это уже не месье Дюпон сидит в центре космического сознания, наслаждаясь видом, — месье Дюпона больше нет. Открытие Трансцендентного — величайшая реализация, но здесь мы теряем и индивидуальность, и мир — не остается ничего, кроме Того, что вечно находится вне человеческой игры. Теоретически мы можем говорить, что Отец, Сын и Святой Дух едины, — на словах мы можем говорить все что угодно, — но на практике, когда мы реализуем эти изменения сознания на опыте, они оказываются отрезанными друг от друга широкой пропастью. До тех пор, пока мы не найдем практический путь преодоления этого тройного разрыва между пантеистом, индивидуалистом и монистом, невозможно никакое завершение ни для индивидуума, ни для мира. Недостаточно найти наш индивидуальный центр и пренебречь полнотой мира или обрести полноту мира и потерять индивидуальность, или тем более обрести высший Покой, когда растворяются и мир, и индивидуальность — «Я не хочу быть сахаром, — восклицал великий Рамакришна, — я хочу есть сахар!» В этом хаотичном и измученном мире, где мы должны действовать, встречать явления и факты лицом к лицу, проходить через некое становление, нам прежде всего необходимо быть. Без этого «быть» наше становление рассеется в господствующем в мире хаосе. Без становления, однако, наше бытие растворится в *блаженном Нуле*.[171] А в отсутствие нашей индивидуальности какое значение имеют для нас, что нам все эти чудесные реализации, если нас уже нет? Таково противоречие, которое мы должны разрешить — не в философских терминах, а в терминах жизни и силы действия. Представляется, что такого объединяющего пути до сих пор либо не существовало, либо же он был неизвестен. Поэтому все религии и духовные учения поместили трансцендентного Отца на вершину иерархии, вне всего этого злосчастного

хаоса, и побуждают нас искать полноту, к которой мы стремимся, вне этого мира. Однако интуиция говорит нам, что если мы, существа, наделенные телом, стремимся к полноте, то она *должна* быть достижима. Полнота должна быть достижима в теле; в противном случае мы не стремились бы к ней. Того, что мы называем фантазией, не существует — это реальные события, время которых еще не пришло, истины, ожидающие своего часа. Жюль Верн является тому своего рода подтверждением. Нет ли еще чего-нибудь, что нужно открыть, четвертого измерения сознания, которое изменит все?

В железной клетке посреди зала суда Шри Ауробиндо достиг конца пути. Одно за другим постиг он Имманентное, Трансцендентное и Всеобщее Космическое — [l'Universel] — ведь в клетке не оставалось ничего, кроме тела: в сознании своем он мог быть повсюду по своей воле. Но при всем этом вспоминал ли он о молодом человеке по имени Ауробиндо, в котором, начиная еще с Кембриджа, а затем и в течение всех последующих лет происходила непрерывная аккумуляция сознания, который постиг это Бесконечное Сознание? В то же время он видел, что тело его остается таким же, как и тела миллионов других: подчиняется тем же законам Природы, испытывает голод и жажду, временами болеет, как и все другие тела, и медленно, но верно, приближается к своему разложению. Сознание — беспредельно, сияюще, бессмертно, но внизу все остается по-прежнему. И поскольку он видел вещи такими, какие они есть, поскольку его не могли уже ввести в заблуждение все те маски, которые навязываются законами морали и приличия, то он также, наверное, видел в подсознательном, под бесконечным Сознанием прежний животный оскал, под сияющим ореолом все ту же нетронутую грязь и запущение физического — внизу все идет, как обычно, ничего не меняется. Наверное, он также видел по другую сторону клетки все свои другие «я», которые продолжали судить и ненавидеть — продолжали страдать. Кто спасен? Ничто не спасено, пока не спасено все! И что сделало то бесконечное Сознание для всех этих людей? Оно видит, оно знает, но что оно может *сделать*? Разве он не покинул Бароду для того, чтобы действовать, делать что-то конкретное? Он видел все в своем беспредельном сознании, переживал безграничную радость наверху, ощущал, как *чистая [nude] радость смеется на вершинах Абсолюта,*[172] но что могла сделать эта радость, если внизу все было совсем не так, как наверху? Внизу все идет по-прежнему — страдания, смерть. Он даже не слушал судей и не отвечал на вопросы, от чего зависела его жизнь; он слышал лишь Голос, который повторял: *Я веду тебя — не бойся. Займись своей Работой, ради которой Я привел тебя в тюрьму.* И Шри Ауробиндо по-прежнему сидел в своей клетке, закрыв глаза, глядя внутрь. Нет ли наверху такой полноты, которая могла бы быть полнотой и внизу? Неужели путь завершится этим *золотым бессилием*?[173] Каков смысл всего этого путешествия?

В силу каких-то непонятных причин душа нисходит в эту Материю или, вернее, становится этой Материей. В течение многих веков она развивается, растет и обретает индивидуальность посредством своих чувств, своего разума, своего опыта. Все в большей и большей степени припоминает она свою утраченную или скрытую под поверхностью божественность, свое сознание, погруженное в собственную силу. В конце концов она узнает себя и возвращается к своему Источнику — или трансцендентному и нирваническому, или же космическому — в зависимости от того, каковы ее удел и предрасположенность. Таким образом, вся эта история — это всего лишь длительный и трудный переход от Божественному к Божественному через темное чистилище Материи? Но для чего это чистилище, зачем эта Материя? Для чего мы когда-то погрузились в нее, неужели же лишь для того, чтобы снова выйти из нее? Иные говорят, что космическое или нирваническое блаженство в конечном итоге стоит всех трудностей на пути к нему. Может быть, но в то же время Земля страдает. Мы можем пребывать в сиянии высшего блаженства, но здесь, внизу, разрастаются и процветают мучения, болезни и смерть, а наше космическое сознание и тем более Нирвана ни на йоту не меняют хода земной эволюции. Иные

скажут, что каждый должен делать то же самое, пробуждаться и выходить из состояния заблуждения — хорошо, но для чего тогда была нужна эта Земля, если ей нужно просто пробуждаться и выходить из состояния заблуждения Земли? [174] Мы говорим о «грехопадении», об Адаме и Еве, о каком-то нелепом первородном грехе, который разрушил то, что Бог создал совершенным вначале. Но ведь все есть Бог! Змей-искуситель, если он существовал — это был Бог; Сатана, его Великолепие и его Дела — это тоже Бог. Нет ничего кроме Него! Тогда неужели Он был настолько глуп, чтобы пасть не ведая того, настолько беспомощен, чтобы страдать не желая того, или столь жесток, чтобы играть в заблуждение только ради забавы — чтобы насладиться тем, как он выйдет из него? И тогда неужели же Земля — это только ошибка? Ведь если эта Земля не обладает смыслом для Земли, если страдания мира не несут в себе смысла для мира, если это только наше временное местонахождение, где мы должны очиститься и искупить какую-то нелепую ошибку, то тогда никто и ничто — ни высшее блаженство, ни экстаз в конце пути — никогда не смогут оправдать этот бесполезный промежуточный эпизод. Богу не нужно было входить в Материю только для того, чтобы выйти из нее; Богу не нужны были ни Смерть, ни Страдание, ни Невежество, если это Страдание, эта Смерть и это Невежество не несут в себе свой собственный смысл, если эта земля и это тело — не просто орудия очищения или средства чтобы уйти, но в конечном итоге — это место некой Тайны, которая все преобразует.

Не стремлюсь я к твоему вечному Дню,
Как и не остерегался Ночи твоей вечной…
Быть рабом твоим на земле, царь, — это больше,
Чем все великолепие свобод на небесах…
Для меня твои небеса слишком далеки от страдающих людей.
Несовершенна радость, не разделенная всеми.

I climb not to thy everlasting Day,
Even as I have shunned thy eternal Night…
Thy servitudes on earth are greater, king,
Than all the glorius liberties of heaven…
Too far thy heavens for me from suffering men.
Imperfect is the joy not shared by all. [175]

Теперь, далее, если мы пристальнее взглянем на эту загадку, на центр, вокруг которого разворачивается вся мистерия, — на душу — то будем вынуждены признать, что ее, душу, не нужно «спасать», как принято говорить. Она вечно свободна, чиста, пребывая навеки спасенной в своем сиянии. Когда мы входим в душу с широко раскрытыми глазами, мы видим, что она — божественна, полна необыкновенного света и не затронута всей той грязью, которая набросана поверх нее. Но зато нужно спасать землю, потому что она находится под гнетом; нужно спасать жизнь, потому что она умирает. Где то семя, которое принесет Освобождение? Где та Сила, которая спасет? В чем состоит подлинное спасение мира? Последователи духовных учений правы, желая, чтобы мы вкусили высшей летучести души, но правы и материалисты, которые взбивают Материю, стремясь вырвать из этой уплотненности чудеса. Но ни те, ни другие не обладают Тайной. Чудеса первых не имеют тела, а у чудес вторых нет души.

Тело, да, именно тело, которое поначалу казалось лишь темным и косным орудием освобождения Духа, является, как это ни парадоксально, местом непознанной полноты и

цельности Духа: *То, что кажется Орудиями [Instrumentals], является ключом к Тайне [a secret], без которого даже сами Основы [Fundamentals] не смогли бы раскрыть всей своей мистерии [mystery]*.[176] «Займись своей Работой», — сказал Голос. Работа эта состояла не в том, чтобы наслаждаться космическим блаженством, а в том, чтобы найти здесь, в этом теле и вообще для земли, новый путь, который объединит в единой форме сознания свободу Трансцендентного, живую беспредельность космического и радость индивидуальной души на совершенной земле и в более истинной жизни. Ибо *подлинное изменение сознания, — говорит Мать, — это то, что изменит физические условия мира и создаст из него новое творение.*

Условия открытия

Если мы хотим «изменить физические условия мира», т. е. так называемые «законы природы», которым подчинена наша жизнь и весь мир, и если мы хотим провести это изменение в жизнь с помощью силы сознания, то нам нужно соблюсти два условия. Во-первых, мы должны работать в нашем индивидуальном теле, не стремясь никуда из него уйти, потому что это тело является как раз тем местом, где сознание стыкуется с Материей; и, во-вторых, мы должны приложить усилия для того, чтобы открыть тот принцип сознания, который будет способен трансформировать Материю силой своей энергии. До сих пор ни одна из форм, ни один из планов сознания, известных человечеству, не обладали силой, способной выполнить это изменение — ни ментальное сознание, ни витальное, ни сознание физическое. И это очевидно. В самом деле, некоторым индивидуумам с помощью тренировки и дисциплины удавалось наперекор законам природы преодолевать силу тяжести, холод, голод, болезни и т. д. Но, во-первых, это индивидуальные изменения, которые невозможно передать другим, а, во-вторых, они на самом деле не изменяют Материю: законы, управляющие телом, остаются по сути своей теми же самыми; некоторые особые эффекты, кажущиеся сверхъестественными по своему внешнему проявлению, лишь накладываются на природу в течение более или менее продолжительного времени. Мы можем здесь привести пример одного йогина-революционера, сотрудника Шри Ауробиндо, которого однажды укусила бешеная собака. Используя силу своего сознания, он немедленно создал препятствие действию вируса и продолжал жить не думая об этом (заметим в скобках, что если бы этот йогин находился в совершенном состоянии сознания, то его не смогла бы укусить никакая собака). Но однажды, во время особо бурного политического митинга, он вышел из себя и с гневом обрушился на одного из выступавших. Через несколько часов он скончался в страшных муках бешенства [водобоязни]. Сила его заключалась только в *контроле* с помощью сознания. Как только сознание его споткнулось, все пошло по-прежнему, потому что законы тела не были изменены, их заставили лишь на время замолчать. Поэтому то изменение, которое имеют в виду Шри Ауробиндо и Мать, предполагает не достижение более или менее длительных «сверхъестественных» сил и умение сдерживать с их помощью воздействие природных условий и естественных сил, но изменение самой природы человека и условий его физического существования; т. е. не контроль, а настоящая трансформация. Кроме того, если мы хотим, чтобы эта реализация охватила всю землю. то этот новый принцип существования, который Шри Ауробиндо называет супраментальным, должен быть утвержден во всех нас полностью и окончательно — сначала в нескольких индивидуумах, а затем путем распространения, радиации во всех, кто готов принять его. Все это вполне подобно тому, как стали естественными и окончательно утвердились на земле принцип разума и принцип жизни. Иными словами, принцип этот предполагает создание на земле божественного

сверхчеловечества, которое уже не будет подчиняться законам невежества, страдания и разложения.

Предприятие это может показаться нам грандиозным и несбыточным, но только потому, что видение наше ограничено рамками нескольких десятилетий. На самом деле это находилось бы в полном соответствии с эволюционным процессом. Если мы признаем, что вся земная эволюция — это эволюция Духа в формах, а все человеческие перерождения — это рост души и Духа в человеке, то у нас наверняка возникнут сомнения: всегда ли Дух будет удовлетворен ограниченностью человека; более того, возникает такой вопрос: какой смысл Ему, этому Духу, возвращаться в конце путешествия к Своим сверхземным Великолепию и Радости, которые у Него не было никакой необходимости покидать — ведь, в конце концов, Свет существует там вечно, он уже там и всегда там, неизменный. Такое достижение вряд ли будет победой для Бога! Материя — вот где должны быть возведены небеса. Может быть, Он хочет испытать те же Великолепие и Радость в условиях, которые кажутся противоположными Его условиям, — в жизни, осаждаемой смертью, невежеством и тьмой, в многоликом разнообразии мира, а не пустом и чистом единстве? В таком случае и жизнь, и Материя обрели бы смысл — это было бы уже не чистилище, не бессодержательный переход в потустороннее, а *лаборатория,* в которой шаг за шагом, создав сначала материю, растения и животных, а затем создавая все более и более сознательные человеческие существа, Дух творит сверхчеловека, бога: *Душа не завершила всего, что ей предназначено, развившись до уровня человека; она должна еще развить в этой человеческой природе его высшие возможности. Понятно, что душа, обитающая в каннибале, в нетронутом примитиве, в апаше [хулигане, бандите] Парижа или в американском гангстере, еще не исчерпала необходимости рождения в человеческом облике, не проявила все свои возможности, всего, что есть в человеческой природе и не выработала полностью ощущения Сат-Чит-Ананды во всемирном [universal] Человеке; то же самое можно сказать о душе, обитающей в энергичном европейце, занятым современным производством с его динамикой и охваченным витальными наслаждениями, или в азиатском крестьянине, огрубевшем в невежестве и рутине домашней и хозяйственной жизни. У нас даже есть основания усомниться, венчают ли вершину духа в человеке Платон или Шанкара, то есть являются ли они завершением его расцвета. Наша склонность считать их пределом развития объясняется тем, что они и им подобные кажутся нам высочайшей точкой, которой может достичь разум человека, но, может быть, это лишь заблуждение, источник которого — наши нынешние способности… У души было предчеловеческое прошлое, она имеет сверхчеловеческое будущее.*[177]

Шри Ауробиндо — не теоретик, а практик эволюции. Все, что они говорил или писал об эволюции, пришло к нему как реальный опыт. Мы пустились во все эти рассуждения лишь для того, чтобы пролить свет на его поиски и продвижения, происходившие в алипорской тюрьме. Он оказался лицом к лицу с фактом, что космическая блаженная беспредельность — это не то место, где может быть проделана какая-нибудь работа, что нужно покорно вернуться вниз, в тело, и искать там. Но мы можем поставить такой вопрос: если «трансформация» должна свершаться силой сознания, а не посредством каких-то внешних механизмов, то какое же сознание может быть выше космического? Разве не является оно вершиной лестницы и, следовательно, высшим пределом силы? Этот вопрос очень важен, если мы хотим понять, что собой представляет практический процесс открытия, и в конце концов проделать его. В качестве ответа приведем два соображения. Во-первых, недостаточно достичь высших сил; должен быть *некто,* кто воплощает их, — в противном случае мы уподобляемся охотнику, который находит необыкновенные сокровища с помощью своего бинокля. Где этот «некто» в космическом сознании? Там никого нет… Еще лучше это можно пояснить с помощью более современной

аналогии: мы можем посылать ракеты на Солнце, достигая таким образом «вершины мира», но не «вершины» человека, потому что этот процесс его никак не касается: просто ракета улетает, *выходит* из земной атмосферы, вот и все. Точно так же йогин, концентрируясь на *одной* точке своего существа, собирает всю свою энергию в единое целое, пробивает свою внешнюю оболочку и покидает ее, как ракета, выходя в другое космическое или нирваническое измерение.

Он вознесся сгорая, как огненный столп.

He mounted burning like a cone of fire.[178]

Но *кто* реализовал космическое сознание? Не йогин — йогин продолжает пить, есть, спать, иногда болеть и умирать, как и все люди-животные. Это не он, а крошечная точка его существа имеет переживание космического сознания — та самая точка, на которой он так усердно концентрировался для того, чтобы выйти из своей оболочки. Все остальное его существо, человеческая и земная природа, которой он пренебрег, которую он подавлял или умерщвлял, чтобы сконцентрироваться на этой единой точке ухода, не входит в космическое сознание, не участвует в нем — разве только посредством косвенного взаимодействия. Поэтому Шри Ауробиндо устанавливал следующий первый и очень важный принцип: недостаточно линейной реализации в одной точке, ибо необходима *глобальная реализация* во всех точках, реализация, охватывающая все существо индивидуума. *Если вы хотите изменить свою природу и свое существо и участвовать в создании нового мира, — говорит Мать, — то такого вот стремления, такого однонаправленного и линейного усилия уже недостаточно; вы должны охватить все и вместить все в своем сознании.* Отсюда — интегральная йога, или «полная йога», — *пурна-йога.* Мы пытались избавиться от индивидуальности для того, чтобы выпорхнуть в духовные и космические просторы, освободившись, наконец, от этого ужасного бремени, но без нее мы ничего не сможем сделать для земли, мы не сможем привнести вниз сокровища свыше: *Есть нечто большее, чем простое саморазрушение иллюзорной оболочки индивидуальности в Бесконечном.*[179] И Шри Ауробиндо приходит у выводу, очень для нас важному: *Подавление индивидуального вполне может стать подавлением бога в человеке.*[180]

Второе соображение заслуживает еще большего внимания. Вернемся к аналогии с ракетой: она может преодолеть земную атмосферу в любой точке; причем она может достичь цели — например, Солнца — независимо от того, запустят ли ее с экватора, или, скажем, из Нью-Йорка. Нет никакой необходимости взбираться на Эверест для того, чтобы установить там стартовую площадку! Точно так же йогин может добиться реализации космического сознания в любой части или на любом плане своего существа — в уме, в сердце или даже в теле — ибо космический Дух — везде, в любой точке вселенной. Переживание может начаться где угодно, на любом уровне — посредством концентрации на камне или воробье, на идее или на молитве, на каком-то ощущении или на том, что люди презрительно называют идолом. Космическое сознание — это не высшая точка человеческого сознания; чтобы достичь его, мы не поднимаемся над индивидуальным, а выходим из него. Вряд ли нужно совершать восхождение в сознании или стать Плотином для того, чтобы достичь вселенского Духа. Наоборот: чем ниже ментальное развитие человека, тем доступнее для него такое переживание; у пастуха под звездным небом или у рыбака из Галилеи есть для этого больше шансов, чем у всех философов мира вместе взятых. Но тогда какой же смысл в развитии человеческого сознания, если народный мистицизм оказывается более эффективным? Нам приходится признать, что или мы

находимся на ложном пути, или же эти мистические уходы не исчерпывают собою всего смысла эволюции. Если же мы допустим, что эволюционный путь, которым нужно следовать, — это путь гигантов, которые являли собою вершины развития земного сознания — Леонардо да Винчи, Бетховена, Александра Великого, Данте, — то мы тут же должны будем признать, что ни один из этих великих людей не был способен преобразовать жизнь. Таким образом, вершины развития ума или сердца, как и вершины космического сознания, не дают нам ключа к разгадке и силе, которая сможет изменить мир: необходим иной принцип сознания. Но этот новый принцип сознания должен быть *неразрывно* связан со всеми остальными принципами, потому что если эта связь разрывается или теряется индивидуальное, то мы снова впадаем в космическую или мистическую дисперсию, теряя нашу связь с землей. Осознание Единства и Трансцендентного — это, несомненно, необходимая основа любой реализации (создавать что-либо без этого — это все равно, что строить дом без фундамента), но основа эта должна быть достижима с сохранением эволюционной непрерывности — это должна быть эволюция, а не революция. Короче говоря, нам нужно выйти не выходя. Нам нужна не ракета, которая устремляется к Солнцу и разбивается там, а ракета, которая сможет загарпунить Солнце высшего сознания и привнести его во все точки земного сознания: *Конечное знание — это то, которое постигает и принимает Бога во вселенной так же, как и за пределами вселенной, а интегральная йога — это та, которая, обретя Трансцендентное, может вернуться во вселенную, не теряя обретенного и сохраняя способность свободно нисходить и восходить по великой лестнице существования.*[181] Это двойное движение восхождения и нисхождения представляет собою главный принцип, лежащий в основе супраментального открытия. Но на пути к нему Шри Ауробиндо предстояло коснуться некой, еще неизвестной пружины, что привело затем к коренным изменениям.

Восхождение сознания

Недостаточно описать открытие Шри Ауробиндо, мы должны также узнать, каким образом мы можем сделать его доступным для себя. Но вряд ли можно начертить диаграмму и сказать: «Вот — путь», потому что духовное развитие всегда приспосабливается к природе каждого индивидуума, — и это правильно, ведь мы изучаем себя, а не иностранный язык; а двух одинаковых натур не бывает: *Идеал, который я ставлю перед нашей йогой, не налагает никаких пут ни на духовную жизнь, ни на устремления. Духовную жизнь невозможно сформулировать в виде каких-то жестких определений или связать фиксированными ментальными правилами; она представляет собою широкое поле эволюции, беспредельное царство, которое потенциально шире, чем все царства, находящиеся ниже, царство с сотней областей, с тысячью типов, стадий, форм, путей, разнообразных идеалов, степеней духовного прогресса.*[182] Поэтому мы можем предложить лишь несколько указаний в надежде на то, что каждый сам сделает свое собственное особое открытие, которое осветит его путь. Всегда нужно помнить, что подлинный механизм йоги состоит в том, чтобы поймать нить *своего* сознания, — «сияющую нить», о которой говорили риши (Риг Веда. X.53), — держаться за нее и идти так до самого конца.

Поскольку ни космическое сознание, ни Нирвана не дают нам того эволюционного ключа, который мы ищем, давайте возобновим наши поиски вместе с Шри Ауробиндо там, где они были оставлены, — т. е. в Бароде, — перед тем, как он обрел два великих переживания. Первый шаг — это восхождение к Сверхсознательному. Как мы уже говорили, когда в уме ищущего

устанавливается безмолвие, когда он успокаивает свое витальное и освобождается из погружения в физическое, сознание выпутывается из бесчисленных видов деятельности, в которых оно незаметно перемешивалось и дробилось, и обретает независимое существование. Оно становится подобным независимому существу внутри нас, некой компактной Силе, интенсивность которой постоянно растет. И по мере своего роста его все меньше и меньше удовлетворяет ограниченное существование в теле. Мы обнаруживаем, что оно излучает себя вовне — сначала во время сна, затем в наших медитациях, а потом и тогда, когда глаза наши широко открыты. Но это движение вовне не является, так сказать, исключительно «горизонтальным» — в направлении всеобщего Разума, всеобщего Витального и всеобщего Физического; сознание стремится также и ввысь. Это стремление ввысь — не обязательно результат сознательной дисциплины, оно может быть естественной, спонтанной потребностью (никогда не следует забывать, что наши усилия в этой жизни — это продолжение множества усилий во многих прошлых жизнях — отсюда неравномерное развитие различных индивидуумов и невозможность установления фиксированных правил). Мы можем непроизвольно чувствовать над головой нечто, привлекающее наше внимание, подобное простору или свету, подобное некому намагниченному полюсу, который является источником всех наших действий и мыслей, некую зону концентрации над макушкой головы. Ищущий успокаивает свой разум не для того, чтобы стать бесчувственным, как чурбан. Безмолвие его не мертво, оно живо. Он настраивается на прием свыше, ибо там он чувствует жизнь. Безмолвие — это не конец, а средство, точно так же, как изучение нотной грамоты — это средство овладения музыкой, причем музыкой самой разной. День за днем по мере того, как его сознание становится все более конкретным, он получает сотни маленьких, почти незаметных опытов [переживаний], которые проистекают из этого Безмолвия наверху. Он не будет ни о чем думать — и вдруг мысль пересечет его ум, даже не мысль, а легкий щелчок, и он точно знает, что ему нужно делать и как это должно быть сделано — вплоть до малейших деталей, как будто составные части головоломки в мгновение ока встали на свои места — и все это с абсолютной определенностью (внизу всегда все неопределенно, любая проблема всегда имеет, по меньшей мере, два решения). Или он может ощутить легкий импульс, приказывающий: «Пойди, навести того-то и того-то», он идет, и оказывается, что тому человеку «случайно» нужна его помощь; или он может слышать внутри себя: «Не делай этого», но настаивает на своем и с ним происходит несчастный случай; или без всякой причины ноги несут его к какому-то месту, где он находит как раз те обстоятельства, которые ему помогут; или, если ему необходимо решить какую-то проблему, он остается неподвижным, безмолвным, обращенным ввысь — и приходит ответ, ясный и неопровержимый. Когда ищущий говорит или пишет, то над своей головой он может очень четко чувствовать некое пространство, откуда он вытягивает свои мысли, как сияющую нить из кокона — он не движется, а просто остается под потолком и расшифровывает его. Ничто не движется в его голове. Но если он хоть немного позволяет вмешаться своему уму, то все пропадает или, вернее, искажается, потому что ум пытается подделать указания свыше (он подобен обезьяне — так сильна его привычка к передразниванию и подражанию) и ошибочно принимает слабые свои вспышки за озарения. И чем больше ищущий научается слушать, внимая этим указаниям свыше и доверять им (они не настойчивы и не шумны и не носят приказного характера — наоборот, они едва различимы, как дыхание, не успеваешь даже подумать о них — их можно только ощутить, так они быстры), тем более частыми, точными и неотразимыми они становятся. Постепенно он приходит к пониманию, что все его действия, даже самые незначительные, могут определяться исключительно этим безмолвным источником наверху, что оттуда приходят все его мысли, лучащиеся и не вызывающие сомнений, и что внутри него рождается некое *спонтанное знание*. Вся жизнь его становится чередой маленьких чудес. *Если бы человечество хоть мельком*

увидело, какие безбрежные радости, какие совершенные силы, какие светящиеся сферы спонтанного знания, какая беспредельная тишина нашего существа ожидают нас на просторах, которые еще не покорила наша животная эволюция, то они бросили бы все и не успокоились до тех пор, пока не овладели бы этими сокровищами. Но узок путь, трудно поддаются двери, а страх, недоверие и скептицизм, стражи Природы, не позволяют нам уйти, покинуть ее привычные пастбища.[183]

Когда пространство наверху становится конкретным и живым, подобным некой световой протяженности над головой, ищущий чувствует необходимость войти с ним в более тесное общение, вырваться на волю, ибо он начинает ощущать с болезненной остротой, насколько ограничены и ложны разум и жизнь внизу — что-то вроде карикатуры. Он чувствует, что натыкается на все вокруг, что везде — дисгармония, что нигде он не дома. Все ложно — слова, идеи, ощущения — и все раздражает. Это не *то*, всегда не *то* — всегда около, приблизительное, всегда ниже отметки. Иногда во сне — это предвосхищающий знак — нас может охватить великий яркий свет — настолько ослепительный, что мы невольно закрываем глаза — *солнце кажется темным в сравнении с ним*, — говорила Мать. Нам нужно просто позволить расти этой Силе внутри нас, этой Сознанию-Силе, которая ощупью пробивает себе дорогу ввысь, мы должны зажечь ее нашей потребностью в чем-то ином — потребностью в более истинной жизни, в более истинном знании, в более истинных отношениях с миром и его существами — наш *величайший прогресс — это углубляющаяся потребность. [Our greatest progress [is] a deepened need.]*[184] Мы должны отбросить все ментальные построения, которые ежесекундно пытаются украсть сияющую нить, мы должны постоянно находиться в *состоянии открытости* и быть выше идей. Потому что нам нужны не идеи, а пространство. *Мы должны не только порвать силки ума и чувств, но избежать и других силков — не поддаться соблазну стать мыслителем, теологом и основателем церкви, не попасть в тенета Мира и в рабство Идеи. Все это находится внутри нас, ожидая того, чтобы заключить Дух в форму; но должны всегда идти за пределы, всегда отрекаться от меньшего для большего, от конечного ради Бесконечного; мы должны быть подготовлены к тому, чтобы следовать от озарения к озарению, от переживания к переживанию, от одного состояния души к другому… Мы не должны также привязываться даже к тем истинам, которые мы считаем самыми надежными, ибо они есть ни что иное, как формы и проявления Невыразимого, которое отказывается ограничить себя какой-либо формой или проявлением; мы всегда должны оставаться открытыми для высшего Слова свыше, которое не ограничивает себя своим собственным смыслом, открытыми свету Мысли, которая несет в себе свои противоположности.*[185] И тогда однажды, силой нашего горячего желания — как под высоким давлением сжатого газа, — двери, в конце концов, открываются: *Сознание поднимается, — говорит Мать, — ломает эту жесткую оболочку там, у макушки головы, и вы выходите в свет.*

Наверху была раскаленная белая тишина.

Above was an ardent white tranquility.[186]

Это переживание является отправной точкой йоги Шри Ауробиндо. Это выход в Сверхсознательное, переход из прошлого, которое связывает нас по рукам и ногам, к будущему, которое видит. Вместо того чтобы быть внизу, вечно чем-то отягощенными, мы находимся

наверху и дышим полной грудью: *Сознание уже не находится в теле и не ограничено им; оно ощущает себя не только наверху, но и протяженным в пространстве; тело находится ниже его *) более высокого расположения и окутано его*[187] *расширенным сознанием… оно становится лишь деталью в обширности существа, его инструментальной частью… в окончательной реализации установления сознания наверху ему уже по-настоящему нет возвращения вниз за исключением той его части, которая может нисходить для того, чтобы работать в теле или на низших планах, в то время как существо, постоянно находящееся наверху, осуществляет контроль над всем, что переживается и делается.*[188]

Экстаз?

Когда мы осуществили такое вознесение, нам нужно систематически продолжать работу. Ибо первое побуждение сознания — это стремительно воспарить ввысь, как будто его засасывает вверх, что дает ощущение бесконечного восхождения, подобное ракетному взлету, которое достигает высшей точки в своего рода светящейся нирване. Блаженство, которым сопровождается этот окончательный расцвет (который нам кажется окончательным), или это растворение, настолько неотразимо, что сама идея возвращения вниз к промежуточным уровням и еще каких-то там поисков кажется поистине нелепой — это было бы подобно падению. Наше единственное желание — это оставаться как можно более неподвижными, чтобы не нарушить этого восхитительного Покоя. По сути дела, мы даже не замечаем никаких промежуточных уровней между выходом у макушки головы и слиянием с этим белым покоем, царящим вверху. Ослепленный, немного похожий на новорожденного ребенка, который впервые открывает глаза, ищущий неспособен ничего распознать, все сливается в белизне или голубой белизне, и он теряет почву под ногами, т. е. впадает в транс, в «экстаз», как говорят на Западе, или в *самадхи*, как говорят в Индии. Когда он возвращается оттуда, то обнаруживает, что абсолютно ничего не изменилось. *В своей спешке достичь… [ищущий] полагает, что между думающим разумом и Высочайшим нет ничего, и, закрывая глаза в самадхи, пытается прорваться сквозь все то, что в действительности находится на промежуточных планах, даже не видя при этом великих и сияющих царств Духа. Возможно, он достигает своей цели, но лишь для того, чтобы уснуть в Бесконечном.*[189]

Естественно, ищущий, в свою очередь, скажет, что это чудесное, неописуемое, высшее состояние. И он будет прав, но, как заметила Мать, *вы можете говорить об этом что угодно, потому что вы попросту ничего не помните… Когда вы выходите из своего сознательного существования и входите в ту часть себя, которая полностью несознательна, или, вернее, в зону, с которой у вас нет сознательной связи, вы входите в самадхи… Вы находитесь в безличном состоянии, т. е. в состоянии, в котором вы несознательны; поэтому, естественно, вы ничего не помните, потому что вы ничего не осознали.* Шри Ауробиндо часто говорил, что экстаз — это просто высшая форма бессознания. Может оказаться, что то, что мы называем Трансцендентным, Абсолютным или Высшим, — это не то, что часто описывают как экстатическое растворение [личности, индивидуального], но просто предел, который является таковым для нашего *теперешнего* сознания. Ведь утверждение «Здесь кончается мир, а там начинается Трансцендентное» совершенно абсурдно — будто между ними есть какая-то перегородка или разрыв. Для пигмея Трансцендентное может начинаться с элементарного утверждения разума, что сумма букв к+о+т дает в результате слово «кот», а на уровне не выше интеллекта весь мир, наверное, исчезает для него. Т. е. если в действительности разрыв

существует, то только в нашем сознании. Может быть, эволюционировать — это значит как раз исследовать новые богатые пласты сознания внутри неисчерпаемого Трансцендентного, которое на самом деле находится не «в вышине» или еще где-то вне этого мира, а здесь, повсюду, исследовать все это, постепенно раскрывая себя собственному взору. Ведь если доисторическое Трансцендентное находилось когда-то над протоплазмой, затем над амфибией, над шимпанзе и над человеком, то это не значит, что оно оставило мир протоплазмы для того, чтобы отступить выше, постоянно стремясь отсоединить себя от жизни — это *мы* оставили за собой примитивное бессознательное и продвинулись вперед в вездесущем Трансцендентном.[190]

Следовательно, вместо того чтобы терять сознание в высшей точке сознания (или в той точке, которая ищущему кажется высшей) и считать экстаз признаком прогресса, он должен понять, что это признак несознания, и стремиться найти жизнь, скрытую таким вот ослеплением: *Старайтесь развить свою внутреннюю индивидуальность, — говорила Мать, — и вы сможете войти в те же самые сферы полностью сознательными, насладиться общением с высшими сферами не теряя сознания, а не возвращаться оттуда с пустыми руками, не обретя никакого опыта.*[191] А Шри Ауробиндо настаивал: *Эта реализация должна прийти и закрепиться именно в бодрствующем состоянии, чтобы стать реальностью жизни… Переживание и транс полезны при открытии существа и при его подготовке, но по-настоящему овладевают реализацией лишь тогда, когда она постоянно присутствует в бодрствующем состоянии.*[192] Цель, которую мы преследуем, — это состояние интегрального господства, а не духовное исключение себя из игры, и господство это возможно лишь при условии непрерывности сознания. Когда мы входим в экстаз, мы теряем «кого-то» — того, кто мог бы создать мост между силами наверху и бессилием внизу.

После того, как в алипорской тюрьме Шри Ауробиндо прорвал оболочку у макушки головы, он приступил к методическому исследованию планов сознания, которые находятся выше обычного разума — точно так же, как он исследовал, будучи в Бароде, планы сознания, находящиеся внизу. Шри Ауробиндо возобновил это исследование в том месте, где он прекратил восхождение по великой лестнице сознания, которая простирается — непрерывно, без экстатических разрывов — от Материи до той непознанной точки, которая станет местом его открытия. Ибо *высочайшая истина, интегральное самопознание достигается не самоослепляющим прыжком в Абсолютное, но терпеливым переходом за пределы разума.*[193]

Существа и силы

Все мы постоянно и не сознавая того, получаем побудительные импульсы из этих высших, сверхсознательных сфер, подвергаемся их влиянию. Это влияние и импульсы проявляются в нас в виде идей, идеалов, стремлений или произведений искусства; они скрыто формируют нашу жизнь и наше будущее. Подобным же образом постоянно и не сознавая того, мы получаем витальные вибрации и вибрации тонкого физического, которые ежеминутно определяют нашу эмоциональную жизнь и отношения с миром. То, что мы заключены в индивидуальном теле, — это лишь зрительная иллюзия; на самом деле, все мы насквозь пористы и купаемся во всеобщих силах, как анемон в море: *Человек впадает в интеллектуальный (бессмысленный)*[194] *лепет о смысле и значении следствий, проявляющихся на поверхности, и приписывает их все своему «благородному я», игнорируя тот факт, что его «благородное я» лежит далеко за пределами его видения, за покровами тускло искрящегося интеллекта и дымного тумана его витальных*

ощущений, эмоций, побуждений, чувств и впечатлений.[195] Наша единственная свобода заключается в том, чтобы поднять себя к высшим планам с помощью индивидуальной эволюции. Наша единственная задача — это транслировать и материально воплощать истины того плана, к которому мы принадлежим. Если мы хотим лучше понять механизм универсума, то особого внимания заслуживают два важных момента, общих для всех планов сознания от наивысшего до самых низших. Во-первых, эти планы зависят от нас или от того, что мы о них думаем, не более, чем море зависит от анемона; они существуют *независимо* от человека. Современная психология, согласно которой все уровни бытия перемешаны в так называемом «коллективном бессознательном», подобном огромной шляпе фокусника, откуда вы можете в любом порядке вытаскивать архетипы и неврозы, демонстрирует в этом отношении полное отсутствие видения: во-первых, потому что силы этих планов вовсе не являются бессознательными, несознательны только мы — они же вполне сознательны, гораздо более сознательны, чем мы; а, во-вторых, потому что силы эти не являются «коллективными» — в том смысле, что они представляют собой продукт человеческого существования не более, чем море является результатом деятельности анемона; скорее, наоборот, фронтальный человек — это продукт деятельности той Необъятности, которая простирается за ним. *Градации сознания — это всеобщее состояние, не зависящее от точки зрения субъекта [the outlook of the subjective personality]; скорее, точка зрения субъекта определяется тем уровнем [grade] сознания, в котором оно формируется [is organised] в соответствии со своей природой [its typal nature] или эволюционным уровнем [its evolutionary stage].*[196] Но6 естественно, только человеку присуще извращать порядок вещей, помещая себя в центр мира. Во всяком случае, это вопрос не теории, которую всегда можно оспорить, а опыта, который может получить каждый. Покидая наше тело и сознательно входя в эти планы, мы осознаем, что они существуют вне нас точно так же, как весь мир существует, например, вне Лонг-Айленда; силы, существа и даже пространства в них не имеют ничего общего с нашим земным миром — об этом свидетельствуют целые цивилизации, все это подтверждают их настенные росписи и резьба, позднее — храмы; причем эти цивилизации были, может быть, менее технически развиты, чем наша, но никак не менее развиты в интеллектуальном отношении.

Второй важный момент касается сознательных сил и существ, которые населяют эти планы. Здесь нам нужно четко отличать суеверия и даже мистификации — результаты нашего «коллективного» вклада — от истины. Как всегда, они тесно перемешаны. Здесь ищущему, как никогда, нужно быть вооруженным *ясной строгостью* [простотой] [clear austerity], о которой так часто говорил Шри Ауробиндо. Он не должен смешивать сверхразум с отсутствием разума. На практике, когда мы сознательно входим в эти планы — во сне, в медитации или при произвольной экстериоризации [оставлении тела], - у нас могут быть видения двух типов: безличные потоки силы, которые могут быть более или менее светящимися, и существа. Но это два вида одного и того же явления: *Стена между сознанием и силой, между безличностью и личностью становится гораздо тоньше, когда выходишь за пределы покрова материи. Если смотреть на процесс со стороны безличной силы, то видишь силу или энергию за работой, действующую ради некоторой цели с некоторым результатом, если же смотреть со стороны существа, то видишь существо, владеющее, управляющее сознательной силой и использующее ее, или же представителя этой силы, которого она использует в качестве орудия своего особого действия и выражения… Современная наука установила, что если вы смотрите на движение энергии, то, с одной стороны, кажется, что это волна, и оно ведет себя, как волна, с другой же стороны, оно являет собою массу частиц, причем и волна, и масса частиц действуют своим особым образом. Здесь примерно тот же принцип.*[197]

Одни на пути своих поисков никогда не будут видеть существа: но только светоносные

силы; другие будут видеть только существа и никогда — силы; все зависит от их внутренней предрасположенности, от формы их стремления, от религиозных, духовных или даже культурных истоков. Именно здесь лежит начало субъективности, а с ней — всевозможные смешения и предрассудки. Но субъективность не отрицает самого переживания, она лишь показывает, что одно и то же можно видеть и передавать по-разному в зависимости от натуры человека — видели ли когда-нибудь двое художников один и тот же ландшафт одинаково? По мнению «специалистов» по естественным и сверхъестественным явлениям, критерием истины должно быть неизменное содержание опыта, но это больше похоже на критерий тупой монотонности; многообразие опыта доказывает лишь то, что имеем дело с *живой* истиной, а не с жестким куском дерева, которому подобны наши ментальные и физические истины. Кроме того, эти сознательные — высокосознательные — силы могут принимать по желанию любое обличье не для того, чтобы ввести нас в заблуждение, но для того, чтобы сделать себя доступными сознанию тех, кто открывается им или взывает к ним. Например, христианский святой, который имеет видение девы Марии, и индус, которому является Дурга, видят, возможно, одно и то же; они могли войти в контакт с одним и тем же планом сознания, с одними и теми же силами, но совершенно ясно, что видение Дурги ничего бы не значило для христианства. А если бы та же самая сила проявилась бы в своем чистом состоянии, т. е. как безличная излучающая вибрация, то ее не смог бы воспринять ни поклоняющийся деве Марии, ни верующий в Дургу; она не затронула бы их сердце. У поклонения ведь тоже своя правда; не каждый обладает развитием, необходимым для того, чтобы ощутить силу любви, которая содержится в простом маленьком золотом свете, не имеющем формы. Но еще более интересно то, что если поэт, например, Рембо или Шелли, войдет в контакт с *теми же* планами сознания, то он увидит нечто иное, что является тем не менее все тем же. Очевидно, ни Дурга, ни дева Мария особо не занимают поэтов, поэтому они ощутили бы великую вибрацию, пульсации света или разноцветные волны, которые превратились бы в них в сильное поэтическое чувство. Вспомним, например, Рембо:

«Наконец-то — о, счастье! о, разум! — я раздвинул на небе лазурь, которая была черной, и зажил жизнью золотистой искры *природного* света».[198]

Однако эта эмоция могла прийти из того же плана сознания, или, мы могли бы сказать, имеет ту же частоту, что и видение индусского и христианского мистиков, хотя поэтическая транскрипция вибрации может показаться совершенно противной всякому религиозному верованию. Математик, который во вспышке озарения, принесшей ему радость, вдруг увидел по-новому строение мира, соприкоснулся, может быть, с тем же уровнем сознания, с той же вибрацией откровения. Ведь ничто не происходит «случайно», все приходит откуда-то, из конкретного плана, каждый из которых имеет свою длину волны, свою интенсивность света, свою конкретную частоту, а достичь *одного и того же* плана сознания, *одного и того же* озарения можно тысячью различных путей.

Те, кто вышли, или думают, что вышли, за пределы стадии религиозных форм, могут быстро заключить, что все личные образы обманчивы или что они представляют собой стадию низшего порядка и что истины только безличные силы. Однако это есть не что иное, как заблуждение нашей человеческой логики, которая всегда стремится свести все к некой однородной концепции. Видение Дурги — это не фикция и не плод воображения — так же, как не являются таковыми стихотворение Шелли или уравнения Эйнштейна, которые были подтверждены спустя десять лет после их открытия. Заблуждение и предрассудок начинаются с утверждения, что истинна только дева Мария или только Дурга, или одна лишь Поэзия. Объединяющая истина заключается в видении того, что все эти образы происходят из одного и того же божественного Света, что они являют собой различные степени этого Света.

Но также неверно было бы полагать, что так называемые «безличные» силы — это просто механические силы, хотя и более высокого типа. Они обладают интенсивностью, теплотой, светящейся радостью, вызывая ощущение присутствия личности без облика — каждый, кто хоть однажды пережил массивный поток золотого света, сапфирно-голубое цветение или мерцание света белого, знает без всяких сомнений, что с этим золотом приходит спонтанное и полное радости Знание, с этой лазурью — самоподдерживающаяся сила, с этой белизной — невыразимое Присутствие. Некоторые силы нисходят на нас, как улыбка. И тогда мы поистине понимаем, что деление на личное и безличное, на сознание и силу есть следствие прагматизма человеческой логики, оно не имеет почти никакого отношения к реальности и вовсе необязательно видеть кого-то для того, чтобы находиться в присутствии Личности.

То, что является существенным и что необходимо осуществить на практике — это открыться этим высшим регионам. Как только это сделано, каждый будет получать по своим способностям и нуждам или в соответствии с особенностями своего стремления. Все раздоры между материалистами и верующими, между философами, поэтами, художниками и музыкантами — это детские игры неискушеного человечества, где каждый хочет переделать остальных по своему образцу, подогнать их под свою мерку. Когда мы достигаем лучащейся Истины, мы видим, что Она может вместить в себя все без всяких конфликтов и что все — Ее дети. Мистик получает радость от своего возлюбленного Единого, поэт получает радость от поэзии, математик — от математики, художник — от многоцветных откровений. И все это — духовные радости.

Тем не менее «ясная строгость» остается мощной защитой, поскольку, к сожалению, не каждый обладает способностью восходить к высшим регионам, где силы чисты. Гораздо легче открыться витальному плану, миру великой Силы Жизни, желаний и страстей (который хорошо известен медиумам и оккультистам). Низшие силы быстро надевают там на себя божественные маски ослепительных цветов или ужасающих образов. Если ищущий чист, то он всегда сможет распознать этот обман — устрашающий или чудесный; маленький свет его психического существа растворит все угрозы и все яркие, кричащие образы витальной мелодрамы. Но как можно быть уверенным в собственной чистоте? Если мы не стремимся реализовать личные представления и построения, а ищем все более и более высокой истины, не мешая Ей проявлять себя в той форме, которую она сама избирает, то в этом будет залог нашей защиты от заблуждений и предрассудков.

Теперь мы можем попытаться описать в общих чертах эти уровни сверхсознательного так, как они воспринимаются теми, кто пошел дальше, чем экстаз бессознательного, и так, как пережил их Шри Ауробиндо. Конечно же, не образы находятся ближе всего к всеобщей истине (они всегда ограничены и принадлежат определенной традиции или веку, хотя и они имеют свое место и в них также заключается своя правда), но светящиеся вибрации. Когда мы говорим «вибрации», то имеем в виду не безжизненные волны квантовой физики, а движения света, полные невыразимой радости, любви, знания, красоты и всех тех качеств, которыми озарены высочайшие проявления человеческого сознания — религиозные и нерелигиозные:

Свет, не рожденный ни солнцем, ни луной, ни огнем,
Свет, который обитает внутри и там прозрел,
Сокровенную видимость нам являя…

A light not born of sun or moon or fire,
A light that dwelt within and saw within

Shedding an intimate visibility…[199]

Планы разума

Прежде чем достичь супраментального плана, с которого начинается высшее полушарие существования,[200] ищущий пересечет различные ментальные планы или миры, которые Шри Ауробиндо назвал следующим образом (в восходящем порядке): высший разум, озаренный разум, интуитивный разум и глобальный разум [overmind]. Мы можем пользоваться и другой терминологией, если нам угодно, но каждой из этих четырех зон соответствуют характерные для нее переживания, которые может подтвердить каждый, кто способен сознательно предпринять это восхождение.

Теоретически все эти четыре зоны принадлежат Сверхсознательному. Слово «теоретически» употреблено здесь потому, что порог Сверхсознательного не является общим для всех, для каждого он свой; для одних высший или даже озаренный разум вряд ли можно назвать сверхсознательным планом — это часть их нормального бодрствующего сознания, тогда как для других простой рассуждающий разум остается пока только отдаленной возможностью внутреннего развития. Иными словами, линия, отделяющая Сверхсознательное от остальных планов сознания, имеет тенденцию смещаться вверх в процессе нашей эволюции. Если подсознательное — это наше эволюционное прошлое, то Сверхсознательное — это наше эволюционное будущее; постепенно оно становится нашим нормальным бодрствующим сознанием.

Мы не будем здесь пытаться описать, что собою представляют эти высшие планы сознания сами по себе, независимо от человека. Каждый из них — это целый мир, более широкий и более живой, чем земля, и наш ментальный язык слишком беден, чтобы адекватно их описать; необходим язык пророка или поэта — «иной язык» [une autre langue], как говорил Рембо. Шри Ауробиндо сделал это в «Савитри», своем поэтическом эпосе, к которому мы отсылаем читателя.

Миллионы лотосов, качающихся на одном стебле,
Разноцветные и экстатические миры друг за другом
Взбираются к какому-то далекому невидимому прозрению.

A million lotuses swaying on one stem,
World after coloured and estatic world
Climbs towards some far unseen epiphany.[201]

Мы скажем лишь о том, что эти планы приносят человеку и как они меняют наше видение мира, когда мы восходим к ним.

Обычный разум, нам всем известный, видит вещи последовательно, одну за другой — это, так сказать, «линейное» видение. Он не может совершить прыжок, не сделав при этом бреши в своей логике — это ставит его в тупик, он теряется, и все становится для него несвязным,

иррациональным или туманным. В каждый момент он видит что-то одно и не может видеть больше, иначе он впадает в противоречие. Если он принимает в поле своего сознания какую-либо истину или факт, то тем самым он автоматически отрицает все, что отлично от этой истины или факта — механизм его работы подобен действию затвора фотоаппарата, который в каждый момент пропускает одно и только одно изображение. Все, что не относится к его сиюминутному видению — это для него какие-то Тартарары, утопическая страна заблуждения, лжи или темноты. Все [у него] охвачено неумолимой системой противоположностей — белое и черное, истина и ложь, Бог и Сатана. Он движется как осел по дороге, который видит один пучок травы за другим. Одним словом, обыкновенный разум вечно дробит время и пространство на мелкие кусочки. Чем ниже спускаешься по лестнице сознания, тем мельче становятся эти кусочки. Для жука, например, любой предмет, пересекающий его дорогу, появляется с одной стороны (например, справа) из будущего, пересекает его линию настоящего и исчезает с другой стороны (слева) в прошлом; человек, стоящий над жуком, расставив ноги, то есть находящийся одновременно и справа, и слева от него — это просто чудо, которое находится вне всякой логики, поскольку если одна нога человека «истинна», то другая — «ложна», что невозможно; значит, человека не существует — его существование невозможно в пределах логики жука. Для нас окошко затвора — немного шире; прошлое и будущее находятся уже не в пространстве справа и слева от нас, а во времени — вчера и завтра; мы в сравнении с жуком выигрываем в этом измерении — «время». Но есть иное, супраментальное сознание, которое может расширить окошко затвора еще больше, позволяет выиграть еще больше в этом измерении и встать над вчера и над завтра. Оно может видеть одновременно настоящее, прошлое и будущее, белое и черное, истину и так называемую «ложь», добро и так называемое «зло», все «да» и «нет», ибо все противоположности — это результат дробления времени на мелкие кусочки. Мы говорим об ошибке, потому что не видим пока еще того добра, которое она готовит или видимой половиной которого она является; мы говорим о «неправде», потому что у нас не было достаточно времени, чтобы увидеть, как из грязи распускается лотос; мы говорим о темноте, но наш дневной свет кажется темным тому, кто видит Свет! Наше заблуждение было необходимым спутником добра; «нет» было неотделимой половиной «да»; белое, черное и все другие цвета радуги были различными проявлениями единого света, который постепенно обнаруживает себя. Нет противоречий, есть только дополнения. Вся история восхождения сознания — это история открытия пути, перехода от линейного и противоречивого сознания к сознанию глобальному.

И Шри Ауробиндо действительно говорит о «глобальном сознании»; говоря о Супраментальном, он употребляет термин «высшая *полусфера* сознания», потому что высшая истина не исключает землю; она является неполной без своей низшей половины. То, что находится наверху, не исключает того, что находится внизу, а дополняет его; отсутствие времени — это не противоположность времени, так же, как руки, которые обнимают, не являются чем-то противоположным тому, кого они заключают в объятия. Тайна заключается как раз в том, чтобы найти вечное в преходящем, бесконечное — в конечном и всеохватывающую полноту вещей — в самой темной частичке. Без этого, в действительности, невозможно ни обнять что-либо, ни быть обнятым по-настоящему.

Такое восхождение сознания — это не только победа над временем, но и обретение радости, любви и безбрежности бытия. Не только время и пространство дробятся на низших эволюционных уровнях на мелкие кусочки — там дробится все. На протяжении всего нисхождения от Духа до атома действует *прогрессирующий закон фрагментации*[202] [дробления] — это дробление радости, дробление любви и силы, и, конечно, дробление знания и видения. В конечном счете все превращается в кучу мелких тропизмов, в туманную пыль *сомнабулического сознания*,[203] которое, в свою очередь, являет собою уже поиски Света или, может быть,

воспоминание о Радости. *Общим признаком этого нисхождения всегда является уменьшение интенсивности — интенсивности бытия, интенсивности сознания, интенсивности силы, интенсивности радости в вещах и радости существования. Точно так же по мере нашего восхождения к высшему уровню эти интенсивности возрастают.*[204]

а. Обыкновенный Разум

То, что существенным образом отличает один план сознания от другого — это характерные свойства света или качество вибраций. Если взять за отправную точку наш собственный эволюционный уровень и рассматривать сознание в аспекте света, по отношению к которому все остальные аспекты являются производными, то обыкновенный разум представляется видящему некой серой массой с множеством маленьких темных пятен или совершенно темных вибрационных узелков, которые роятся, подобно туче мух, вокруг голов людей и представляют собою их «тысячу и одну» мысль; они вращаются, приходят и уходят без конца, перелетая от одного человека к другому. Иногда случайно сверху нисходит маленькая вспышка света, маленькая радость, маленькое пламя любви, танцующее среди этой серости. Но эта *нейтральная основа* [ground of neutrality], как ее называет Шри Ауробиндо, настолько толста и всеобъемлюща, что она поглощает все, затуманивает, засасывает вниз в зону своего темного притяжения; мы не способны долго выносить ни радость, ни боль, мы не можем принять много света сразу; все жалко, спазматично и быстро истощается. И надо всем этим доминируют тысячи условностей.

б. Высший Разум

Высший Разум чаще всего встречается у философов и мыслителей. Он более прозрачен, более свободен. Общий фон уже не такой серый, с голубоватым оттенком, и незначительные нисходящие вспышки света поглощаются уже не так быстро. Кроме того, они нисходят чаще и становятся богаче и интенсивнее, Радость длится дольше, любовь становится глубже и уже не в такой степени подчиняется бесчисленным правилам низших уровней. Мы начинаем понимать, что такое любовь и радость сами по себе, без какой бы то ни было причины. Но свет все еще остается холодным и немного жестким. Тяжелая ментальная субстанция все еще поглощает свет, идущий свыше, перемешивает его со своим веществом и покрывает его толстым ментальным слоем, искажая до неузнаваемости. Этот разум способен по-настоящему понять полученный свет лишь после того, как он его должным образом переработал, разбавил, подверг логической экзекуции, разбил на параграфы, на слова, на идеи. Кроме того, выводы высшего разума исходят из единственной точки света, которой он завладел, или из небольшого числа таких точек (все заключения высшего разума суть априорные установки, это маленькие капельки интуиции, которые он поспешно поглотил), и поэтому ему стоит большого труда исключать и исключать в процессе собственного развития все, что противоречит этим установкам. Да, этот разум может открываться высшим планам и получать вспышки, но это, скорее, исключительные моменты, чем нормальное состояние; его ментальная субстанция такова, что она разрушает свет. Он начинает понимать что-либо лишь после того, как он себе это объяснил.

в. Озаренный Разум

Озаренный разум имеет другую природу. По мере того как высший разум постепенно обретает безмолвие, он получает доступ к этой сфере: его субстанция постепенно проясняется и то, что приходило по одной капле, льется теперь потоком: *Основой является теперь уже не общая нейтральность, а чистая духовная легкость и радость, на этой основе возникают особые тона эстетического сознания. В этом заключается первое фундаментальное изменение.*[205] Сознание наполняется потоком света, чаще всего золотого, в который вливаются

различные цвета в зависимости от внутреннего состояния; это *лучащееся вторжение* [invasion lumineuse]. При этом находишься в состоянии «энтузиазма» — в том смысле, какой придавали этому слову греки: постоянное состояние пробужденности, как будто все существо находится наготове, бдит и вдруг погружается в совершенно иной, новый мир с поразительно ускоренным ритмом, новыми ценностями, новыми перспективами и неожиданными связями. Дымовая завеса мира приподнимается, все объединяется в великой вибрации радости. Жизнь становится шире, правдивее, живее. Повсюду возникают светящиеся точки истины (и уже не нужны слова), и каждый предмет несет в себе тайну, имеет особое значение и свою, особую жизнь. Человек купается в неописуемом *состоянии истины*, причем не анализирует происходящее — оно просто есть. И это чудесно. Все полно света, жизни, любви.

Этот светящийся поток проявляет себя в каждом по-разному (мы всегда спешим заключить его в форму вместо того, чтобы позволить ему спокойно пропитать все существо и совершать работу по его прояснению). Для одних это внезапное поэтическое вдохновение, другие видят новые архитектурные формы, третьи приходят к новым уравнениям в науке, четвертые начинают поклоняться какому-то новому Богу. Обычно восхождение к этому новому сознанию сопровождается спонтанным расцветом творческих сил, особенно на поприще поэзии. Заслуживает внимания тот факт, что среди учеников Шри Ауробиндо есть много поэтов, пишущих на самых разных языках — на китайском, хинди, английском, — как будто поэзия и искусство — это первый практический результат его йоги: *Как в самом себе, так и в других, я наблюдал внезапный расцвет способностей во всех видах деятельности, расцвет, который является следствием открытия сознания — так, например, тот, кто долго и безуспешно работал над тем, чтобы выразить себя в поэзии, в течение дня становится мастером поэтического языка и ритма. Это вопрос надлежащего безмолвия разума и надлежащей открытости Слову, которое стремится выразить себя — ибо Слово уже готово, оно сформировано в тех внутренних планах, где получают рождение все виды искусства, но измениться должен передающий разум — измениться и стать совершенным каналом [передачи], а не препятствием.*[206]

Поэзия — самое подходящее средство, позволяющее почувствовать, что собою представляют эти высшие планы сознания. В ритме поэтического произведения можно легко уловить вибрации. Поэтому далее мы будем прибегать к помощи поэзии, хотя Сверхсознательное не является привилегией одних только поэтов. В своей обширной переписке на тему поэзии и в работе «Поэзия будущего» Шри Ауробиндо приводит многочисленные примеры стихов, исходящих непосредственно из озаренного разума.[207] Прекрасной иллюстрацией поэзии озаренного разума являются отдельные пассажи творчества А.Рембо, особенно его «Пьяный корабль». Не следует привязываться к внешнему смыслу, надо слушать то, что вибрирует за ним; ибо поэзия и вообще все искусства — это в конечном счете не что иное, как средство уловить крошечную, неуловимую ноту, ноту, которая вроде бы ничего особенного собою не представляет и в то же время есть сама жизнь:

Je sais les cieux crevant en eclairs, et les trombes
Et les ressacs et les courants; je sais le soir,
L'Aube exaltee ainsi qu'un peuple de colombes,
Et j'ai vu quelquefois ce que l'homme a cru voir!

Я знаю рвущееся небо и глубины,
И смерчи, и бурун, я знаю ночи тьму,

И зори трепетнее стаи голубиной,
И то, что не дано увидеть никому.[208]

Шекспир, дает нам наиболее богатые примеры, если мы отвлечемся от внешнего значения и прислушаемся к вибрации за словами; ибо поэзия и все искусство является в конечном счете средством ухватить тонкую невыразимую ноту, просто ничто, «ничто», которое, все же, образует самую суть жизни:

… that his virtues
Will plead like angels, trumpet-tongued…
And, pity, like a naked new-born babe
Striding the blast, or heaven's cherubin, horsed
Upon the sightless couriers of the air
Shall blow the horrid deed in every eye
That tears shall drown the wind.

Поэма становится озаренной не в силу какого-то особого смысла, а благодаря тому, что несет в себе особую ноту озаренного плана. Ту же самую ноту мы можем найти в живописи Рембрандта, в музыкальных сочинениях Сезара Франка или даже просто в словах друга — это прикосновение истины, находящейся за поверхностью, может быть, не очень мощная, но прямо к сердцу идущая вибрация, а стихи, картина или соната — это лишь более или менее адекватные ее транскрипции. И чем выше мы восходим, тем чище, лучезарнее, шире и мощнее становится вибрация. Когда Рембо говорит[209]

О замки, о смена времен!
Недостатков кто не лишен?[210]

Когда Вордсфорт говорит:

And beauty born of murmuring sound
Shall pass into her face…

то вибрация почти ощутима — настолько ярко выражено ее присутствие. Но, очевидно, это не озаренная вибрация [не вибрация озаренного разума]: она исходит не из источника, находящегося выше головы, а из сердца — и это никак не связано со смыслом строк: слова — это только облачение вибрации. А вот строка из Малларме идет прямо из озаренного разума:

Le transparent glacier des vols qui n'ont pas fui!

Полетов скованных прозрачно-синий лед…[211]

Тогда как эта строфа Фрэнсиса Томпсона идет прямо из освещенного ума:

The abashless inquisition of each star.

То, что существенным образом отличает произведения, которые исходят из этого плана, Шри Ауробиндо называет *светящимся течением* [luminous sweep], внезапным потоком света. Эта вибрация не похожа ни на какую другую; она всегда приносит какой-то толчок и продолжает еще долго вибрировать, как камертон. Но ей редко удается сохранять свою чистоту на протяжении всего произведения, ибо ритм произведения повторяет ритм сознания с его подъемами и падениями, так будет продолжаться до тех пор, пока сознание не стабилизировано с помощью специальной дисциплины. В «Пьяном корабле» зримо присутствует озаренный разум, хотя видно и присутствие витального, а также обычного ментального сознания; также очевидно и вмешательство сверхсознательного.

Наряду с красотой озаренного разума нам открываются и его ограничения: поэзия озаренного разума льется потоками образов и слов откровения (потому что на этом плане часто открываются способности видения и слышания), чуть ли не лавиной богатых, пышных, иногда бессвязных образов, как будто сознание с трудом вмещает в себя такой поток света и такую непривычную интенсивность: это слишком много для него, это переполняет его. Восторг часто переходит в возбуждение, и если остальные части существа недостаточно подготовлены и очищены, то любая из низших частей может завладеть нисходящими силой и светом и использовать их для собственных целей; очень многие попадаются в эту ловушку. Когда низшие части существа, в особенности витальное, завладевают светящимся потоком, они делают его жестким, «драматизируют» и мучают его — сила еще присутствует, но является уже подчиненной и при этом становится жесткой, тогда как сущность озаренного разума — это радость. Здесь мы могли бы назвать имена многих поэтов и творческих натур.[212] Кроме того, субстанция озаренного разума на самом деле не является прозрачной, она лишь полупрозрачна; свет ее рассеян — как бы чувствуешь, что истина находится повсюду, но не можешь конкретно ощутить ее — отсюда частые бессвязность и отклонения. Это только начало нового рождения. Прежде чем идти выше, необходимо более совершенное очищение и прежде всего — больший покой, естественное равновесие и безмолвие. Чем выше мы растем в сознании, тем более необходимым является незыблемое равновесие.

г. Интуитивный Разум

Интуитивный Разум отличается от озаренного своей ясной прозрачностью. Он подвижен, как ртуть, он легко прыгает по скалам, не отягощенный обувью, босой, не касаясь поверхности земли. В отличие от высшего разума его не стесняют ментальные ортопедические подпорки, приковывающие нас к земному (как будто знание зависит от объема наших тяжеловесных размышлений!). Знание — это искра, рождающаяся, вспыхивающая из безмолвия. Оно находится прямо здесь, не выше и не глубже, а прямо перед нашими глазами, ожидая, когда мы станем немного чище, просветленней — это не столько вопрос нашего роста, сколько дело устранения с пути множества препятствий. Весной рисовые поля Индии, спокойные, зеленые, полные нежного аромата, простираются вдаль насколько хватает взгляда под тяжелым, мрачным небом; и вдруг с единым криком взлетают тысячи попугаев. Однако мы не успели ничего заметить. Это произошло в течение секунды, как вспышка молнии, — и сознание может проясняться с такой же невероятной быстротой! Одна деталь, один звук, одна капля света — и появляется целый мир во всем своем великолепии и полноте — тысячи стремительных птиц в единой вспышке. Интуиция воспроизводит в нашем масштабе первозданную мистерию великого Взгляда, грозного пристального взгляда, который, с одной стороны, видит все и знает все, а с другой,

наслаждается последовательным видением, видением во времени, капля по капле, видением с множества точек зрения того, что Он охватил полностью в крупице вечности.

Время есть только порожденье вечного мгновения.[213]

An eternal instant is the cause of the years.[214]

Вместе с интуицией приходит совершенно особая радость, которая явно отличается от радости озаренного разума. Нет уже ощущения потока, приходящего извне, а есть некое опознание, узнавание, как будто всегда в нас существовали двое — брат света, живущий в свете, и брат тьмы (то есть мы сами), живущий внизу, неуклюже, ощупью карабкающийся в темноте, подражающий знанию брата света и его великому путешествию, но подражающий как-то жалко, убого, грубо. И затем вдруг происходит слияние — мы становимся едины в области света. Наконец-то нет никаких различий. Радость.

Когда мы станем едиными во всех точках, наступит божественная жизнь.

В этой точке контакта и слияния приходит знание, которое может быть выражено в той или иной форме (в зависимости от вида деятельности в данный момент времени), но которое всегда по сути своей является проявлением тождественности, встречей — мы знаем потому, что мы узнаем [reconnait]. Шри Ауробиндо говорил, что интуиция — *это воспоминание Истины*.[215] Когда приходит вспышка интуиции, то ясно видно, что знание — это не открытие чего-то неизвестного — открывают только себя, больше нечего открывать, — это постепенное паспознавание во времени того мгновения Света, когда мы *видели все*. Есть ли кто-нибудь, кто не видел хотя бы раз? У кого в жизни не было этого Воспоминания? Какими бы ни были наши веры (вплоть до отсутствия всякой веры), наши способности или неспособности, наши достижения, высокие или нет, в жизни всегда есть момент, который *является* нашим моментом. Некоторые жизни длятся всего мгновение, а все остальное — это забытье.

Язык интуиции сконцентрирован в сжатых формулировках без единого лишнего слова в противоположность пышному языку озаренного разума (который тем не менее именно благодаря своему богатству передает и «светящийся» ритм, и истину, может быть, не столь четко, но зато делает это как-то теплее, ближе). Когда Плотин суммировал смысл всех человеческих усилий в единой фразе — «Полет Единого к Единому», — он пользовался в высшей степени интуитивным языком, тем же языком говорят и Упанишады. Но такое свойство самовыражения обнаруживает и пределы интуиции: как бы ни были насыщены высоким жизненным смыслом наши озарения, изречения, они не могут охватить всей истины — нужна более полная, более всеобъемлющая теплота — та, которой обладает и озаренный разум, — но внутри более высокой прозрачности. Ибо *Интуиция… видит вещи вспышками, точка за точкой, а не как [единое] целое*.[216] Открывающееся в свете вспышки поразительно, неопровержимо, но это только *пространство истины*.[217] Кроме того, интуицией завладевает разум, который, как замечает Шри Ауробиндо, *одновременно преуменьшает и преувеличивает ее значение [it makes at once too little and too much of it]*. Преувеличивает потому, что он незаконно обобщает интуицию и стремится распространить ее открытие на все пространство; преуменьшает потому, что вместо того, чтобы позволить вспышке интуиции спокойно озарить и прояснить нашу субстанцию, разум немедленно завладевает ею, покрывает ее слоем мысли (или, может быть, растворяет ее в живописи, поэзии, математике или религии) и уже не в состоянии понять ее света, кроме как через интеллектуальный, художественный или религиозный покров, в который

он ее облачил. Обычному разуму чрезвычайно трудно понять, что откровение может быть мощным, даже переполняющим, даже тогда, когда «смысл» его нам непонятен, и что особенно мощным оно бывает *только* тогда, когда его не низводят на несколько уровней ниже, разбавляя и дробя для того, чтобы «понять». Если бы мы могли сохранить спокойствие во время этой вибрирующей вспышки, быть как бы подвешенными в ее свете, а не хвататься сразу же за нее, чтобы раздробить на интеллектуальные куски, то через некоторое время мы бы заметили, что *все* наше существо поднялось на новый уровень и что мы обладаем новым видением, а не жалкой безжизненной формулой. Всякие объяснения, разъяснения и т. п. — причина того, что большая часть преобразующей силы быстро исчезает.

Если вместо того, чтобы поспешно хвататься за перо или за кисть или погрузиться в поток слов, чтобы освободиться от избытка полученного света, ищущий будет стремиться сохранить безмолвие и прозрачность, если он будет терпелив, то он увидит, что число вспышек постепенно увеличивается, промежутки между ними становятся все меньше (они как бы учащаются) и что в нем медленно формируется иное сознание, которое является одновременно и завершением, и источником Озаренного и Интуитивного Разума, а также всех человеческих ментальных форм. Это Глобальный Разум.

д. Глобальный Разум

Глобальный Разум — это вершина, до которой человеческое сознание поднимается очень редко. Это космическое сознание, но без потери индивидуальности. Вместо того, чтобы все отринуть и воспарить высоко в небесную необъятность, ищущий терпеливо покоряет каждую ступень своего существа так, что основание существа остается связанным с его вершиной и в этой связи нет никаких разрывов. Глобальный Разум — это мир богов, источник вдохновения великих основателей религий. Именно здесь получили свое рождение все известные нам религии; все религии исходят из опыта [переживания] Глобального Разума в каком-то одном из его бесчисленных аспектов. Ибо религия или откровение, духовное переживание относятся к определенному плану; они порождаются не где-то и не как-то; те, кто осуществляет то, что открылось им в духовном переживании, получают это откровение не из ниоткуда: их источник — Глобальный Разум. Он же является источником величайших произведений искусства. Но мы должны помнить, что это все еще ментальный план, хотя и его вершина.

Когда сознание достигает этого плана, то оно видит уже не «точку за точкой», оно созерцает в *безмолвии, большими объемами [calmly, in great masses]*.[218] Это уже не рассеянный свет озаренного разума и не отдельные вспышки разума интуитивного, но, говоря прекрасным языком Вед, «океан непрерывных молний». Сознание уже не ограничено краткостью настоящего момента или узким диапазоном своего поля видения, оно раскрыто и охватывает единым взглядом *обширные протяженности пространства и времени.* Существенной чертой, отличающей Глобальный Разум от остальных планов сознания, является ровность света, почти полная его однородность. В особо восприимчивом интуитивном разуме, например, можно видеть голубоватый фон и внезапно появляющиеся струи света, вспышки интуиции или быстро несущиеся светящиеся извержения, а иногда и даже мощные потоки из сферы Глобального Разума, но все это — изменчивая игра света, нет ничего постоянного. Это обычное состояние величайших поэтов, которых мы знаем; они достигают определенного уровня или ритма, особой поэтической светоносности, а время от времени приходят в соприкосновение с теми редкими ослепительными строфами (или музыкальными фразами), которые потом повторяют многие поколения, повторяют, как «Сезам, откройся». Озаренный разум обычно является основой (основой уже очень высокой), а Глобальный Разум — это Царство Божье, доступ к которому предоставляется в минуты милости.

Но для полного и постоянного глобального сознания, подобного тому, которое реализовали, например, Риши Вед, уже нет никаких неровностей. Сознание становится *массой постоянного света*. Результатом этого является нерушимое всеобщее видение; познаются всеобщая радость, всеобщая красота, вселенская любовь; ведь все противоречия низших планов — это следствие недостаточности света, или, так сказать, «ограниченности» света: он освещает лишь ограниченное поле; в этом же равномерном свете [все] противоречия, которые похожи на маленькие темные промежутки между двумя вспышками или на темные границы, которые очерчивают наше поле света, растворяются в однородной массе видимого света. А поскольку свет находится повсюду, гармония и радость тоже неизменно присутствуют повсюду, ибо противоположности ощущаются уже не как отрицания или теневые промежутки между двумя вспышками сознания, но как элементы, каждый из которых обладает своей интенсивностью внутри непрерывной космической Гармонии. И это происходит не потому, что глобальное сознание не способно видеть то, что мы называем уродством, злом или страданием, — просто все связано между собой во всеобъемлющей вселенской игре, где каждый объект имеет свое место и назначение. Это объединяющее, а не разъединяющее сознание. Степень единения — это точная мера совершенства глобального разума. Более того, вместе с видением этого единства — видением Божественным (Божественное уже не является чем-то предполагаемым или представляемым — мы видим его, касаемся его, становимся им самим, причем естественным образом, как наше сознание касается света) — глобальное существо воспринимает повсюду один и тот же свет, во всех существах и предметах так же, как воспринимает его в своем «я». Нет уже ни разделяющих пустот, ни пробелов неизвестности; все купается в единой субстанции. Человек [реализовавший глобальное сознание] чувствует всеобщую любовь, всеобщее понимание, всеобщее сострадание ко всем другим «я» — тем, кто тоже движется к своей божественности или, скорее, постепенно становится светом, которым все они уже являются.

Таким образом, глобального сознания мы можем достичь многими различными путями: религиозной самоотдачей, поэтическими, интеллектуальными, художественными или героическими усилиями — всем, что помогает человеку преодолеть себя. Особое место отводил Шри Ауробиндо искусству, считая его одним из главных средств духовного прогресса. К сожалению, творческие и художественно одаренные натуры обычно наделены сильным эго, это преграждает им путь и является основным препятствием. Религиозный человек, который работает над тем, чтобы растворить на пути к совершенству свое эго, может продвинуться дальше, но ему редко удается достичь универсальности своими индивидуальными усилиями. Он, скорее, выпрыгивает за пределы индивидуальности, отталкивая от себя лестницу и не заботясь о том, чтобы развить все промежуточные ступени своего сознания; когда же он достигает «вершины»: то у него уже либо нет лестницы для того, чтобы вернуться вниз, либо он не желает возвращаться, либо нет индивидуального «я», которое могло бы выразить то, что он видит; или же это его старое индивидуальное «я» изо всех сил пытается выразить его новое сознание, если у него вообще есть потребность что-то выражать. Риши Вед, которые дают нам, наверное, единственный пример систематического и непрерывного духовного восхождения от плана к плану, являются одними из величайших поэтов, которых когда-либо знала Земля. Шри Ауробиндо показал это в своей работе «Тайна Вед». Слово *кави* означает одновременно «видящий Истину» и «поэт». Человек был поэтом потому, что он был пророком. Это очевидный, но совсем забытый факт. Поэтому, наверное, имеет смысл сказать несколько слов об искусстве как о средстве восхождения сознания и особенно в поэзии глобального разума.

Планы сознания характеризуются не только различной интенсивностью светящихся вибраций, но и различными звуковыми вибрациями или ритмами, которые можно услышать, имея «ухо ушей», о котором говорится в Ведах. Звуки или образы, светы или силы, или существа — это различные аспекты одного и того же Существования, которое проявляет себя по-разному и с различной интенсивностью в зависимости от плана. Чем ниже нисходишь по лестнице сознания, тем более фрагментарными становятся звуковые вибрации, а вслед за ними и свет, и существа, и силы. На витальном плане, например, мы можем слышать нестройные и дребезжащие вибрации Жизни, подобные некоторым музыкальным произведениям, исходящим из этого плана, или некоторым видам витальной живописи, или поэзии, в которых отражается изломанный и многокрасочный ритм витального. Чем выше поднимаешься, тем более гармоничными, согласованными и обтекаемыми становятся вибрации, что-то похожее слышится иногда в струнных квартетах Бетховена, которые, кажется, уносят нас единым духом ввысь, к сверкающим вершинам чистого света. Энергия музыки передается уже количеством используемых средств, не ярко окрашенными вспышками, но высоким внутренним напряжением. Сама частота вибрации превращает радугу цветов в чистую белизну, в единую ноту, такую высокую, что она кажется недвижимой, как бы замершей в вечности — в одну-единственную звуко-цвето-силу, которая, может быть, как раз и есть священный слог индусов ОМ — *Слово, сокрытое в пламени горнем*.[219] «В начале было Слово», — гласит Писание.

В Индии существует эзотерическое знание, основанное на изучении звуков и различия вибраций в зависимости от плана сознания. Когда мы произносим, например, звук ОМ, то мы четко ощущаем его вибрации вокруг головных центров, тогда как звук РАМ воздействует на пупочный центр. А поскольку каждый из наших центров сознания непосредственно связан с каким-нибудь планов сознания, то повторением (*джапа*) определенных звуков мы можем войти в контакт с соответствующим планом.[220] На этом основана целая духовная дисциплина, которую называют тантрической, потому что свое начало она берет в священных текстах, называемых *тантра*. Основные, или сущностные звуки, которые обладают силой установить такой контакт, называются *мантрами*. Мантры — это всегда тайна, они передаются ученику его Гуру[221] и могут быть самого разного рода (внутри каждого плана сознания есть много уровней) и служить самым разнообразным целям. Комбинацией определенных звуков можно войти в контакт на низших уровнях сознания, обычно на витальном уровне, с соответствующими силами и добиться многих необыкновенных эффектов: есть мантры, которые могут убить (в течение пяти минут, причем умирание сопровождается ужасной рвотой), мантры, которые могут лечить, мантры, способные вызвать пожар, защитить или околдовать. В основе этого вида магии, или химии вибраций, лежит сознательное овладевание низшими вибрациями. Но существует и высшая магия, в основе которой лежит овладевание вибрациями на высших планах сознания. Это — поэзия, музыка, духовные мантры Упанишад и Вед, мантры, данные Гуру своему ученику, чтобы помочь ему сознательно войти в непосредственный контакт с тем или иным планом сознания, силой или божественным существом. В этом случае звук в самом себе содержит энергию, приобретаемую опытом и реализацией, — это звук, который делает человека зрячим.

Подобным же образом поэзия и музыка — которые есть не что иное, как неосознанный процесс овладевания этими тайными вибрациями — могут стать могущественными средствами открытия сознания. Если бы мы могли сознательно сочинять стихи или музыку путем сознательного обращения с этими высшими вибрациями, то это были бы великие произведения, наделенные приближающей к соответствующим планам, посвящающей силой. Вместо поэзии,

которая является игрой интеллекта и *баядерой ума*,[222] по выражению Шри Ауробиндо, мы создавали бы мантрическую музыку и поэзию так, чтобы *боги сходили в нашу жизнь*.[223] Ибо подлинная поэзия — это действие, она буравит сознание — ведь мы так сильно замурованы, забаррикадированы! — и через отверстия в нас входит Реальное. Такова *мантра Реального*,[224] посвящение. Именно этого добивались риши Вед и пророки Упанишад своими мантрами, обладавшими силой сообщить озарение тому, кто готов,[225] и именно это изложил в своей работе «Поэзия будущего» Шри Ауробиндо и осуществил в «Савитри».

Мантры, великая поэзия, великая музыка или священное Слово — все это приходит из Глобального Разума. Он — источник всякой творческой или духовной деятельности (их невозможно разделить: категорические подразделения интеллекта растворяются в этой прозрачности, где все священно, духовное и мирское). Теперь мы можем попытаться описать особую вибрацию или ритм, присущие Глобальному Разуму. Прежде всего каждому, кто обладает способностью входить более или менее сознательно в контакт с высшими планами — поэтам, писателям или художникам — хорошо известно, что за пределами определенного уровня сознания перестаешь видеть идеи, которые пытаешься передать, — начинаешь слышать. Вибрации, волны или ритмы обрушиваются буквально потоком и завладевают ищущим, а *затем*, по мере своего нисхождения облачаются в слова и идеи, в музыку или в цвета. Но слово или идея, музыка или цвет — это следствие, вторичный результат; они лишь придают форму первичной, мощно-повелительной вибрации. И если поэт, истинный поэт, исправляет, правит вновь и вновь свое произведение, то это не для того, чтобы усовершенствовать форму, как говорится, или найти лучшее выражение, но для того, чтобы лучше поймать эту запредельную вибрацию, и если истинная вибрация отсутствует, то вся магия рушится, как и в том случае, когда жрец-индус неправильно произносит мантру жертвоприношения. Когда сознание ищущего ясно, прозрачно, он может отчетливо слышать определенный звук, как бы видимый звук, звук-образ или звук-идею, который связует неразделимой связью слышание с видением и мыслью внутри одной и той же лучащейся сущности. Все заключено там, внутри единой вибрации. На всех промежуточных планах (Высший Разум, Озаренный или Интуитивный Разум) вибрации, как правило, отрывисты, разбиты — это вспышки, импульсы, взрывы — тогда как в Глобальном Разуме они широки, непрерывны и светятся своим светом, как великие пассажи Бетховена. Они не имеют ни начала, ни конца, кажется, что они *рождаются из Бесконечного и в Бесконечности растворяются*;[226] они не начинаются нигде, они приходят в сознание с неким сиянием вечности, которое вибрирует, предвосхищая вибрацию, и продолжают вибрировать долго после ее ухода, как отголосок путешествия иного, запредельного этому:

Sunt lacrimae rerum et mentem mortalia tamgunt

Плачут о вещах, и бренное касается мысли[227]

Эта строка из Виргилия, которую Шри Ауробиндо приводил как пример выдающегося влохновения, исходящего из сферы Глобального Разума, является таковой не в силу значения слов, но благодаря ритму, который предшествует словам и следует за ними, как если бы они были вырезаны на подмостках вечности или, скорее, *самой* Вечностью. Точно так же следующая строка из Леопарди обязана своим величием не смыслу, но чему-то гораздо более тонкому (чем смысл), что трепещет по ту его сторону:

Insano indegno mistero delle cose.

Безумная, бесстыдная мистерия событий и вещей.[228]

Или возьмем эту строку из Вордсворта:

Voyaging through strange seas of thought, alone

Плывя в одиночку по необыкновенному океану мысли.[229]

И Шри Ауробиндо цитирует также Рембо:

Million d'oiseaux d'or, o future Vigueur!

Миллион золотых птиц, о будущая Мощь![230]

Поэзии возвращается ее подлинная роль: не ублажать слух, но делать мир более реальным, вливая в него Реальность.

Если в нас сильно религиозное начало, то, возможно, мы увидим богов, населяющих этот мир. Существа, силы, звуки, света и ритмы — все это не что иное, как множество форм, каждая из которых подлинна, так как принадлежит одной и той же неопределимой, но не непознаваемой Сущности, которую мы называем Богом. И мы называем Ее Богом и строим храмы, догматы и поэмы, пытаясь поймать одну маленькую пульсацию, которая наполняет нас солнечным светом, но при этом свободна, как ветер на покрытых пеной морских берегах. Может быть, мы также войдем в мир музыки, который, являясь особым проявлением все той же великой невыразимой Вибрации, в сущности не отличается от остальных. Если мы хоть раз, всего один раз, пусть даже в течение всего нескольких минут за всю нашу жизнь услышим эту Музыку, эту Радость, которая поет наверху, то нам откроется то, что слышали Бетховен и Бах; мы будем знать, что Бог существует, потому что мы услышим Бога. И мы не будем произносить великие слова; просто мы будем знать, что *то* существует и что искуплены все страдания мира.

У высших границ Глобального Разума — лишь *великие волны переливающегося многоцветного света*, — говорит Мать, — игра духовных сил, которые позже воплощаются — причем иногда намного позже — в новые идеи, социальные изменения или земные события, но это уже после того, как они пересекут один за другим все пласты сознания, претерпят значительные искажения и потеряют бОльшую часть своего света. И все же есть на Земле мудрецы — их немного совсем — которые, пребывая в вечном безмолвии, могут управлять этими силами, комбинировать их так, как иные сочетают звуки при написании стихов, и изливать их на Землю. Может быть, они-то и являются истинными поэтами. Их существование — это живая мантра, влекущая Реальное воплотиться в земном.

Этим заканчивается описание восхождения [по пути сознания], которое было предпринято Шри Ауробиндо в одиночной камере алипорской тюрьмы. Мы привели лишь бледное

человеческое отображение этих высших сфер, ничего не сказав об их сущности, о том, каким образом существуют эти миры сами по себе, во всем своем великолепии, независимо от наших несовершенных выражений. Надо услышать самим, надо *увидеть*!

Тихие небеса невечернего Света,
Просветленные миры безмолвия цвета фиалки,
Океаны и реки радости Господней
И беспечальные страны под пурпурными солнцами.

Calm heavens of impershable Light,
Illumined continents of violet peace,
Oceans and rivers of the mirth of God
And griefless countries undeer purple suns.[231]

5 мая 1909 г., после года заключения, Шри Ауробиндо был оправдан и освобожден. Своей жизнью он был обязан двум непредвиденным событиям. Один из заключенных предал его: он донес, что Шри Ауробиндо был лидером подпольного движения; его показания в суде означали бы смертный приговор для Шри Ауробиндо, но доносчик был таинственным образом застрелен в своей камере. Затем пришел день суда; когда все сидели, ожидая вынесения смертного приговора, адвокат Шри Ауробиндо был внезапно охвачен озарением, которое распространилось на весь зал и потрясло присяжных: «Еще долго после его смерти и ухода слова его будут отзываться вновь и вновь не только в Индии, но и в самой дальней дали от нее. Поэтому я утверждаю, что человек, такой, как этот, стоит не только перед барьером этого суда — он стоит перед Высшим Судом Истории». Шри Ауробиндо было тридцать семь лет. Его брат Барин, сидевший на суде в одной с ним клетке, был приговорен к повешению.[232]

Но Шри Ауробиндо по-прежнему слышал голос: *Помни: никогда не бойся, отбрось все колебания. Помни, что это Я делаю это, а не ты или кто другой. Поэтому, как бы ни сгущались тучи, какие бы опасности и страдания, какие бы трудности или то, что кажется невозможным [whatever impossibilities], ни встретились тебе, нет ничего невозможного, ничего трудного.*

Ибо это Я, кто все совершает.[233]

Глава 13. Под знаком богов

Когда Шри Ауробиндо вышел из алипорской тюрьмы, он нашел, что политическая жизнь страны значительно оскудела из-за казней и массовых высылок, предпринятых британским правительством. Тем не менее он возобновил свою работу, начав издавать еженедельник на бенгали и еще один — на английском; это был журнал «Карма-йогин», эпиграфом к которому стали замечательно символичные слова из Гиты — «Йога — это искусство в действиях». Под угрозой нового заключения Шри Ауробиндо опять отстаивал идеал полной независимости страны и несотрудничества с англичанами, однако теперь его уже занимала не только судьба Индии, но и судьба всего мира. Он достиг сознания Глобального Разума, откуда единым взглядом охватываешь «огромные протяжения пространства и времени», и размышлял теперь о будущем человека. Что может человек *сделать*?

Он достиг пределов человеческого сознания. Выше, казалось, не было ничего — только разреженная белизна, годная лишь для существ иных или же для другого способа существования, но не для легких жителя планеты Земля. И каким бы ни был сам по себе путь — будь то путь мистика или же более медленный путь поэта, художника или вообще любой из путей великих творцов — кажется, что в конце концов сознание одинаково растворяется, исчезает у некой белой границы, где уничтожается все. «Некто», кто мог бы служить связующим мостом, исчезает, в холоде света замирают все вибрации, прекращаются все пульсации. Раньше или позже человеческое растворяется в Нечеловеческом, как будто цель всего эволюционного восхождения заключается лишь в том, чтобы избавиться от человеческой малости, вырасти из нее и вернуться к Источнику, который нам никогда и не следовало бы покидать. И даже если допустить, что за пределами Глобального Разума есть некий неизвестный план сознания, то не будет ли это сознание еще более разреженным, еще более неуловимым? И чем ближе к Божественному, тем дальше от земного. Индивид может измениться, но мир остается все тем же. В таком случае что же собою представляет наше земное будущее, если на самом деле не существует ничего, кроме этого сознания Глобального Разума?

Все мы надеемся, что с развитием сознания и науки мир станет лучше, гуманнее, жизнь — более гармоничной. Но не чудеса, а орудия изменяют жизнь. А в нашем распоряжении есть только одно орудие — Разум; ведь именно идеи ведут нас к научным открытиям. Поэтому если мы хотим трезво взглянуть на наше будущее, не поддаваясь обману скоротечных обстоятельств и их видимых побед — победы праздновались и прежде: и в Фивах, и в Афинах, и в Удджайне, — то нам необходимо более подробно рассмотреть наше орудие, Разум; ведь каков Разум, таковым будет и наше будущее. Казалось бы, все — самые прекрасные идеи, высочайшие творческие планы, чистая любовь — уродуется и загрязняется в тот момент, когда они соприкасаются с жизнью. Ничто не приходит к нам чистым. Наш разум создал самые прекрасные системы, но Жизнь не приемлет их и никогда не принимала. Возьмем хоть теперешнюю цивилизацию — что осталось от чистого коммунизма через двадцать лет после смерти Ленина? Что остается от Христа под грудой догм и запретов? Сократ был отравлен, а Рембо бежал в Абиссинскую пустыню; нам известны судьбы фурьеристов, исход концепции ненасилия, конец катаров, которых сжигали на кострах. А история продолжается, по-прежнему кровожадная, подобно Молоху пожирающая своих детей. Возможно, в настоящее время мы одержали некую победу после многих неудач, но какова же должна быть та победа, в сравнении с которой наше теперешнее состояние представляется крахом? — Хронология побед и поражений? — Жизнь кажется созданной из какой-то непоправимо искажающей субстанции, в которой все

поглощается, как в египетских песках, в которой все нивелируется, как под некой непреодолимой «земной гравитацией». *Очевидно, — отмечал Шри Ауробиндо, — что Разум не способен радикально изменить человеческую природу. Вы можете постоянно изменять человеческие учреждения и установления, изменять до бесконечности, и все-таки несовершенство пробьет себе дорогу через все ваши учреждения и установления… Должна быть иная сила, которая может не только противостоять этому притяжению вниз, но и преодолеть его.*[234]

Но даже если бы наши идеи достигали уровня жизни в своей чистой форме, то и в этом случае они были бы неспособны создать нечто, отличное от казарменного порядка — порядка, может быть, святого, удобного и религиозного, — но все равно порядка, — потому что Разум знает только системы и стремится заключить все в рамки своих систем. *Разум [the reason] человека, борющегося с жизнью, становится или эмпиричным, или доктринерским.*[235] Он завладевает маленькой частичкой истины, единственной каплей божественного озарения, и превращает это в закон для каждого — он постоянно смешивает понятия единства и единообразия. И даже когда разум способен признать необходимость разнообразия, он не может воплотить это практически, потому что ему известно лишь то, как надо обращаться с неменяющимся и конечным, тогда как мир изобилует бесконечным разнообразием: *Идеи сами по себе — частичны и недостаточны: дело не только в том, что они побеждают лишь в частностях — если бы их успех был полным, все равно он был бы обманчив, потому что идеи не представляют собою всей истины жизни, а потому они не могут полностью и наверняка управлять жизнью и совершенствовать ее. Жизнь избегает формул и систем, которые изобретает и накладывает на нее наш разум; она слишком сложна и полна бесконечных скрытых возможностей, чтобы ее тиранизировал деспотический интеллект человека… Корнем проблемы является то, что в самой основе всей нашей жизни и существования, внутреннего и внешнего, есть нечто такое, на что интеллект никогда не сможет наложить свою контролирующую власть — это Абсолют, Бесконечное. За каждым объектом в жизни находится Абсолютное, и каждый объект ищет это Абсолютное по-своему; все конечное стремится выразить бесконечное, которое, как оно (конечно), чувствует, является его подлинной истиной. Более того, не только каждый класс, каждый тип, любая тенденция в Природе вынуждены таким образом стремиться своими собственными путями к своей скрытой истине, но каждый индивид привносит и свои собственные вариации. То есть существует не только Абсолютное, Бесконечное в себе, которое обуславливает свое собственное проявление в множестве форм и тенденций, но и принцип бесконечных потенциальных возможностей и вариаций, перед которым пасует рефлексирующий интеллект; ибо разум может успешно справляться лишь с тем, что фиксировано и конечно. В человеке эта проблема достигает своей кульминации. Ибо не только человечество в целом не ограничено в своих потенциальных возможностях, не только каждая из его сил и тенденций стремится к своему абсолюту и потому, естественно, не успокоится под каким бы то ни было жестким контролем разума; но в каждом человеке степень, методы и сочетания этих сил и тенденций варьируют, каждый человек принадлежит не только человечеству, но и Бесконечному в себе и является поэтому уникальным. Именно в силу того, что это есть реальность нашего существования, мыслящий разум и разумная воля [the intellectual reason and the intelligent will] не могут быть полновластными хозяевами жизни, даже если в настоящее время они и являются нашими высшими орудиями и могли быть в высшей степени необходимыми и полезными в нашей эволюции.*[236]

Но если эволюция, как утверждает Шри Ауробиндо, представляет собой эволюцию сознания, то мы можем предположить, что человечество не останется навеки прикованным к

настоящему ментальному уровню, его разум станет озаренным, более и более интуитивным и, может быть, откроется в конце концов Глобальному Разуму. Можно полагать, что человечество, открывшись Глобальному Разуму, сможет управлять сложным разнообразием жизни. Глобальный Разум — это богоподобное сознание, это, действительно, сознание величайших пророков, известных миру, масса неподвижного света; поэтому представляется, что в этом всеохватывающем свете все придет в гармонию. Два факта, к сожалению, противоречат этой надежде. Первый связан с неравномерным развитием индивидов, а второй — с самой природой Глобального Разума. Конечно, в сравнении с нашим Глобальный Разум представляется необычайно могущественным, но это лишь превосходство степени внутри *одного и того же типа*; это не выход за пределы принципа разума, но только его пик, вершина. Глобальный Разум может расширить человеческие пределы, но при этом не произойдет качественного изменения. Он может обожить человека, но и *непомерно возвеличить* [гигантизировать — colossalize][237] его, как говорит Шри Ауробиндо; ибо если человек применяет эту новую силу к своему эго, а не к душе своей, то он станет ницшеанским сверхчеловеком, а не богом. Мы имеем нужду не в сверхсознании, а в ином сознании. И даже если бы человек согласился подчиниться душе своей, а не эго, то Глобальный Разум все равно не изменил бы всеобщей жизни в силу тех же причин, которые препятствовали в изменении всеобщей жизни Христу и всем великим пророкам: Глобальный Разум — это не новый принцип сознания, это тот самый принцип, который руководил нашей эволюцией со времени появления человека; именно из него вышли все высшие идеи и творческие силы — на протяжении тысячелетий жили мы под знаком богов, внимая вещаньям когда наших пророков и религий, а когда — и наших поэтов и творцов. И совершенно очевидно, что ни те, ни другие не изменили мира, хотя и улучшили его. Можем ли мы сказать, что жизнь наша стала более приятной, чем жизнь древнего афинянина?

Недостатки Глобального Разума проистекают из нескольких причин. Во-первых, это принцип разделения. (Ранее мы говорили о том, что сознание Глобального Разума — это масса постоянного света, оно обладает видением космической гармонии, космического единства, потому что оно везде видит свет, как и в самом себе. Однако речь идет здесь не о принципе разделения в разделении, что свойственно обыкновенному разуму; это принцип разделения в единстве.) Глобальный Разум ясно видит, что все едино, но в силу самой структуры своего сознания на деле он не может обойтись без разделения этого единства: *Он видит все, но видит со своей точки зрения.*[238] Достаточно послушать голоса наших пророков, которые кажутся столь противоречивыми, чтобы убедиться, что каждый из них видел единство, но видел его *со своей точки зрения*; их сознание подобно лучу прожектора, который проносится через мир о все охватывает своим лучом, не оставляя тени, но все-таки это луч, начало которого — в точке. Таким образом, перед нами — целый ряд переживаний или божественных видений: одни везде видят космическое Божественное, другие — экстракосмическое Трансцендентное, третьи — имманентное вездесущее Божественное; или же проповедуют истину безличного Бога, истину Нирваны, истину Любви, истину Силы, Красоты, Интеллекта — истины огромного числа мудрецов, сект, церквей и провидцев, передававших Слово. И все это — божественные истины, переживания абсолютно истинные и подлинные, но каждое из них — это только один луч тотального света. Конечно, эти великие пророки достаточно мудры, чтобы распознать истину в тех формах божественного выражения, которые отличаются от их собственных — они мудрее своих церквей и последователей! — но все-таки они скованы разделяющим принципом, лежащим в основе этого сознания, сознания, которое не может не разделять — оно действует, как призма, разлагающая свет. Как ментальное сознание, так и сознание Глобального Разума могут жить в некий момент времени только одной истиной. Именно это выражают все мифологи прошлого и настоящего: каждый бог — это воплощение одной из космических сил —

Любви, мудрости, разрушения, сохранения… Будда выражает трансцендентное Ничто и видит только Ничто; Христос выражает любящее Милосердие и видит только Милосердие — и так далее; каждая из этих истин — как бы высока она ни была — это только *одна* истина. И чем ниже истина Глобального Разума, уже и без того несущая в себе разделение, исходит от плана к плану, чтобы воплотить себя в жизнь, тем более раздробленной она становится — начав с разделения, она неизбежно кончает сверхразделением. Этот процесс очевидно просматривается во времени от Будды до появления «колесниц»[239] и от Христа до возникновения христианских сект. И это относится не только к сфере духовности или религии, но и ко всем областям жизни, поскольку сама функция Глобального Разума — это ввести в игру *одну* из возможностей и только одну: *Он предоставляет каждой возможности ее полное независимое развитие и удовлетворение… Интеллекту он может придать изощренную интеллектуальность, а логике — самую беспощадную логичность. Красоте он может придать самую блестящую страстность лучащейся формы, а сознанию, которое этот образ принимает, — высочайший полет и глубину экстаза* [It can give to beauty its most splendid passion of luminous form and the consciousness that receives it a supreme height and depth of ecstasy].[240] Так миллионы идей-сил разделяют наш мир: коммунизм, индивидуализм; ненасилие, военное подстрекательство; эпикурейство, аскетизм и т. д. Каждая из них — это одна из граней божественной Истины, луч Бога. Такой вещи, как абсолютное заблуждение, не существует — есть только фрагменты Истины. Мы можем, конечно, видеть Единство, признавать истинность разнообразных точек зрения и попытаться создать синтез, но ни одному подобному синтезу не суждено восстановить Единство, поскольку это будет по-прежнему ментальный синтез, *попурри, а не единство*, как говорила Мать. Это будет призма, забавляющаяся тем, что она говорит себе, что все цвета исходят из единого Света, тогда как *на деле* все цвета в мире разделены. Все противостоящие друг другу силы, излучаемые планом Глобального Разума, являются результатом его собственного исходного разделения. И вновь следует подчеркнуть, что это не вопрос интеллектуальных спекуляций, не философская дилемма, которую нужно разрешить, но космический факт, органическая реальность, естественная, как иголки на спине у дикобраза. Для устранения разделения необходимо убрать призму. Итак, вот почему мир раздроблен, и так будет, бесспорно, до тех пор, пока данный принцип ментального сознания — сознания высокого или низкого, обычного или выходящего за пределы обычного — будет господствовать в мире.

Тем не менее мы можем себе представить, что в недалеком эволюционном будущем одно совершенное существо Глобального Разума или даже несколько таких существ одновременно смогут воплотиться на Земле. Те люди, представляющие менее развитую часть человечества, которые сплотятся вокруг этих озаряющих центров, смогут жить в гармонии, и жизнь до определенной степени изменится, возникнет своего рода единство. Но это будет единство внутри одного луча света; одни будут наслаждаться, например, лучом чистой Красоты, тогда как другие будут жить в луче интегрального Коммунизма, основанного на подлинной братской любви (принимая во внимание реальную эволюционную тенденцию, можно сказать, что, к сожалению, эти лучи будут, вероятнее всего, лучами жесткого света, сконцентрированного вокруг какой-нибудь экономической или титанической идеологии). Но даже если бы такие божественные центры появились бы на земле, то помимо того, что их единство осуществлялось бы в ущерб неисчислимому разнообразию жизни, они находились бы под постоянной угрозой нападения со стороны окружающей их тьмы: люди находятся на разных стадиях развития — мы всегда забываем об этом. В этом заключается вечная слабость всех наших грандиозных построений. Наши благословенные центры будут подобны *островам света*[241] среди менее развитого человечества, которое, естественно, будет посягать на этот высший свет, стремиться затемнить или умерить его. Нам всем известна судьба Греции и Рима в варварском мире. Таким

образом, представляется, что миром движет более мудрый эволюционный закон, согласно которому ничто не может быть спасено до тех пор, пока не спасено все. Отлучение от церкви и ад — это все ребяческие представления, порождения Невежества, точно так же, как и все наши утопии о молочных реках и кисельных берегах, будь то на земле или на небесах; не может быть никакого рая до тех пор, пока хоть один человек находится в аду! Потому что есть только вообще Человек — как некое единое. Кроме того, если допустить, что один из этих островов света сможет силой своего мощного центра предотвратить вторжение извне, то это еще не значит, что эта защита будет существовать и тогда, когда Сила уйдет. История всех религиозных, оккультных, рыцарских движений (и им подобных) ясно показывает, что всегда и везде в мире после смерти Учителя и его непосредственных учеников все рассыпается, вульгаризируется, нивелируется, искажается или попросту умирает. Даже и до сего дня этот закон притяжения вниз кажется непреодоленным и непреодолимым. Для полной победы эволюции должна быть преобразована вся жизнь во всей своей полноте, а не только фрагмент жизни, не избранный луч или благословенный остров. А для этого необходима иная Сила — Сила, способная противостоять притяжению вниз, — иной, неделимый или глобальный принцип сознания, способный вместить бесконечное разнообразие жизни не уродуя ее.

Если мы взглянем на эволюционное будущее с индивидуальной, а не с коллективной точки зрения, то и в этом случае Глобальный Разум не приносит нам живой полноты, к которой мы стремимся. Если предположить, что цель эволюции заключается лишь в том, чтобы создать больше Бетховенов и Рембо или, может быть, даже несколько суперплатонов, то неизбежно приходишь к мысли, что это слишком ничтожное завершение миллионов лет эволюции, добытое ценой жизней миллиардов индивидуумов на пути к цели. Бетховен, Рембо или даже св. Иоанн не могут быть целью эволюции — в таком случае жизнь не имела бы никакого смысла, поскольку каждому ясно, что их произведения восхитительны именно потому, что им недостает контакта с этой самой земной жизнью. Все они говорят нам, что там, наверху, жизнь гораздо прекраснее — миллионы золотых птиц и божественная музыка — чем здесь, внизу. Кажется, что все совершается наверху, но что происходит здесь? Здесь жизнь течет, как прежде. Некоторые скажут, что эти возвышенные мысли, поэмы, квартеты, мгновения божественных видений более драгоценны, чем все часы нашей жизни, собранные вместе. И они правы. Но ведь в этом-то все и дело! Это подтверждает то, что в жизни ужасно чего-то не хватает, что она пуста, что цель жизни находится вне жизни. Нам нужна истина, которая включает в себя и тело, и землю, а не только некую истину небес. Мы стремимся не к отдыху, а к новому созиданию.[242]

До сегодняшнего дня все идет так, как будто индивидуальный прогресс в эволюции состоит в том, чтобы открыть высшие планы сознания, а добившись этого, построить свое собственное гнездо в стороне от остального мира, остров света в гуще материального филистерства — один находит это в музыке, другой — в поэзии, третьи — в математике или религии, на парусной яхте или в келье монаха; каждый имеет свое маленькое световое отверстие или хобби, как будто жизнь и тело даны нам для того, чтобы убежать от этой самой жизни и тела. И действительно, достаточно взглянуть на нашу собственную жизнь — мы никогда не присутствуем в ней! Мы всегда — до или после — погружены в воспоминания или надежды, наше «здесь и сейчас» — убого и тускло. Мы даже не знаем, существует ли это «здесь и сейчас» за исключением именно лишь тех моментов, которые уже не принадлежат жизни, как таковой. И мы не можем сваливать вину на церкви; все мы живем в потустороннем постоянно; церкви лишь проповедуют более обширное потустороннее — надмирное. Рембо, и тот говорил об этом: «Истинная жизнь — не здесь».

Шри Ауробиндо искал истинную жизнь здесь, внизу: *Жизнь, а не только отдаленная безмолвная или возвышенная экстатическая Потусторонняя Жизнь [Beyond-Life], является*

полем деятельности нашей Йоги.[243] И он понял, что достижения вершин сознания недостаточно для того, чтобы эту жизнь преобразовать в жизнь истинную. Мы можем коснуться Глобального Разума, открыть его радость и беспредельность с ее музыкой сфер, но это не будет радостью самой жизни, которая не перестает скрипеть свое. *Когда вы находитесь в сознании высоко наверху, — замечала Мать, — вы обладаете видением и знанием, но когда вы возвращаетесь вниз, в Материю, то все уходит, как вода в песок.* Мы послали нашу ракету высоко в духовные небеса, мы сосредоточили нашу энергию на том, что является в человеке самым хорошим, не обращая особого внимания на низшие уровни, удовлетворившись тем, что наша грубая натура дремлет и нарушает наших божественных мечтаний; но именно поэтому жизнь остается грубой, как и мы сами: *Надеяться на подлинное изменение человеческой жизни без изменения человеческой природы — позиция [proposition] нерациональная и недуховная; это значит просить чего-то неестественного и нереального, некого невозможного чуда.*[244] Вот почему наши острова света периодически претерпевают вторжения нашего собственного внутреннего варварства и наших скрытых раковых опухолей — то же самое происходило и с другими островами, называвшимися Афинами или Фивами. Именно поэтому они погибают вновь и вновь, как будто Господь эволюции каждый раз тычет нас носом в землю, чтобы напомнить нам, что мы еще не обрели света во всей его полноте, если нашли его только наверху. Жизнь умирает не потому, что она истощается, исчерпывает себя, а потому, что она не обрела себя. В течение тысячелетий шли мы по пути восхождения, покоряя остров за островом, и находили лишь одну половину Тайны, и каждый раз терпели крах; но, наверное, это происходило не потому, что путь наш безнадежен и все это — наказание нам за наши «грехи» или искупление какой-то сомнительной Ошибки, ведь, может быть, именно здесь, в Материи, найдем мы вторую половину Тайны. Единственное решение, которое остается нам, преследуемым Смертью и Несознанием, утомленным страданиями и злом — это не убегать, но найти в глубинах Смерти и Несознания, в самом сердце Зла ключ к божественной жизни. Варварство и тьму надо преобразовать здесь внизу, а не изгонять их за пределы наших островов. После восхождения сознания — нисхождение. После озарений наверху — радость здесь и преобразование Материи. *Можно сказать, что когда круг по-настоящему замкнется и войдут в соприкосновение полярные крайности, когда высочайшее проявит себя в самом физическом — высшая Реальность в сердце атома, — переживание [опыт] достигнет своего подлинного завершения. Кажется, — говорила Мать, — что ничего нельзя понять по-настоящему до тех пор, пока не поймешь телом.*

Ибо Тайна, которую Шри Ауробиндо назвал Супраментальным, — это не следующая за Глобальным Разумом ступень, это не сверхразум и не сверхвосхождение, это новый Знак, не связанный ни с богами, ни с религиями, но То, от чего зависит само будущее нашей эволюции.

Однажды февральским вечером 1910 г., меньше чем через год после освобождения Шри Ауробиндо из алипорской тюрьмы, кто-то зашел в редакцию «Карма-йогина» предупредить Шри Ауробиндо о том, что его вновь собираются арестовать и сослать на Адаманские острова. Вдруг он услышал Голос, который отчетливо произнес три слова: *«Отправляйся в Шандернагор»*.[245] Через десять минут Шри Ауробиндо уже сидел в первой встретившейся ему лодке, спускавшейся вниз по течению Ганга. Это был финал его политической жизни, завершение интегральной йоги и начало йоги супраментальной.

Глава 14. Тайна

Мы можем попытаться сказать что-нибудь об этой Тайне, но следует помнить, что эксперимент находится в процессе развития. Шри Ауробиндо начал его; он открыл Тайну в Шандернагоре в 1910 г. и работал с ней в течение сорока лет; он посвятил этому свою жизнь. Этому же посвятила свою жизнь и Мать.

Шри Ауробиндо никогда не говорил об условиях своего эксперимента и своих открытий. О себе он всегда говорил необычайно мало — не из-за скрытности, а просто потому, что «я» не существовало. «Было такое ощущение, — сообщает с наивным удивлением хозяин дома, где жил в Шандернагоре Шри Ауробиндо, — что когда он говорил, как будто кто-то другой говорил через него. Я поставил перед ним тарелку с едой — он просто глядел на нее, затем поел немного, совершенно механически! Казалось, что он был погружен в себя даже тогда, когда ел; он медитировал с открытыми глазами».[246] Лишь много позже из его трудов и отрывков некоторых разговоров мы сможем восстановить нить его опыта. Первое, что нам известно в этом отношении, — его случайное замечание, которое он сделал, обращаясь к одному из учеников. Оно показывает, что после Алипора он постоянно продвигался по пути к своей цели: *Ментально в течение пятнадцати дней я был подвержен всем видам пыток. Картины всех видов страданий прошли перед моим взором.*[247] Нужно помнить, что в тех мирах видение [vision] — синоним слова «опыт» [переживание — experience]. Таким образом, по мере того, как Шри Ауробиндо восходил к Глобальному Разуму, его сознание в то же время нисходило вплоть до того, что мы называем адом.

Это один из первых феноменов, который испытывает на себе и ищущий — каждый в различной степени. *Эта йога — не для слабых*, — говорит Мать, и это действительно так. Ибо если первый ощутимый результат йоги Шри Ауробиндо — это пробуждение новых поэтических или художественных способностей, то вторым, может быть, даже немедленным, следствием является безжалостное обнажение всех скрытых, теневых сторон сознания — сначала индивидуального, а затем и космического. Эта тесная — и странная — связь между сверхсознательным и подсознательным была, несомненно, отправной точкой открытий Шри Ауробиндо.

Степени подсознательного

«Подсознание», о котором говорит современная психология, — это только внешняя пограничная область мира, почти столь же обширного, каким является Сверхсознательное — со многими уровнями, силами, существами (или существами-силами, если угодно). Оно представляет собою наше эволюционное прошлое — и недавнее, и отдаленное — и несет в себе отпечатки нашей настоящей жизни и всех прошлых жизней — точно так же, как Сверхсознательное — это наше эволюционное будущее. Она несет в себе все силы, которые доминировали в нашем эволюционном восхождении от неживой материи к животному и от животного к человеку; более того, эти «остатки» продолжают жить и оказывать на нас влияние. Если на самом деле мы, так сказать, более «божественны», чем думаем [о себе], благодаря сверхсознательному будущему, которое притягивает нас, то в нас также и гораздо больше животного, чем мы себе представляем — из-за подсознательного и бессознательного прошлого,

которое мы тащим за собой. В этой двойственной мистерии кроется ключ ко всей Тайне. *Достичь небесных сфер не может ни один, минуя недра ада. [None can reach heaven who has not passed through hell.]*.[248]

Действительно, можно достичь духовных небес, не имея никакого представления об этих темных и грязных сферах или узнав об их существовании в результате какого-то несчастного случая. Но есть небеса и небеса, так же, как ад и ад (каждый план нашего существа имеет свои «небеса» и свой «ад»). Религиозный человек обычно отрекается от своего индивидуального «я» и таким образом устраняет проблему подсознательного, покидая его. Ему нужно пройти только через один порог, который охраняют «стражи» настолько неприятные, что становятся понятными «кошмары» и «искушения», упоминаемые в жизнеописаниях святых. Но это лишь один-единственный переход. Достичь тех небес, к которым он стремился, означает просто покинуть внешнее существование и погрузиться в экстаз. Как мы уже говорили, цель нашей йоги — это не терять сознание ни внизу, ни наверху и в особенности — не закрывать глаза на то, что окружает нас внизу. Интегрально ищущий не создан ни для абсолютной темноты, ни для слепящего света. Он должен видеть везде, куда бы он ни шел. Это первое условие достижения контроля. Мы стремимся не «перейти» в лучшее существование, а преобразовать наше нынешнее существование.

Как есть несколько ступеней в сверхсознательном, так и в подсознательном существует несколько уровней или миров — несколько «темных пещер», как их называет Риг Веда. На самом деле каждый план нашего существа обладает своим подсознательным — существует ментальное подсознательное, витальное подсознательное и физическое подсознательное, переходящее в материальное Бессознательное.[249] Там мы найдем все примитивные и грубые ментальные формы или силы, которые первыми появились в мире Материи и Жизни; все агрессивные импульсы, присущие Жизни на этапе ее зарождения, все ее рефлексы страха и страдания; и, наконец, силы болезни и разложения, и Смерти, которые подсознательно управляют нашей физической жизнью. И тогда становится очевидным, что истинная жизнь на земле невозможна до тех пор, пока все эти миры распоряжаются полем битвы — внутри нас встречаются все эти миры от самого высшего до самого низшего. Поэтому нам нельзя бежать, зажимая нос или крестясь, — мы должны открыто, прямо и решительно выйти на арену и победить во что бы то ни стало:

И должен он нести ярмо, чтобы потом сорвать его —
он для того явился;
И также боль сносить, чтобы потом уврачевать ее…

He too must carry the yoke he came to unloose;
He too must bear the pang that he would heal…[250]

Пределы психоанализа

Современная психология тоже поняла важность подсознания и необходимость его очищения. Но психологи увидели лишь одну половину картины — подсознательное, но не

увидели другой — сверхсознательного; они полагали, что их слабые ментальные проблески смогут осветить этот воровской притон — с таким же успехом они могли бы пытаться найти путь в самой густой и темной чаще джунглей, вооружившись карманным фонариком! На самом деле в большинстве случаев они понимают подсознательное как обратную, теневую сторону маленькой фронтальной личности. В действительности же существует фундаментальный психологический закон, избежать которого невозможно и согласно которому способность человека нисходить прямо пропорциональна его способности восходить; он не может опуститься на расстояние, большее, чем то, на которое он способен подняться, поскольку сила, необходимая для нисхождения, — это та же сила, которая обеспечивает восхождение. Если бы каким-то образом мы опустились бы ниже той границы, которую определяет наша способность к восхождению, то это немедленно привело бы к несчастью, одержимости или приступу сумасшествия, потому что это лишило бы нас необходимой защиты. Чем ближе мы продвигаемся к источнику Истины здесь, внизу, тем больше открывается нам неизмеримая в своей глубине Мудрость. Загадочные комплексы, тормозящие месье Дюпона, находятся, если можно так выразиться, всего в нескольких сантиметрах ниже поверхности, а его сознательная жизнь — в нескольких сантиметрах выше ее. Таким образом, если наши психологи не являются особо просветленными, то они не могут по-настоящему спуститься в подсознательное, а потому не могут и ничего по-настоящему вылечить — за исключением некоторых поверхностных отклонений, но и в этом случае есть постоянный риск того, что расстройства эти пустят ростки где-то в другом месте, приняв другую форму. Нельзя излечить что-либо до тех пор, пока не пройдешь до конца весь путь нисхождения, а этот путь невозможно пройти до тех пор, пока не пройден полностью путь восхождения. По мере нисхождения становится необходимым все более и более мощный свет — в противном случае человек будет попросту съеден заживо.

Если бы психоанализ согласился остаться в пределах своих узких рамок, то в этом не было бы ничего страшного: он осознал бы в конце концов свою ограниченность, выполняя при этом полезную социальную функцию излечивания каких-нибудь там мелких зудений. К сожалению, для многих психоанализ стал чем-то вроде нового Евангелия; концентрируясь скорее на наших темных сторонах, чем на наших божественных потенциях, он стал мощным средством извращения умов. Несомненно, в процессе эволюции наши «ошибки» в конце концов занимают положенное им место; то, что была поколеблена наша комфортная мораль и мещанское самодовольство, — факт положительный, но метод, выбранный для этой цели, — опасен, поскольку он вызывает болезнь, но не обладает силой ее излечить: *он тяготеет*, — говорит Шри Ауробиндо, — *сделать разум и витальное более, а не менее фундаментально нечистыми, чем прежде…*[251] *Современная психология — это наука, не вышедшая из детского возраста — опрометчивая [в своих выводах], несовершенная в своих методах и незрелая одновременно. Как и во всех молодых науках, здесь полностью проявила себя повальная привычка человеческого разума взять некую частичную или локальную истину, незаконно обобщить ее и пытаться объяснить ею, с помощью ее ограниченного языка, все поле Природы… Психоанализ [в особенности] Фрейда берет определенную часть — самую темную, самую опасную, самую нездоровую часть природы — низший витальный слой подсознательного*[252] *выделяет некоторые из его самых патологических феноменов и приписывает им действие, которое выходит за рамки его подлинной роли в природе… Поднимая ее преждевременно или делая это способом, не подходящим для опыта, можно затопить темным и грязным веществом и сознательные сферы и таким образом отравить всю витальную и даже ментальную природу. Поэтому всегда следует начинать с позитивного, а не с негативного опыта, привнося вниз нечто из божественной природы — покой, свет, невозмутимость, чистоту, божественную силу — в те части сознательного существа, которые подлежат изменению; лишь после того,*

как это будет сделано в достаточной мере и появится прочное положительное основание, можно безопасно поднимать скрытые враждебные элементы подсознательного с тем, чтобы разрушить и удалить их с помощью божественного покоя, света, силы и знания.[253]

Но у психоанализа есть еще один, более серьезный недостаток. Ведь если бы психоаналитики на самом деле обрели бы силу, необходимую для того, чтобы спуститься в подсознательное, то при этом они не только бы ничего не излечили, не только бы рисковали, как ученик Чародея, привести в действие силы, которыми они не способны управлять, но они — даже если бы могли управлять этими силами и уничтожать их, — скорее всего уничтожили добро вместе со злом, нанеся таким образом непоправимый ущерб нашей природе. Ибо они не обладают знанием. Со своего ментального уровня они не могут заглянуть достаточно далеко в будущее и оценить добро, которое готовит это зло, и увидеть динамическую Силу, скрытую игрой противоположностей. Для того, чтобы выделить эту грязную смесь, необходима сила иного рода и, прежде всего, — иное видение: *Вы должны знать целое, прежде чем вы сможете познать [его] часть, и высочайшее, прежде чем вы сможете по-настоящему понять самое низшее. Такова перспектива высшей психологии, ожидающей своего часа, психологии, перед которой исчезает, обратится в ничто это жалкое блуждание в потемках.*

Здесь мы соприкасаемся с фундаментальной ошибкой нашей психологии. Она не способна понять что бы то ни было потому, что ищет внизу, в нашем эволюционном прошлом. Действительно, там — половина Тайны, но нам необходима высшая сила для того, чтобы открыть дверь внизу. Мы созданы не для того, чтобы оглядываться, а для того чтобы смотреть вперед и ввысь в сверхсознательный свет, потому что он — это наше будущее, а только будущее сможет объяснить и излечить прошлое: *Я нахожу трудным, — писал Шри Ауробиндо ученику, — вообще относиться к этим психоаналитикам серьезно — хотя, наверное, надо бы, поскольку половинчатое знание — это могущественная вещь и может стать большой помехой на пути к подлинной Истине… Они смотрят снизу вверх и объясняют высший свет низшим мраком; но осознание этих вещей — наверху, а не внизу. Сверхсознательное, а не подсознательное является подлинным основанием вещей. Значение лотоса не может быть открыто с помощью выяснения тайн грязи, из которой он вырастает; его тайна должна быть открыта в небесном прообразе [архетипе], который вечно цветет в высшем Свете.*

Нам кажется, что мы продвигаемся снизу вверх, из прошлого в будущее, от ночи к свету сознания, но это не что иное, как наше сиюминутное понимание, которое скрывает от нас целое; в противном случае мы бы видели, что не прошлое является двигателем нашего продвижения — это будущее тянет, влечет нас, это свет свыше постепенно проникает в нашу тьму — ибо каким образом смогла бы тьма создать весь этот свет? Если бы мы родились из тьмы, то и нашим концом было бы не что иное, как тьма. «Это вечное Дерево, чьи корни вверху, а ветви обращены вниз», — говорит Катха Упанишада (VI.I). У нас возникает впечатление, что мы прикладываем огромные усилия для того, чтобы расти и понимать и познавать вещи; у нас такое ощущение, что мы интенсивно стремимся в будущее. Но это показывает ограниченность нашей точки зрения. Если бы мы могли взглянуть с другой точки, то, возможно, увидели бы, как сверхсознательное Будущее стремится проникнуть в наше настоящее. И мы поняли бы, что то, что мы ощущаем как собственное усилие, — это только сопротивление, вызванное нашей тупостью и невежеством. Будущее движется не только в направлении снизу вверх — в таком случае земле было бы не на что надеяться, она закончила бы свой путь взорвавшись в небесах в высшем психическом напряжении или погрузилась бы вновь в свою темноту. Оно движется также и сверху вниз; все глубже и глубже нисходит оно в наш ментальный туман, в витальную мешанину, в тьму подсознательного и бессознательного — до тех пор, пока оно не озарит все, не раскроет все, не излечит все и, в конечном счете, не завершит все. И чем глубже оно нисходит, тем сильнее

становится сопротивление — мы живем в Железном Веке, во время великого Мятежа и Опасности. Но и во время Надежды. В высшей точке, где это Будущее коснется самых глубин прошлого, где этот свет прорвется и осветит самое дно Ночи, мы найдем, если на то будет Божья воля, тайну Смерти и бессмертной Жизни. Но если мы смотрим вниз и только вниз, то мы найдем грязь и ничего, кроме грязи.

Темная полусфера истины

Итак, пойдем дальше. Ищущий начал свое путешествие с положительного переживания. Он вступил на путь потому, что ощущал потребность в чем-то ином. Он стремился к ментальному безмолвию и обнаружил, что само его усилие вызывает Ответ. Он ощутил нисходящую Силу, новую вибрацию внутри себя, которая прояснила жизнь, сделала ее ярче. Может быть, он даже пережил некое внезапное крушение собственной ограниченности и вышел на новый уровень. (Об установлении нового ритма будут свидетельствовать признаки самые разнообразные.) Затем, после этого обнадеживающего начала, все начинает покрываться какой-то пеленой, как будто все, что испытал ищущий, ему приснилось или он позволил унести себя какому-то ребяческому энтузиазму — нечто внутри него мстит за себя, вызывая приступы скептицизма, отвращения и протеста. Это будет вторым признаком, может быть, *истинным* признаком того, что он продвигается и вступил в борьбу со всеми реалиями своей природы или, вернее, что нисходящая Сила начала пахтанье. В конечном счете прогресс — это не столько процесс восхождения, сколько просветления всего, что мешает, — ибо когда внутри нас устанавливается подлинная ясность, просветленность, то все в нас сохраняется. Таким образом ищущий обнаруживает множество внутренних препятствий. На пути интегральной йоги мы часто находим самое худшее, желая найти самое лучшее, и встречаем войну, когда ищем мира и света. Давайте же смело примем все лицом к лицу, ведь это и *есть* битва. Пока плывешь по течению, кажешься себе очень милым, правильным, благородным, но стоит только повернуть, как тут же все начинает сопротивляться. Мы начинаем на собственной шкуре ощущать гигантские силы, властвующие над человеком и отупляющие его — чтобы осознать это, необходимо попытаться выйти из него [течения]. Когда ищущий обретает первое верное открытие наверху, когда он видит свет, то почти одновременно он ощущает сильную подсечку внизу, как будто внутри него начинает что-то болеть. Тогда он начинает понимать, что подразумевал Шри Ауробиндо под *пораженным мраком, свет клянущим [the wounded gloom complaining against light]*.[254] И он получит свой первый урок: за каждым шагом вверх необходимо следует шаг вниз.

Вместо того, чтобы принимать эти крутые срывы и затяжные отклонения, депрессии обреченно, как некую фатальную неизбежность, ищущий сделает их основой своей работы. В этом двойственном движении восхождения и нисхождения заключается основной процесс интегральной йоги: *С каждой покоренной нами вершины мы должны спуститься для того, чтобы привнести вниз, в низшее смертное движение ее силу и озарение*.[255] Такова цена преображения жизни — в противном случае мы будем просто наслаждаться поэзией и одухотворенностью на вершинах в то время, как внизу прежняя жизнь будет плестись своим ходом — через пень колоду. Причем на самом деле движение нисхождения никогда не совершается произвольным решением разума — чем меньше разум вмешивается, тем лучше. Да к тому же и непонятно, как Разум может «нисходить» сидя за каким-то там письменным столом… Пробужденная и индивидуализированная сознание-сила — вот что совершает в нас свою работу, совершает спонтанно. Как только мы входим в контакт с сознанием и светом

определенной напряженности, это автоматически оказывает давление на всю остальную нашу природу, что вызывает соответствующие реакции помрачения или сопротивления. Это подобно тому, как если бы в подводный мир океана ввели слишком большую дозу кислорода: обитатели глубинных вод начали бы неистово сопротивляться или даже взрывались бы. Обращение сознания — это действительно нечто странное, это похоже на переход из освещенной комнаты в *ту же самую* затемненную комнату, из комнаты, полной радости, *в ту же самую* комнату, полную боли, — все остается тем же, та же напряженность вибрации, даже, может быть, сама вибрация — все та же, но все это вдруг со знаком минус. И тогда мы видим почти во всех подробностях, как любовь превращается в ненависть, например, или чистота — в нечистоту: это то же самое, только наоборот. Но до тех пор, пока наши психологические состояния являются лишь противоположностями друг друга, а наше добро — обратной стороной зла (или, может быть, лицевой стороной зла?), жизнь никогда не будет преображена. Необходимо нечто радикально иное — иной тип сознания. Всем поэтам и созидательным умам хорошо известны эти прорывы сознания. Как раз в то время, когда Рембо писал свои «Озарения», он побывал в странных областях, поразивших его своими «ужасами»; ему также пришлось пройти через закон «темного обращения». Но вместо того, чтобы подвергаться этим неконтролируемым переходам из одной крайности в другую, вместо того чтобы восходить не зная как и нисходить вопреки своей воле, ищущий будет работать методически, сознательно, никогда не теряя равновесия, и, самое главное, с растущим доверием Сознанию-Силе, которая *никогда* не вызывает сопротивления большего, чем он может преодолеть, и никогда не открывает света больше, чем он может вынести. По мере того как мы обретаем опыт, пережив один кризис и дождавшись следующего, мы постигаем метод работы этой Силы и замечаем, что каждый раз, когда нам кажется, что мы сходим с восходящей кривой или даже теряем нечто из достигнутого нами, в конце концов мы обретаем то же достижение, но ступенькой выше, расширенное и обогащенное той частью, которую прибавило к нему наше «падение» — не будь этого «падения», эту низшую часть никогда нельзя было бы объединить [интегрировать] в высшей части нашего существа. На коллективной уровне можно, наверное, говорить о подобном же процессе, приведшем, с одной стороны, к падению Афин, а с другой — давшем возможность варварам понять Платона. Процесс интегральной йоги — это не прямая линия, восходящая все выше и выше к какой-то бесконечно удаленной точке, но, как говорит Шри Ауробиндо, *спираль,* которая медленно и методически присоединяет одну за другой все части нашего существа, внутри все более и более широкого раскрытия на *все более и более глубоком* основании. Мы различаем не только метод действия, который стоит за этой Силой, или, вернее, этой Сознание-Силой, но и регулярные циклы и ритм, которые столь же определенны, как циклы приливов и отливов или фаз Луны. По мере нашего продвижения эти циклы включают в себя все больше и больше, а их связь с самим космическим движением становится все более тесной, пока однажды мы не увидим в собственных падениях периодические нисхождения земного сознания, а в наших трудностях — беспокойство, сопротивление, бунт [всей] земли. И в конце концов окажется, что все настолько тесно взаимосвязано, что в мельчайших вещах, в самых незначительных событиях повседневной жизни и в окружающих нас предметах мы сможем читать признаки депрессий, охватывающих всех людей и заставляющих их восходить внутри все той же эволюционной спирали. Затем мы увидим, что нечто неудержимо влечет нас к Цели, что все имеет значение — даже самое незначительное, ибо ничто не может прийти в движение так, чтобы не пришло в движение все, — и что мы находимся на пути к событиям гораздо более великим, чем могли себе представить.

Вскоре нас поразит второй парадокс, хотя, может быть, это то же, что и первый. Кроме рассмотренной противоположности — «восхождение-нисхождение» — существует, по-

видимому, и некое основное противоречие. У всех у нас есть и цели в этой жизни, и на протяжении всех наших (прошлых и будущих) жизней — мы должны выразить нечто, свойственное только нам, нечто уникальное, потому что каждый человек уникален — это наша главная истина, в этом смысл *собственно нашего аспекта* эволюционной борьбы. Цель эта предстает перед нашими глазами постепенно, после множества опытов и последовательных пробуждений по мере того, как мы обретаем внутреннее развитие; тогда мы осознаем, что некая нить проходит через всю нашу жизнь — и через все наши жизни, если мы в состоянии судить об этом, вспоминая их, — придавая ей особую ориентацию, как будто все гонит нас в одном и том же направлении, которое становится все более точным по мере нашего продвижения. Но когда мы начинаем осознавать свою цель, перед нами открывается и особая трудность, которая, кажется, является противоположностью нашей цели или противоречит ей. Странная ситуация: как будто мы несем в себе тень нашего света — особую тень, трудность или проблему, которая предстает перед нами вновь и вновь с необычайным упорством, являясь нам под различными масками и при самых разных обстоятельствах, но оставаясь всегда все той же по сути; она возвращается после каждой выигранной битвы с возрастающей силой — в точной пропорции с нашей новой интенсивностью сознания, как будто мы должны вести все ту же битву снова и снова на каждом подчиненном плане сознания. Чем яснее становится цель, тем гуще — тень. Мы встречаем Врага:

Тот тайный враг, что в недрах естества сокрыт,
Тобой сражен быть должен, человек,
иль не исполнишь ты свой высший долг.
Сей брани внутренней не избежать тебе.

This hidden foe lodged in the human breast
Man must overcome or miss his higher fate.
This is the inner war without escape.[256]

Шри Ауробиндо называет его также the Evil Persona. Случается, что перед тем как понять нашу цель позитивно, мы скорее догадываемся, чем она *не* должна быть, в ходе повторения все тех же сложных обстоятельств, все тех же ошибок и падений, которые, как кажется, все ведут нас в одном и том же направлении, как будто мы бесконечно и тягостно вращаемся по кругу, приближаясь все ближе и ближе к центру, который является одновременно и целью, и ее противоположностью. *У человека, одаренного для совершения работы,* — писал Шри Ауробиндо, *— всегда или почти всегда — наверное, не стоит создавать слишком жесткого общего правила, применимого к явлениям такого рода, — есть как бы связанное с ним существо, которое можно иногда рассматривать, как его часть и которое является как раз противоположностью того, что он в основном представляет в работе, которую предстоит сделать. Или, если вначале этого существа еще нет или оно не связано с личностью человека, то сила такого рода входит в его окружение сразу же, как только он начинает свое движение к постижению. Ее задача состоит в том, чтобы мешать, создавать препятствия и неблагоприятные условия — одним словом, поставить его перед лицом всей трудности работы, которую он начал. Похоже, в оккультном устроении вещей, проблема не может быть решена иначе, как с помощью какого-то предопределенного инструмента, который бы делал эту трудность вашей собственной.*[257] *Это объясняет многие ситуации, которые при*

поверхностном подходе приводят в замешательство.[258] В беседах с учениками Мать подчеркивала то же самое явление: *Если в вас потенциально уже существует победа, то всегда вы несете в себе и противоположность этой победы, источник ваших постоянных мучений. Если вы видите где-то в себе черную-черную тень, нечто, причиняющее вам настоящую боль, вы можете быть уверены в том, что у вас есть и соответствующая способность увидеть свет.* И далее: *У вас есть особая цель, особая миссия, характерная для вас реализация, и вы несете в себе все препятствия, необходимые для того, чтобы сделать эту реализацию совершенной. Вы всегда будете видеть, что тьма и свет находятся рядом внутри вас: если вы обладаете какой-то способностью, то в вас находится также и отрицание этой способности. И если вы открываете в себе плотную и глубоко проникшую в вас тень, то вы можете быть уверены в том, что где-то в вас находится и большой свет. Вам представляется возможность использовать первое для того, чтобы реализовать второе.*

Возможно, тайна жизни ускользает от нас просто из-за нашего несовершенного познания этого двойственного закона света и тьмы и загадки нашей двойной природы — животной и божественной. Воспитанные в духе манихейской концепции существования, мы видим в нем, как учат самые разные этики и религии, непрекращающуюся борьбу между Добром и Злом, Истиной и Ложью, и в этой борьбе важно быть на стороне добра, по правую руку Господа. Мы расчленили все надвое: на царство Божье и царство Дьявола, на низшую жизнь в этом мире и истинную жизнь на небесах. Мы пытались уничтожить противоречия цели, но при этом уничтожили саму цель. Ведь цель не предполагает никакой ампутации — нам не нужно ничего отсекать ни наверху, ни внизу. И до тех пор пока мы будем отвергать одно ради другого, мы будем всегда терпеть неудачу, не достигая цели существования. Все едино; когда мы что-то удаляем, все распадается на куски. Как можно устранить «зло», не взорвав при этом весь мир? Если бы хоть один человек смог бы освободиться от «зла», то рухнул бы весь мир, потому что все *едино*; мир состоит из единой субстанции, а не из двух — хорошей и дурной. И невозможно ни удалить что-либо, ни добавить. Потому-то и нет чуда, которое могло бы спасти мир; чудо *уже* находится в мире, как и все, что можно вообразить небесного, *уже* находится здесь; любой чужеродный элемент разрушил бы формулу, все — в мире; мы — в самом центре чуда, только у нас нет к нему ключа. Может быть, нам не нужно ничего удалять или добавлять, не нужно даже открывать «что-то иное», нужно заново, в другом аспекте, открыть *то же самое.*

Если мы хотим достичь Цели, то нам нужно покончить с манихейством и прийти к реалистическому пониманию того, что Шри Ауробиндо называет «темной половиной истины».[259] *Человеческое знание, — писал он, — отбрасывает тень, которая скрывает половину сферы истины от ее собственного солнечного света… Отрицание лжи разумом, ищущим высшей истины, — одна из главных причин, почему разум не может достичь устойчивой, пластичной и совершенной истины.*[260] Если мы удалим все несовершенное,[261] а Бог знает, что этот мир полон ошибок и нечистоты, — то, возможно, мы придем к какой-то истине, но истина эта будет пуста. Подлинный подход к постижению Тайны состоит в том, чтобы, во-первых, понять, а затем *увидеть*, что все в этом мире, *даже самое нелепое или далеко идущее заблуждение*,[262] содержит искру истины под своей маской, ибо все вокруг — это Бог, который движется к Самому Себе; нет ничего вне Его. *Ведь на самом деле заблуждение — это полуистина, которая спотыкается из-за своих ограничений; часто бывает, что сама Истина надевает маску, чтобы приблизиться к цели незамеченной.* Если бы хоть одна вещь в этом мире была бы абсолютно ложной, то и весь мир был бы абсолютно ложным. Таким образом, если ищущий отправляется от этой предпосылки — предпосылки положительной, — восходя шаг за шагом и каждый раз соглашаясь сделать соответствующий шаг вниз, ничего не отсекая, чтобы

освободить *все тот же свет*,[263] скрытый за каждой маской, в каждом элементе, даже в самой невероятной грязи, в самом нелепом заблуждении или в самом гнусном преступлении, то он начинает видеть, как все постепенно проясняется перед его глазами — не теоретически, но непосредственно, осязаемо — и ему откроются не только вершины, но и *пропасти Истины*.[264] Он поймет, что его Враг был самым старательным помощником, который очень заботился о том, чтобы надежно обеспечить эффективность его реализации,[265] во-первых, потому, что с каждой битвой увеличивалась его сила, а, во-вторых, потому, что каждое падение заставляло его освобождать соответствующую часть истины внизу вместо того, чтобы уноситься в гордом одиночестве к еще не занятым вершинам. И в конце концов он увидит, что его Бремя было бременем нашей матери-Земли, которая тоже стремится к своей доле света. Князья Тьмы уже спасены! Они — уже за Работой, и они не дадут ничего пропустить в обретении Истины всеохватывающей, не позволят довольствоваться Истиной всеисключающей:

Надежда — не одним лишь чистым божествам;
Но сумрачные яростные боги,
Что оторвались от груди единой, в неистовом порыве отыскать
Упущенное белыми богами — тоже спасены.

Not only is there hope for godheads pure;
The violent and darkened deities
Leaped down from the one breast in rage to find
What the white gods missed; they are too safe.[266]

И он поймет, что каждая вещь имеет свое, присущее только ей, место. Не только нельзя ничего отбрасывать, но нет разделения на более важное или же менее важное, так что проблема во всей своей полноте содержится в мельчайшем инциденте, в самом незначительном повседневном жесте в той же самой мере, как и в космических коллизиях. И, возможно, вся полнота Света и Радости находится и в мельчайшем атоме точно так же, как и в сверхсознательных бесконечностях. И тогда освещается темная полусфера истины. Каждое преткновение или ошибка зажигает пламя страдания, которое, кажется, пробивает снизу отверстие для света; каждая слабость вызывает соответствующую силу, словно сила падения явилась самой силой восхождения; каждое несовершенство — это шаг к большей полноте — нет грехов, нет ошибок, есть лишь бесчисленные неудачи, страдания, которые вынуждают нас обследовать наше царство вдоль и поперек и объять все для того, чтобы излечить и завершить все. Сквозь крошечное отверстие в нашей броне приходят к нам любовь и сострадание к миру, которых никогда не поймет самая сверкающая чистота; чистота — непроницаема, забаррикадирована, запечатана, как крепость; для того, чтобы смогла войти Истина, необходима трещина:

Свою ошибку превратил он в дверь,
через которую проникла Правда.

[He] made error a door by which Truth could enter in.[267]

По ту сторону зла есть истина Любви. Чем глубже спускаешься кругами ада, тем более убеждаешься в великой *необходимости* существования глубин Зла; приходишь к заключению, что ничего нельзя излечить без такого вот напряжения: внутри загорается пламя, все более и более мощное и горячее под растущим внутренним устремлением, подобным жажде воздуха у утопающего, — кроме Этого не существует ничего, существует только Это, — как будто только Любовь может противостоять Ночи и победить ее ее же светлой половиной. Как будто вся эта тень нужна была для того, чтобы могла родиться Любовь. В сущности говоря, в сердце всей этой тьмы, в глубинах всех наших бед и несчастий скрыта некая противная злу мистерия. И, может быть, даже, что так же, как у каждого из нас есть особая, характерная только для него трудность, которая является одновременно и противоречием, и знаком нашей судьбы, так и огромные «недостатки» и тысячи древних ран земли, столь уязвимой, грешной и полной страданий, являются знаком ее судьбы, и когда-нибудь ей предстоит воплотить совершенную Любовь и Радость, ибо она выстрадает т перетерпит все и все поймет.

По мере нашего прогресса линия сверхсознательного поднимается все выше и выше, и соответственно этому линия подсознательного простирается ниже и ниже. Все расширяется и озаряется, но и замыкается, сосредотачивается на одной отчетливой и темной точке, приближаясь к ней все ближе и оказывая на нее все более сильное давление, как будто в течение многих лет — многих жизней — мы вращались вокруг одной и той же Проблемы, но при этом никогда по-настоящему не касались ее; и вдруг она здесь, на дне отверстия, бьющаяся под потоками Света — и все зло мира в ней, единой точке. И вот час Тайны близится. Ведь закон нисхождения не является ни законом подавления, греха или падения, ни законом раскаяния или бегства к небесам. Поистине это золотой Закон, непостижимый Замысел. Предначертание, которое влечет нас и вниз, и вверх, в глубины подсознательного и Бессознательного, к *центральной точке*,[268] к тому узлу жизни и смерти, тьмы и света, где нас ожидает Тайна. Чем ближе мы подходим к вершине, тем более касаемся дна.

Великий переход

Последние шаги нисхождения совершаются за пределами Подсознательного — в нашем эволюционном прошлом, в нашем старом, доисторическом сознании, на том уровне, где впервые в мире из того, что казалось Смертью, возникла жизнь — т. е. в нашем теле, на границе между материальным Бессознательным и физическим сознанием, в той области, которая принимала участие в первоначальной рождении, а затем временно бездействовала. Органы и клетки нашего тела имеют свое собственное, высоко организованное и эффективное сознание, которое знает, как надо выбрать что-то, получить или отвергнуть это «что-то», и которым можно управлять, если мы достигли соответствующего уровня йогического развития. Если бы речь шла лишь об улучшении настоящих условий жизни по желанию, стойкость против болезней и даже вечная юность — это некоторые из часто встречающихся побочных приобретений йогической дисциплины. Но, как мы говорили, мы стремимся изменить жизнь, а не только подправить ее фасад. Ниже нашего настоящего физического сознания находится физическое подсознательное, которое представляет собою результат эволюции жизни в Материи и сохраняет все старые привычки жизни (самой дурной из которых является привычка умирать), а также рефлексы, страхи, оборонительные реакции, но особенно совокупность привычек некой косности: жизнь как будто хранит память о множестве защитных покровов, которые ей приходилось возводить вокруг себя для того, чтобы расти. У самого дна этого физического подсознательного, где,

кажется, исчезают все формы сознания или памяти, достигаешь самого основания, первоначального Панциря, самой Смерти, из которой вырвалась на свободу Жизнь. Это нечто огромное и твердое — настолько огромное и твердое, что риши Вед дали ему название «бесконечная скала». Это Бессознательное. Это стена — или, может быть, дверь. Это дно — или, может быть, только перепонка. А вдруг бессознательное абсолютно мертво и бессознательно — не является ли чем-то неподвижным в отрицательном смысле? А что, если оно негативно, так сказать в положительном смысле: отвергает, активно отрицает, говорит «Нет» жизни:

Упрямое, немое отрицание в глубинах Жизни,
Невежественное «Нет» в первоисточниках вещей.

The stubborn mute rejection in Life's depths,
The ignorant No in the origin of things.[269]

Если бы этим основанием [origin] было тотальное Ничто, то было бы не на что надеяться. Кроме того, из ничего ничто никогда не смогло бы вырасти — т. е. это скалистое дно есть *нечто*. Если существует «Нет», то оно должно содержать «Да»; если существует Смерть, то в ней должна заключаться Жизнь. И, наконец, если есть конец, то с другой стороны должно быть начало. Все отрицательное является обратной стороной чего-то положительного. Любая из наших самых глубоких бездн является поверхностью чего-то иного. Смысл йоги Шри Ауробиндо состоит в том, чтобы из всех этих отрицательных явлений извлечь положительное — из всех элементов и на каждом уровне сознания — и, если на то будет Божья Воля, найти высшее Положительное (которое не является ни положительным, ни отрицательным, оно просто *есть*), которое раз и навсегда разрешит наши двойственности — двойственности низшего порядка так же, как и дуализм самой жизни, которая продолжает умирать, или Смерти, которая продолжает жить.

В Шандернагоре Шри Ауробиндо достиг низших уровней физического подсознательного. Перед ним была стена: *Нет, то, чем я сейчас занят, — это не Эмпиреи [Небеса] — хорошо, если бы это было так. Это, скорее, нечто противоположное — обратная сторона вещей.*[270] Тот, кому уже известны сопротивление и яростные реакции, которые возникают, едва лишь заденешь ментальное и витальное подсознательное, — этот гадючник, — может себе представить, что значит такое нисхождение. Чем глубже мы нисходим, тем более высокое сознание нам нужно, более сильный свет, поскольку нисхождение прямо пропорционально восхождению. А если мы понимаем, что сознание — это сила такая же осязаемая, как электрический ток, то мы можем вообразить, какие травмы, терзания и муки могут создать, например, сверхментальные сила и свет, когда они низвергаются, подобно водопаду, в грязную лужу физического подсознательного — *поток [an assault — «атака», «штурм»] эфира и огня.*[271] Здесь таятся величайшие трудности, даже опасности, к которым мы вернемся, когда будем говорить о Трансформации. Пока мы имеем дело с ментальным или витальным сопротивлением, — с самообманом нашей морали, — нам нужно лишь обладать сильной волей и терпением, но когда мы спускаемся ниже, нам предстоит встретить лицом к лицу *ложь тела*, как говорит Мать, т. е. болезни и Смерть. Именно поэтому Шри Ауробиндо и Мать настаивали на том, чтобы их ученики имели прочную физическую основу: *Работай, подходя одновременно с двух сторон, не пренебрегай ни одним из них ради другого.*

Когда Шри Ауробиндо достиг высших границ сверхсознательного, где «огромные цветные волны» растворяются в яркой белизне, он коснулся одновременно черной скалы внизу, на дне:

Глубоко и долго копаю
Среди ужасов трясины и грязи…
Некий голос воззвал: «Иди дальше —
куда раньше никто не ступал!
Копай глубже и глубже.
Пока не достигнешь зловещего камня в самом основаньи,
Не постучишь в ворота, к которым нет ключа».

I have been digging deep and long
Mid a horror of filth and mire…
A voice cried: «Go where none have gone!
Dig deeper, deeper yet
Till thou reach the grim foundation stone
And knock at the keyless gate»[272]

Затем, в 1910 г. в Шандернагоре однажды произошло нечто странное… Но прежде, чем описать это переживание, которое изменяет направление нашей эволюции, давайте остановимся, чтобы оценить и кратко обсудить настоящее состояние человечества. Это довольно просто: мы заключены в Материю, в Черное Яйцо, которое постоянно сжимает нас со всех сторон. Не много есть способов для того, чтобы выйти из этого состояния, а по сути их всего два: первый — это погрузиться в сон (в мечту, войти в экстаз или медитировать, но все это — различные степени сна, более или менее возвышенного, сознательного или божественного), а второй — умереть. Опыт Шри Ауробиндо предоставляет третью возможность, которая позволяет нам выйти из этого состояния без бегства к экстазу или смерти, — т. е. на самом деле и не выходя из него, — и которая обращает течение нашей эволюции в противоположном направлении, поскольку цель находится уже не наверху или вовне, а прямо внутри; кроме того, это открывает возможность пробудиться в реальности всем мечтаниям, экстазам и особенно всем силам, которые могут помочь нам воплотить наши мечтания в жизнь и преобразовать Черное Яйцо в открытое, ясное и живое пространство… В тот день 1910 г. в Шандернагоре Шри Ауробиндо достиг дна, он пересек все пласты грязи, на которых непостижимым образом, подобно цветку, выросла Жизнь. Был лишь Свет наверху, сияющий все ярче и ярче по мере своего нисхождения, обнажающий своими пронизывающими лучами все нечистоты одну за другой, как будто вся эта ночь вовлекалась во все больший Свет, как будто грань подсознательного отступала, отодвигаясь все глубже и глубже вниз так, что оно, концентрируясь там все плотнее в степени, обратно пропорциональной концентрации наверху, составляло единый оплот Тьмы под этим единственным Светом. Когда внезапно в глубинах этой «бессознательной» Материи, в слепых клетках этого тела Шри Ауробиндо был резким скачком вытолкнут в высший Свет — не впадая в транс, без потери индивидуальности, не растворяясь в космосе, — полностью сохраняя четкое видение

Он прорвался в иные Пространство и Время.

He broke into another Space and Time.[273]

Ночь, Зло, Смерть — это не что иное, как маска. Предельная Противоположность пробуждает предельную Напряженность, и подобное становится Собой — существует только Единое, *tad ekam.* Солнечный мир, высшее, божественное сознание — супраментальное сознание — находится в самом сердце Материи, а все другие сознания — его лучи. Следующая за Глобальным Разумом ступень — не «наверху», она здесь и во всех вещах — дверь, ведущая вниз, открывает и дверь наверх, и вообще куда угодно:

Непостижимое, непонятное изумление Света.

A fathomless sealed astonishment of light.[274]

Грандиозная (взаимная) перестановка Ночи и Дня
Изменила все ценности мира…

A grand reversal of the Night and Day
All the world's values changed…[275]

Высокое встречается с низким, все — это единый план.

The high meets the low, all is a single plan.[276]

Самое отдаленное прошлое касается сердца Будущего, которое задумало его, Бог-Дух встречается с Богом-Материей, и это означает божественную жизнь в теле. *Сат-Чит-Ананда* наверху — это *Сат-Чит-Ананда* внизу, Существование — Сознание — Сила — Радость. Эволюция не заканчивается бесплодным черным или белым сном, ничто не поглощается Тьмою, ничто не уносится высоко в небеса, все взаимосвязано внутри совершенного круга. Радость наверху — это Радость внизу:

Ликование в глубинах сна.
Сердце блаженства внутри мира страданий.

An exultation in the depths of sleep,
A heart of bliss within a world of pain.[277]

Радость, способная действовать, мощное озарение, пронизывающее самые жилы наши, вместо стерильного блаженства над нашими головами:

Всемогущие силы скрыты в клетках Природы.

Almighty powers are shut in Nature's cells.[278]

Ибо Супраментальное — это не некое «более эфирное» сознание, а сознание более плотное, это та самая Вибрация, которая бесконечно организует и реорганизует Материю и Миры, это то, что сможет изменить и Землю:

У самого дна бессознательного, в высшей степени жесткого, неподатливого, ограниченного и удушающего, — писала Мать, — *я неожиданно достигла всемогущего источника, который тотчас же выкинул меня в бесформенный безграничный Простор, где вибрируют семена нового мира.*

И это ключ к Преображению, ключ к преодолению законов Материи с помощью Сознания в Материи; Сознание наверху — это Сознание внизу. Это дверь в мир будущего и к новой земле, о которой возвещало Писание две тысячи лет назад: «новая земля, где обитает правда» (2-е Петра, 3.13). Ибо поистине земля — это наше спасение, место Победы и абсолютного свершения. Нет никакой необходимости спасаться на небесах — все, абсолютно все находится здесь, в теле — высшая Радость, Сознание, Сила — лишь бы у нас достало смелости открыть глаза и нисходить и придать жизнь мечте вместо того, чтобы грезить во сне:

Они должны вступить в последнее конечное, если желают достичь последнего бесконечного.

They must enter the last finite if they want to reach the last infinite.[279]

Вместе с тем Шри Ауробиндо открыл утерянную Тайну, Тайну Вед, которая так или иначе составляла ядро многих древних традиций, рассеянных по Земле от Ирана до Центральной Америки и до берегов Рейна и во времени от Элевсия до катаров, от Круглого Стола до алхимиков — Тайну всех искателей совершенства. Поиски Сокровища в глубинах пещеры, битва с силами подсознательного, великанами-людоедами, гномами и змеями; история Аполлона и Пифона, Индры и Змея Вритры, Тора и великанов, Сигурда и Фафнира; солярный миф о Майе, Схождении Орфея в Аид, Трансмутация, Змея, кусающая собственный хвост. И, прежде всего, это Тайна риши Вед, которые, вероятно, первыми открыли то, что они назвали «великим переходом», *mahas pathah* (II.24.6), миром «нерушимого Света», Swar, внутри скалы Бессознательного: «Наши отцы силой мантры обрушили стены крепостей твердых и неприступных, пророки Ангирасы [первые риши] силой своего крика превратили в прах скалистую твердыню; они создали в нас путь к Великим Небесам, они открыли День и солнечный мир» (Риг Веда, I.71.2), они открыли «Солнце, обитающее во тьме» (III.39.5). Они нашли «Небесное сокровище, скрытое, подобно птенцу, в тайном гроте внутри бесконечной скалы» (I.130.3).

Тьма и Свет, Добро и Зло подготавливали божественное рождение в Материи: *День и ночь оба вскармливают божественное дитя.*[280] Ничто не проклято, ничто не напрасно, Ночь и День — это «две сестры бессмертные, имеющие одного Возлюбленного (Солнце)… едина их суть, хоть и различны их образы (I.113.2.3). В конце своего „паломничества“, после восхождения и нисхождения, ищущий становится „сыном двух Матерей“ (III.55.7), он — сын *Адити*, белой Матери[281] сверхсознательного бесконечного, и сын *Дити*, земной Матери „темного бесконечного“; он обладает „двумя происхождениями“, человеческим и божественным, происхождениями, „существующими вечно и в гнезде едином… как Получающий наслаждение от двух жен своих сразу“ (I.62.1): Гора[282] от бремени освободилась, дав место высшему

рожденью… бог открыл двери человеческие» (V.45). «Тогда они, действительно, пробудились, и видение их было всеохватывающим и полным; и сзади, и вокруг, и повсюду было им то наслажденье, что существует на небесах. Во всех запертых домах[283] находились все боги» (Риг Веда IV.1.18).

Сбывается надежда человека, сбывается молитва риши: *Да будут Небеса и Земля едины.*[284] Восстанавливается великое Равновесие.

Небеса в мечтах восторженных о земле совершенной,
А земля в печальных грезах о совершенном небе,
Страхами завороженные, отлучены они, как прежде,
друг от друга.

Heaven in its rapture dreams of perfect earth,
Earth in its sorrow dreams of perfect heaven…
They are kept their oneness by enchanted fears.[285]

И это есть радость — *Ананда.* Она лежит в начале вещей и в конце их и повсюду, если копнуть поглубже. Это «источник меда, скрытый в скале» (Риг Веда II.24.4).

Глава 15. Супраментальное сознание

Определить супраментальное сознание в ментальных терминах довольно сложно, ибо оно не ментально по определению, не подчиняется всем нашим законам трехмерного пространства и выходит за рамки его перспектив. Правда, здесь, может быть, само слово вводит нас в заблуждение, потому что это, скорее, иной тип сознания, чем вершина человеческого сознания. Мы можем попытаться описать это сознание, различая два аспекта: аспект сознания, или видения, и аспект силы. Но это означает вновь попасться в ментальную ловушку, поскольку эти два аспекта неразделимы — сознание *является* силой, оно же есть *активное* видение. Часто, когда Шри Ауробиндо и Мать пытались передать свои переживания, слова их перекликались на английском и французском языках: необходим иной язык, *une autre langue, another language.*

Супраментальное видение

Супраментальное видение — это видение глобальное. Разум вырезает маленькие фрагменты и противопоставляет их друг другу; Глобальный Разум объединяет все в едином луче, но луч этот берет начало в одной точке, т. е. Глобальный Разум видит все со своей особой точки зрения; такое видение является единым и всеобщим, но при этом исключаются иные точки зрения, или же происходит их ассимиляция. Супраментальное, или Суперразум, не только охватывает весь мир вещей и существ единым видением, которое объединяет все лучи, ничего не противопоставляя друг другу, но видит также и точку зрения каждой, отдельно взятой вещи, каждого существа, каждой силы — это видение полное и замкнутое, которое берет свое начало не в какой-то особой точке, а в мириадах точек:

> *Единый и бесконечно множественный взгляд…*
>
> *A single innumerable look…*[286]

Супраментальное существо зрит по-иному, с иной точки — не сквозь дебри фактов и феноменов сиюминутного, но сверху, не извне и не по поверхности судя, но изнутри, из самой истины сердца всякой вещи.[287] Поэтому мы ничего не сможем понять в Супраментальном, если не будем постоянно помнить о том, что это — другое измерение. Но мы можем понять, что это есть видение самой Мудрости, потому что каждая вещь, каждое существо, любая сила на этой земле выражают некое особое абсолютное свойство, более или менее точно (а часто совершенно извращенно), но, несмотря на все недостатки и извращения, каждая вещь подчиняется некому внутреннему закону, который побуждает ее стремиться к этой главной и уникальной истине своего существа — ведь даже каждый из листьев одного дерева по-своему уникален. И если бы в основе каждого из нас не было бы этой абсолютной и уникальной истины, то мы бы попросту рассыпались. И именно поэтому мы так сильно привязаны к своей скудости и заблуждениям — мы чувствуем, что за ними присутствует истина, которая растет, как говорил Шри Ауробиндо, как бы *защищенная*[288] этой самой скудостью и нашими заблуждениями. Если бы нам была дана

вся истина сразу, то мы превратили бы ее в гнома по собственному образу и подобию в данный момент! Истина не имеет ничего общего с мыслью или хорошими поступками — хотя они могут быть стадиями на пути — она связана с широтой существа. Но рост совершается медленно и болезненно. *«Ошибки, заблуждения, преткновения!» — кричат они. Как блистательны и прекрасны Твои ошибки, о Господи! Твои заблуждения сохраняют Истину живой; Твоими преткновениями мир совершенствуется.*[289] Но разум, который видит лишь наличествующую поверхность вещей, хотел бы сгладить все острые углы, очистить все, оставив лишь вакуум, и свести мир к некой однообразной, благонамеренной и благовоспитанной истине. Он заключает: «Это хорошо, то — плохо, это — друг, а это — враг». Возможно, он хотел бы изъять из мира всех нацистов, или, например, всех китайцев, полагая, что они представляют собой совершенно ненужную опасность. И разум прав, прав по определению, потому что он создан таким, он должен быть рассудительным, и еще потому, что он стремится выразить некий ментальный или моральный абсолют, который имеет свое место и назначение. Но ведь это вовсе не вся истина, это лишь *одна* из возможных точек зрения.[290] И именно поэтому нам не дана сила — ибо если бы у нас была сила, то мы бы с самыми лучшими намерениями сотворили бы ужасный беспорядок по своему неведению и близорукости. Наша немощность — это необходимость. Супраментальное сознание охватывает не только все точки зрения, в его власти находятся также и глубинные силы, действующие за каждой вещью, и истина каждой вещи — это *Истина-Сознание*, — а поскольку оно видит все, оно обладает Силой — из первого автоматически следует второе. Наше бессилие — это результат отсутствия надлежащего видения. Видеть, видеть целиком и полностью — это с необходимостью означает обладать силой. Но супраментальная сила не подчиняется ни нашей логике, ни морали, она видит далеко в пространстве и во времени. Она не пытается отрезать зло для того, чтобы спасти добро, и работает не прибегая к каким-то мгновенным чудесам. Она высвобождает из зла то добро, которое в нем есть, и своей силой и светом приводит в согласие темную половину вещей с ее светоносной двойницей. Первое, что она вызывает, проникая, — это кризис: она подвергает тьму воздействию ее же собственного света. Она чрезвычайно мощно стимулирует эволюционный процесс.

Труды, написанные Шри Ауробиндо, хотя и являются ментальным выражением супраментальной деятельности, дают нам практический пример этого глобального видения. Многих это [написанное им] сбивает с толку, потому что в работах этих нет всех тех установок, тех точек отсчета, опоры, которые делают мысль легко воспринимаемой, но ведь быть доктринером так легко. Шри Ауробиндо исследует буквально все точки зрения с тем, чтобы из каждой извлечь самую глубинную истину, но никогда не навязывает своей точки зрения (может быть, потому, что у него ее нет, или он имеет их все!), просто он показывает, что всякая истина является не полной сама по себе, и указывает направление, в котором ее можно расширить. Суперразум не противопоставляет *одну истину другой, чтобы увидеть, какая из них выстоит и уцелеет, но дополняет одну истину другой в свете единой Истины, аспектами которой они все являются…*[291] Он говорил также о *свете Мысли, которая несет в себе все свои противоположности.*[292] Это то, что Мать называет *мыслить сферически.* Когда говоришь о Шри Ауробиндо, всегда чувствуешь, что впадаешь в ужасный догматизм и умствование, — без сомнения, из-за неадекватности нашего языка, который сосредоточивается на какой-либо одной точке и таким образом отбрасывает тени, тогда как Шри Ауробиндо охватывает все, но вовсе не из-за какой-то «терпимости» — этого ментального суррогата Единства — но благодаря реальному видению, которое поистине едино с каждой вещью и находится в сердце каждой вещи. Может быть, это и есть само видение Любви?

Это цельное видение является настолько реальным, что для обладающего им изменяется

даже внешний вид физического мира; вернее, он не меняется: физический мир предстает таким, каков он есть в действительности. Оптическая иллюзия разделения, с которой мы обычно живем, исчезает, мы уже не воспринимаем палку сломанной, все вновь обретает смысл — мир является не таким, каким мы его видим: *Для супраментального чувства ничто на самом деле не является конечным: оно базируется на ощущении всего в каждом и каждого во всем: его определяющая способность [its sense definition]… не создает никаких стен ограничения; это океаническое и эфирное чувство, в котором всякое чувственное знание и ощущение — это волна, движение, брызги или капля, которые все-таки являются при этом средоточием океана и от океана неотделимы… Как будто неясный или банальный, ординарный взгляд сменился взором художника, поэта, видением одухотворенным и возвышенным — видением, причастным видению воистину высшего божественного Поэта и Художника, видением, которому Он даровал всю полноту Своей истины и Своих помыслов как о всей вселенной, так и о каждой вещи в ней. Безграничная интенсивность делает все видимое откровением великолепия и величия его [всего видимого] истинного качества, идеи, формы, цвета. Тогда кажется, что в физическом зрении, в «физических глазах» есть дух и сознание, которым доступен не только физический аспект объекта, но и сама главная суть его [the soul of quality in it], энергетическая вибрация, свет и сила и духовная субстанция, из которой он создан… В то же время происходит тонкое изменение, которое открывает видение в особого рода четвертом измерении, видение, характерной чертой которого является некое проникновение вовнутрь, видение не только поверхности и внешней формы, но и всего того, что оживляет [informs] ее и простирается в тонком виде вокруг нее. Материальный объект предстает этому зрению чем-то отличным от того, что мы видим сейчас: не отдельным предметом на фоне или в окружении остальной Природы, а неотделимой частью и даже в тонком смысле — выражением единства всего, что мы видим. И это единство… — единство тождественности с Вечным, единство Духа. Ибо для супраментального видения материальный мир, пространство и материальные объекты перестают быть материальными в том смысле, в котором мы сейчас воспринимаем их, т. е. посредством свидетельства лишь наших ограниченных физических органов;… они предстают перед нами, видны нам, как Сам Дух в образе Самого Себя и Своего сознательного распространения.*[293]

Глобальное видение, цельное видение и видение вечное. Время покорено. Если сознание Глобального Разума видело «широкие протяжения пространства и времени», то в супраментальном сознании полностью снимается троичность времени; оно *связует друг с другом прошлое, настоящее и будущее в их неделимой взаимосвязи, в едином непрерывном плане знания [in a single continuous map of knowledge, side by side]*[294]

Все время — это тело единое, Пространство — единая книга.

All time is one body, Space a single book.[295]

Сознание — это уже не узкий затвор камеры, которому необходимо быть таковым, ибо иначе камера взорвется; это — великий, спокойный Взгляд: «Подобное взгляду, достигающему небес», — говорит Риг Веда (I.17.21). *Обычное индивидуальное сознание подобно оси, — говорит Мать, — и все вращается вокруг этой оси. Если она немного смещается, то мы чувствуем себя потерянными. Оно подобно большой оси (относительно большой, она может быть и совсем маленькой), зафиксированной во времени, и все вращается вокруг нее. Сознание*

может простираться более или менее далеко, быть более или менее высоким, более или менее сильным, но оно вращается вокруг этой оси. Для меня не существует больше никакой оси — она исчезла, растворилась! И сознание может отправиться на север, на юг, на запад или на восток; оно может перемещаться вперед, назад — куда угодно. Оси больше нет.

Нам трудно представить себе, каким может быть видение такого универсального существа. Возможно, со своей ментальной точки зрения мы полагаем, что тотальное знание прошлого, будущего и настоящего немедленно сведет на нет всю непредсказуемость существования. Но в этом случае мы неправомерно применяем к супраментальному сознанию те черты и реакции, которые относятся только к разуму. Такой способ видения и *переживания* мира — это совершенно иное. Супраментальное сознание не устремляется в будущее с присущими нам страстью и нетерпением. Перед его глазами все — здесь и сейчас, живет во времени божественно: каждое мгновение — абсолютно, и в своей полноте не уступает оно и богатству тысячелетий, собранных вместе; это, напротив, высшее совершенство времени — ведь в обычной жизни мы никогда не присутствуем в настоящем моменте: мы или думаем о будущем, лелея надежды, или сожалеем о прошлом, потому что настоящий момент никогда не бывает таким, каким он должен быть, ему всегда чего-то не хватает, он ужасно пуст. Для супраментального сознания каждая вещь в любой момент является полностью тем, чем она должна быть, и такой, какой она должна быть. Это неизменное постоянное блаженство. Любая часть, любой кадр великого космического Фильма содержит все предыдущие картины, да и все те, что последуют, там нет недостатка ни в перспективах будущего, ни в памяти прошлого: «То блаженство, которое в высшей степени широко и полно и не имеет разрыва», — говорит Риг Веда (V.62.9); это *безущербное Блаженство* [unwounded Delight],[296] — говорит Шри Ауробиндо. И это также высшее совершенство пространства. Мы вечно стремимся к новым вещам и находимся в поисках новых объектов, потому что всякой вещи недостает всех тех вещей, которые не содержатся в ней; наши объекты пусты, как и наши мгновения. В то же время супраментальное сознание ощущает в каждом объекте, в каждой вещи, которой оно касается, тотальность и бесконечность такую же, как и в необъятности или совокупности всех возможных объектов: *Абсолют находится везде… любое конечное — это бесконечное.*[297] И возникает чувство вечно обновляющегося чуда, которое появляется не неожиданно, но приходит с постоянным открытием этой вечной бесконечности, этого вневременного Абсолюта в каждом объекте, ограниченном в пространстве, в каждом мгновении, ограниченном во времени. Это высшая полнота жизни. Наша конечная, преходящая жизнь, действительно, очень бедна, ужасно недостаточна: нам приходится или поворачиваться спиной к преходящему с тем, чтобы найти вечность, или отрекаться от нашей потребности в бесконечном для того, чтобы пережить конечное, тогда как супраментальная полнота находит бесконечное в конечном и вневременное — в преходящем. Она спонтанно проживает и каждое мгновение, каждый объект, и рядом же — необъятность, содержащую все мгновения и все объекты; это два *одновременных* способа переживания и видения *одного и того же*.

Супраменальное сознание имеет не только космический аспект, но и трансцендентный, причем они не противоречат друг другу. Они не только не противоречат друг другу, но, более того, их одновременность является ключом к подлинной жизни. Ибо жизнь является недостаточной не только потому, что объекты ее пусты, а время — раздроблено, но также и из-за того, что ей не хватает покоя и непоколебимости. Все религии и духовные учения возникли в результате этой основной потребности человека обрести неизменную Основу, убежище покоя, не затрагиваемое всем этим хаосом, неопределенностью и страданиями мира — нечто, находящееся всегда вне его и защищенное. И вот в ходе наших исканий мы вырвались вдруг в грандиозное Безмолвие, в Безбрежность вне этого мира, которую мы назвали Богом, Абсолютом

или Нирваной, — слова не имеют никакого значения — мы достигли великого Освобождения. Это переживание — самое главное в жизни, это основа ее. Если мы хоть немного приближаемся к этому великому Безмолвию, все меняется — появляется Уверенность. Мир, безнадежно утопающий, вдруг обрел опору — скалу. В жизни все шатко, неопределенно; лишь эта Скала никогда не обманет нас. Именно поэтому говорится, что царство Божие — не от мира сего. Опыт Шри Ауробиндо тоже начался с Нирваны, но нашел завершение в полноте этого мира. И здесь есть некое противоречие, которое является очень важным для понимания *практической* тайны истинной жизни.

Разум и даже Глобальный Разум наших пророков в своем роде неизличимо связаны с противопоставлениями (противопоставлениями внутри Единства): если Бог наверху, то Он не может быть внизу; если это белое, то оно не может быть черным. В супраментальном переживании все является сферичным, *это всегда «да» и «нет» в одно и то же время*, — говорила Мать, — два полюса каждой вещи постоянно сопрягаются внутри одного «измерения» («тайные внутренние пространства», — говорили риши Вед II.4.9). Таким образом, Трансцендентное не находится где-то вне этого мира; Оно — здесь, везде, полностью внутри него и полностью вне него одновременно. Точно так же супраментальное сознание — полностью в мире и полностью вне мира; оно и в вечном Безмолвии, и в гуще всякой суеты; оно пребывает на непоколебимой Скале и в то же время присутствует в бурлящем потоке. И именно поэтому оно может поистине наслаждаться жизнью и быть хозяином жизни, ведь если мы будем находиться только в гуще потока, то мы не обретем ни покоя, ни господства; нас будет швырять туда-сюда, как перышко. Приблизиться к пониманию того, что собою представляет супраментальное переживание, можно, вернувшись к самым первым простым переживаниям рассматриваемой йоги, к самому ее началу. Мы поняли на самом деле довольно быстро, что достаточно сделать сознательно шаг назад, просто легкое движение внутрь себя, как выходишь в широкое пространство безмолвия, как будто где-то в глубине нашего существа есть его часть, которая вечно созерцает великую белизну. Вовне — суета, страдания и проблемы, но как только мы делаем легкое движение, погружаясь вовнутрь, мы сразу же оказываемся вне всего (или внутри?) — на тысячи миль от всего этого, — и ничто нас больше не беспокоит, мы лежим на мягком снегу. В конце концов это переживание становится настолько естественным, что мы обретаем способность погружаться вовнутрь (или вовне?) в гуще самой активной деятельности — на улице, во время спора, за работой; всего несколько секунд — и более ничего не существует, только улыбка. Тогда мы начинаем понимать, что такое Мир. Мы обретаем неприступное убежище везде и при всех обстоятельствах. И мы начинаем чувствовать все более и более ощутимо, что это Безмолвие находится не только внутри, в нас, но повсюду, как будто оно представляет собой основную глубинную субстанцию вселенной, и каждая вещь выделяется на этом фоне, исходит из него и к нему возвращается. Оно подобно сладостному роднику в сердце вещей, бархатному покрову, окутывающему все. И оно не является пустым, это Безмолвие — абсолютная Полнота, но Полнота, не имеющая в себе ничего или, вернее, содержащая сущность всего, что вообще может быть как раз за одно мгновение перед тем, как оно обретет существование — его еще нет, но оно уже полностью здесь, как песня, которая вот-вот будет спета. В нем (или вне его?) чувствуешь себя как дома, в необычной безопасности. Это первое отражение Трансцендентного. Еще один шаг — и мы попросту соскользнем в Нирвану. Ничего больше не существует, только это Безмолвие. Но в Суперразуме уже нет «переходов» и «порогов», которые нужно пересекать; там не переходишь от Безмолвия к суете, от Внутреннего к внешнему, от Божественного к небожественному — обе противоположности сливаются в едином переживании: Безмолвие — вне всего, и Становление — повсюду. Одно не исключает другого, *одно не может существовать без другого.* Ведь если бы высшее Безмолвие не

содержало бы в себе противоположности Безмолвия, то оно не было бы бесконечным. А, кроме того, если бы это Безмолвие не могло, будучи абсолютно свободным, быть полностью вне того, что кажется его противоположностью, то оно было бы пленником своей противоположности. Царство Божие — и от мира сего, и не от мира сего. Весь секрет в том, чтобы соединить два переживания в одно, бесконечное — в конечном, вневременное — в преходящем и трансцендентное — в имманентном. Тогда познаешь Мир в действии и Радость при любых обстоятельствах.

Спокойное, глубокое море, оно смеется в бегущих волнах:
Всеобщее — оно есть все, трансцендентное — ничто.

A still deep sea, he laughs in rolling waves:
Universal, he is all, — transcendent, none.[298]

Супраментальное сознание воспроизводит мистерию великого, спокойного Света, который возжелал «однажды» извне времени взглянуть на себя во времени, последовательно, с несчетного числа сторон, аспектов, но, оставаясь при этом единым и целым, полностью оставаясь в самом себе, в неком вечном мгновении. Единственная цель эволюции — вновь обрести эту полноту сверху и до самого низа, найти здесь, на земле, в гуще двойственностей и самых болезненных противоречий высшее Единство, высшую Бесконечность, высшую радость — *Ананду*. Именно для того, чтобы мы открыли эту тайну, нас тянет вниз каждый раз, когда мы совершаем шаг наверх.

Супраментальная сила

Последователи духовных учений отрицают силу, как оружие, не достойное ищущего истину; у Шри Ауробиндо совсем иная позиция. Концепция Силы — Шакти — один из ключевых моментов его йоги, потому что без силы ничего нельзя изменить. *Я люблю Бога Огня, а не Бога Мечты!* [I cherish God the Fire, not God the Dream!] — восклицает Савитри.[299]

Огонь — чтобы призвать во Время вечность,
Чтоб с радостью души сравнялась тайна тела.

A fire to call eternity into Time,
Make body's joy as vivid as the soul's.[300]

Осуждать Силу (Power), как нечто само по себе неприемлемое и недостойное исканий, из-за того, что она в своей сущности порочна и является злом, — это заблуждение этического или религиозного разума; и несмотря на то, что в большинстве случаев, как это может показаться, эта точка зрения подтверждается, по сути своей — это слепой, даже иррациональный предрассудок. Как бы ее ни извращали и как бы ею ни злоупотребляли — как

это делают и с Любовью, и со Знанием, — Сила является божественной и предназначена и здесь тоже для божественного применения. Шакти — воля, Сила — это движитель миров, и чем бы она ни была — Знанием-Силой, Любовью-Силой, Жизненной Силой, Силой Действия или Телесной Силой, — она всегда духовна по своему происхождению и божественна по своему качеству. Как раз применение этой Силы, которую в Неведении используют животное, человек или Титан, нужно отбросить и заменить его изначально присущим ей, великим — даже если оно нам покажется сверхъестественным — действием, направляемым внутренним сознанием, которое созвучно Бесконечному и Вечному. Интегральная Йога не может отбросить работу Жизни и удовлетвориться лишь внутренним опытом; она должна идти внутрь для того, чтобы изменить внешнее.[301] Этот аспект «силы» или «мощи» сознания в Индии представляется в облике вечной Матери. Без Сознания нет Силы, а без Силы нет созидания, творчества. Он и Она, двое в одном, неразделимы. *Весь этот огромный мир — это только он и она* [This whole wide world is only he and she].[302] Эволюция — это история о том, как Она вновь открывает Его и стремится воплотить Его повсюду. Мы не можем исключить одно ради другого: без Него мы пленники слепой Силы, без Нее — пленники слепящей Пустоты, напротив, нам нужно объединить их внутри совершенного мира. «В сплошную темноту входят те, кто следует Неведению, но как бы в еще более глубокую темноту — те, кто посвящают себя одному только Знанию», — говорит Иша Упанишада (9).

Супраментальное — это прежде всего сила, огромная сила. Это непосредственно сила Духа в Материи. Любое сознание — это сила, и чем выше мы растем, тем больше наша сила, но при этом мы удаляемся от земли. Таким образом, если мы захотим применить нашу силу Глобального Разума, например, к делам этого мира, то нам придется низводить ее через все уровни, и она должна будет преодолеть детерминированность всех промежуточных уровней, прежде чем достичь дна, Материи. В конце нисхождения остается лишь ослабленный и потускневший отблеск Глобального Разума, которому приходится сражаться со все более тяжелой и упорной детерминированностью. Именно поэтому последователи духовных учений никогда не могли изменить жизнь. Но СУпраментальное — это высшая Сознание-Сила в самом сердце Материи без всяких опосредующих областей. Это «солнце во тьме» Вед, место непосредственной встречи Верхи и Низа. Поэтому оно может изменить все. Как говорила Мать: «*Истинным изменением сознания будет то, которое изменит физические условия в мире и превратит его в абсолютно новое творение*».

Давайте сразу же оговоримся, что супраментальная сила не действует ни посредством чудес, ни насилием, ибо абсурдным является само понятие чуда, как об этом часто говорил Шри Ауробиндо: *На самом деле такой вещи, как чудо, не существует,*[303] есть лишь явления, процесс протекания которых нам непонятен. А для того, кто видит, есть лишь влияние детерминированности высшего плана в детерминированность плана низшего. Разум, наверное, кажется чудом для гусеницы, для детерминизма ее уровня, хотя всем нам известно, что наши ментальные чудеса подчиняются определенному процессу. То же самое применимо к Суперразуму; он не нарушает ни одного из существующих законов, он просто восходит (или углубляется?) на уровень, где они уже не существуют — примерно в том же смысле, как законы гусеницы не существуют для человека. Более конкретно: привычное повторение некоторых вибраций, которые как бы концентрируются вокруг человека, дают ему в конце концов ощущение некой стабильной структуры; он говорит, что подчиняется «закону» своей природы. Но этот так называемый «закон» является не более неизбежным, чем выбор одного маршрута на пути домой из множества возможных; это просто вопрос привычки. То же самое относится ко всему космосу: все наши физические законы, которые считаются абсолютными, тоже представляют собой концентрацию определенных привычек, в которых нет ничего абсолютного.

Они могут быть отменены при условии, что человек захочет идти по другому маршруту, — т. е. изменить сознание. *Обыкновенный закон, — писал Шри Ауробиндо, — означает просто некое равновесие, установленное Природой, некое равновесие сил. Это попросту колея, в рамках которой Природа привыкла работать для получения определенных результатов. Но если вы измените сознание, то и колея с необходимостью изменится.*[304] В процессе нашей эволюции было несколько «изменений колеи» — сначала вхождение Жизни в Материю, что изменило материальную колею, затем вхождение Разума в Жизнь, что изменило колею витальную и материальную. Суперразум — это третье изменение колеи, которое преобразит Разум, Жизнь и Материю. Оно уже началось, процесс находится в развитии. По сути дела, супраментальное освобождает сознание, находящееся в каждом элементе. Оно не нарушает порядка вселенной, не применяет совершенно никакого насилия — свою силу оно применяет лишь для того, чтобы рассеять тьму и излить свой свет. «И он снял всю тьму повсюду так, как сдирают кожу, дабы простерлась наша земля[305] под Его озаряющим солнцем», — говорит Риг Веда (V.85.1). Поскольку везде присутствует единое божественное солнечное сознание, и мир, и каждый атом в мире — божественны; Господь всей вселенной — это также «Единый, сознательный в бессознательных вещах» Риг Веды. Материя — это не грубая субстанция, не способная изменяться иначе, как под действием наших рук и головы, которые едва ли произвели что-нибудь, кроме чудовищ; это божественная субстанция, которая может отвечать, откликаться, а не сопротивляться, изменяться, а не вовлекать нас в свои старые привычки подчиняться закону притяжения и разложения. Ведь она [Материя] — это лишь затемненная или спящая божественность — «сомнабула», как называет ее Шри Ауробиндо, «потерянное, захороненное солнце», — говорят Веды. *Бессознательное — это сон Сверхсознательного…*[306] *Видимая Бессознательность материальной вселенной прикровенно [darkly] содержит в себе все, что вечно самораскрывается в светящемся Сверхсознательном.*[307] Супраментальное таким образом использует свой свет для того, чтобы пробудить соответствующий свет — *тот же самый свет* — в Материи:

> *Истина свыше пробудит истину внизу.*
>
> *The truth above shall wake a nether truth.*[308]

Ибо закон этот вечен: только подобное может действовать на подобное. Нужна высочайшая сила, сила, что «на самом верху», чтобы освободить силу в «самом низу».

Тогда что же это такое — эта Сила? Любая концентрация высвобождает тонкое тепло, хорошо известное тем, кто практиковал йогические дисциплины (*тапасья*, или йогическая дисциплина, в переводе означает «то, что производит тепло»). Супраментальная сила — это тепло такого же рода, — только бесконечно более интенсивное, — в клетках тела. Это тепло, высвобождаемое с пробуждением сознания-силы в Материи: *Все происходит так, как будто наша духовная жизнь сделана из серебра, — объясняет Мать, — а супраментальная жизнь сделана из золота; как будто вся духовная жизнь здесь — это серебряная вибрация, причем она не холодная, но это просто свет, свет, который поднимается к вершине, свет абсолютно чистый, чистый и интенсивный; тогда как иной свет, свет супраментальный обладает полнотой, силой, теплом. Вся разница именно в этом.* Это тепло присутствует во всех супраментальных трансмутациях. На самом деле тепло, выделяемое при горении и других химических реакциях, не говоря уже о гораздо большем тепле, выделяемом при ядерном синтезе

или расщеплении, — это только физическое проявление фундаментального физического феномена, который был хорошо известен риши Вед и который они назвали *Агни*, духовным Огнем в Материи: «Огни иные — это лишь ветви твоего ствола, о Огонь… О Агни, о вселенское Божество, ты — центр миров и их обитателей; ты властвуешь над всеми рожденными людьми и поддерживаешь их, как столп… Ты — голова небес и пуп земли… Ты — сила, которая движется и работает в двух мирах» (Риг Веда I.59). «Твое великолепие, о Огонь, оно — на небесах и на земле, и в растениях, и в водах, и им ты распростер безбрежный мир меж небом и землей; оно — живой океан света, который видит божественным видением».[309]

«*Агни* вошел в землю и в небеса, как если бы они были едины» (Риг Веда III.7.4). Именно этот высший *Агни* открыли Шри Ауробиндо и Мать в Материи и в клетках тела — это «рычаг», средство трансформации тела и физического изменения мира. Отныне вместо того, чтобы подвергаться искаженному и притупленному влиянию детерминированности всех промежуточных витальных и ментальных уровней, Материя, пробудясь к осознанию своей силы, сама осуществляет свою трансмутацию. Вместо того, чтобы эволюция вечно разрывалась между двумя полюсами — между сознанием, ведущим к блаженству экстаза, но лишенным силы, и силой, ведущей к дикой радости атома, но лишенной сознания, — Суперразум восстанавливает равновесие внутри *тотального бытия*: высочайшее сознание в самой могущественной силе, огонь Духа в Материи — «О Пламя, неисчислимы сокровища твои!» — восклицает Риг Веда (I.59).

Нужно помнить, что свое духовное открытие Шри Ауробиндо сделал в 1910 г. — раньше, чем он прочел Веды, — во времена, когда ядерная физика находилась еще на теоретической стадии развития. Наша наука опережает наше сознание — потому-то и судьба наша — на путях неясных и непрочных.

Аналогия с ядерной энергией становится еще более поразительной, когда мы описываем супраментальную силу так, как она является тому, кто видит. Мы уже сказали, что чем выше мы поднимаемся в сознании, тем более стабильным и нерушимым становится свет: от искр интуиции до «непрерывных вспышек» Глобального Разума свет становится все более однородным. Таким образом, можно думать, что супраментальный свет — это некая светящаяся полнота, в высшей степени неподвижная и компактная, без малейшего промежутка. Но примечательно то, что качество супраментального света совершенно отлично от света других уровней сознания; оно включает в себя и абсолютную неподвижность, и самое быстрое движение — и здесь мы видим объединение двух противоположных полюсов. Мы, однако, можем лишь констатировать факт, будучи не в состоянии объяснить его. Вот как описывает Мать свое первое переживание супраментального света: *Было полное ощущение силы, тепла, золота: оно не было жидким, оно было, как пудра. И каждый из этих элементов (их нельзя назвать ни частичками, ни осколками, ни даже точками, если только вы не используете слово «точка» в математическом смысле — точка, которая не занимает никакого пространства) был подобен живому золоту, горячей золотой пыли — он не был ни ярким, ни темным; это не был свет так, как мы его понимаем; это было похоже скорее на массу крошечных золотых точек, вот и все. Они как бы касались моих глаз, моего лица. И какая это была огромная сила! И в то же время — ощущение полноты, покоя всемогущества. Это было изобилие. Это была полнота. Это было движение в своем пределе — бесконечно более быстрое, чем мы можем себе представить, — и в то же время был абсолютный покой, совершенная неподвижность, безмолвие [tranquilite]*.[310] Спустя годы, когда это переживание стало для Матери привычным, она описывала его так: *Это движение — особого рода вечная Вибрация, не имеющая ни начала, ни конца. Это что-то от самой вечности, что будет существовать вечно, и не имеет временных разделений; лишь спроецированное на экран, оно начинает обретать временные*

разделения; однако нельзя сказать «одна секунда» или «одно мгновение»… это очень трудно объяснить. Не успеешь ощутить его, как оно уже ушло — нечто, не имеющее пределов, не имеющее ни начала, ни конца, Движение настолько тотальное — тотальное и постоянное, неизменное, — что так или иначе оно ощущается как абсолютная неподвижность. Это совершенно невозможно описать, и все же это есть Источник и Опора, Основание всей земной эволюции… И я заметила, что в этом состоянии сознания это Движение превосходит силу или энергию, которая связует клетки, из которых состоит индивидуальная форма. В тот день, когда мы научимся применять эту Вибрацию, это «Движение» к нашей «собственной» материи, мы овладеем практическим секретом перехода от грубой Материи к Материи более тонкой и будем обладать первым или осиянным телом, телом воскресения на земле.

Эта неподвижность в движении является основой всякой деятельности супраментального существа. Это практическая предпосылка любой дисциплины, ведущей к Суперразуму, а, может быть, даже и любого эффективного действия в этом мире. Мы уже говорили, что неподвижность — т. е. внутренняя неподвижность — обладает силой растворять вибрации; что если мы способны оставаться внутри совершенно неподвижными, без малейшей реакции, то тем самым можем даже остановить любое нападение, будь то животное или человек. Эта способность сохранять неподвижность по-настоящему достигается только тогда, когда мы начинаем вступать в контакт с великим Безмолвием, повсюду прикровенно присутствующим, когда мы можем в любой момент как бы отступить, отстраниться, унестись далеко-далеко за тысячи миль и пребывать вне досягаемости всех окружающих нас обстоятельств. Нам необходимо научиться находиться совершенно вне жизни для того, чтобы овладеть внутренней жизнью. Примечательно, но в конце концов и естественно, что достичь этой супраментальной Силы можно лишь полностью пребывая в этой вечной Основе, пребывая полностью вне времени и вне пространства, т. е. все так, как будто высший Динамизм может возникнуть только из высшей Неподвижности. Этот факт может показаться парадоксальным, но практически он имеет смысл. Вполне понятно, что если бы обычное сознание, которое при малейшем дуновении выходит из равновесия, соприкоснулось бы с этой «горячей золотой пылью», то оно моментально рассыпалось бы на кусочки и распалось. Лишь полная Неподвижность может вынести это Движение. И именно это так поражало тех, кто видел Шри Ауробиндо — не столько особый свет в его глазах (как у Матери), но некая неподвижная бесконечность, которая ощущалась в его присутствии — столь плотная, столь осязаемая, как будто физически входишь в непоколебимую бесконечность. И тогда сразу же становилось ясным без дальнейших доказательств, почему циклон не мог проникнуть в его комнату. Его краткая формулировка неожиданно обретала совершеннейший смысл: *нерушимая [strong] неподвижность бессмертного духа*.[311] Именно силой этой неподвижности работал он в течение сорока лет и был в состоянии писать двенадцать часов подряд каждую ночь, ходить по восемь часов подряд каждый день, (« *чтобы низвести свет в Материю*», как он говорил) и вести напряженнейшие битвы в Бессознательном, никогда не ощущая усталости. *Когда ты вершишь великие дела и плоды их неизмеримы и при этом чувствуешь, что ТЫ не делаешь ничего, то знай, что Бог снял свою печать с глаз твоих… Когда ты, пребывая в уединении, мире и безмолвии на вершине горы, чувствуешь революции, которые ты сам и направляешь, — сие значит, что ты обладаешь божественным видением и свободен от призрачной видимости всего внешнего.*[312]

Неподвижность — это основа супраментальной силы, а безмолвие — это условие совершенной ее работы. Супраментальное сознание не подчиняется ни ментальным, ни моральным критериям, которые определяли бы его действие — нет больше дилемм, действия его естественны и самопроизвольны. Спонтанность — это характерная черта Суперразума: спонтанность жизни, спонтанность знания, спонтанность силы. В обычной жизни мы

стремимся определить, что является хорошим или правильным, а когда мы думаем, что знаем это, мы пытаемся как-то воплотить наше знание в жизнь. Супраментальное сознание, наоборот, не стремится к такому знанию, оно не пытается разобраться в том, что нужно делать, а что — нет, оно сохраняет свою абсолютную неподвижность и безмолвие, проживая каждый момент спонтанно, не заботясь о будущем; но в каждый момент точное знание, которое необходимо, падает подобно капле света в безмолвие сознания: это нужно сделать, то нужно сказать, увидеть или понять. *Супраментальная мысль — это стрела из Света, а не мост для его достижения.*[313] «В безбрежной широте встречаются они, и знание их совершенно», — говорит Риг Веда (VII.76.5). И каждый раз, когда в сознании появляется мысль или видение, это не спекулятивная рефлексия о будущем, но прямое, мгновенное действие:

Любая мысль и ощущенье уже есть действие само.

There every thuoght and feeling is an act.[314]

Знание автоматически наделено силой. Ибо это — истинное знание, которое охватывает все, а истинное знание — это могущественное знание. Мы не обладаем силой потому, что не видим целого. А это тотальное видение, наоборот, идет далеко за пределы наших сиюминутных умозрений, оно видит протяженность каждой вещи во времени. Это не деспотический указ, выступающий против нормального хода вещей, а светоносное давление, которое *ускоряет* движение и стремится поставить каждую вещь, каждую силу, каждое событие, каждое существо в прямой контакт со своей собственной светящейся сущностью, с собственной божественной потенцией и самой Целью, которая же и привела его в движение в начале начал. Как мы уже говорили, это сильнейший эволюционный фермент. Наверное, следовало бы сказать что-нибудь о том, как эта сила проявляет себя практически в жизни и в действиях тех, кто доныне сумел воплотить ее — Шри Ауробиндо и Матери. Но поскольку никакое объяснение не будет удовлетворительным до тех пор, пока человек не увидит сам, а опыт станет убедительным лишь тогда, когда он станет коллективным, то пока, наверное, лучше всего хранить молчание. Во всяком случае, дела их очень часто ускользали даже от внимания тех, кому они приносили непосредственную пользу, по той простой причине, что мы можем установить связь лишь с тем, что принадлежит нашему уровню, плану, и еще потому, что обычно мы видим только настоящий момент, а не чудо будущего, подготавливаемое просто взглядом,[315] этой частицей света, которая будет вызревать, может двадцать, а может, и все двести лет под покровами нашего бессознательного, но в конце концов станет «естественным». *Ни вы, да и никто другой не знает абсолютно ничего о моей жизни, — писал Шри Ауробиндо одному из своих биографов, — она разворачивалась не на поверхности, совсем не так, чтобы люди могли видеть ее.*[316] Нелегко говорить об этой силе, потому что само наше понятие силы является ложным. Когда мы говорим о «силах», то сразу же ожидаем чего-то чудесного, необыкновенного, но истинная Сила, подлинное чудо вселенной, совсем не в этом. Супраментальное действует не сногсшибательными трюками, оно не «пускает пыль в глаза», напротив, его действие, спокойное, как сама вечность, направляет мир и каждую вещь в мире к своему совершенству, используя даже несовершенство во всех его обличьях. Подлинное чудо состоит не в том, чтобы воздействовать на вещи насилием, а в том, чтобы незаметно, почти тайно, направлять их к своему центру, чтобы глубоко внутри смогли они распознать Лик, который и есть их собственный лик. Существует лишь одно чудо — это миг узнавания, тот миг, когда ничто уже не

является «другим».

Ключом к супраментальной силе является индивидуальное. Супраментальное существо обладает не только трансцендентным и космическим статусом, но и статусом индивидуальным, и, таким образом, преодолевается тройной разрыв между тремя областями опыта: монистической, пантеистической и индивидуальной. Трансцендентный статус супраментального существа не упраздняет мира и индивидуальности так же, как и космический статус не лишает его ни Трансцендентного, ни индивидуальности, а индивидуальный статус не отрезает его ни от Трансцендентного, ни от космоса. Супраментальное существо не отбросило лестницу, стремясь к вершине, оно сознательно взбиралось по всем ступеням эволюции снизу доверху — нигде нет никаких разрывов, не пропущено ни одного связующего звена — а поскольку оно сохранило свою индивидуальность и не рассеялось в сияющей ничейной стране, то оно может не только восходить, но и нисходить по великой Лестнице существования и использовать свое материальное существо как связующее звено между самым верхом и самым низом. Его миссией на земле является установление прямого контакта между высшей Силой и индивидуальным, между высшим Сознанием и Материей — *соединить два конца*, — как говорила Мать. Супраментальное существо — это отличный проводник, по которому Реальное нисходит на землю. Именно поэтому жива надежда на то, что все аспекты слепой детерминированности, которая в настоящее время правит миром — Смерть, Страдание, Война, — смогут быть изменены этой высшей Детерминированностью и смогут уступить место новой, светоносной эволюции: *Мы предвидим духовную революцию, а революция материальная — это лишь ее тень и отражение*.[317]

Через два месяца своего пребывания в Шандернагоре Шри Ауробиндо вновь услышал Голос: *Отправляйся в Пондишери*. Несколько дней спустя он тайно взошел на борт «Дюплекса», перехитрив английскую полицию, и покинул Северную Индию навсегда. *Я принял за правило… двигаться с места лишь тогда, когда мною двигало Божественное*.[318] Последние сорок лет его жизни — вместе с Матерью — будут посвящены тому, чтобы превратить эту индивидуальную реализацию в реализацию земную: *Мы хотим низвести сюда суперразум как новое качество и свойство. Как разум есть в настоящее время перманентное свойство сознания в человечестве, точно так же мы хотим создать расу, в которой перманентным свойством сознания станет суперразум*.[319] И чтобы его намерения не подвергались ложным интерпретациям, Шри Ауробиндо постоянно подчеркивал следующее: *Проповедовать человечеству в будущем какую-нибудь религию, новую или старую, вовсе не является моей целью. Открыв путь, который все еще завален, а не основывать новую религию — вот моя концепция*.[320] Мы не можем сказать, завершится ли успехом супраментальное предприятие. Риши Вед не смогли «расчистить путь», не смогли открыть для каждого «великий проход» и превратить свою личную реализацию в перманентную коллективную. Вероятно, для этого была своя причина. Нам остается выяснить, сохраняется ли она и сегодня.

Глава 16. Человек — переходное существо

Первое время в Пондишери Шри Ауробиндо жил очень бедно. Имя его было занесено в черный список, а те, кто могли ему помочь, были далеко, почта его просматривалась цензурой, за каждым шагом следили английские шпионы, которые всеми возможными способами добивались его выдачи Англии, — вплоть до того, что подбрасывали в дом Шри Ауробиндо компрометирующие бумаги, а затем доносили на него французской полиции.[321] Они даже пытались похитить его. Шри Ауробиндо не имел никакого покоя до тех пор, пока однажды к нему в дом не пришел с обыском комиссар французской полиции. В ящике стола он нашел произведения Гомера и после того, как убедился, что это «настоящий греческий», так преисполнился уважения, проникся таким восхощением к этому джентльмену-йогину, который читал ученые книги и говорил по-французски, что просто ушел и никогда не возвращался. С тех пор изгнаннику разрешалось принимать всех, кого он пожелает, и перемещаться по собственному усмотрению. За ним в Пондишери последовало несколько товарищей по оружию в надежде, что их «лидер» возобновит политическую борьбу; но поскольку «Голос» безмолствовал, Шри Ауробиндо ничего не предпринимал. Кроме того, он видел, что политический процесс уже находится в развитии; в его соотечественниках разбужен дух независимости, и теперь события будут с неизбежностью развиваться по пути полного освобождения Индии, как он это и предвидел. Ему предстояло нечто другое.

Труды — творения

Основным занятием в первые годы изгнания было чтение Вед в оригинале. До сих пор Шри Ауробиндо читал их только в английском или индийском переводах и видел в них, подобно ученым-санскритологам, лишь ритуальные тексты, притом довольно неясные, имеющие *невысокую ценность или значение для истории мысли, или для живого духовного опыта.*[322] Но читая их в оригинале, он неожиданно открыл *постоянную жилу золота мысли и духовного опыта самой высокой пробы…*[323] *Я обнаружил, что мантры Вед очень точно озаряют ясным светом мои собственные психологические переживания, которым я не находил удовлетворительного объяснения ни в европейской психологии, ни в учениях Йоги или Веданты.*[324] Можно себе представить, что переживания Шри Ауробиндо несколько ошеломили его, и ему потребовалось несколько лет для того, чтобы ясно понять, что с ним произошло. Мы описали духовные переживания в Шандернагоре так, как будто ступень следовали четко друг за другом, и к каждой из них тотчас же давались исчерпывающие объяснения, но объяснения пришли гораздо позже. В то время он не имел никаких указателей, которые могли бы направить его путь. И тут самая древняя из четырех Вед,[325] Риг Веда, неожиданно указала ему на то, что он не совсем одинок на этой планете и не сбился с пути. То, что западные и даже индийские ученые не поняли необыкновенной глубины видения, пронизывающего эти тексты, не столь уж удивительно, если учесть, что санскритские корни имеют двойное или даже тройное значение, которое, в свою очередь, наделено двойной символикой — эзотерической и экзотерической. Гимны Вед можно читать интерпретируя их на двух или на трех различных уровнях значения, и даже после того, как находишь верное значение, все равно трудно полностью постичь такие строки, как «Огонь в воде», «гора, беременная высшим рождением», или поиски «утраченного

Солнца», после чего следует открытие «Солнца во тьме», если не испытал переживание духовного Огня в Материи, взрыва скалы Бессознательного или озарения в клетках тела. Сами риши говорили о «тайных словах, о мудрых пророчествах, которые сообщают свой внутренний смысл лишь провидцу» (IV.3.16). Поскольку Шри Ауробиндо уже обладал опытом, ему сразу открылось внутреннее значение Вед, и он начал перевод обширного фрагмента из Риг Веды, в частности, — прекрасные «Гимны мистическому Огню». Поразительно то, что риши пять или шесть тысяч лет тому назад[326] сумели передать с помощью мантр не только свои собственные переживания и опыт, но и опыт «предков», «отцов людей», как они их называли, — (а те жили на сколько тысячелетий раньше!) — причем этот опыт воспроизводился из поколения в поколение без малейшего искажения, без единого пробела, поскольку эффективность мантры зависит как раз от точности ее произношения. Здесь перед нами — самая древняя традиция мира в ее первозданном, нетронутом виде. То, что Шри Ауробиндо вновь открыл тайну начала нашего человеческого цикла (может быть, прежде были и другие циклы?) в век, который индийцы называют «черным», в *Кали-юге*, не лишено значения. Потому что, если правда, что Дно касается нового слоя, то и мы, должно быть, к чему-то приближаемся.[327]

Однако неверно отождествлять [опыт] Шри Ауробиндо с откровением Вед. Каким бы поразительным оно ни было для нас, для него это было только путевой вехой, подтверждением свершенного. Воскрешать Веды в двадцатом столетии, как будто они раз и навсегда воплотили в себе всю полноту Истины, было бы бесполезным занятием, потому что Истина никогда не повторяет себя дважды. Шри Ауробиндо сам писал об этом в несколько юмористическом тоне: *Поистине, это поразительное преклонение перед прошлым есть нечто прекрасное и страшное! В конце концов, Божественное — бесконечно, и развертывание Истины — это, возможно, бесконечный процесс… а не содержимое ореха, которое полностью уже извлечено пророком или мудрецом, первым расколовшим скорлупу, в то время как остальным ничего уж и не остается, как релизиозно раскалывать ту же скорлупу снова и снова.*[328] Шри Ауробиндо собирался работать не только над индивидуальной реализацией, подобно риши, но и над реализацией коллективной, причем в условиях, которые сильно отличались от тех, в которых жили доисторические пастухи. Прежде всего большую часть времени он должен был посвятить литературной работе, что, вероятно, в настоящий момент является одним из видимых признаков его деятельности на коллективном уровне. В 1910 г. в Пондишери приехал французский писатель Поль Ришар и встретился с Шри Ауробиндо; он был настолько поражен широтой его взглядов, что в 1914 г. предпринял вторую поездку туда только для того, чтобы встретиться с ним, и на этот раз уговорил Шри Ауробиндо изложить свои мысли на бумаге. Так было основано обозрение на двух языках, французскими выпусками которого заведовал Ришар. Родилась «*Арья*», или «*Обозрение Великого Синтеза*». Но грянула война, Ришар был отозван во Францию, и Шри Ауробиндо остался один и должен был публиковать каждый месяц шестьдесят четыре страницы на разнообразные философские темы, хотя он и не был философом: *Ох уж эта философия! Позвольте сообщить вам по секрету, что я никогда, никогда, никогда не был философом, хотя и писал философские произведения, — но это совсем другая история. Я знал весьма мало о философии до того, как стал практиковать Йогу и приехал в Пондишери, — я был поэтом и политиком, а не философом. Как мне это удалось и почему? Во-первых, потому, что Поль Ришар предложил мне сотрудничать в философском обозрении, — а поскольку моя теория такова, что в соответствии с ней Йогин должен уметь приложить руки к любому делу, то я не слишком сопротивлялся; затем ему пришлось идти на войну, и он оставил меня в очень тяжелом положении: каждый месяц я должен был писать шестьдесят четыре страницы на темы философии, причем совершенно один. Во-вторых, потому, что я должен был только записывать на языке интеллекта все, что я наблюдал и узнавал во время ежедневной практики*

Йоги, и философия присутствовала там автоматически. Но ведь это не значит быть философом![329] Так Шри Ауробиндо стал писателем. Ему было сорок два года. Характерно, что сам он ничего не решал: «внешние» обстоятельства подвигнули его на этот путь.

В течение шести лет без берерыва, до 1920 г., Шри Ауробиндо публикует почти все свои сочинения — около пяти тысяч страниц. Однако писал он совсем необычно — не одну книгу за другой, а четыре или даже шесть книг одновременно и на самые разные темы — такие книги, к а к *«Жизнь Божественная»*, его фундаментальный «философский» труд, в котором представлено его духовное видение эволюции, *«Синтез Йоги»*, где он описывает различные стадии и переживания интегральной йоги и исследует все йогические учения прошлого и настоящего, *«Этюды о Гите»*, где изложена его философия действия, *«Тайна Вед»* с исследованием происхождения языка, *«Идеал человеческого единства»* и *«Человеческий цикл»*, в которых оволюция рассматривается с социологической и психологической точек зрения и исследуются грядущие возможности человеческих коллективов и объединений. Он нашел

Единый символ, ключ к символу любому.

The single sign interpreting every sign.[330]

День за днем Шри Ауробиндо спокойно заполнял страницы своих сочинений. Любой другой был бы утомлен до изнеможения, но он не «думал» о том, что писал: *Я не принуждал себя писать, — объясняет он ученику, — я просто предоставлял высшей Силе работать, и когда она не работала, я не предпринимал абсолютно никаких усилий. Это в прежние «интеллектуальные» дни я пытался иногда форсировать события, но не после того, как я начал развивать свои способности в поэзии и прозе с помощью Йоги. Позвольте также напомнить вам, что и когда я писал для «Арьи», и когда пишу эти письма или ответы, я никогда не размышляю… Я пишу в безмолвии разума и пишу лишь то, что приходит свыше, причем уже в законченной форме.*[331] Часто те ученики, которые были писателями или поэтами, просили его объяснить йогический процесс литературного творчества. Он объяснял это очень подробно, зная, что творческая деятельность — это мощное средство приближения границы сверхсознательного и низведения в Материю светоносных потенций будущего. Его письма конкретны и поучительны: *Лучший отдых для мозга, — пишет он в одном из них, — это когда мышление происходит вне тела и головы (или в пространстве, или же на других уровнях, но именно вне тела). Во всяком случае, так было у меня; ибо как только это происходило, тут же наступало чрезвычайное успокоение; с тех пор я чувствую напряжение тела, но мозговую усталость — никогда.*[332] Подчеркнем, что «мышление вне тела» вовсе не является супраментальным феноменом, — это очень простой опыт, достижимый в начале установления ментального безмолвия. Подлинным методом, согласно Шри Ауробиндо, является достижение стадии, лишенной всякого личного усилия, — нужно полностью стушеваться, уйти в тень и просто позволить потоку войти и пронизать себя: *Есть два способа встать на Великий Столбовой Путь. Первый — это карабкаться, бороться и совершать усилия (как пилигрим, который пересекает Индию, простираясь по земле и измеряя путь своим телом: это путь усилия). И вот однажды вы вдруг обнаружите, что находитесь на ВСП, притом — когда вы меньше всего ожидаете этого. Второй способ — это успокаивать ум до тех пор, пока более великий Разум не заговорит через него (здесь я не говорю о Супраментальном).*[333] Но тогда, спрашивает ученик, если это не наш разум думает, если мысли приходят извне, то почему между

мыслями одного человека и другого такая большая разница? *Прежде всего, — отвечает Шри Ауробиндо, — эти мыслеволны, мысли-семена, мыслеобразы, или чем бы они ни были, имеют различное значение и приходят из различных планов сознания. И одна и та же субстанция мысли может принимать более высокие или более низкие вибрации в зависимости или от плана сознания, через который входят мысли (т. е. мыслящий разум, витальный разум, физический разум, подсознательный разум), или от силы сознания, которая завладевает ими и помещает их в того или иного человека. Кроме того, в каждом человеке есть некое вещество ума, и приходящая мысль использует его для того, чтобы придать себе форму или выразить себя (то, что мы обычно называем транскрипцией), но вещество это бывает более тонким или более грубым, более сильным или более слабым и т. д. и т. д. в уме одного, чем в уме другого. Также в человеке присутствует действующая или потенциальная энергия разума, у каждого своя, и эта энергия разума по своей восприимчивости мысли может быть светящейся или темной, саттвичной (ясной, спокойной), раджасичной (страстной) или тамасичной (инертной), отсюда и проистекают различия.*[334] Шри Ауробиндо добавляет: *Интеллект — это до нелепости сверхдеятельная часть природы; он всегда думает, что ничего нельзя хорошо сделать, если он не вмешается, и поэтому он инстинктивно смешивается с вдохновением, половину его или большую часть блокирует и работает заменяя собственными низшими, утомительными произведениями истинные речь и ритм, которые должны были прийти. Поэт трудится в муках для того, чтобы найти одно истинное слово, верный ритм, нистоящую божественную субстанцию того, о чем он должен сказать, и во все это время оно ожидает на заднем плане, завершенное и готовое.*[335] Но ведь усилие помогает, вновь протестует ученик, и вдохновение приходит в результате подхлестывания, пришпоривания мозга: *Именно! Когда вы что-то получаете, то это происходит не в результате подхлестывания, умственных толчков и ударов, но потому, что вдохновение проскальзывает в момент между поднятием и опусканием молота и входит под прикрытием ужасного шума.*[336] После того, как Шри Ауробиндо написал столько книг для своих учеников, он говорил, что на самом деле единственным назначением книг и философий является не просвещение ума, а его успокоение с тем, чтобы он мог, перейдя к опыту, получать непосредственное вдохновение. Он сделал следующее заключение по поводу положения разума на эфолюционной шкале: *Разум — это неуклюжая интерлюдия между широким и точным подсознательным действием Природы и еще более широким непогрешимым действием Божественного. Нет ничего, доступного уму, чего нельзя было бы сделать лучше при полной неподвижности ума и в безмолвии, свободном от мысли.*[337]

По прошествии шести лет, в 1920 г., Шри Ауробиндо почувствовал, что на сегодня он сказал достаточно. Работа в «Арье» завершилась. Остальную часть его сочинений почти полностью составляют письма — тысячи и тысячи писем, содержащие все практические указания, касающиеся йогических опытов, трудностей и прогресса, и, наконец, самое главное его сочинение, гениальный эпос (28813 строк) «Савитри», который Шри Ауробиндо будет писать и переписывать в течение тридцати лет; эпос этот подобен пятой Веде, это живое послание, в котором он говорит о переживаниях в высших и низших мирах, о своих сражениях в Подсознательном и Бессознательном, о всей оккультной истории эволюции на Земле и во вселенной и о своем видении будущего.

И знаками души своей все во вселенной постигая,
Он письмена явлений внешних читал из внутренней их сути.

Interpreting, the universe by soul signs

He read from within the text of the without.[338]

Мать

Шри Ауробиндо пришел на землю не только для того, чтобы писать, — он должен был делать дела. Издание «Арьи» он прекратил в 1920 г., когда в Пондишери приехала Мать.[339] *Когда я прибыл в Пондишери,* — сказал как-то Шри Ауробиндо своим первым ученикам, — *программа для моей садханы [дисциплины] диктовалась мне изнутри. Я следовал ей и продвигался сам, но не мог оказать какой-нибудь значительной помощи другим. Затем приехала Мать, и с ее помощью я нашел необходимый метод.*[340]

Трудно говорить о Матери — наверное, потому, что любое описание такой личности, как она, слишком статично — она была Силой в движении. Все, что произошло вчера, все, что было сказано, сделано или пережито даже вчера вечером, представлялось ей уже старым и неинтересным. Она всегда была впереди, на острие. Она была рождена для того, чтобы *разрушать препятствия,* как Савитри. Поэтому вряд ли имеет смысл заключать ее жизнь и деятельность в рамки краткой описательной биографии.

Приведем лишь самые необходимые для нашего повествования факты. Родилась она в Париже 21 февраля 1878 г.; она, как и Шри Ауробиндо, имела супраментальное видение. Поэтому не удивительно, что, обладая таким сознанием, она знала о существовании Шри Ауробиндо задолго до того, как встретила его на физическом плане, и прибыла в Пондишери с тем, чтобы присоединиться к нему. *В возрасте между одиннадцатью и тринадцатью годами, — говорила Мать, — у меня было несколько психических и духовных переживаний, которые открыли мне не только существование Бога, но и то, что человеку дано полностью обрести Его в сознании и действии и проявить Его на земле в божественной жизни. Это откровение, как и практические рекомендации для достижения такой цели, были даны мне во время сна моего тела несколькими учителями, некоторых из них я встретила позже на физическом плане. С течением времени, в ходе моего внутреннего и внешнего развития, психическая и духовная связь с одним из этих существ становилась все более ясной и содержательной… В тот момент, когда я увидела Шри Ауробиндо, я осознала, что он пришел на землю для исполнения именно этой работы и что именно с ним мне предстояло работать.* «Трансформация» началась. В 1926 г., когда Шри Ауробиндо ушел в полное уединение, Мать взяла на себя все заботы, связанные с деятельностью Ашрама, и она же продолжила Работу после его ухода в 1950 г. *Сознание Матери и мое сознание — это одно и то же.*[341] Чрезвычайно символично, что живой синтез между Востоком и Западом в лице Шри Ауробиндо достиг кульминации в результате этой встречи Востока и Запада, и представляется, таким образом, что мир может быть завершен лишь соединением этих двух полюсов существования — Сознания и Силы, Духа и Земли, Его и Ее.

Контуры эволюции

Все мы раньше или позже должны будем присоединиться к работе по трансформации,

которую начали Шри Ауробиндо и Мать, — потому что это наше эволюционное будущее. Если мы хотим понять, что собою представляет этот процесс, его сложности и шансы на провал или успех, то для начала мы должны понять смысл нашей эволюции с тем, чтобы по возможности принимать в ней активное участие, а не дожидаться, пока века, тысячелетия после бесконечных зигзагов не закончат свое дело. Шри Ауробиндо отнюдь не имеет в виду конструирование теорий и схем, его видение эволюции основывается на опыте и только на опыте. И если он попытался выразить свое видение так, что это может показаться нам набором неких теоретических формул, — а все потому, что мы не имеем (пока) опыта, — то сделал он это вовсе не для того, чтобы добавить еще одну идею к миллионам идей-сил, действующих в мире, но для того, чтобы помочь овладеть нам так сказать «рычагом» нашего собственного динамизма и ускорить эволюционный процесс. И нет сомнений, что нынешнее состояние человечества таково, что медлить здесь просто нельзя.

Ключем является *Агни* — сознание-сила, и вся эволюция может быть описана как некое путешествие Агни в четырех движениях — инволюции, деволюции, инволюции. эволюции — путешествие, исходящее из вечного Центра и в то же время в Нем и пребывающее. Это четвертичное движение — на самом деле Он сам. Все есть Он. *Он сам — игра, Он сам — игрок, Он сам — игровая площадка.*[342] Он — вне времени и пространства, чистое Бытие, чистое Сознание, Великое белое Безмолвие, все здесь пребывает целиком и полностью, но еще бесформенное, пребывает в состоянии *инволюции.* И вот Он осуществляет самостановление: Сила отделяется от Сознания, Она — от Него, и начинается путешествие Агни:

> *…рассеянная в неизведанных глубинах, ее лучащаяся улыбка*
> *Огнем зажгла безмолвие миров.*
>
> *…scattered on sealed depths, her luminous smile*
> *Kindled to fire the silence of the worlds.*[343]

В порыве радости Она бросается прочь от Него для того, чтобы играя вновь обрести Его во времени — Он и Она, двое в едином. *Итак, что же собою представляло начало всей материи? Существование, которое множилось ради одного только восторга бытия и погружалось в формы, которым несть числа, дабы обретать и обретать себя до бесконечности.*[344] Но это начало — начало вечное, оно полагает себя отнюдь не во Времени. Когда мы говорим «сначала» Вечное, «затем» — Становление, мы снова становимся пленниками иллюзии нашего пространственно-временного языка — точно так же, когда мы употребляем термины «высокое» и «низкое». Наш язык ложен, как и наше видение мира. В действительности Бытие и Становление, Он и Она — это две *одновременных* ипостаси одного и того же вечного ФАКТА — вселенная есть вечный феномен, такой же вечный, как и вневременное Безмолвие: *В начале, говорят, было Вечное, Бесконечное, Единое. В середине, говорят, находится конечное, преходящее. Множественность. В конце, говорят, будет Единое, Бесконечное, Вечное. Но когда же было начало? Нет такого момента во Времени, поскольку начало существует каждое мгновение; начало всегда было, всегда есть и всегда будет. Божественное начало — прежде времени, во Времени и за пределами Времени навеки. Вечное, Бесконечное и Единое — это не имеющее конца начало. А где же находится середина? Середины нет; есть только соединение непрерывного конца и вечного начала; это символ творения, которое в каждое мгновение является новым. Творение было вечно, всегда существует и во веки веков пребудет. Вечное,*

Бесконечное и Единое — это магический средний термин[345] *[некое неуловимое связующее звено] его собственного существования; это оно является безначальным и не имеющим конца творением. А когда же будет конец? Конца нет. Ни в какой момент не может быть разрыва. Ибо всякий конец вещей — это начало других вещей, которые суть все то же Единое в вечно развивающемся и вечно повторяющемся образе. Ничто не может быть разрушено, потому что все — это Он, который пребывает вечно. Вечное, Бесконечное и Единое — это невообразимый конец, который никогда не замыкается на новых нескончаемых перспективах своей славы.*[346] И Шри Ауробиндо добавляет: *Эксперимент человеческой жизни на земле разыгрывается не впервые. Уже миллион раз он был проведен, и миллион раз эта длительная драма еще повторится. Во всем, что мы сейчас делаем, в наших мечтах, открытиях, легких или дающихся трудом достижениях, мы подсознательно пользуемся опытом бесчисленных предшественников, и труд наш принесет плоды на не известных нам планетах и в еще не созданных мирах. И план, и перипетии, и развязка всегда различны, но всегда управляются соглашениями вечного Искусства. Бог, Человек, Природа — вот три символа вечных. Идея вечного повторения вызывает тревожную дрожь в уме, поглощенном чем-то конечным (будь то минута, час, год или даже годы и столетия) и в нем находящем защиту. Но сильная душа, сознающая свой бессмертный материал и неисчерпаемый океан своих вечно текущих энергий, захватывается всем этим с трепетом непостижимого восторга. По ту сторону мысли она слышит детский смех и экстаз Бесконечного.*[347]

Непрестанное движение от Бытия к Становлению есть то, что Шри Ауробиндо называет *дореволюцией*. Переход этот осуществляется постепенно; высшее Сознание становится Материей не скачком. Материя — это конечный осадок, конечный продукт в определенном смысле последовательно, от плана к плану возрастающего дробления или «материализации» сознания. На «вершине» этой дореволюционной кривой — это на самом деле не вершина, а некий вездесущий наивысший Максимум — пребывает супраментальная Сознание-Сила, которая охватывает единым Взглядом все бесконечные возможности Становления подобно тому, как солнечный Огонь содержит все лучи внутри своего центра: «Они сняли ярмо с коней, — говорит Риг Веда, — десять тысяч — стояли вместе, это было Единое, *тад экам*» (V.26.1). Ниже открывается план Глобального Разума: начинается «великое расщепление» сознания, расходятся лучи Солнца, единая Сознание-Сила с этих пор раздробляется на триллионы сил, каждая из которых стремится к своей абсолютной реализации. Раз начавшись, эта Игра не остановится до тех пор, пока не исчерпаются все возможности, включая и те, которые, как кажется, находятся в полном противоречии с вечным Игроком. Сила ввергает себя во все более яростное движение, как если бы она стремилась прорваться к своим крайним пределам, ощутить себя где-то все дальше и дальше и заменить Единое громадной, но все же не равной Ему суммой. И сознание рассеивается. Оно разбивается на все более и более мелкие части, становясь все более плотным, тяжелым и темным, образуя планы или миры, — каждый со своими существами или силами, со своей особой жизнью. Свидетельства тому можно отыскать в любой традиции; мы также можем видеть их во сне или с открытыми глазами, если наше внутреннее видение освободилось от пелены. От богов — к «гномам»: сознание дробится, крошится и превращаеся в пыль — Глобальный Разум, Интуитивный Разум, Озаренный Разум, Высший Разум, затем витальный и тонкий физический — оно все более и более уловляется своей силой, вязнет в ней, рассеивается на крошечные мелкие инстинкты, на маленькие, стремящиеся лишь к выживанию тропизмы, и так далее — вплоть до своего конечного растворения в Материи, где все суть лишь осколки, фрагменты. «В начале, — говорит Веда, — тьма в себе хранила тайно тьму — целый океан бессознания. Раздробленность скрывала мировую душу» (X.129.1,5). Деволюция завершена, это *погружение Света в собственную тень,*[348] т. е. в Материю.

Итак, перед нами — два полюса. На вершине — некое Отрицательное (или Положительное, в зависимости от личного предрасположения), где Сила словно поглощена лучащимся Ничто, залив покоя без ряби, где содержится все (все *уже* там) и где нет никакой необходимости даже в малейшем движении для того, чтобы быть — *это есть*. На другом полюсе — некое высшее Положительное (или Отрицательное, если угодно), где Сознание словно погружено в темное Ничто, бездну слепой Силы, вечной пленницы своего темного кружения — таким образом осуществляется становление, неумолимое и непрестанное. Эта исходная, первичная двойственность с необходимостью порождает и все остальное: Единое и Бесчисленное, Бесконечное и Конечное, Сознание и Силу, Дух и Материю, Бесформенное и неистовство форм — Его и Ее. Все наше существование заключено между этими двумя полюсами; некоторые из нас желают видеть лишь Трансцендентное, которое они называют высшим Положительным, и отвергают Материю как некую временную ложь, которую нужно пережить, ожидая Великого Возврата (но где может иметь место этот Возврат, если не везде, во всех точках, снизу и сверху, справа и слева!), иные верят безгранично лишь в Материю, которую они тоже называют высшим Положительным, и отрицают Дух, как вполне определенную и к тому же «отрицательную» ложь, поскольку в соответствии с человеческой логикой положительное не может быть отрицательным, или наоборот. Но это не так. Сознание не исключает Силу, Материя — Дух, Бесконечное — конечное, точно так же, как «верх» не уничтожает «низ» — *есть* «низ», который является таковым только относительно, для нас, и, более того, каждая из крайностей уже содержит в себе прикровенно своего вечного Спутника: *В мире, как мы его видим, т. е. как он предстает нашему ментальному сознанию, даже в самых высоких его проявлениях, мы находим, что для каждого положительного существует отрицательное. Но отрицательное — это не нуль, на самом деле то, что кажется нам нулем, наполнено силой, изобилует энергией существования… Точно так же существование отрицательного не исключает существования своего соответствующего положительного, не превращает его в нечто нереальное; оно лишь показывает, что положительное есть неполное утверждение истины вещей, и даже, можно сказать, истины, самого положительного. Ибо положительное и отрицательное существуют не только рядом друг с другом, но и посредством друг друга, будучи теснейшим образом взаимосвязаны; они дополняют друг друга, а для тотального видения, которого лишен ограниченный ментальный рассудок, они также и объясняют друг друга. В своей разделенности, изолированно, их невозможно познать по-настоящему; мы только тогда начинаем познавать нечто в его глубинной истине, когда мы можем прочесть в нем признаки его кажущейся [apparent] противоположности.*[349]

Наверху Она как бы погружена в сон в Нем, внизу Он как бы погружен в сон в Ней, Сила растворяется в Сознании, а Сознание — в Силе, Бесконечное содержится в конечном, как дерево со всеми своими ветвями содержится в семени. Это то, что Шри Ауробиндо называет «инволюцией»: *Несознание Материи — это некое прикровенное, вовлеченное или сомнамбулическое сознание, которое содержит в себе все скрытые силы Духа. В каждой частице, атоме, молекуле, клетке Материи скрыто присутствует и незаметно работает все всезнание Вечного и все всемогущество Бесконечного.*[350] За инволюцией наверху следует новая эволюция внизу, таким образом здесь все неявно содержится в Ночи — так же, как все неявно содержалось в Свете наверху. *Агни* пребывает там, «как некая горячая золотая пыль», «*Агни* вошел в землю и в небеса, как если бы они были едины», — говорит Риг Веда (III.7.4). *В известном смысле можно утверждать, что все творение — это движение между двумя инволюциями: Духа, в котором все пребывает в вовлеченном состоянии и из которого все эволюционирует в направлении вниз (или деволюционирует) к другому полюсу Материи, и Материи, в которой также в вовлеченном состоянии содержится все и из которой оно*

эволюционирует вверх к другому полюсу Духа.[351]

Без такой инволюции эволюция была бы невозможна, ибо каким образом хотя бы что-то может возникнуть из ничего? Для того, чтобы имела место эволюция, нечто должно расти изнутри! *Ничто не может эволюционировать из Материи, если оно уже не содержится в ней.*[352] Это *Агни* является побудителем, двигателем, скрытым в глубинах этого пробуждающегося оцепенения, это он стоит за эволюционным взрывом форм. Это сама Сила в поисках Сознания. Она, ищущая Его, ищущая все более и более подходящие формы для того, чтобы проявить Его. Это Она выходит из своей бессознательной Ночи и карабкается ощупью в миллионах своих дел и миллионах видов, стремясь вновь открыть во всем красоту Единственной утерянной Формы, открывать и открывать Радость, бывшую когда-то единой, *блаженство в миллионах тел,*[353] а не пустой экстаз. Если у нас есть «ухо ушей», о котором говорят Веды, то, наверное, мы можем повсюду услышать Ночь, взывающую к Свету, замурованное Сознание, взывающее к Радости, *глубинный духовный вопль во всем существующем [the deep spiritual cry in all that is]*[354] — это то, что прорывается из глубины, Огонь внутри, пламя в Материи, пламя Жизни, пламя в нашем Разуме, пламя в нашей душе. Именно этим Огнем должны мы овладеть, это *та самая* нить, рычаг, скрытый эволюционный ускоритель, душа и пламя мира. Если бы этот мир был создан из какого-то безжизненного и инертного материала, то он никогда бы и не стал чем-то иным; если бы душа уже не находилась в Материи, то она никогда бы и не появилась в человеке: *Но что же стоит за внешними феноменами? Что представляет собою эта видимая мистерия? И мы видим, что это когда-то потерявшее себя и вновь себя обретающее Сознание выбирается из своего глубочайшего забытья, выбирается медленно, болезненно, в форме жизни, которая учится просто ощущать, причем сначала смутно, несовершенно, затем полностью, и, наконец, в итоге этой борьбы, преодолевая порог только лишь ощущений для того, чтобы стать божественно самосознательной, свободной, бесконечной, бессмертной.*[355]

И так до тех пор, пока Она не придет к человеку, к своему сознательному орудию, в котором, с помощью которого и посредством которого Она сможет вновь обрести Его: *Все наше человеческое — это место сознательной встречи конечного и бесконечного, а расти все больше и больше к Бесконечному даже в этом физическом рождении — это наша привилегия.*[356] Когда *Агни* достигает человеческой стадии своего путешествия, совершается нечто совершенно особое. На предыдущих стадиях эволюционное пламя, по-видимому, убывает само по себе, как только среда следующего этапа обретает полную устойчивость. Кажется, что изобилие растительной жизни идет на убыль, когда в жизни прочно утверждаются животные виды; подобным же образом многообразие животной жизни как бы убывает, когда в эволюции окончательно упрочивается человечество, — похоже, что Природа не создала ни одного нового животного или растительного вида с тех пор, как человек занял место на вершине эволюции. Иными словами, виды становятся постоянными; достигнув определенного уровня совершенства, каждый по-своему, они остаются неизменными. Однако в человеке эволюционное напряжение не спадает, хотя этот вид является прочно установившимся в эволюции. Он не завершен, не удовлетворен, как другие виды, не обладает покоем и радостью от достигнутого равновесия: *Человек является ненормальным, не нашедшим своей так сказать «нормальности» — он может думать, что нашел ее, может казаться, что он нормален в своем роде, но нормальность эта — лишь некий временный порядок; следовательно, хотя человек и более велик, чем растение или животное, он не является по своей природе совершенным, подобно растению и животному.*[357]

Не стоит сожалеть об этом несовершенстве, — говорит Шри Ауробиндо, — наоборот, это *привилегия и обещание.* Если бы мы были совершенны и гармоничны при существующем порядке вещей, безгрешны, безупречны, то мы бы уже были постоянным видом, подобно

земноводным и моллюскам. Но в нас, подчиненных великой космической Игре, сила еще не полностью нашла свое сознание, природа наша не обрела своего духа; Она не нашла Его — был ли когда-нибудь удовлетворен Платон, обрел ли покой Микеланджело? «Однажды вечером я посадил Красоту к себе на колени. — И нашел ее горькой», — сетовал Рембо. Это тоже признак того, что вершина ментальной интеллектуальности или же утонченного эстетизма не является ни концом путешествия, ни абсолютной полнотой, ни великим Равновесием между Ним и Нею, соединившимися вновь. Дух, который медленно пробуждается внутри, — Он в Ней, — маленькое пламя в центре, — сначала касается маленьких частичек, молекул, генов, протоплазмы, психологически же он водворяется в обособленном, ущербном эго; он не обладает хорошим видением, он движется ощупью в темноте; при этом он «вовлечен» вдвойне и видит только сквозь узкую ментальную щель между бездонным подсознательным и гигантским сверхсознательным. Эта так сказать «инфантильная» раздробленность, поскольку она есть прямое наследие детства человечества, и является причиной всех наших ошибок и страданий. Нет иного «греха», все наше зло проистекает из этой узости видения, ложного видения и себя, и мира. Ибо на самом деле весь мир вплоть до каждой клетки нашего тела — это *Сат-Чит-Ананда,* Существование-Сознание-Блаженство, мы — это свет и радость. *Наши чувства по своей способности смогли изобрести лишь тьму. В действительности же нет ничего, кроме Света, только сила Его пребывает или выше, или ниже ограниченного диапазона нашего жалкого человеческого видения.*[358] Все — это радость: «Ибо кто поистине мог бы жить, кто мог бы дышать, если бы не было этого блаженства в пространстве?» — говорят Упанишады.[359] Это наше несовершенное видение скрывает от нас *абсолютное счастье в сердце вещей,*[360] а наши *бледные чувства,*[361] еще слишком незрелые, не могут охватить всю эту безбрежность, ибо Дух в нас еще не полностью раскрыл себя. Путешествие Агни еще не закончено. Согласно Шри Ауробиндо, человек не есть предельная точка эволюции, человек — это *переходное существо.*[362] *Мы говорим об эволюции Жизни в Материи, об эволюции Разума в Материи; но эволюция — это слово, которое просто констатирует феномен, не объясняя его. Ведь, по-видимому, нет никакой причины, вследствие которой Жизнь должна эволюционировать лишь из материальных элементов, а Разум — только из живых форм, если не допустить, что Жизнь уже заключена в Материи, а Разум — в Жизни, потому что Материя в сущности представляет собой форму скрытой [veiled] Жизни, а Жизнь — это форма завуалированного [veiled] Сознания. Но тогда не предвидится особых возражений против того, чтобы сделать следующий шаг в этом ряду и допустить, что и само ментальное сознание может быть только формой, некой внешней частью более высоких состояний, лежащих за пределами Разума. В таком случае непобедимое стремление человека к Богу, Свету, Блаженству, Свободе, Бессмертию вполне оправданно занимает свое четко определенное место во всей цепочке, а именно это есть властное стремление, некий императив, с помощью которого Природа старается эволюционировать за пределы Разума, причем оно представляется таким же естественным, истинным и обоснованным, как и стремление к Жизни, которым Природа наделила формы Материи, или же стремление к Разуму, которым она наделила, в свою очередь, некоторые формы жизни… Животное — это живая лаборатория, в которой Природа, можно сказать, выработала человека. Человек же сам вполне может стать живой мыслящей лабораторией, в которой с помощью его, уже теперь сознательного сотрудничества Природа хочет создать сверхчеловека, бога. Или, может быть, лучше сказать, проявить Бога?*[363] Если удастся совершить этот сложный переход, то будет достигнуто великое Равновесие, мы вступим в некую «бескрайнюю обитель» (Риг Веда V.68.5); Сила вновь обретет свое Сознание и перестанет бродить вслепую, а Сознание вновь обретет всю свою Силу в понимании, в любви, во

всем.

Но и риши знали, что путешествие не закончено; они говорили, что *Агни* «скрывает две свои крайности», что он «не имеет ни головы, ни ног» (Риг Веда IV.1.7,11); а мы — это какое-то ущербное племя между сверхсознательным *Агни* небес и подсознательным *Агни* земли, и мы страдаем, мы не знаем покоя в нашей жалкой юдоли — кто в поисках своих небес, кто — в поисках своей земли, — не умея объединить то и другое. Среди нас должна родиться некая новая раса, совершенный Человек, если только мы дадим на это свое согласие: «Тки, тки свою основу нерушимую, становись человеческим существом, создавай божественную расу… Вы — пророки Истины, точите блестящие копья, которыми вы пробьете путь к тому, что Бессмертно; знающие тайные планы, стройте лестницу, восходя по которой боги достигли бессмертья» (X.53). Тогда мы вновь обретем нашу солнечную полноту, две наши скрытые крайности, двух наших Матерей в одном: «О Огонь, о *Агни*, ты востекаешь к океану небес, к богам; ты делаешь так, чтобы божества всех чинов встретились вместе, чтобы слились воедино воды светоносного царства, что выше солнца, и воды, пребывающие внизу» (III.22.3). Тогда мы будем обладать радостью этих двух миров, — а, впрочем, и всех миров, — *Анандой* земли и небес, как если бы они были едины: «О Огонь, ты основываешь смертное в высшем бессмертии… для пророка, жаждущего двойного рождения, ты создаешь божественное блаженство и человеческую радость» (I.31.7). Ибо такова конечная цель нашей эволюции — радость. Люди говорят о любви, но разве есть еще хотя бы одно слово, более искаженное нашей сентиментальностью, нашими политическими партиями, нашими церквями? Эту же радость подделать не может никто, потому что она — ребенок, смеющийся на солнце; она любит, ей хочется вовлечь все-все в свой грандиозный танец. Да, это настоящая радость, нужно только решиться захотеть ее. *Лавры, а не крест должны быть Целью, устремленной к победе человеческой души,*[364] — но *люди до сих пор влюблены в печаль… Поэтому Христос до сих пор распят на кресте в Иерусалиме.*[365] Радость бытия, тотального бытия, во всем, что существует, что было и будет здесь, там, повсюду, *как если бы мед мог попробовать себя и всякую свою частицу сразу, а всякая частица могла отведать любую другую, и каждая из них — все медовые соты целиком.*[366] Тогда эволюция выйдет из Ночи и вступит в Солнечный цикл. Наша жизнь будет протекать под Знаком Единого. Распятый бог в нас сойдет со своего креста, и человек станет наконец Самим Собой — станет нормальным. Ведь быть нормальным значит быть божественным. *Есть только два естественных гармоничных движения — несознательное или в значительной мере подсознательное движение жизни, гармонию которого мы находим у животных тварей и в низшей Природе, и движение духа. Человеческое состояние — это стадия перехода, усилия и несовершенства между одним движением и другим, между жизнью естественной и идеальной, или духовной жизнью.*[367]

Глава 17. Трансформация

Проявление Духа в супраментальном сознании и в новом теле, новой расе так же неизбежно, как и появление Homo sapiens после приматов. Единственный существенный вопрос заключается в том, будет ли эта новая эволюция совершаться с нашей помощью или без нее. Вот как выразил эту дилемму Шри Ауробиндо: *Если духовное раскрытие на земле — это скрытый смысл нашего рождения в Материи, если и в самом деле в Природе осуществляется некая эволюция сознания, то человек таков, как он есть, не может быть предельной точкой этой эволюции: он является слишком несовершенным орудием духа, сам разум является слишком ограниченной формой и орудием; разум — это некий средний этап сознания, и ментальное существо может быть лишь переходным существом. Но тогда, если человек не способен выйти за границы ментальности, то он должен быть превзойден, должны проявиться суперразум и сверхчеловек, проявиться и стать во главе творения. Но если его разум способен открыться тому, что его превосходит, то тогда нет никаких причин, мешающих человеку самому достичь суперразума и сверхчеловечества или, по крайней мере, отдать свою ментальность, жизнь и тело в распоряжение эволюции на этом великом этапе деятельности Духа, проявляющегося в Природе*.[368] Мы вплотную приблизились к новому *кризису трансформации*,[369] — говорит Шри Ауробиндо, — кризису такому же радикальному, как и те, которыми были отмечены появление Жизни в Материи и появление Разума в Жизни. И позиция наша очень важна, потому что на этот раз вместо того, чтобы позволить Природе самостоятельно совершать свою работу и не заботиться о существующих обстоятельствах, мы можем стать «сознательными сотрудниками нашей эволюции». Как говорит Шри Ауробиндо, мы можем принять вызов или оставить его незамеченным.

Перспективы будущего

Какой будет эта новая раса? Понимание конечного результата — это уже большой шаг на пути, потому что понимание и стремление к этому Будущему открывают невидимую дверь в нас, через которую могут войти силы более великие, чем наши собственные, и мы действительно станем сотрудниками. Ведь это не наши человеческие силы осуществят переход к суперразуму, но это произойдет благодаря все более и более сознательному подчинению Силе свыше.

Мы уже описали сознание супраментального существа, но, может быть, имеет смысл повторить вместе с Шри Ауробиндо, что *сверхчеловечество — это не человек, восходящий к своему естественному зениту, не высшая степень человеческого величия, знания, силы, интеллекта, воли, характера, гения, динамической силы, святости, любви, чистоты или совершенства. Суперразум — это нечто, находящееся за пределами ментального человека и его ограничений*.[370] Предоставленный самому себе и достигший своих пределов, Разум может лишь заковать, закрепостить человека и совсем не в силах обожить его или даже просто дать ему радость, потому что он представляет собой орудие разделения, и все его иерархии неизбежно основываются на грубом господстве, какой бы характер оно ни носило — религиозный, моральный, политический, экономический или эмоциональный, поскольку в силу самого своего строения Разум не способен охватить всю полноту человеческих истин. И даже когда он оказывается способным сделать это, он не может воплотить это в жизнь. Если бы в конечном

счете коллективная эволюция действительно не могла бы предложить нам ничего лучшего, чем приятную смесь человеческого и социального «величия», — какой-то винегрет из Св. Винцента де Поля[371] и Ганди — с легкой приправой из марксизма-ленинизма и оплачиваемых отпусков, то такой конец представляется, не правда ли, еще более бесцветным, ничтожным и пошлым, чем все эти миллионы «золотых птиц» или струнные квартеты, т. е. все наивысшее, что было создано в ходе индивидуальной ментальной эволюции. Если бы многие тысячелетия страданий и борьбы завершались бы таким вот маскарадом на земле, то по сравнению с ним *Пралайя* или любое другое космическое разрушение, которые пророчили древние традиции, было бы, наверное, не таким уж плохим концом.

Если наши ментальные способности оказываются недостаточными даже в высшей точке своего развития, то наши витальные и физические способности — тем более. Вряд ли Дух, проявляя себя в супраментальном сознании, удовлетворится телом, подчиненным физическим законам разложения и тяготения, вряд ли он примет в качестве единственных средств выражения наш ментальный язык, перо, резец, или кисть с их крайне ограниченными возможностями, т. е. Материя должна будет измениться — именно это подразумевается под словом «Трансформация». И прежде всего — наша собственная материя, тело: *В духовной традиции тело считалось препятствием, не способным к одухотворению или переделке, тяжелым бременем, удерживающим душу в земной природе и мешающим ее восхождению или к духовному завершению в Высшем, или к растворению ее индивидуального существования в Высшем. Но если эта концепция роли тела в нашей судьбе является вполне приемлемой для садханы [дисциплины], которая рассматривает землю лишь как поле невежества, а земную жизнь — как подготовку к спасительному уходу… то она недостаточна для садханы, которая понимает божественную жизнь на земле и освобождение самой земной природы как часть тотальной цели воплощения духа здесь. Если нашей целью является полная трансформация существа, то необходимой частью этого должна быть трансформация тела; иначе божественная жизнь на земле во всей своей полноте не возможна.*[372]

Основной чертой супраментализованной Материи Шри Ауробиндо считает восприимчивость: она станет способной отвечать сознательной воле и изменяться в соответствии с ее велениями, как глина меняет свою форму под пальцами горшечника. Освобождая скрытую духовную силу, которую она содержит в себе, и становясь открыто сознательной, Материя сможет отвечать соответствующим вибрациям супраментального сознания точно так же, как мы отвечаем на вибрацию гнева гневом или на вибрацию любви — теплотой в нашем сердце. Сознательная податливость, пластичность станет существенным атрибутом супраментализованной Материи. Все остальные качества проистекают из этого основного свойства: бессмертие (или, по крайней мере, способность видоизменять свою форму или даже полностью менять ее), легкость, красота, озаренность. Таковы будут естественные атрибуты супраментальной Материи. *Тело может стать открытым сосудом высшей красоты и блаженства, разливая красоту духовного света, который будет истекать, излучаться из него подобно тому, как лампа отражает и рассеивает лучи содержащегося в ней пламени, имея в самом себе красоту духа, радость прозревшего разума, радость жизни и духовное счастье, радость Материи, обращенной в духовное сознание и трепещущей в непрерывном экстазе.*[373] Уже в Ведах говорилось об этом: «И тогда человеческое в тебе претворится божьим делом и станет подобным небесам света, основанным в тебе» (Риг Веда V.66.2).

До свершения этих захватывающих и вполне зримых изменений, которые, вероятно, будут иметь место в конце процесса, Шри Ауробиндо предсказывает существенные изменения в нашей физиологии. Мы вернемся к этому вопросу, когда будем обсуждать практическую работу по трансформации. А сейчас лишь отметим некоторые функциональные изменения, которые Шри

Ауробиндо наблюдал в своем теле: *Должны настать изменения в оперативных процессах самих материальных органов и, очень может быть, в самом их строении и в их назначении; им уже не будет позволено всевластно накладывать свои ограничения на новую физическую жизнь… Мозг становится каналом сообщения мыслеобразов и батареей их воздействия на тело и на внешний мир, где они осуществляются прямо и сразу, передаваясь без использования физических средств от ума к уму, воздействуя также прямо на мысли, действия и жизни других или даже на материальные объекты. Равным образом сердце становится прямым каналом сообщения и средой для взаимного обмена ощущениями и эмоциями, извергнутыми во внешний мир силами психического центра. Сердце может отвечать прямо сердцу, жизненная сила приходит на помощь жизням других и отвечает их зову, несмотря на незнакомство и расстояния, многие существа без всякого внешнего сообщения трепещут от [принятых] посланий и встречаются в тайном свете единого божественного центра. Воля может контролировать органы, которые имеют отношение к пищеварению, автоматически гарантируя здоровье, уничтожая жадность и желание, вводя в действие более тонкие процессы или извлекая силу и вещество [substance] из универсальной жизненной силы так, что тело может в течение длительного времени поддерживать свою силу и вещество, не теряя и не расходуя их, не требуя, таким образом, поддержки материальной пищи и продолжая тем не менее напряженную деятельность без усталости или перерыва для сна или отдыха… Вероятно, на вершине эволюции жизни можно вновь открыть или вновь установить феномен, который мы находим у ее основания — способность извлекать из всего окружающего средства поддержки и самовосстановления.*[374] За пределами Разума совершенный человек сознательно открывает то, что уже представляет собой Материя несознательно — Энергию и Покой, — потому что в действительности Материя — это не что иное, как сон Духа.

На следующей стадии трансформации Шри Ауробиндо предвидит замещение работы наших органов динамическим функционированием наших центров сознания — *чакр*. В этом заключается настоящий переход от животного-человека, зачатого низшей эволюцией, к человеческому человеку новой эволюции. Этот переход — одна из задач, которые взяли на себя Шри Ауробиндо и Мать. Уже на самых ранних стадиях йоги мы обнаружили, что все виды нашей деятельности, от высочайших и до самых материальных, вызываются и приводятся в движение потоком сознания-силы, который устремляется на тот или иной уровень, в тот или иной центр, неся в себе вибрации, соответствующие роду деятельности. Всякий раз, когда мы пытались сфокусировать этот поток и использовать его, мы убеждались, что он содержит необыкновенную энергию, ограниченную лишь нашими неразвитыми способностями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наши органы, которые представляют собой физическое выражение, материальную концентрацию этого потока, который стоит за их существованием, могут быть в процессе эволюции заменены непосредственным действием центров сознания, которые будут просто излучать свои энергии по всему телу — точно так же, как сегодня сердце обеспечивает циркуляцию крови по всему телу и как нервы пронизывают все тело. Вот как однажды говорила Мать о теле будущего детям Ашрама: *Трансформация означает то, что вся эта чисто физическая организация будет заменена точками концентрации силы, каждая из которых будет обладать своим особым типом вибрации; на смену органам придут центры сознательной энергии, активизируемые сознательной волей. Не будет ни желудка, ни сердца, ни кровообращения, ни легких; все это исчезнет, а на смену им придет игра вибраций, отражающая то, что собою символически представляют эти органы. Ибо органы — это только материальные символы центров энергии; не они являются существенной реальностью: они просто дают ей форму или материальную основу в определенных данных условиях. Трансформированное тело, таким образом, будет действовать с помощью своих подлинных*

центров энергии, а не их символических представителей (как прежде), которые развились в животном теле. Поэтому для начала вы должны знать, что представляет ваше сердце с точки зрения космической энергии, что представляют ваше кровообращение, мозг и легкие с точки зрения космической энергии, затем вы должны научиться собирать первоначальные вибрации, символическим выражением которых эти органы являются, и постепенно концентрировать все эти энергии в своем теле и превращать каждый орган в центр сознательной энергии, который заменит символическое функционирование подлинным. Например, за символическим движением легких находится подлинное движение, которое дает свойство легкости, и вы выходите из-под влияния закона гравитации.[375] *И так с каждым органом. За каждым символическим движением присутствует движение подлинное. Это не значит, что уже не будет никаких отличительных, распознавательных форм, но форма будет создаваться скорее качествами, чем твердыми частичками. Это будет так сказать «практическая» или прагматическая форма: податливая, мобильная и произвольно легкая в отличие от жесткости нынешней грубой материальной формы…* И Материя станет божественным выражением; супраментальная Воля сможет перевести свою внутреннюю жизнь во всем ее объеме посредством соответствующих изменений в свою собственную субстанцию; это похоже на то, как сегодня меняется наше лицо (впрочем, так незначительно и непластично) в зависимости от наших эмоций: тело будет создано из *концентрированной энергии, повинующейся воле.* Вместо того чтобы быть, по сильному выражению Эпиктета, «жалкой душонкой, поддерживающей труп»,[376] мы станем живой душой в живом теле.

Супраментальное сознание должно будет изменить не только тело и разум, но и само существо [substance] жизни. Если и можно каким-то единым символом представить нашу ментальную цивилизацию, то этот символ, несомненно, — искусственность. Ничто не происходит естественно, мы одурачили сами себя, оказавшись в прочной паутине: все эти самолеты, телефоны, телевизоры и тьма орудий и устройств — это лишь костыли, которые маскируют наше бессилие, более того, в небрежении к собственным естественным способностям мы дошли до того, что из поколения в поколение они продолжают вырождаться — и все из-за лени или невежества. Мы забыли простую, но основательную истину, что все наши фантастические изобретения — это лишь материальные проекции сил, которые существуют внутри нас, и если бы их там не было, то и изобретать было бы не из чего. Мы — это т о т *чародей, что отрицает чудеса [thaumaturge sceptic of miracles],*[377] как говорит Шри Ауробиндо. Предоставив машинам видеть за нас, слышать за нас и передвигаться за нас, мы сразу же чувствуем себя беспомощными, если их нет под рукой. Наша человеческая цивилизация, созданная для жизни в счастье и радости, полностью порабощена процессом добывания: ведь примерно две трети жизни мы проводим в погоне и охоте за средствами и источниками наслаждений да оставшуюся треть спим — вот и все. *Что является здесь абсурдным, — говорит Мать, — так это все искусственные приспособления, которыми мы должны пользоваться. Любой дурак обладает большей властью при условии, что у него есть средства приобретения необходимых приспособлений. Но в истинном мире, мире супраментальном, чем более вы сознательны и чем в большей гармонии с истиной вещей находитесь, тем большую власть над веществом [substance] будет иметь ваша воля; вещество подчиняется воле. Власть там — это подлинная власть. Если вы хотите иметь одежду, то вы должны обладать силой, чтобы создать ее, настоящей силой. Если у вас этой силы нет, что ж, придется вам ходить голым! Никакие уловки, ухищрения не помогут там возместить недостаток силы. Но здесь, даже в одном случае из миллиона, власть не является выражением чего-то истинного. Все это невероятно глупо.* Эта супраментальная «власть» — совсем не какая-то там сверхмагия, это в высшей степени точный процесс, такой же точный, как

химический эксперимент. Только вместо того, чтобы иметь дело с внешними объектами, супраментальное существо, видя истинную вибрацию в самом сердце любого объекта, может воздействовать на нее и сочетать ее с другими вибрациями, чтобы достичь необходимого результата подобно тому, как художник мешает цвета, когда пишет картину, или поэт сочетает звуки, создавая поэму. Такое существо поистине — поэт, потому что оно создает то, чему оно дает имя; подлинным именем вещи является вибрация, ее создающая, и дать вещи имя означает обладать силой вызывать или разрушать ее.

Спонтанность и естественность супраментальной жизни — ведь в конечном счете естественна одна лишь Истина — проявится также в супраментальном искусстве, которое станет непосредственным и точным представлением свойственной нам духовной тональности. В таком искусстве обман невозможен, потому что только наш внутренний свет будет в состоянии касаться того же света, заключенного в Материи, играть с ним и создавать из него соответствующие образы. Если наша вибрация сера, то и наше творение будет серым, и все, чего мы касаемся, будет серым. Наше физическое, внешнее окружение будет точным отображением нашего внутреннего окружения; мы сможем проявить лишь то, чем мы являемся. И сама жизнь станет произведением искусства, различные сферы нашей внешней деятельности будут ярким, меняющимся действом, отражающим наши внутренние состояния. Подобным же образом слово станет воистину живым словом, наполняемым только одной-единственной силой — внутренней духовной силой, это будет живая *мантра*, видимый язык, подобный игре эмоций на человеческом лице. Это же будет и крахом всех обманов, подделок — политических, религиозных, литературных, художественных или эмоциональных. Однажды, когда один скептически настроенный ученик заметил, что Суперразум — это нереальное измышление прежде всего потому, что его никогда не видели или не сделали раньше, Шри Ауробиндо ответил со своим обычным юмором: *Какой блестящий аргумент! Раз это не было сделано, то это и не может быть сделано! В таком случае вся история Земли должна была остановиться задолго до появления протоплазмы. Когда она была массой газов, жизни еще не было, эрго [следовательно], ее и быть не могло — когда же была только жизнь, разум еще не появился, значит, разум и не мог появиться. Так как есть разум, но нет ничего за его пределами, потому что ни в ком еще не проявился Суперразум, то Суперразум никогда не будет реальностью. Собханаллах! Слава, слава, слава человеческому разуму! К счастью, Божественное или космический Дух, или Природа, или что бы там ни было ни в грош не ставит человеческий разум. Оно или Он, или Она делает то, что Оно или Он, или Она должно делать, независимо от того, может или не может это быть сделано.*[378] Уже тысячи лет назад говорили риши о жалкой участи скептиков: «В этих нет ни Удивления, ни Мощи» (Риг Веда VII.61.5).

Работа (первый период)

Насколько поразительными предвидятся результаты этой работы, настолько сама она протекает в строгой, скромной обстановке. Своим терпением, настойчивостью и методичностью она напоминает аккуратный труд химика со всеми его пузырьками, пробирками и т. д.: *микроскопическая работа,* — говорила Мать. Ведь дело не в том, чтобы показывать чудеса, а в том, чтобы обеспечить новую физическую основу в процессе освобождения сознания-силы, содержащейся в каждом атоме и в каждой клетке. Можно подумать, что эта работа над телом включает в себя психофизические методы, подобные хатха-йоге, но ничего подобного. Сознание есть и остается главным инструментом: *Изменение сознания будет главным*

фактором, отправным движением, физическое изменение будет фактором подчиненным, следствием.[379] Вот, как всегда, точная и ясная формулировка Шри Ауробиндо, формулировка, быть может, очень простой истины: *На предыдущих стадиях эволюции первая забота Природы и ее усилия были направлены на изменения в физической организации, ибо только так и могло прийти изменение сознания; это было необходимостью, вызванной недостаточностью силы сознания, хотя уже и находящегося в процессе формирования, но еще не способного произвести изменения в теле. Но в человеке возможен и обратный процесс, более того, он неизбежен: ведь именно с помощью его сознания, посредством его переделки, а не с помощью некого нового телесного организма как главного инструмента может и должна осуществляться эволюция. Во внутренней реальности вещей изменение сознания всегда было главным фактом, эволюция всегда имела духовное значение, а физическое изменение служило только средством; но это соотношение было скрыто первоначальным нарушением баланса двух факторов, тело внешнего Несознания перевешивало и затемняло значение духовного элемента, сознательного существа. Но как только равновесие установлено, изменение тела уже не должно предшествовать изменению сознания; само сознание посредством своего изменения будет вызывать и управлять всеми изменениями, которые необходимы для тела.*[380]

Можно отметить три периода в этой работе, которые соответствуют собственному продвижению и открытиям Шри Ауробиндо и Матери. Три периода, которые, кажется, переходят от яркого к темному, от чудесного к банальности, полной определенного значения, от клетки индивидуума ко всей Земле. На протяжении первого периода мы были свидетелями различного рода испытаний, тестирования, исследования и проверки сил сознания. Этот период некоторые ученики называли «ярким периодом»; он продолжался с 1920 по 1926 г., когда Шри Ауробиндо удалился в полное уединение на двадцать четыре года, чтобы сосредоточиться исключительно на Работе. С помощью новой, супраментальной силы, которую открыли Шри Ауробиндо и Мать, они сразу же проводят целую серию экспериментов на своих собственных телах — «тестирование»[381] — это одно из ключевых слов словаря Шри Ауробиндо: *Я провожу различные эксперименты и тесты [I have been testing] день и ночь, год за годом более тщательно, чем любой ученый со своей теорией или своим методом на физическом плане.*[382] Из этой огромной массы опытов, подробно и во множестве описанных в трудах Шри Ауробиндо и в его корреспонденции, можно, видимо, выделить четыре, на наш взгляд, показательных события, демонстрирующих силу сознания и «тестирование» Шри Ауробиндо, причем следует иметь в виду, что для Шри Ауробиндо и Матери — это рядовые эксперименты в числе множества других, и они не придавали им какого-то совершенно особого значения. О них стало известно благодаря случайным разговорам или письмам. Итак, сначала вот о чем. Как только Шри Ауробиндо прибыл в Пондишери, он предпринял длительный пост «просто для того, чтобы посмотреть». Спустя несколько лет, когда один ученик спросил его, сколько можно обходиться без еды, он ответил: *Да, это вполне возможно. Когда я однажды постился в течение 23 дней или больше… я был очень близок к решению проблемы. Я мог ходить каждый день в течение восьми часов, как обычно. Я продолжал мою ментальную работу и садхану [дисциплину] как обычно, и обнаружил, что по истечении 23 дней совсем не ослаб. Но плоть начала истощаться, и я не нашел способа возместить сам материал, уменьшавшийся в теле. Когда я прервал пост, я также не соблюдал обычного правила людей, которые проводят длительные посты — начинать принимать пищу в малых количествах. Я начал с того же количества, которое принимал прежде… Однажды я пробовал поститься в тюрьме, но это длилось десять дней, тогда же я спал один раз в три ночи. Я потерял десять фунтов веса, но к концу десяти дней я почувствовал, что стал сильнее, чем был до того, как начал пост… Я мог поднять ведро воды*

над головой — то, чего обычно я сделать не мог.[383] Следующий опыт относится ко времени алипорского заключения: *Я сосредоточился. И разум мой вопрошал: «Возможны ли такие сиддхи [силы]?*[384] *когда я вдруг обнаружил, что поднимаюсь вверх… В обычных условиях я не мог поддерживать свое тело в таком положении, даже если бы захотел, и я обнаружил, что тело оставалось подвешенным в таком положении без всякого усилия с моей стороны.»*[385]

В другой раз у Шри Ауробиндо было большое количество опиума, купленного на базаре в Пондишери, — этого количества было бы достаточно для того, чтобы свалить несколько человек, и он принял его, не испытав при этом никаких неблагоприятных последствий, это было сделано для того, чтобы проверить силу контроля сознания. Четвертым примером мы обязаны нетерпеливости одного ученика, который жаловался на то, что он не получил вовремя ответа на свои письма: *Вы не понимаете, — отвечал Шри Ауробиндо, — что мне приходится проводить 12 часов в работе с обычной корреспонденцией. Я работаю над ней 3 часа после обеда и всю ночь до шести часов утра… даже каменное сердце любого ученика, по-моему, должно быть тронуто.*[386]

Сон, пища, гравитация, причины и следствия: Шри Ауробиндо проверял один за другим все так называемые «законы природы», в итоге убеждаясь, что они имеют силу лишь в той мере, в какой мы верим в их силу; если меняется сознание, то меняется также и «колея». Все наши законы — это только «привычки»:

Ее твердые и неизменные привычки, выдающие себя за Закон
Her firm and changeless habits aping Law,[387] —

говорит Савитри о Природе. На самом деле существует только один истинный Закон, закон Духа, который может изменить все низшие привычки Природы: *Дух создал это, и Дух же может это превзойти, но для начала нам нужно открыть двери нашей тюрьмы, и научиться жить больше в Духе, чем в Природе [to life less in Nature than in the Spirit].*[388] У Шри Ауробиндо нет ни каких-то чудесных рецептов, ни магических формул — вся его йога основывается на двух очень простых, но бесспорных фактах: на факте присутствия Духа в нас и на несомненности земного проявления Духа — это единственный рычаг, истинный главный двигатель его работы: *В каждом человеке есть Бог и проявить Его — это цель божественной жизни. Это то, что все мы можем делать.*[389] Когда один ученик возражал, что это только таким исключительным существам, как Шри Ауробиндо и Мать, легко бросать вызов законам природы, тогда как простые смертные, обделенные судьбой, располагают лишь обычными средствами, Шри Ауробиндо категорически возражал: *Моя садхана [дисциплина] — это не чудачество, не уродство и не чудо, свершаемое вне законов Природы и условий жизни, и состояния сознания на земле. Если я мог делать эти вещи или если они могли происходить в моей йоге, то это значит, что их можно сделать и что, следовательно, такое развитие и трансформация возможны в земном сознании… Во мне не было стремления к духовности, я развил духовность. Я не был склонен к метафизике — я развился в философа. У меня не было способностей к рисованию — я развил их с помощью йоги. Я преобразовал свою природу из того, чем она была, в то, чем она не была. Делал я это некоторым вполне определенным способом, а не с помощью чуда, и делал я это для того, чтобы показать, что можно сделать и как это может быть сделано. Я делал это вовсе ни из какой-либо личной необходимости, делал не чудом, перепрыгивающим всякий процесс. И я утверждаю, что если это не так, то моя йога является бесполезной, а моя жизнь была ошибкой — просто нелепым капризом Природы, не имеющим значения или последствий.*[390] Для Шри Ауробиндо ключом является понимание того, что Дух — это не противоположность жизни, а полнота жизни, что внутренняя реализация — это ключ к реализации внешней:

Прикосновение небес земле не смерть, но полноту дарует.

Heaven's touch fulfils but cancels not our earth.[391]

Когда человечество поймет этот простой факт, когда оно оставит свою старую привычку заточать Дух на небеса, верить в существование законов, свою мизерность и смерть, тогда мы будем на верном пути, созреем для божественной жизни. Главное, для чего Шри Ауробиндо пришел в мир, — это доказать, что нет никакой необходимости улетать в небеса для того, чтобы обрести Дух, ибо мы *свободны*, мы *сильнее*, чем все законы, потому что в нас — Бог. Мы должны верить в это, вот и все. Потому что вера ускоряет приход мировой феерии. *Совершенное равновесие — вот что спасло меня во всем. Прежде всего я верил, что нет ничего невозможного, и в то же время я мог все подвергать сомнению.*[392] Однажды, когда Шри Ауробиндо просили возобновить политическую борьбу, он немедленно ответил, что необходимым является *не восстание против Британского правительства, которое может организовать кто угодно… [а] восстание против всей Природы вселенной.*[393]

Все ученики (их было около пятнадцати) говорят, что во время этого первого периода существовала совершенно особая, высоко концентрированная атмосфера. Они с необычайной легкостью осуществляли поразительные эксперименты-переживания, божественные проявления стали обычным явлением, и, казалось, законы природы немного отступили. Иными словами, завеса между физическим миром и другими планами сознания становилась все тоньше, и существа, которых мы называем богами, или силы Глобального Разума, могли проявляться, воздействовать на законы и совершать так называемые «чудеса». Если бы работа продолжалась в том же духе, то это привело бы Шри Ауробиндо и Мать к основанию новой религии, а Пондишери стал бы одним из тех новых «святых мест», где «духовные ароматы» заглушают более «обыкновенные запахи». Но однажды, когда Мать описывала Шри Ауробиндо одно из последних необычных происшествий, он с юмором заметил: *Да, это очень интересно, вы будете совершать чудеса, которые прославят нас на весь мир, вы сможете перевернуть земные события вверх дном, действительно (Шри Ауробиндо улыбнулся), это будет большой успех.* И добавил: *Но это будет творчество глобального разума, а не высочайшая истина. Мы не стремимся к успеху; мы хотим основать на земле суперразум, создать новый мир. — Через полчаса, — говорила Мать, — все было кончено: я ничего не сказала, ни одного слова в ответ, но за полчаса я уничтожила все, порвала связь между богами и учениками, все разрушила. Потому что я знала, что пока все будет по-старому, все это будет так соблазнительно (все время видеть поразительные вещи), что у нас постоянно будет искушение продолжать… Я уничтожила все. С того времени мы начали снова и на новом основании.*

Это было концом первого периода. Шри Ауробиндо и Мать разносторонне исследовали силы сознания и обнаружили, что «чудеса по заказу», или вмешательство высших сил сознания, могут лишь позолотить пилюлю, но не достичь сути вещей. С точки зрения изменения мира они являются бесполезными. Настоящий вопрос, *настоящее дело*, — как говорила Мать, — заключается не в том, чтобы изменять Материю извне посредством мимолетных «сверхъестественных» вмешательств, но в том, чтобы изменить ее изнутри, надолго, создать новый физический фундамент. Сколько за всю историю было «святых мест», и во всех, нам кажется, теперь что-то не то. Мы жили довольно долго под знаком богов и религий: *У меня не было никакого намерения давать санкцию на новую редакцию старого фиаско, — писал Шри Ауробиндо, — т. е. санкцию на частичное и временное духовное открытие внутри без*

подлинного и радикального изменения в законах внешней природы.[394] Левитация, победа над сном и голодом и даже над болезнью касаются лишь поверхности проблемы. Это в некотором роде отрицательное усилие, направленное против господствующего порядка, которое все-таки означает признание старого закона, хоть и негативное, тогда как должен быть изменен сам порядок, хорош он или плох, потому что хорошее в нем неизбежно соседствует с плохим. Все чудеса — это не что иное, как обратная сторона нашего бессилия. Нам нужен не лучший мир, а новый мир, не «высококонцентрированная», а так сказать «низкоконцентрированная» атмосфера. Все здесь внизу должно стать Святым Местом. 24 ноября 1926 г. Шри Ауробиндо неожиданно объявил, что он удаляется в полное одиночество; официально ашрам был основан под управлением Матери. Не было никакой необходимости говорить ученикам, что с этих пор йога будет происходить «в подсознательном и Бессознательном»; все они упали с высоты своих чудесных переживаний для того, чтобы схватиться с гораздо более жесткой, косной реальностью. Так начался второй период работы по трансформации.

Фундаментальный Агни

В начале второго периода, в 1926 г., незадолго до ухода Шри Ауробиндо в уединение, у него состоялся довольно странный разговор с одним французским физиком. Замечания Шри Ауробиндо, которые в то время должны были казаться довольно загадочными, указывают на особую ориентацию его опытов. Темой разговора была «современная» наука:

Есть два положения современной науки, которые могут представлять особый интерес с оккультной точки зрения:

1) Атомы — это вращающиеся, подобно солнечной, системы.

2) Атомы всех элементов состоят из одних и тех же составных частей. Различия в их сочетаниях [arrangement] — единственная причина различия свойств элементов.

Если эти положения рассматривать в их истинном аспекте, то они могли бы привести науку к новым открытиям, о которых в настоящее время у нее нет никакого представления и по сравнению с которыми нынешнее знание ничтожно. (Не забудем, что все это происходило в 1926 г.!)

Далее Шри Ауробиндо продолжает: *В соответствии с опытом древних йогов… Агни является тройственным:*

1) обыкновенный огонь, джада Агни

2) электрический огонь, вайдьюта Агни

3) солнечный огонь, саура Агни

Науке пока известны лишь первый и второй из этих видов огня. Тот факт, что атом подобен солнечной системе, может привести ее к познанию третьего.[395]

На что указывал Шри Ауробиндо? И как он мог знать (не говоря уже о риши, которые жили шесть тысяч лет тому назад) прежде всех наших научных лабораторий, что солнечное тепло — Саура Агни — отлично по своей природе от того, что мы называем просто огнем или электричеством, что оно является результатом термоядерной реакции и что это та же самая энергия, которая содержится в атомах? То, что все физические реалии, какова бы ни была их природа, связаны с внутренней реальностью, которая является как их причиной, так и основой, — это факт, который, возможно, приведет науку в замешательство, потому что она все оценивает в терминах «конкретной» реальности; даже у самых малых материальных элементов есть свои внутренние двойники. Начать хотя бы с наших собственных физических органов: ведь

они — не что иное, как материальное проявление, материальная «опора» центров сознания. Все здесь — это проекция, символическое представление света или силы нездешних, существующих на другом плане. Весь мир — это не что иное, как огромный Символ. Наука наблюдает и анализирует феномены, выводит уравнения для гравитации, веса, расщепления атома и т. д., но она видит только следствия и никогда — причину истинную. Йогин видит причину раньше, чем следствие. Ученый устанавливает причину по следствию; йогин выводит следствие из причины. Он даже может вывести следствия, еще не осуществившиеся, из уже существующей причины, он может предвидеть несчастный случай, который произойдет завтра, зная силу, которая управляет им из соответствующего плана. Ученый манипулирует следствиями и иногда вызывает катастрофы; йогин видит причину, или, вернее, отождествляется с Причиной и может изменять следствия, или, как говорит Шри Ауробиндо, «привычки», которые мы называем законами. Ведь, в конечном счете, все наши физические эффекты — следствия, которые мы представили в виде законов, — это всего лишь «несущая среда», «опора» для проявления сил другого плана. Все происходит точно так же, как при свершении какого-нибудь магического действа: для проявления вызываемых магом сил тоже ведь нужна своя «среда»: определенные диаграммы, ингредиенты, формулы и т. п. Весь мир — это некое грандиозное магическое действо, непрерывное магическое представление. А земная диаграмма, все эти ингредиенты, которые мы с таким тщанием и навсегда втиснули в рамки законов, и все эти наши непогрешимые формулы — просто условность: ибо можно изменить нынешний земной ритуал, если, сбросив чары, притягивающие нас к внешним явлениям-следствиям, мы обратимся к самой их причине, пребывающей вне их, в другом мире, мире самого Мага. Есть история об одном индусском брамине, который каждый день, отправляя ритуал, был вынужден привязывать своего кота, чтобы тот не мешал совершению ритуальных действий. Брамин умер, умер кот, и теперь уже сын, заботясь о «точном» соблюдении ритуала, купил кота и с примерной аккуратностью привязывал его каждый раз во время жертвоприношения! Кот перешел от отца к сыну как необходимый элемент эффективного проведения ритуала. Возможно, что и к нашим «абсолютным, бесспорным» законам привязаны такие вот коты. И если мы восходим к изначальной силе, пребывающей вне физической «несущей среды», к «истинному движению», как говорит Мать, то мы начинаем видеть Великую Игру и осознавать, насколько она далека от наших жестких представлений о ней. За явлением гравитации, если взять один из ритуалов, стоит то, что древние йоги называли *Вайю*, — причина гравитации и магнитных полей (об этом также говорил Шри Ауробиндо во время той беседы в 1926 г.); именно это позволяет йогам в конечном счете игнорировать закон гравитации. За солнечным или ядерным огнем обретается Агни фундаментальный, духовный Агни, он — повсюду, «дитя вод, дитя лесов, дитя вещей неподвижных и дитя вещей, которые движутся. Даже в камне присутствует он», — говорит Риг Веда (I.70.2). Это «горячая золотая пыль», о которой говорит Мать, истинная причина по ту сторону следствия, изначальная сила по ту сторону материальной, атомарной основы, «иные огни — это лишь ветви твоего ствола» (I.59). Поскольку и Шри Ауробиндо, и риши видели этот духовный *Агни* в Материи, это «солнце во тьме», они могли знать о материальных, атомарных явлениях-следствиях и о термоядерных реакциях, о термоядерном синтезе, происходящем внутри Солнца, задолго до наших научных экспериментов. И именно потому, что им была известна причина, они уверенно говорили о трансформации.[396]

Поистине вся вселенная снизу доверху сотворена из единой субстанции божественного Сознания-Силы; и *Агни* — это элемент силы или энергии в сознании: «О, Сын Энергии», — говорит Риг Веда (VII.84.4). Это — Сила-Сознание. Это жар, пламя, на каком бы уровне мы его ни чувствовали. Когда мы концентрируемся в нашем разуме, мы ощущаем тонкое тепло ментальной энергии, ментальной *Агни*; когда мы сосредоточиваемся на сердце или на своих

эмоциях, мы ощущаем тонкое тепло Жизненной Энергии, витальный *Агни*; когда мы погружаемся в свою душу, мы испытываем тонкое тепло души, психический *Агни.* Но, на самом деле есть только один-единственный *Агни* в нашем существе, единый поток Сознания-Силы, или сознания-энергии, или сознания-тепла, который придает себе различную интенсивность в зависимости от уровня. И существует фундаментальный, или материальный *Агни,* который представляет собой последнее состояние энергии-сознания перед его вхождением, сгущением в Материю. Здесь совершается переход из одного [сознания] в другое [Материю]. (Вспомним слова Матери: «Это движение превосходит силу или энергию связи клеток, обеспечивающую сохранение индивидуальной формы».) Современная наука, в конце концов, тоже осознала, что Материя и Энергия взаимообратимы: E=m*c^2 — это огромное достижение науки, но она пока еще не осознала, что Энергия — это сознание. Материя — это сознание, и что сознанием можно воздействовать и на Энергию, и на Материю. Для преобразования Материи в Энергию современная наука располагает лишь физическими процессами, выделяющими тепло, тогда как знание фундаментального *Агни,* который является самой сутью Энергии или Сознания-Силы, дает возможность непосредственно воздействовать на Материю и достигать той же трансмутации (Материя — > Энергия], но без «сгорания» [Материи] на погребальном костре.

Таким образом, в той беседе 1926 г. речь шла о двух материальных фактах (а также об их духовной основе), которые исключительно важны с точки зрения трансформации. Первый — что все земные формы созданы из одних и тех же элементов, и различия между ними объясняются лишь их различным атомарным строением (точнее — воспроизведение на материальном плане духовного божественного Единства мира; мир создан из единой субстанции — божественной субстанции: «Ты — мужчина и женщина, мальчик и девочка, старый и измученный, ходишь ты, согнувшись над посохом; ты — синяя птица и зеленая, и та красноглазая» — Шветашватара Упанишада IV.3.4). Без этого единства субстанции трансформация была бы невозможна, потому что всякий раз нужно было бы изменять что-то новое (и так до бесконечности — ибо число форм бесконечно).[397] И второй — что солнечный огонь в Материи, — это материальный двойник фундаментального *Агни,* который, как подчеркивал Шри Ауробиндо в той же беседе, есть *созидатель форм.* Овладеть *Агни* — значит быть в состоянии изменять форму, преобразовывать Материю: «Тот не вкушает этого наслаждения (дважды рожденного), кто незрел и чье тело не перестрадало в жаре огня, — говорит Риг Веда; — лишь те способны вынести его и насладиться им, кто был подготовлен огнем» (IX.83.1). Это — горячая золотая пыль, которая преобразует своего материального двойника — пыль ядерную — в нашем теле так же, как дейтерий превращается в гелий в термоядерной реакции: *Тонкий процесс будет значительно более мощным, чем грубый, так, что тонкое воздействие Агни будет способно произвести воздействие, для которого в настоящее время пока необходимо такое физическое изменение, как резкое увеличение температуры.*[398] Наши атомы — это тоже не более чем очередная подходящая диаграмма, некое условное выражение вечного ритуала, ибо ничто не является вечно неизменным, ничто не является неизбежным, нет конца возможным комбинациям, нет предела новому Человеку.

Второй период — тело

Второй период начался в 1926 г. и продолжался до 1940 г. Это был период индивидуальной работы над телом и в подсознательном. У нас есть все ключи, все нити для того, чтобы самим добиться супраментального изменения сознания, нам известен фундаментальный принцип

трансформации, это *Агни* — «вот кто выполняет работу», — говорит Риг Веда (I.1.5). Но как на деле будет *Агни* изменять Материю? Пока мы не можем сказать, мы знаем очень мало: *Если бы нам был известен процесс, — говорит Мать, — то он был бы уже осуществлен.* Все реализации, кроме этой, досконально, с поразительной точностью, зафиксированы и классифицированы в индийской традиции; нам известны все методы достижения Нирваны, постижения космического Духа, поисков души, победы над гравитацией, голодом, холодом, сном и болезнью, самопроизвольного выхода из тела и продления жизни — каждый может достичь этого, пути проложены, этапы описаны провидцами и индусскими *шастрами* — вот уже тысячелетия тому назад. Все это просто вопрос дисциплины и терпения — а также подходящего «момента». Но эта трансформация — такого еще никто не делал. Это совершенно неизвестный путь, это подобно путешествию по стране, которой пока не существует. Наверное, это похоже на то, что происходило, когда ментальные вибрации впервые появились в мире Материи и Жизни — каким образом первый полуживой организм, воспринимавший эти вибрации, мог понять и описать, что происходит, и как он мог сказать, что нужно делать, чтобы овладеть мыслью? Цитируем Мать: *Вы не знаете, является ли то или это переживание частью пути или нет, вы даже не знаете, прогрессируете ли вы или нет, потому что если бы вы знали, что вы прогрессируете, то это означало бы, что вы знаете путь — но пути нет! Никто никогда не был там! На самом деле мы не можем сказать, чем является этот путь до тех пор, пока он не будет осуществлен.*

Это *путешествие в неизвестное,* — говорил Шри Ауробиндо. Действительно, перед этим новым созиданием мы — как приматы. Следовательно, пока мы можем набросать лишь общие контуры развития или, вернее проблемы, разумеется, без каких-либо гарантий, что это именно то, что нужно. Опыт находится в развитии. Если он удастся всего один раз, в одном-единственном человеческом существе, тотчас же изменятся и сами условия трансформации, потому что путь будет проложен, так сказать «нанесен на карту», а основные трудности будут выявлены и тем самым устранены. В тот день, когда Платон задумал написать Федра, он поднял все человечество до возможностей Федра, в тот день, когда одно-единственное человеческое существо преодолеет сложности трансформации, оно поднимет все человечество до возможности осуществления озаренной, бессмертной и истинной жизни.

Можно, однако, представить себе главную, основную проблему, барьер номер один для ищущего. Мы знаем, что когда Агни загорается в нашем уме в моменты вдохновения, он создает сильное напряжение, почти физический жар, когда он загорается в нашем сердце, в минуты одушевления, мы чувствуем, что наша грудь — как раскаленная докрасна печь, при этом кожа может даже изменить цвет, и совсем неискушенный глаз заметит достаточно яркое свечение около йогина; когда *Агни* загорается в нашем витальном, в моменты, когда мы собираем силу или открываемся космическому миру, на уровне пупка появляется некая концентрированная пульсация и как бы дрожь, лихорадка распространяется по всему телу — поскольку большое количество силы входит в узкий канал; но какова же тогда мощь той горячей золотой пыли, *того вина из молний [this wine of lightnings],*[399] действующих в клетках тела? *Оно [тело] все закипает, как паровой котел, готовый взорваться,* — как всегда просто и точно говорит Мать. Риши тоже говорили о том, что можно разбиться вдребезги, «как полуобожженный кувшин», если идти слишком быстро. Кроме того, все было бы проще, если бы речь шла о создании чего-то совершенно нового, но ведь весь подручный материал — прежний, мы должны *перейти* из нашего нынешнего состояния в некое иное состояние, от «старой» организации к новой: то же самое «старое» сердце, «старые» легкие по-прежнему здесь — в какой же *момент,* спрашивает Мать, мы остановим сердце и вместо него пустим в действие Силу? Вся сложность — именно в этом переходе. Поэтому необходимо множество опытов, маленьких дозированных переживаний,

чтобы приучить клетки не паниковать во время перехода. Значит, первой проблемой является адаптация тела, а это требует многих лет, может быть, даже столетий. Шри Ауробиндо работал над этим сорок лет, Мать — пятьдесят. Таким образом, первая практическая необходимость — выдержать, свершить дело прежде смерти. *Есть своеобразное состязание на пути к трансформации, — говорила Мать, — соревнуются двое: человек, который стремится преобразовать тело по образу божественной Истины, и старая привычка тела разлагаться. И весь вопрос в том, что наступит раньше: преобразование или разложение. Это нужно знать.*

Ибо работа, естественно, должна быть проделана в течение одной жизни. Можно вновь и вновь, из жизни в жизнь, обретать прежние достижения души, разума и даже витального, которые в пределах этой жизни проявляются как спонтанные расцветы, врожденные таланты или вообще высокий уровень развития. Нужно лишь поупражняться лет десять, двадцать для того, чтобы вновь поймать нить прежних жизней, причем бывает даже поразительное переживание, в котором видишь как раз точку обрыва, где кончается работа, завершенная в прошлых жизнях, и начинается новый этап. Таким образом, нить связывается, продолжается. Но клеточный прогресс в теле, прогресс физического сознания, очевидно, не может перейти в следующую жизнь; все рассеивается на погребальном костре или в земле. Поэтому, если мы хотим осуществления непрерывной человеческой эволюции, если мы хотим, чтобы супраментальное существо проявилось в нашей плоти, а не в каком-то новом неизвестном организме — новом виде, который вытеснит наше ментальное человечество, необходимо, чтобы *одно-единственное* человеческое существо завершило работу в течение *одной* жизни. Осуществленное хоть раз это достижение может быть передано и другим (мы еще вернемся к этому вопросу). По словам Шри Ауробиндо, а он имел ясное видение, чтобы полностью проявилось супраментальное существо — озаренное, светлое и т. д., такое, каким мы пытались его описать, — потребуется три столетия. Следовательно, раньше, чем проявится супраментальное существо (и Платон ведь родился не за один день), необходимо создать в нашей плоти переходное существо, связующее человеческое и сверхчеловеческое. То есть такое существо, которое не только реализовало бы супраментальное сознание, но и обладало бы телом, так сказать, с «запасом бессмертия», достаточным для того, чтобы выдержать переходный период, с силой и пластичностью, достаточными для того, чтобы осуществить собственную трансмутацию или породить супраментальное существо только с помощью своей энергии, не прибегая к обычному земному способу. Ибо тяжелая животная и человеческая наследственность, которая ложится бременем на наше под сознательное и автоматически передается физическим зачатием, является одним из главных препятствий для трансформации — препятствием, по меньшей мере таким же (если не более) сложным, как «кипенье» *Агни.* В этом — вторая задача. Возможно, это на самом деле задача истинная и гораздо более трудноразрешимая, чем все те очевидные трудности, которые мы связываем с телом. Итак, вот две фундаментальные проблемы, с которыми сталкивается идущий: сообщить клеткам тела сознание бессмертия, которое уже присутствует в нашей душе и даже в нашем разуме, и полностью очистить подсознательное. Прогресс *Агни* в теле, *по-видимому,* зависит от этих двух условий. Т. е. и в этом случае работа есть прежде всего работа сознания.

И первое в ней — способность выдержать [переходный период]. На деле находишь, что бессмертие всегда тесно связано с истиной: то, что истинно — бессмертно. Если бы мы полностью пребывали в истине, то мы были бы и полностью бессмертны, с головы до пят. До настоящего же времени едва ли что-нибудь, кроме нашей души, является бессмертным, потому что это истина Духа внутри нас; именно душа переходит из одной жизни в другую и растет, эволюционирует, становится все более и более сознательной. Так же и разум, как только он в достаточной мере интегрируется около центральной Истины нашего существа, когда он мыслит

Истину и жаждет Истины, то и он становится бессмертным, и тогда, чем ближе к этому, тем легче вспоминаются прошлые воззрения; некоторые истины кажутся очень близкими, знакомыми, а жажда истины — необъяснимо острой. Витальное тоже способно стать бессмертным, если оно в достаточной степени объединено с центральной Истиной психического — мы выходим в измерение, изначально нам так же присущее, как и вечность; но вообще это бывает довольно редко, поскольку наша жизненная сила обычно поглощена поверхностной, суетной деятельностью, а не тем, чтобы воздвигать жизнь истинную. Чем ниже по шкале сознания, тем плотнее ложь, и, естественно, возрастает тленность всего, потому что ложь есть тлен, разложение в самой своей основе. И если уже в витальном явно недостает света, то тем более в теле — оно просто исполнено лжи. А старость и болезнь — это одни из самых очевидных доказательств лжи в теле — как может то, что Истинно, стать старым, уродливым, изношенным или больным? Истина лучиста, она прекрасна, светоносна и вечна. Это очевидно. Истина непобедима. Смерть и старость могут коснуться нас лишь в силу недостатка Истины в нас.

Однако в то же время надо признать, что в нашем шествии во времени в Смерти есть великий смысл и мудрость: бессмертный мосье Дюпон был бы настоящей профанацией бессмертия. И в итоге становится ясно, что Смерть — это верный страж Истины. Интересно, что все всегда имеет два лица: когда мы смотрим с одной стороны, нам нужно сражаться, бороться, говорить «Нет»; когда мы смотрим с другой стороны, мы можем только благодарить снова и снова, говорить «Да» и еще раз «Да». И мы должны уметь делать и то, и другое. Таким образом, борьба против «лжи тела», болезни, бессознательного, старости начинается лишь после того, как осуществлена трансформация более высоких уровней — ментального и витального, когда все остальное существо живет в Истине и упрочилось в Истине. Было бы большой ошибкой полагать, что можно предпринять супраментальную йогу до того, как завершатся все предыдущие стадии — как мы знаем, каждый шаг вверх должен совершаться с целью обрести силу для еще одного шага вниз.

Так же, как безмолвие является основным условием ментальной трансформации, покой — основным условием трансформации витальной, так и неподвижность — это основное условие физической трансформации — не внешняя неподвижность, но внутренняя, в клеточном сознании. Достигнув ментального безмолвия и витального покоя, мы смогли благодаря им отделить друг от друга, различить бесчисленные вибрации мира, скрытые побудительные причины, которые заставляют нас действовать, вызывают наши ощущения и мысли. Подобным же образом, благодаря достигнутой неподвижности физического сознания, мы начинаем распутывать причудливые хитросплетения кишащих вибраций и осознавать, из какого мы теста. На уровне клеток мы живем в полном хаосе: это постоянный вихрь ощущений, то сильных, приятных, то болезненных, острых, резких взлетов и таких же стремительных падений, и если вдруг эта свистопляска на секунду прекращается, то возникает тревожная пустота, некое зияние, которое требует немедленно и любой ценой заполнить себя какими-нибудь другими ощущениями, причем так, чтобы этот поток никогда не прерывался. Основная задача — перейти от этого хаоса к покою — не к душевному равновесию, а к клеточному. Лишь тогда начнется работа истины. При таком клеточном равновесии тело станет как сосуд с чистейшей, прозрачнейшей водой, тогда станет заметна, ощутима, а значит, и контролируема и самая ничтожная из вибраций. В этой прозрачности все силы болезни, разложения и лжи, все деформации подсознательного, возня уродливых хозяев этих сил — все будет *как на ладони* и мы сможем всем этим овладеть. На самом деле кипение *Агни* возникает не столько в силу неспособности клеток к адаптации, сколько из-за сопротивления нашей «собственной» темноты. И лишь так очищающая неподвижность может «разгрести весь мусор на участке» и

высвободить непреодолимое молниеносное Движение *Агни,* но так, чтобы тело не входило в неуправляемый резонанс, не впадало в паническую лихорадку.

Когда довольно прочно установится эта клеточная неподвижность, мы сделаем первое открытие; мы столкнемся с основным препятствием, которое будет также и основной помощью в работе по трансформации, поскольку всегда, на всех уровнях, каждое встреченное сопротивление в точности соответствует силе, необходимой для того, чтобы сделать следующий шаг вперед; это одновременно и мертвый вес, и рычаг. Мы уже распознали под нашим думающим умом «витальный разум», который находит прекрасные оправдания для всех наших желаний, побуждений, затем «физический разум», который повторяет одно и то же тысячи раз подряд, как испорченная пластинка. Но существует еще более глубокий слой, ментальная порода, которую Шри Ауробиндо называет *клеточным разумом.* Это на самом деле разум клеток или групп клеток, очень похожий на физический разум по своей неистощимой способности повторять все тот же старый мотив, но при этом он охватывает не только область мозга, занят не только механической прокруткой обрывков мыслей; он находится повсюду в теле, *подобный миллионам маленьких голосов,* которые можно легко услышать, когда остальные ментальные слои очищены. Он беспрестанно ворошит, подогревает не только осколки нашей сознательной активности, но и все наши чувственные ощущения: достаточно, чтобы группа клеток была однажды поражена каким-то впечатлением, страхом, ударом или болезнью, как они бесконечно начинают воспроизводить этот страх, напряжение, стремление к беспорядку, «вспоминать» о своей болезни. Это — стадный, абсурдный разум. Распространяясь вдоль и поперек, его вибрации повторяются бесконечно, воспринимая всегда все те же длины волн, все те же воздействия сил разложения и всегда отвечая на одни и те же раздражители, как собака Павлова на звон колокольчика. Это сам страх жизни, внедренный в Материю. Это первое сознательное усилие Материи. И, естественно, та крошечная инициатива, которая ему отпущена, вся идет на то, чтобы самим страхом привлечь дисгармонию во всех ее видах и, в конечном итоге, призывать бессознание смерти, как последнее и единственное облегчение. И все-таки этот клеточный разум, если подумать, обладает громадной силой — что там слон против неисчислимых скопищ муравьев. Дело все в том, что вся его нелепая механичность, абсурдный автоматизм могут служить и истине точно так же, как и лжи. Если он хоть раз настроится на вибрацию света, то он будет повторять ее с упрямством мула, и что самое замечательное, он будет повторять ее день и ночь, непрерывно.[400] Что бы мы ни делали внешним образом — работали, разговаривали или спали, он будет повторять свою вибрацию вновь и вновь, автоматически и независимо ни от чего. Отсюда — его огромное значение для трансформации, он может стать исключительным средством для закрепления супраментальной вибрации в теле.[401] Вот что говорит об этом Шри Ауробиндо: *Существует также темный разум тела, самих клеток, молекул, частиц. Геккель, немецкий материалист, говорил где-то о воле в атоме, и современная наука, констатируя бесчисленные индивидуальные вариации в активности электронов, близка к тому, чтобы воспринимать это геккелевское выражение не просто как метафору, речь может идти здесь о тени, отбрасываемой некой скрытой реальностью. Этот телесный разум есть вполне конкретная, ощутимая истина; из-за его темноты, механической привязанности к прошлым движениям, из-за характерной особенности быстро забывать и отрицать новое, мы видим в нем одно из главных препятствий для проникновения сверхразумной Силы и для трансформации деятельности тела. С другой стороны, если его однажды и полностью обратить, то он станет одним из самых драгоценных инструментов упрочения супраментального Света и Силы в материальной Природе.*[402]

Что сказать о такой работе? Труд тягчайший и скрупулезный. Для свершения этого труда — это единственный способ — не следует погружаться в глубокие медитации, которые

затрагивают только вершину нашего существа, добиваться необыкновенных концентраций или экстазов, нужно, напротив, оставаться прямо в гуще вещей, работать на телесном уровне, у самого подножья лестницы, каждую минуту дня и ночи. Именно поэтому Шри Ауробиндо настаивал на необходимости внешней работы и самых основных обычных физических упражнений — потому что это единственный способ померяться силами с Материей и привнести в нее немного истинного сознания или, вернее, позволить проявиться *Агни*. Именно поэтому сам Шри Ауробиндо днем много времени ходил, а все ночи напролет работал. В этой внешней работе, и именно *благодаря ей,* для ищущего становятся видимы все ложные вибрации, все *дурные привычки* [«морщины»][403] тела, как говорит Мать. И каждую ложную вибрацию нужно будет «сгладить». Но мы говорим обо всем этом так сказать, «со стороны отрицательной». В действительности во всем мире и во всякой вещи есть только одна вибрация — Вибрация божественной радости — *та* Вибрация — потому что Бог есть Радость; как только внедряется ложь, сама эта вибрация начинает тускнеть, становится жесткой и напряженной — все начинает скрипеть, скрежетать. Страдание — это верный знак лжи. Боль — это Ложь мира. Поэтому вся задача ищущего — не столько бороться с так называемыми дурными вибрациями, сколько хранить в себе истинную вибрацию, не давать ей угаснуть, хранить божественную радость в теле, ибо эта радость обладает силой снова приводить в порядок, в согласие, расслаблять и излечивать все те ложные жалкие вибрации, щемящие, изнурительные, в которых постоянно живут наши клетки. Было бы утомительно — так утомительна и сама работа — описывать бесчисленные лазейки, созданные ложью в теле, которыми старость, болезнь и смерть проникают в него. *Пусть каждое дело делается только истинным путем,* — говорит Мать, а ведь даже для простого, повседневного дела, движения сколько существует ложных вариантов! Это, кстати, может стать одним из многих направлений работы: мы делаем все с напряжением, поспешно, кое-как, бессознательно; постоянно понуждаемые к ответу требованиями внешней жизни (не говоря уже о кризисах), физически мы ведем себя, как пациент у зубного врача; сжимаясь, съеживаясь, мы постоянно в судорогах то ли из спешки, то ли из страха, из заботы, из жадности — таково наследие миллионов лет нашей животной жизни: наша субстанция сохраняет память о всей предшествующей борьбе за выживание, и ее непосредственная реакция — сразу напрячься. Это напряжение является одной из причин смерти, а также основным препятствием для установления истинной вибрации. Когда мы напрягаемся под каким-то ударом, мы собираем всю нашу витальную силу в одной точке для защиты; огромный поток резко проходит сквозь маленькое отверстие, которое краснеет и начинает болеть. Если бы могли расширить наше физическое сознание и амортизировать удар вместо того, чтобы отражать его, то мы не испытывали бы боли, ибо всякое страдание — это ограниченность сознания, на всех уровнях. А теперь представьте, что горячая золотая супраментальная пыль заполняет наши клетки, а тело реагирует как обычно, сжимаясь и напрягаясь, — все взорвалось бы в мгновение ока. Иными словами, наше клеточное сознание, как и наше ментальное и витальное сознание, должно научиться расширению и быть универсализировано. И туда должно быть низведено космическое сознание. В ментальном безмолвии универсализируется ментальное сознание; в витальном покое универсализируется сознание витальное; в неподвижности универсализируется сознание физическое. Неподвижность, восприимчивость и клеточное расширение, по-видимому, являются одними из основных условий для того, чтобы телесная субстанция была в состоянии вместить *Агни* не разрушаясь.

Но тут возникает еще одна чрезвычайно важная проблема. Универсализация физического сознания? Но если такое тело только *одно-единственное,* оно же не в пустоте! Оно соприкасается с другими телами, да и со всей ложью мира. А это уже борьба не одиночки, это

становится битвой всего мира. И здесь мы подходим к самой сути всей проблемы. В этой физической просветленности, которой добился ищущий, он делает еще одно, довольно жестокое открытие: улетучиваются все его йогические достижения и силы. Он уже победил болезнь, может быть, даже гравитацию, овладел функциями своего тела, мог принимать яд без всякого для себя вреда, короче, стал полным хозяином в своем доме, поскольку хозяином стало его сознание. Но в тот момент, когда он принимает решение трансформировать свое тело, все его силы вдруг исчезают, уходят, как вода в песок. Болезнь поражает его, как если бы он был простым новичком, его органы начинают сдавать, все идет не так. Казалось бы, тело должно забыть свой прежний — вредоносный способ функционирования и научиться делать все по-новому. Но тут в игру вступает сама Смерть. Между двумя способами функционирования, старым и новым, когда символические органы замещаются истинной Вибрацией, грань между жизнью и смертью почти стирается, и, может быть, для того чтобы по-настоящему победить, мы должны быть в состоянии даже пересечь эту грань и вернуться назад. Это то, что Мать называла *умереть до смерти* [mourir a la mort] — после того, как она едва вышла из одного из своих опытов. Короче говоря, все нужно встречать лицом к лицу, а это «все» сопротивляется. Нам уже знакомо то же самое явление на высших уровнях сознания, когда ищущий становится на путь, все идет не так: он думал, что его ум прочно укреплен в истине, и вдруг его посещают самые агрессивные внушения и сомнения, он полагал, что он чист и честен, и вдруг он переживает целый ряд витальных ужасов, которых хватит, чтобы отпугнуть самых отъявленных негодяев из мира земного, да и не только из него. Иными словами, как говорил Шри Ауробиндо, мы не можем решить проблему ни на каком плане, если не встретим лицом к лицу исключительно все препятствия на пути нашей Цели. В противном случае не будет никакой победы — только подавление. На любом плане нужно не удалять зло, а убедить его в том, что оно несет в себе свет. Йогин, который с помощью своей силы освободился от болезни, не решил проблему: он лишь заставил замолчать силы болезни. И можно легко понять, что трансформация невозможна до тех пор, пока эти силы просто молчат из принуждения и продолжают рыскать по темным углам, ожидая своего часа. И поскольку из вселенной ничего нельзя выбросить, их нужно обратить. Но как? Смерть и болезни находятся повсюду, они — в подсознании тела, всех тел в мире. йогин, который победил болезнь и отсрочил смерть (правда, ненадолго — и это вполне справедливо), победил ее только для себя, и именно поэтому его триумф не мог и не может быть полным — как мудр Закон! Он [йогин] построил защитную скорлупу, укрылся в ней, этакий эмбриончик света, а все остальное вокруг него путь бурлит, как обычно. Но как только открывается скорлупа, все возвращается вновь! Есть только одно тело! Рамакришна ощущает боль, когда в его присутствии хлещут буйвола. Мать борется с кровотечением, причиняющим страдания ученику в нескольких сотнях миль от нее (причем она ничего не знает об этом) — эти и подобные факты ставят нас перед лицом подлинной проблемы — *тело находится повсюду!* — восклицает Мать. Нужно добиться победы повсюду, для всех тел и для всей земли. Ничто нельзя преобразовать до тех пор, пока не будет преобразовано все. В противном случае — просто одиночество в маленькой отдушине света. А какой в этом смысл? Что хорошего в том, что один человек переделан, если все остальное человечество продолжает умирать? Поэтому тело пионера трансформации — это поле битвы всего мира, здесь в едином фокусе все сходится вместе, чтобы сразиться в бескомромиссном бою. Есть одна главная точка в самом низу, узел жизни и смерти, где решается судьба мира. В этой единственной точке собрано все.

Глубоко и долго копаю
Среди ужаса грязи и трясины
Ложе для песни золотой реки,

Обитель для бессмертного огня…
У меня тысяча и одна зияющая рана…

I have been digging deep and long
Mid a horror of filth and mire,
A bed for the golden river's song.
A home for the deathless fire…
My gapping wounds are a thousand and one…[404]

Пионер должен встретить лицом к лицу все трудности, даже смерть, но не для того, чтобы разрушить их, а для того, чтобы изменить. Ничто нельзя преобразовывать до тех пор, пока не возьмешь это на себя: *Ты вынесешь все, чтобы все могло измениться [Thou shalt bear all things that all things may change]*,[405] — говорит Савитри. Именно поэтому 5 декабря 1950 г. Шри Ауробиндо оставил свое тело, по официальному заключению, из-за уремии. И это тот, кто в течение секунд мог излечивать других! Смерть на кресте, конечно, трогательна, но распятие, особенно когда ему поклоняются, лишь продлевает закон смерти. *Не распятое тело спасет мир, — говорила Мать, — а тело осиянное [un corps glorifie]*.

Нет, работа эта не рассчитана на внешний эффект, это поистине «микроскопическая работа», и копать надо в Грязи мира.

Второй период — подсознательное

Таким образом, существует еще один вид трудностей (они всегда все те же, но в другом обличье), которые возникают не из-за сопротивления индивидуальной телесной материи, но из-за подсознательного сопротивления всей земли. Именно там Шри Ауробиндо встретил Смерть. И именно там Мать приняла и продолжила его работу. Если мы хотим понять, где, собственно, узловые точки всей истории человечества, и если мы хотим проследить за ее ходом, то мы должны обратиться к самому эволюционному процессу. Всякая новая ступень в эволюции, будь то появление Жизни в Материи или же Разума в Жизни, всегда являлась результатом двойственного давления: давления изнутри (или снизу) некоторого скрытого принципа, стремящегося проявиться, и давления «извне» (или «сверху») того же самого принципа, каким он уже существует внутри своего плана. (Соединение этих двух сил, например, силы разума, заключенной в некоторых живых формах, и Разума, каким он был создан в своем плане в процессе нисходящей эволюции [деволюции — прим. пер.], вело в конечном итоге к прорыву витальных ограничений, и разум внедрился вдруг в Жизнь. В Материи заключено [находится в вовлеченном состоянии вследствие процесса «инволюции» — прим. пер.] уже все, но это состояние вовлеченности может перейти в иное только с помощью давления сверху, которое отвечает непременному зову снизу и ломает печать, как солнце прорывает оболочку семени. В настоящее время суперразум, заключенный в Материи [вовлеченный в Материю], оказывает давление изнутри в виде духовной жажды, человеческого стремления к Бессмертию, Истине, Красоте и т. д.; в то же время он давит и сверху, из своего вечного плана, в форме интуитивных прозрений, откровений и озарений. Писания выражали это по-своему, неразрывно связывая появление «новой земли» с появлением «новых небес» («новые небеса и новая земля, где

обитает Правда»), ибо без новых небес или, вернее, нового супраментального уровня сознания появление новой земли невозможно. Новая земля будет порождением новых «небес» супраментального сознания точно так же, как теперешняя земля явилась порождением прежних ментальных или надментальных «небес», богов и религий. И то же самое для всех эволюционных стадий: верх и низ действуют сообща. Но появление «верха» или нового уровня сознания на какой-то определенной стадии эволюции — это не магический фокус, который немедленно изменяет все прежние уровни. Мы знаем, что между появлением первой амебы в мире Жизни и появлением первого млекопитающего прошло много миллионов лет, которые были необходимы для того, чтобы преодолеть инерцию Материи и «витализировать» ее. Точно так же от появления неандертальца до Платона прошли тысячелетия, которые были необходимы для преодоления предыдущих двух стадий [Материи и Жизни] и для того, чтобы «ментализировать» Жизнь, чтобы произошло становление полностью ментального человека. Да и сегодня сколько людей по-настоящему живет под знаком ментальности, а не под знаком страстей Жизни? Вся работа пионеров эволюции на всех уровнях состоит как раз в том, чтобы соединить новую вершину с предыдущим низом; когда встречаются низ и верх, завершается эволюционный цикл. Таким образом, когда пионер ментальной эволюции выходит вдруг в Супраментальное, его прорыв не является каким-то моментальным магическим трюком, который сразу же опрокидывает все прежние законы. Он не сразу становится полностью супраментальным человеком, как и неандерталец не сразу стал Платоном, он должен «супраментализировать» все промежуточные уровни. Конечно, в его сознании соединяются «высший Верх» и «самый низкий Низ» — Дух и Материя, Положительное и Отрицательное — его способности, естественно, значительно возросли, но возросли они лишь соразмерно тем новым препятствиям, которые ему предстоит встретить. Ибо по мере своего прогресса эволюция стремится коснуться все более и более низких слоев: принцип Жизни колонизировал лишь материальную корку мира, тогда как Разум осваивает его более или менее недавнее прошлое — ментальное подсознательное и старые дефекты Жизни; Супраментальный принцип имеет дело не только с ментальным и витальным подсознательным, но и с более отдаленным прошлым, с физическим подсознательным и Бессознательным — чем выше поднимаешься, тем к большим глубинам притягивает. Эволюция не движется все глубже и глубже. Каждый эволюционный цикл замыкается немного ниже, немного ближе к Центру, где наконец встретятся крайние «высочайшие» Верх и Низ, небеса и земля. Поэтому пионер должен очистить все промежуточные уровни — ментальный, витальный и материальный, чтобы могло осуществиться эффективное соединение двух полюсов. Когда соединение завершено не только ментально и витально, но и материально, тогда Дух вольется в Материю, в завершенное супраментальное существо и супраментальное тело.

… земля станет проявленным обиталищем Духа.

… earth shall be Spirit's manifest home.[406]

Это очищение промежуточных уровней и есть весь смысл и история деятельности Шри Ауробиндо и Матери. Трудности адаптации тела к супраментальному *Агни*, скорее всего, вполне обоснованы и даже необходимы. Здесь дело даже не в трудностях так сказать «материального» плана, здесь в игру вступают трудности стратегического порядка. Ибо во время этого второго периода Шри Ауробиндо и Матери предстояло открыть тот факт, что трансформация — это не

только индивидуальная проблема, но и общечеловеческая, всеземная; оказалось, что осуществление индивидуальной трансформации (по крайней мере, полной) невозможно до тех пор, пока не достигнут определенный уровень трансформации коллективной. Когда коллективная трансформация достаточно продвинется, возможно, что все нынешние материальные трудности, которые кажутся непреодолимыми, исчезнут и притом незамедлительно. Все свершается в свой черед и в свой час, невозможного вообще не существует. Все препятствия, какова бы ни была их природа, всегда оказываются позднее полезными помощниками Истины, но в данный момент мы часто не имеем понятия ни об их смысле, ни о назначении. Нашему внешнему, поверхностному видению кажется, что трансформация являет собой проблему исключительно материального характера, но на самом деле все трудности являются внутренними, психологическими; видимые, порой весьма драматические трудности адаптации тела к кипящему *Агни* — вопрос не только чисто практический, телесно-материальный, здесь речь идет, как мы вскоре убедимся, о сознании человечества в целом, обо всем земном сознании. Но мы говорим загадками; проблему, которая в скором времени встала перед Шри Ауробиндо и Матерью, проще всего понять из замечания Шри Ауробиндо одному из учеников: *Я копаю, копаю, копаю трясину подсознания… Он [супраментальный свет] сошел перед ноябрем [1934], но затем поднялась вся грязь, и его не стало.*[407] Шри Ауробиндо еще раз убедился и уже не на индивидуальном уровне, а на коллективном, что когда вниз привносится слишком много света, вся тьма внизу восстает под его натиском. Любопытно, что всякое переживание Шри Ауробиндо и Матери, указывающее на новое продвижение в трансформации, автоматически воздействовало на сознание учеников — причем они ничего об этом не знали — вызывая новую полосу трудностей, а иногда даже мятежей или болезней, словом, «зубовный скрежет» тьмы перед ярким светом истины. Теперь становится понятен весь этот механизм. Если бы мы резко подвергли пигмея влиянию ментального света, каким, например, обладает просто образованный человек, то вызванные им внутренние пертурбации наверняка нанесли бы бедному парню неизгладимую травму и свели бы его с ума. Внизу еще слишком много джунглей. Этот мир по-прежнему — темный дремучий лес; в этом, в двух словах, заключается вся проблема. Наша ментальная колонизация — это совсем маленький участочек, который мы отвоевали, начиная с четвертичного периода, такого еще близкого нам.

Говоря о силах и существах подсознательного, риши Вед называли их «те-кто-скрывает», «те-кто-пожирает» или «похитители солнца». Их невозможно описать лучше; это бессовестные воры. Как только мы немного продвигаемся, привносим новый свет или более интенсивную вибрацию, как нас тут же словно затягивают под какое-то ватное одеяло, где нет ни глотка воздуха, где все разлагается в ужасной спертости. Гармоничная вибрация прошлого дня, такая ясная, лучащаяся и пластичная покрывается вдруг плотным засасывающим слоем; приходится пробиваться целые мили сквозь водоросли, чтобы выплыть к свету. На что ни посмотришь, к чему ни притронешься, что ни начнешь делать, — все как будто обращается в прах, смердит от этого разложения снизу. Все теряет смысл. А ведь внешние условия, тем не менее, остались все теми же, ничего не изменилось. *Эта борьба — как перетягивание каната, — писал Шри Ауробиндо, — когда ни одна из сторон не может добиться заметного преимущества (это еще похоже на окопную войну [как сейчас]*[408] *в Европе): духовная сила теснит сопротивление физического мира, а оно цепляется за каждый дюйм и предпринимает более или менее эффективные контратаки… И если бы не было силы и Ананды внутри, то кроме отвращения и безысходной усталости в этой работе ничего бы не было.*[409] Битва кажется нескончаемой. «Копаешь и копаешь», — говорили риши Вед, — и чем больше копаешь, тем дальше кажется дно. «Я копаю, копаю… осень за осенью тружусь я днем и ночью, и с каждым рассветом

старость все ближе и ближе, она уменьшает славу наших тел». Так тысячи лет назад сокрушалась Лопамудра, жена риши Агастьи, которая тоже стремилась к трансформации: «Даже люди древности, умудренные в Истине так, что могли разговаривать с богами… даже они не дошли». Но без тени замешательства, так истый риши (а всякий риши — победитель), ответствует ей Агастья: «Не пропадет ни грана в том труде, который охраняют боги. Давай же испытаем всю мощь всех вражьих сил, что путь наш заслоняют. И победим их здесь уже; так смело в бой с этой армадою стоглавой» (I.179). Это действительно гидра. Ночь за ночью, во сне или наяву ищущий открывает поразительные миры. Одну за другой обнаруживает он сферы, породившие человеческие извращения, войны, концентрационные лагеря; там подготавливается все, что мы переживаем здесь; он застает на месте, прямо в их потайных логовищах, те безобразные силы, которые оживляют в человеке мелочность, жестокость, низость.

Одинокий исследователь этих грозных царств,
Куда не проникает солнца луч, как в мрачную пещеру.[410]

A lone discoverer in these menacing realms
Guarded like termite cities from the sun[411]

Чем большим светом он обладает, тем больший мрак открывается ему. Ночь за ночью постепенно обнажается эта скрытая язва, которая подтачивает корни Жизни, ведь до тех пор, пока существует эта гангрена, настоящая трансформация невозможна. Но если разум и витальное ищущего уже прочно укрепились в истине, если они достаточно чисты для того, чтобы эти скрытые силы не могли нанести им вред, то поражается его тело, ибо тело — это последнее убежище Лжи. И тогда ищущий отлично видит все те лабиринты, хитросплетения, которыми болезнь и смерть проникают в тело, — каждое поражение там [в теле] означает поражение здесь [в жизни] — и он ощутимо, конкретно понимает колоссальную тщетность всех усилий излечить мир с помощью внешних средств и новых институтов; ибо, как только зло излечивается в одном месте или искореняется в другом, оно тут же возрождается где-нибудь в другом месте, в какой-то другой форме. Зло находится не вовне, оно — внутри, в нижних сферах, и до тех пор, пока эта особая Болезнь не будет побеждена, больным останется весь мир. Шри Ауробиндо сформулировал это так: *Старые боги… умеют переселяться.*[412]

В самых глубинных внутренних сферах, глубже, чем вся эта внешняя дисгармония, глубже даже, чем страх, великий Страх, властвующий здесь и отсюда всем управляющий, можно обнаружить что-то вроде безграничной Усталости, которая отрицает жизнь со всей ее болью, не желает света, она говорит НЕТ всему этому. Ищущий чувствует, что если продолжить нисхождение, дойти до конца этого отрицания, то можно просто раствориться в великой нирване окаменения, в то время как экстаз в высших сферах был бы растворением в великой нирване Света. Но смерть не является противоположностью Жизни! Это обратная сторона, дверь к светящемуся Сверхсознательному — в самом конце этого «Нет» находится «Да» и еще раз «Да», которое продолжает вталкивать нас в одно тело за другим, и цель всего этого — радость. Смерть — не более, чем сожаление этого «Да», та грандиозная Усталость в глубинных сферах, некий прообраз Блаженства. Смерть — это не противоположность Жизни! Это темное освобождение тела, которое пока еще не нашло озаренного освобождения и вечной Радости. Когда же тело обретет этот экстаз, безбрежность света и радости внутри собственной плоти так же, как и в сферах высших, то ему не нужно будет больше умирать.

Где же теперь во всем этом «я»? Где «мои» трудности, «моя» смерть, «моя» трансформация? Ищущий пробил тонкую корку собственного подсознательного, вышел в тотальность мира, и теперь сопротивление оказывает весь мир: *Это не мы ведем войну, это все воюет против нас!* Мы думали, что каждый из нас есть нечто изолированное, каждый — в своей шкуре со своим «внутренним» и «внешним», с индивидуальным и коллективным, каждый — вотчина со своими пределами, похожими на смехотворные границы нашей политической географии, — но оказывается, что все связано! Нет ни одного извращения, ни одной болезни в мире, которые не имели бы корней и в нас, нет ни одной смерти, соучастниками которой мы бы не были. Все мы одинаково вовлечены во все и виноваты во всем — никто не спасен, пока не спасены все! Это не проблема *одного* тела, говорит Мать, а проблема *всего* Тела, причем она даже не употребляла заглавного. Таким образом, Шри Ауробиндо и Мать открыли *материально,* на опыте, субстанциональное единство мира: нельзя коснуться одной точки, не затронув всего остального, или сделать шаг вперед или вверх без того, чтобы и весь мир не сделал такого же шага. Мы говорили о том, что это «стратегический» вопрос; и вполне возможно, что стратегия божественного промысла как раз и состоит в том, чтобы прогресс осуществлялся совокупно, «всем миром». Именно поэтому риши Вед и потерпели неудачу шесть тысяч лет назад. Полная и устойчивая индивидуальная трансформация невозможна без определенного, пусть даже минимального, продвижения всего мира в целом.

Так подошел к концу второй период работы по трансформации. После четырнадцати лет работы, с 1926 по 1940 г., индивидуальным концентрированным путем, с горсткой тщательно отобранных учеников Шри Ауробиндо и Мать снова оказались перед непреодолимым препятствием. Когда супраментальный свет приближается к земле, чтобы воссоединиться с тем же светом, заключенным в Материи, из коллективного подсознательного поднимаются потоки грязи, и все затопляется вновь. *Для того, чтобы помочь человечеству, — замечал Шри Ауробиндо, — для индивидуума, как бы велик он ни был, недостаточно достичь окончательного решения индивидуально, [потому что] даже если свет готов низойти, он не сможет закрепиться до тех пор, пока и весь низший план также не будет готов воспринять давление Нисхождения.*[413] То, что кульминация второго периода работы по трансформации совпала с началом второй мировой войны, имеет глубокое значение. Когда давление Света нисходит в одно человеческое тело, тело мира тоже начинает накаляться. Разве мы знаем по-настоящему, в чем благо или зло этого мира?

Факт коллективного сопротивления поставил Шри Ауробиндо и Мать перед вопросом: должны ли они отделиться от остального мира и идти вперед в одиночку, только с несколькими учениками осуществлять трансформацию и лишь затем вернуться к коллективной работе, чтобы распространить завершенную (или частично завершенную) в самих себе трансформацию на всю Землю. (Та же идея побуждала многие духовные, оккультные, рыцарские и т. п. группы уходить в уединение, недоступное для мира, чтобы делать свое дело, и защитить его от заражения коллективными вибрациями.) Но вскоре они осознали, что это иллюзия, что впоследствии разрыв (или *атмосферическая пропасть,*[414] как называл его Шри Ауробиндо) между новой реализацией и старым миром будет слишком велик, чтобы его можно было когда-либо преодолеть. А какая польза в индивидуальном успехе, если его нельзя передать всему миру? Получилось бы, как в сказке Андерсена, о которой мы уже говорили. Если супраментальное существо вдруг появилось бы на земле, его никто не увидел бы. Наши глаза должны сначала открыться для иного способа жизни. *Если вы пойдете по пути, который открыт для вас, — говорила Мать, — (с путями дело обстоит так же, как и с существами, — некоторые из них открыты) и при этом не будете терпеливо ждать остальных [досл. «оставшуюся часть творения» — прим. пер.), т. е., если вы в ходе индивидуальной реализации подойдете к Истине*

весьма близко по сравнению с настоящим состоянием мира, то к чему это приведет? Вы нарушите целостность; не только гармония, но и равновесие целого будет нарушено, потому что какая-то часть творения будет не способна продвигаться в этом направлении. Место полной реализации Божественного займет реализация незначительная, локальная, бесконечно малая, и вам не удастся достичь того, что должно быть осуществлено в пределе. Кроме того, — подчеркивала Мать, — в одиночку невозможно совершить работу во всей ее полноте, потому что каждое физическое существо, каким бы, совершенным оно ни было, — даже если оно все целиком «наивысшего качества», даже если оно предназначено для особой Работы, — обособлено и ограничено. Оно воплощает только какую-то одну истину, один закон в мире — он может быть очень сложным, но все равно это всего лишь один закон — и полная трансформация не может быть осуществлена только через это единственное существо, через одно-единственное тело. В одиночку вы можете достичь собственного совершенства, вы можете обрести бесконечность и совершенство в своем сознании. Внутренняя реализация не имеет границ. Но реализация внешняя, напротив, неизбежно ограничена, и для осуществления некого всеобщего действия необходим какой-то минимум физических носителей.

В 1940 г., после четырнадцати лет индивидуальной концентрации, Шри Ауробиндо и Мать открыли двери своего ашрама. Начался третий период трансформации, период, который сегодня принял мировые масштабы.

Третий период — Ашрам[415]

В Индии «ашрам» — это обычно духовная или религиозная община, члены которой, направляемые Учителем, отрекаются от всего мирского, предаются медитации, концентрации и йогическим упражнениям для того, чтобы достичь «освобождения». Можно предполагать, что ашрам Шри Ауробиндо имеет мало общего с этим определением — разве лишь то, что у Шри Ауробиндо и Матери было несколько учеников. Его нельзя назвать ни каким-то экзотическим монастырем, ни обителью уединения, покоя, защиты от внешнего мира; это было больше похоже на кузницу: *Этот Ашрам был создан… не для отречения от мира, но как центр и поле практики для эволюции иного вида и иной формы жизни.*[416] Еще до своего ареста в Бенгалии, во времена, когда Шри Ауробиндо даже не помышлял о создании ашрама, он уже говорил: *Духовная жизнь находит свое самое мощное выражение в человеке, который живет обычной человеческой жизнью вливая в нее силу Йоги… Именно благодаря такому союзу внутренней и внешней жизни человечество в конце концов возвысится и станет могущественным и божественным.*[417] Поэтому он хотел, чтобы его ашрам был полностью в повседневной жизни, прямо в гуще всего обычного, мирского, потому что именно здесь, а не на вершинах Гималаев, должна осуществиться трансформация. В главном здании жила Мать и здесь же — могила Шри Ауробиндо. Более 1200 учеников всех национальностей и всех социальных слоев, мужчин, женщин и четырехсот или пятисот детей были рассеяны по всему городу (Пондишери), занимая домов триста, а то и больше. У этого ашрама не было стен, которые могли бы защитить; защитить мог лишь собственный внутренний свет, мир с его базаром был тут же, рядом.

Любой человек Запада, который приходил в ашрам с намерением обрести покой и изучать «йогу», бывал, конечно, крайне разочарован. Во-первых, никто не пытался его ничему учить (необходимо было, скорее «отучиваться»), не было ни занятий, ни «учения», за исключением работ Шри Ауробиндо и «*Вопросов и ответов*» Матери, которые имел в распоряжении каждый (как, впрочем, и информацию обо всех других учениях, традиционных и нетрадиционных). Не

было и никаких правил. Ученику предстояло все открыть самому, внутри себя, в гуще активной жизни. Он был предоставлен самому себе. Да и как можно создать какие-то ментальные правила для работы, охватывающей все уровни эволюции — ментальный, витальный и психический, все человеческие типы и все традиции (некоторые ученики были воспитаны как христиане, другие — как даосы, мусульмане, буддисты, атеисты и т. д.)?! Каждый должен был обрести свою собственную истину, а не истину соседа. Некоторые верили в добродетели аскетизма — несмотря на все то, что говорил об этом Шри Ауробиндо, — и жили в уединении, как аскеты, другие предпочитали дзюдо или футбол, третьи любили книги и учение, а четвертые их не любили, некоторые занимались торговлей и производили нержавеющую сталь, духи, сахар (причем тоннами!) на вполне современном сахарном заводе. Там было все — на любой вкус. Тот, кто любил рисование, занимался рисованием; те, кто любили музыку, имели в своем распоряжении всевозможные музыкальные инструменты, индийские и западные; те, кто предпочитали педагогическую деятельность, стали учителями в Международном Центре Образования, в котором был представлен весь академический диапазон — от детского сада до университетского уровня. Были там также печатный станок, лаборатории, сады, рисовые поля, мастерские по ремонту легковых и грузовых машин и тракторов, рентгеновское отделение и операционная. Были представлены все мыслимые виды человеческой деятельности. Это был микрокосм. Можно было быть и пекарем, и судомойкой или плотником, если веришь в добродетель простой работы. Среди всех этих видов деятельности не существовало никакой иерархии; ни один из них не оплачивался, ни один не считался высшим по сравнению с другим. Мать обеспечивала все жизненные потребности в соответствии с нуждами каждого. Единственная настоящая задача — раскрыть истину своего существа, а внешняя работа — не больше, чем средство для этого. Было крайне интересно наблюдать, как люди меняли виды деятельности по мере пробуждения их сознания; быстро рушились ценности прежних профессий, и поскольку деньги уже не имели никакого значения, тот, например, кто полагал, что он — доктор, чувствовал себя гораздо лучше в роли ремесленника, тогда как человек, не имевший никакого специального образования, вдруг открывал в себе поэтический или художественный талант или погружался в изучение санскрита или айюрведической медицины. Это была полная перестройка внешних ценностей в соответствии с внутренними критериями человека. Когда однажды один из учеников задал Матери вопрос о том, какой путь участия в супраментальной трансформации является самым лучшим, он получил следующий ответ: *Путь всегда один и тот же: реализовывать свое существо в какой угодно форме, любыми средствами, какими — совершенно неважно, но это единственный путь. Каждый человек несет в себе истину; именно с этой истиной он должен объединиться и с этой истиной должен жить; если он делает это, то путь, которым он следует для того, чтобы соединиться с этой истиной и реализовать ее, является также путем, который приводит его ближе всего к Трансформации. Т. е. личная реализация и трансформация неразрывно связаны между собой. Может быть, даже именно такое многообразие подходов раскроет нам Тайну и откроет дверь, кто знает?*

Не было там также и общинной жизни — только внутренняя связь. Некоторые ученики сохраняли привычку с тех дней, когда Мать проводила беседы с детьми ашрама, собираться дважды в неделю для коллективных медитаций. Но больше всего ученики собирались вместе для занятий спортом (была и общая столовая, но многие предпочитали питаться дома, со своими семьями или одни). Были представлены все виды спорта, от традиционной хатха-йоги до тенниса и бокса, и почти каждый ученик посвящал ежедневно час или два спортивным занятиям. Море было рядом, но был также и пятидесятиметровый плавательный бассейн; были там и баскетбольная, и волейбольная площадки, беговые дорожки, гимнастический зал,

боксерский ринг, доджо для занятий дзюдо и т. д. Там занимались всеми видами спорта и во всяком возрасте — от пяти до восьмидесяти. Был там и театр, и кинотеатр. Но спорт не был предметом особого культа, там не создавали кумиров, была одна вера — вера в божественные возможности человека и в более истинную жизнь на земле. *Все вы, дети мои, живете здесь в исключительной свободе, — говорила Мать самым юным. — …Ни социальных ограничений, ни ограничений моральных, ни интеллектуальных, нет и никаких правил; только Свет — это все, что присутствует здесь.* Но этот Свет был очень нужен. Именно там должна была начаться всеземная работа.

Вправе ли мы говорить о «всеземной» работе, если речь идет о 1200 учениках или пусть даже о сотне тысяч их? Ашрам на самом деле был лишь местом концентрированной работы — собственно говоря, ашрам находится везде в мире, где люди жаждут более истинной жизни, независимо от того, знают ли они Шри Ауробиндо или нет, потому что их внутренняя ориентация, их внутренняя потребность заставляет проходить их сквозь то же горнило суровых испытаний. Трансформация — это вовсе не привилегия одного человека; наоборот, она нуждается во множестве людей, людей как можно более разных. Ашрам был лишь символическим пунктом работы, как лаборатория является символическим, пробным местом испытания вакцины, которая принесет пользу миллионам людей; сам Шри Ауробиндо часто называл его *лабораторией.* Это можно легче понять, если мы примем во внимание, что каждый индивидуум представляет собой определенную совокупность вибраций и находится в контакте с определенной зоной Подсознательного. Каждый из этих миров, на вид таких разнообразных, состоит на самом деле из нескольких характерных вибраций; за многообразием форм (или, вернее, деформаций), существ, мест и событий внутри данной зоны на деле стоит одна и та же вибрация. Когда мы станем немного сознательными и начнем нисходить в Подсознательное и сможем работать там, не будучи при этом подавленными, то мы будем удивлены, иногда до смешного, что некоторые люди, которых мы знаем и которые внешне совершенно не похожи с ментальной и витальнои точки зрения, являются почти одинаковыми и равнозначными в Подсознательном! Их почти невозможно отличить друг от друга. То есть люди, принадлежащие к разным вероисповеданиям, различным культурным уровням, разным социальным классам и даже к различным культурным воззрениям, могут относиться к одному и тому же *типу* и быть совершенно одинаковыми в Подсознательном, *как будто вы видите их одного сквозь другого,* — говорит Мать, это какая-то удивительная разновидность взаимного наложения [суперпозиции]. Мы видим таким сквозным способом лишь двух, трех человек, потому что наше видение ограничено, но если бы мы обладали тотальным видением, то мы бы увидели за ними тысячи и тысячи людей, размещенных по четко определенным зонам. Некоторых людей никогда не увидишь вместе в Подсознательном, хотя они могут быть близки друг к другу во внешней жизни, и наоборот. И становится понятным, каким образом эта «всеземная» работа обретает мировые масштабы: *Каждый индивидуум, — говорит Мать, — это инструмент, предназначенный для овладения некоторой совокупностью вибраций, которая представляет его особое поле деятельности* (работы). Каждый из нас в силу своих положительных качеств *и своих пороков* имеет доступ к особой зоне всеземного сознания, эта зона и есть наш участок в общей (коллективной) трансформации. Поэтому мы теперь понимаем, почему вся трансформация не может быть осуществлена одним индивидом: потому что как бы он ни был велик, как бы ни была сложна его внутренняя организация, какой бы обширной ни была его колонизация ментального, витального и подсознательного, он представляет только *одну* совокупность вибраций. Самое большее, что он может сделать — это преобразовать тот тип вибраций, который он представляет, — но и это сомнительно, потому что в конечном счете все взаимосвязано. Понятно также, почему святые не могли достичь трансформации, вакцина

создается не святостью, а той долей болезни человечества, которую имеешь смелость встретить лицом к лицу и взять на себя. Болезнь присутствует и в том, и в другом случае, но один человек закрывает на это глаза и уносится в экстазе, тогда как другой засучивает рукава и принимается за работу со своими пробирками. Когда один давний ученик горько сетовал на то, какая человеческая мешанина собрана в ашраме и какие «невозможные» люди живут в нем, Шри Ауробиндо отвечал: *Необходимо, или даже неизбежно, чтобы в Ашраме, который является «лабораторией»… духовной и супраментальной йоги, человечество было представлено разнообразно. Ибо проблема трансформации должна включать в себя все виды элементов как благоприятствующих, так и противостоящих. Один и тот же человек есть на самом деле смешение этих двух элементов. Если осуществлять йогу будут лишь люди саттвичные [добродетельные] и развитые люди, не имеющие в себе особых витальных затруднений, то вполне может случиться, что затруднение, которое представляет витальный элемент в земной природе, не будет выявлено и преодолено, из-за чего усилия пропадут даром.*[418] Другой ученик писал Шри Ауробиндо в минуту раскаяния: «Что мы за ученики!.. Вам нужно было бы выбрать или призвать кого-нибудь из лучшего теста — хотя бы, вот как Х…» Шри Ауробиндо отвечал: *Что касается учеников, я согласен! — Да, но будет ли этот лучший материал, если он существует, типичным для человечества? Занятия с несколькими исключительными типами едва ли решат проблему. И согласятся ли они следовать моим путем — вот еще один вопрос. И если их подвергнуть испытанию, не проявится ли в них внезапно обыкновенная человеческая природа — это следующий вопрос.*[419] *Я не хочу иметь сотни или тысячи учеников. Достаточно, если у меня будет сотня совершенных людей, свободных от мелкого эгоизма, которые станут инструментами Бога.*[420]

Практически эта работа осуществляется посредством последовательного преодоления каждой из наших психологических трудностей, которые символически представляют те же трудности в мире, — если в индивидууме затрагивается какая-то вибрация, то та же самая вибрация затрагивается во всем мире. *Каждый из вас представляет собой одну из трудностей, которые нужно преодолеть для того, чтобы трансформация была полной, — и это означает множество трудностей! — говорила Мать. — Это даже больше, чем трудность; я вам, кажется, уже говорила, что каждый представляет некую невозможность, которую нужно, тем не менее, разрешить! когда будут разрешены все эти невозможности. Работа будет сделана.* Как мы уже говорили, у каждого человека есть нечто вроде никогда его не покидающей тени, и, как кажется, противоречащей самой цели его жизни. Это именно та особая вибрация, которую он должен преобразовать, его личное поле деятельности, персональный Гордиев узел. В этом одновременно скрыты и вызов его жизни, и возможность ее победы. Здесь его личный рабочий участок в прогрессе коллективной эволюции на Земле. Но в этой лаборатории в ходе работы происходит нечто примечательное: в обычной жизни или в индивидуальной йоге эта тень, то проявляясь чуть ярче — и вызывая беспокойство, — то слабее, в конце концов растворяется сама по себе или, точнее, исчезает в забвении; но как только мы включаемся в йогу Земли, мы обнаруживаем, что она вовсе не растворилась; она возникает вновь и вновь, неотступно, как будто битва вовсе и не была выиграна — на самом деле как будто в одиночку приходится вести бой с этим видом вибрационного сплетения, но уже не в личном, а во всеземном масштабе. Кажется, что ищущий становится особым полем битвы, местом неистовой и символической битвы против того же сплетения тьмы во всем человечестве. *Вы уже не делаете йогу только для себя, вы делаете ее для всех, неумышленно, автоматически,* — говорит Мать. Ищущий убеждается *in vivo*[421] в принципе единства субстанции мира: его попытка исправления крошечной вибрации в самом себе вызывает реакцию сопротивления мириад крошечных родственных вибраций во всем мире. Это то, что Шри Ауробиндо называет *йогой для*

земного сознания.[422] *Принимая жизнь, он [ищущий на пути интегральной йоги] должен нести не только свое бремя, но и вместе с ней большую часть мирового бремени, которая неразрывно связана с его собственной и без того достаточно тяжелой ношей. Поэтому его йога гораздо ближе по своей природе к битве, чем другие [виды] Йоги; но это не просто индивидуальная битва, это целая коллективная баталия, разворачивающаяся на громадной территории. Ищущий должен победить силы эгоистической лжи и беспорядка не только в себе самом, но победить их как представителей тех же самых враждебных и неистощимых сил всего мира. Такая природа этих сил придает им гораздо больше упорства в сопротивлении, очень стойкую способность нападать снова и снова. Часто он обнаруживает, что даже после того, как он прочно одержал победу в своей личной битве, ему предстоит еще побеждать вновь и вновь в войне, которая кажется бесконечной, потому что его внутреннее существование настолько расширилось, что оно не только содержит в себе само его существо с его четко определенными потребностями и духовным опытом, но и солидаризируется с другими существами, поскольку в нем — весь универсум.*[423]

Будет ли когда-нибудь эта задача решена до конца? Вообще можно подумать, что Подсознательное — это какая-то нескончаемая клоака — риши называли его «бездонной ямой» — и если для осуществления супраментальной трансформации необходимо ждать, пока оно полностью очистится, то не исключено, что ждать придется очень долго. Но все обстоит несколько иначе. Человек, появляясь в нашу эпоху на свет, не привносит с собой ничего нового во всеобщее Подсознательное или Бессознательное: они служат источником соответствующих вибраций для него как для предыдущих, так и для будущих поколений, и он воспроизводит те же самые вибрации, которые беспрестанно вращаются в земной атмосфере. Человек в равной степени не может создать ни новую тьму, ни новый свет. Он является лишь орудием — сознательным или бессознательным — первого или второго (а чаще всего обоих). Никакие новые вибрации не могут быть привнесены в мир за исключением вибраций сверхсознательного Будущего, которые постепенно нисходят в настоящее и растворяют или преобразуют вибрации нашего эволюционного прошлого. Очевидно, что Подсознательное и Бессознательное в силу этого процесса сдают со временем свои позиции — они уже не те, какими были, скажем, две тысячи лет тому назад, и каждый из нас внес в это свою лепту. Такое давление Будущего на настоящее является ключом к преобразованию мира. Йога ускоряет этот процесс, а пионер эволюции — это орудие, которое притягивает вниз все более и более мощные вибрации. Поэтому задача ищущего — не столько негативная работа по очищению Подсознательного, сколько работа позитивная по призыванию света; он привносит вниз вибрации Будущего для того, чтобы ускорить процесс так сказать «ассенизации». Это то, что Шри Ауробиндо называет «нисхождением». Это, как мы уже говорили, — характерная черта его йоги. *Если нисхождение имеет место в других йогах, то это все-таки только эпизод на пути или результат восхождения, главной целью остается восхождение. Здесь же восхождение — это лишь первый шаг, но оно же является средством и для нисхождения. Именно нисхождение нового сознания, достигаемое посредством восхождения, есть отличительный признак этой садханы [дисциплины]… Целью здесь является божественное наполнение жизни.*[424] Нисхождение, согласно Шри Ауробиндо, это не зигзаг: сначала резко вверх и затем так же резко вниз, чтобы там, внизу, авралом или тяжелым трудом почистить немного эти Авгиевы конюшни. В результате нисхождения, по Шри Ауробиндо, низ перестает на самом деле быть низом. Возьмем самый прозаический пример (а Богу-то известно, как прозаична трансформация): мы можем делать покупки в универмаге в гуще темной и серой толпы или путешествовать ночью в довольно нездоровых регионах подсознательного, но делать и то и другое с той же интенсивностью сознания, светлого и покойного, как если бы сидели в одиночестве в своей

комнате с закрытыми глазами в глубокой медитации. Вот что имеется в виду под понятием «нисхождение». Не существует больше никакой разницы между верхом и низом, высокое и низкое в равной степени полны покоя и света. И, таким образом, трансформация в мировом масштабе осуществляется за счет того, что субстанциональное единство мира работает *с двух сторон*: прикосновение к какой-то одной тени тут же сказывается и на всех тенях в мире, но верно и обратное: чуть больше света — и все тени вокруг уже не те, они изменились под его воздействием. Все вибрации заразительны, не исключая и хороших. И всякая победа — это победа для всех. Больше того, было бы, скорее, удивительно, если бы это было наоборот! *Да это же одно и то же Бытие!* — восклицала Мать, есть только одно сознание, одна субстанция, одна сила и одно тело в мире. Именно поэтому Шри Ауробиндо мог сказать о Матери и о себе: *Если Суперразум низойдет в наше физическое, то это будет означать, что он низошел в Материю и поэтому нет никакой причины, почему бы ему не проявиться в садхаках [учениках]*.[425]

Чем выше поднимается ищущий, тем более доступны для него зоны внизу — порция Прошлого, с которым он может войти в контакт, в точности соответствует «количеству» Будущего, которое он открывает, — и тем более возрастают его способности и силы в коллективной трансформации. До сих пор единственной низведенной вниз силой была ментальная или, в лучшем случае, надментальная сила [сила Глобального Разума — overmental power], которая была не способна достичь самых низших слоев, но теперь, когда после реализации Шри Ауробиндо и Матери супраментальная или духовная сила низошла во всеземное сознание, мы можем ожидать, что предельные точки Будущего и Низшего соприкоснутся, вследствие чего произойдет ускорение процесса очищения, т. е. в конечном счете эволюции всего человечества. Йога — это процесс концентрированной эволюции, причем ускорение идет в геометрической прогрессии: *Первое движение эволюционной Силы в Материи отличалось особой, эонической постепенностью; движение Жизни разворачивается медленно, но все-таки быстрее, чем первое, оно уже укладывается в шкалу тысячелетий; разум еще более сокращает неторопливый беззаботный ход Времени, и ему достаточно нескольких столетий для своих свершений; но когда в игру вступает сознающий дух, скорость эволюции измеряется шагами наивысшей концентрации [a supremely concentrated pace of evolutionary swiftness becomes possible]*.[426] Сейчас мы достигли как раз этой точки. Содрогания сегодняшнего мира — это, вероятно, признак того, что нисходящее Давление возрастает, и мы приближаемся к подлинному решению. *Вполне может случиться так, что в самом начале [супраментальная] тенденция [endeavour] не будет прогрессировать быстро даже на этой, своей первой решающей стадии; возможно, потребуются целые столетия усилий для того, чтобы осуществилось своего рода постоянство рождения. Но в этом вовсе нет необходимости, поскольку принципом подобных изменений в Природе является, по-видимому, долгое завуалированное приготовление, за которым следует стремительная конденсация и низвержение элементов в новое рождение, быстрая конверсия, трансформация, которая в своей светоносной спонтанности [luminous moment] кажется чудом. Даже по достижении первой решающей стадии очевидно, что все человечество будет не способно подняться до этого уровня. Не может не быть разделения на тех, кто сможет жить на духовном уровне, и тех, кто сможет жить только в свете, который нисходит оттуда на уровень ментальный. А еще ниже может оказаться огромная масса тех, которые испытывают влияние свыше, но еще не готовы к восприятию света. Но даже это будет трансформацией и начинанием, выходящими далеко за пределы того, что было достигнуто до сих пор. Эта иерархия не будет означать, как в нашем нынешнем витальном бытии, эгоистического превосходства более развитых над неразвитыми, просто старшие братья поведут за собой младших, постоянно*

трудясь, чтобы поднять их к более великому духовному уровню и более широким горизонтам. Но и для водителей это восхождение к первым духовным планам не будет концом божественного марша, кульминацией, после которой на земле будет нечего делать. Ибо внутри сферы супраментального будут еще более высокие уровни,[427] *о чем было известно древним поэтам Вед, когда они говорили о духовной жизни как о постоянном восхождении.*[428]

> Жрецы слова взбираются по тебе, как по лестнице,
> о имеющий сотни сил.
> По мере того, как восходишь от вершины к вершине,
> становится ясным многое из того, что еще предстоит сделать.[429]

На самом деле за все эти столетия мы заложили некие Основания: основы самосохранения и благосостояния посредством нашей науки, основы милосердия посредством наших религий и морали, основы красоты и гармонии посредством нашего искусства и, наконец, ментальную основу с ее ювелирной отточенностью — но все это является основой для *чего-то иного*. Поглощенные своим усилием к совершенствованию, мы видим великую Работу лишь с какой-то одной стороны: со стороны земного бессмертия, подобно риши, или вечной Перманентности, подобно Будде, или со стороны милосердия, благосостояния, да сколько их еще, точек зрения! Но ведь не играть же вечно в кубики, как дети! Ведь ни одна из этих точек зрения не достигает ни полноты, ни завершенности, являясь отрицательным определением настоящих правил Игры, которых мы не знаем. На самом деле еще ничего не началось! Что, собственно, началось?.. Может быть, для начала от нас требуется хотя бы иметь понятие об Игре — только и всего! — и она начнется. Какие приключения нужны еще нам? Со времен Жюля Верна они полностью исчерпали себя. Что они дали нам? Ничего. Все кануло в Лету. Какая война, какая революция еще стоит того, чтобы за нее проливали кровь? Все наши Эвересты покорены, глубины морей — и те подвластны нам, все контролируется и все исчислено вплоть до стратосферы. И, может быть, все это ради того, чтобы подвести нас к единственно возможному выходу в этом задыхающемся мире, к единственно подлинному открытию? Ведь поверив в свою близорукость и представив себя этакими слепышами, мы решили «исправить» великий внутренний Глаз и наши вселенские крылья, заменив их какими-то машинами. Но теперь все это железо, все эти машины прессуют нас самих! И, может быть, в этом есть великий смысл: заставить нас поверить в то, что мы не хуже машин, что мы все-таки превосходим свои же изобретения. «Они бродят и бродят вокруг, калечась и спотыкаясь — как слепые, ведомые слепцом», — давно уже говорили Упанишады (Мундака Упанишада I.2.8). Не пришло ли время направить взор поверх всех наших игрушек и начать Игру? Вместо того, чтобы копать лопатами, бульдозерами, евангелиями и нейтронами, давайте поднимем целину сознания и бросим *то* семя на ветры времени, и пусть жизнь наконец начнется.

> *Земнорожденные, покорные и Силе, и Судьбе,*
> *В бескрайнем мире жалкие авантюристы,*
> *О гномы — пленники юдоли человечьей,*
> *Доколь, как заведенный, вертеться будет разум ваш*
> *Вкруг ваших жалких «я», мизерных мелочей?*
> *Ничтожность постоянная — не в этом ваше назначенье,*
> *Круженье тщетное — не для того вы созданы…*
> *Ведь силы всемогущие сокрыты в каждой клеточке Природы.*

И жребий ваш велик, и он — пред вами…
Та жизнь, которой вы живете, от вас скрывает ваш же свет.

O Force-compelled, Fate-driven earth-born race,
O petty adventurers in ia infinite world
And prisoners of a dwarf humanity,
How long will you tread the circling tracks of mind
Around your little self and petty things?
But not for a changeless littleness were you meant.
Not for vain repetition were you built…
Almighty powers are shut in Nature's cells.
A greater destiny awaits you in your front…
The life you lead conceals the light you are.[430]

Посмотрим чуть выше, туда, за ограду: все — уже здесь, нужно только захотеть:

И я узрел их в полутьме веков,
Чад солнцеглазых чудного рассвета…
Что, как гиганты, рушат все препоны мира…
То — архитекторы бессмертья…
И светом Духа осиянные тела,
Хранители заветных слов, мистических огней
И чаши радости дионисийской…

I saw them cross the twilight of an age,
The sun-eyed children of a marvellous dawn…
The massive barrier-breakers of the world…
The architects of immortality…
Bodies made beautiful bye the Spirit's light,
Carrying the magic world, the mystic fire,
Carrying the Dionysian cup of joy…[431]

Железный век завершен[432]

Предпосылки века Правды могут показаться жесткими — рискованное нисхождение в Бессознательное, битва против Тьмы и постоянная угроза Смерти. Но разве мы не рисковали жизнью ради более мелких предприятий? *Величие человека не в том, чем он является [в данный момент], но в том, что он делает [для себя] возможным*[433] — сказал Шри Ауробиндо. Нужно победить всего лишь *один раз*, в одном теле. Когда человек одержит эту Победу, она станет триумфом всего человечества и во всех мирах. Ибо эта Земля, такая маленькая на вид, столь

незначительная, но пронизанная всеми космическими иерархиями, есть символическое поле битвы точно так же, как сознательное человеческое существо, — это символическое поле битвы, которая ведется во всем человечестве, — если мы победим здесь, мы победим везде; *мы* — освободители мертвых, *мы* — освободители жизни. Становясь сознательным, каждый из нас становится строителем небес и спасителем земли. Именно потому эта жизнь на земле и обретает такое исключительное значение среди всех других форм жизни, именно поэтому стражи Лжи настойчиво навязывают нам потусторонний мир. *Мы не должны терять ни минуты, исполняя здесь свою работу, — говорит Мать, — потому что именно здесь мы можем по-настоящему сделать ее. От смерти не ждите ничего; жизнь — вот ваше спасение. Именно в жизни должна быть достигнута трансформация; именно на земле прогрессируют, на земле постигают. Именно в теле одерживается Победа.* Тогда закон эволюции перестает быть законом противоречий, которые вечно побуждают нас вырваться из нашего человеческого детства. Это будет закон света и бесконечного прогресса — новая эволюция в радости Правды. Победу нужно одержать только один раз. *Одно* осиянное, прославленное тело — одно тело должно разрушить железный закон для всех тел. И все люди должны сотрудничать для того, чтобы добиться этой одной Победы. Стратегическая трудность находится перед нами во всей своей полноте. *Если земля взывает, а Высшее отвечает, то час может пробить хоть сейчас.*[434]

Заключение. Конец, который вечно начинается вновь[435]

Реализация риши Вед стала коллективной реализацией. Суперразум вошел в земное сознание, он низошел прямо в физическое подсознательное, к границам Материи. Остается навести лишь один мост, чтобы установить связь. *Новый мир рожден, — говорила Мать. — В настоящее время мы находимся в середине переходного периода, в котором перемешаны две вещи: старый мир упорствует, по-прежнему оставаясь очень сильным, по-прежнему управляя обычным сознанием, но незаметно входит мир новый, и все это так скромно, неброско, что внешне пока ничего не меняется… Но он работает, он растет, пока однажды он не станет достаточно сильным, чтобы утвердить себя видимо.* Не все трудности приходят из подсознательного.

В частности, одна из них является крайне сознательной и противостоит новому миру, подобно массивной бронзовой двери, и это не наш материализм — ученые, если они искренни, могут первыми вступить в царство Правды — это плотный духовный панцирь, под которым мы похоронили Дух. Настоящий вред, который несет дьявол, заключается не в том, что он сеет ложь или ненависть в мире, подобно Атилле или фашистам, — у него достаточно ума, чтобы не делать этого, — а в том, что он захватывает крупицу истины и слегка передергивает ее. Нет ничего устойчивей извращенной истины, потому что ложь немедленно присваивает себе всю силу, которая содержится в этой частичке истины. Нам часто повторяли, что спасение — на небесах, и это верно, не может быть для человека спасения до тех пор, пока он живет, уткнувшись носом в Материю; спасение его — на небесах сверхсознательного. Наверное, для начала было необходимо проповедовать нам небеса для того, чтобы вытащить нас из исходного эволюционного склероза, — но это лишь первая стадия эволюции, а мы убедили себя в том, что это есть и конец, и предел, и все это навсегда, твердо, как гранит. И вот сейчас это обернулось против нас. Мы отрицали Божественность в Материи, «позволив» ей [Божественности] обретаться лишь в наших святых местах, и теперь Материя берет реванш — мы называли ее грубой, и она стала грубой. До тех пор пока мы будем мириться с этим Дисбалансом, для земли не будет никакой надежды. Мы будем лишь колебаться между двумя полюсами, каждый из которых является одинаково ложным, — от материального наслаждения к духовному аскетизму, никогда не находя истинной полноты и завершенности. *Древние интеллектуальные культуры Европы кончили всесокрушающим сомнением и скептическим бессилием, набожность Азии — застоем и упадком*[436] Нам нужна и сила Материи, и свежие воды Духа, но наши материализмы притупляют наши умы и чувства, а наши веры — это обратная сторона нашего неверия. *Атеист — это Бог, играющий сам с собой в прятки, но отличается ли от него теист? Да, возможно; ибо он увидел тень Бога и ухватился за нее.*[437]

Если мы хотим излечить этот Дисбаланс, — ибо все, чему не хватает равновесия в наших телах, обществах или наших космических циклах, в конечном счете умирает, — необходимо иметь ясное видение. Мы потеряли Пароль — таков итог нашей истории. Мы заменили подлинную силу механизмами и приспособлениями, а истинную мудрость — догмами. Это владычество гномов, на всех уровнях. И такое положение вещей будет «прогрессировать», если мы не откажемся от всех этих унизительных полуистин сверху или снизу и не пойдем к истинному источнику, Внутрь, чтобы вновь практически открыть тайну Духа в Материи. «Бессмертное в смертных… это бог, водворившийся внутри, это энергия, дарующая нам

божественные силы» (Риг Веда IV.2.1). Зная эту Тайну, ни риши, ни мудрецы древних Мистерий не делали этого ужасного разделения, которое подрывает наши жизни, — «наш Отец — небо, наша Мать — земля» — они не решали проблему тем, что относили окончательную человеческую реализацию к временам будущим — «Давай победим уже здесь, смело на битву с этой гидрой стоглавой». По достижении вершины сознания они не растворялись в туманном экстазе: «Я — сын Земли, земля — моя мать…» Атхарва Веда (XII.1); они путешествовали к границам Бесконечного, но здесь, внизу, для них не было ничего незначительного: «О Божество, храни для нас Бесконечное и расточай конечное» (Риг Веда IV.2.11), «О Земля, хочу говорить о красоте твоей в твоих деревах и лесах, и собраниях, и войнах, и битвах» (Атхарва Веда XII.44.56). Они сражались и были непобедимы, потому что знали: в них — Бог: «О Сын тела… полный счастья и света, победоносный, кому нельзя причинить никакого вреда» (III.4.2,9.1). Вот всепокоряющая истина людей открытых, прямодушных, для которых смерть — это ложь и поражение. Истина божественной радости на земле. Их истина была, конечно, преждевременной для диких орд Европы, которым нужно было сначала услышать о небесах, а потом уже о земле, но сейчас, возможно, пришло время открыть по крайней мере Мистерии — риши Вед, орфиков, алхимиков или катаров и вновь открыть полноту истины двух полюсов в третьем положении, которое не является ни позицией материалистов, ни позицией спиритуалистов, последователей духовных учений: *Вознесение человека в небеса — это не решение, оно — в восхождении в дух здесь, внизу, и в нисхождении, с другой стороны, духа в его обычное человеческое, в трансформации этой земной природы. Именно это, а не некое посмертное спасение, является подлинно новым рождением, которого ждет человечество как венчающего, завершающего движения своего длинного, темного и полного боли пути.*[438]

Шри Ауробиндо несет нам послание надежды. Наше царство гномов, в котором мы живем, — это в конеченом счете только символ появления нового. Наши обскурантизм и деградация — это всегда сигнал прихода более великого света, которому суждено низойти, чтобы сломать господствующие ограничения. Есть только два способа это сделать: посредством сверхизобилия света или посредством сверхизобилия тьмы. Один способ тянет нашу тьму к свету и растворяет ее, другой же обрушивает свет в нашу тьму и преобразовывает ее. Один освобождает немногих, другой же освобождает всю землю. Десять тысяч лет назад несколько титанических личностей вырвали Тайну мира, но это осталось привилегией нескольких посвященных, но теперь все мы должны стать посвященными. Еще десять тысяч лет назад был золотой век, сейчас же, кажется, все поглощается тьмой. Но на самом деле это не ночь низошла на землю, как учили нас прорицатели конца Света: это свет был погребен в мире. Нам суждено было забыть Тайну, человечество должно было низойти вдоль темной кривой века разума и религий для того, чтобы все могли вновь обрести Тайну, каждое взрослое существо, и вновь обрести свет повсюду, под всей темнотой, всеми бедами, всей мелочностью, а не только вблизи священного огня какого-нибудь ведического или иранского святилища. Мы находимся в начале Времен. Эволюция движется не по восходящей траектории, теряющейся в небесах, а по спирали: *Это не извилистый путь, который приводит вас, слегка избитых, назад, к отправной точке; напротив, он ведет все творение к радости бытия, красоте бытия, величию бытия и постоянному, вечному развитию этой радости, этой красоты, этого величия. И тогда все обретает смысл.* Вечная спираль, не имеющая предельной, высочайшей точки, — ведь Высочайшее находится повсюду в мире, в каждом существе, каждом теле, каждом атоме, — спираль, которая постепенно восходит, достигая все высших и высших сфер, чтобы [затем] все ниже и ниже нисходить, охватывать все больше и больше и как можно больше раскрыть. Мы стоим у истоков Беспредельного, и этой беспредельности тоже суждено расти. Пионеры эволюции открыли уже несколько уровней внутри Суперразума, и внутри вечного Становления

взято новое направление. С каждой покоренной вершиной осуществляется новое изменение, полное обращение, переворот сознания, достигаются новые небеса и новая земля; недалек час, когда и сам физический мир изменится перед нашим недоверчивым взглядом. И, наверное, это будет не первое изменение в истории — сколько их было до нас? Сколько их было на нашем веку, если бы мы согласились стать сознательными? *От одной стадии к другой в сознании будут происходить перевороты, следующие друг за другом, и каждый из них будет приносить новое богатство творения.* Всякий раз Чародей поворачивает свой калейдоскоп в нас, и все принимает необыкновенный вид: становится шире, правдивее, прекрасней. Нам нужно только открыть глаза, радость мира — за нашим порогом, нам нужно лишь захотеть ее.

Страдания земли сокрытую в ней радость искупили.
Земля была сотворена для радости, не для печали.

Earth's pains were the ransom of its prisoned delight.
…For joy and not for sorrow earth was made.[439]

Вот в чем заключается Тайна. Она здесь и везде, в самом сердце мира. «Источник меда под скалой», «детский смех Бесконечного», который есть мы, светящееся Будущее, которое вытесняет наше прошлое. Эволюция не закончена. Это не бессмысленный круговорот, не падение, не ярмарка тщеславия, это

…путешествие сознания и радости.

…the adventure of consciousness and jou.[440]

Пондишери, 14 апреля 1963 г.

Приложение I.
Шри Ауробиндо
«Западная метафизика и Йога»

Европейская метафизическая мысль — даже у тех мыслителей, которые пытаются доказать или объяснить существование и природу Бога или Абсолюта, — в своих методах и результатах не выходит за пределы интеллекта. Но интеллект не способен к познанию высшей Истины, он может только бродить в поисках Истины, схватывая ее отдельные [фрагментарные] образы, а не всю целиком, и пытаясь соединить их вместе. Разум не может достичь Истины; он может лишь создать некий сконструированный образ, который пытается представить ее, или комбинацию таких образов. Результатом европейской мысли, следовательно, всегда должен быть агностицизм, явный [declared] или неявный. Интеллекту, если он честно движется к своему собственному пределу [end], приходится вернуться [обратно] и дать следующий отчет: «Я не способен к познанию, есть, или, по крайней мере, мне кажется, что может быть, или даже должно быть Нечто запредельное [Something beyond], некая окончательная Реальность, но относительно ее истины я могу только делать предположения [speculate], она либо непознаваема, либо не может быть познана с моей помощью [мною]». Или же, если он [разум] получил некий свет из того, что находится за его пределами, он может также сказать: «Возможно, есть некое сознание за пределами Разума, ибо, мне кажется, я улавливаю его проблески и даже получаю указания [intimations] от него. Если это находится в связи с Запредельным, или если это и есть само сознание Запредельного и ты можешь найти некий путь его достижения, тогда это Нечто может быть познано, но не иначе».

Любые поиски высшей Истины посредством одного лишь интеллекта должны завершиться либо агностицизмом упомянутого рода, или же некой интеллектуальной системой, или сконструированной разумом доктриной [formula]. Уже есть сотни таких систем и доктрин и могут быть созданы еще сотни, но ни одна из них не может быть окончательной. Каждая из них может иметь свою ценность для разума, и различные системы с их противоположными заключениями могут иметь одинаковую привлекательность для умов равной силы и способностей. Вся эта работа спекулятивного мышления полезна тем, что она воспитывает [тренирует] человеческий разум и постоянно указывает ему на идею о чем-то Запредельном и Окончательном — к чему он должен обратить себя. Но мыслящий Разум [intellectual Reason] может лишь неопределенно указывать на Него или ощупью осязать Его, или же пытаться обнаружить отдельные и даже противоречивые аспекты Его проявления здесь; он может войти в Него и познать Его. До тех пор, пока мы остаемся в области чисто интеллектуальной, все, что можно сделать [здесь], — это беспристрастно размышлять над тем, что было продумано и затем найдено, постоянно взвешивать [throwing up] идеи, все возможные идеи, и [наконец] создать ту или иную философскую веру, мнение или вывод. Такого рода беспристрастное исследование Истины было бы единственной возможной позицией любого широкого и гибкого интеллекта. Но любое достигнутое таким образом заключение было бы только умозрительным [speculative]; оно не могло бы иметь никакой духовной ценности, оно не дало бы убедительного [decisivel] опыта [переживания] или духовной уверенности, которой ищет душа. Если интеллект — наше наивысшее возможное орудие и нет других средств достижения сверхматериальной [надфизической — supraphysical] Истины, то мудрый и неограниченный агностицизм должен

быть нашей окончательной позицией. Вещи в своем проявлении могут быть познаны до некоторой степени, но Высшее и все, что находится за пределами Разума, должно навсегда остаться непознанным.

И только если есть более великое сознание за пределами Разума и это сознание доступно нам, мы можем познать и вступить в окончательную Реальность. Интеллектуальное размышление, логическая аргументация — существует ли такое более высокое сознание или нет — не могут завести нас очень далеко. То, что нам нужно — путь к тому, чтобы получить опыт [переживание], достичь этого сознания, войти в него, жить в нем. Если мы сможем достичь этого, интеллектуальное размышление и обсуждение [аргументация — reasoning] с необходимостью отойдут на второй план и даже потеряют свой смысл для существования. Философия, интеллектуальное выражение Истины могут остаться, как средство выражения этого более великого открытия — насколько его вообще можно выразить в сфере ментального разума [in the mental intelligence].

Это, как вы увидите, отвечает на ваш вопрос о западных мыслителях — Брэдли и других, которые пришли через интеллектуальное размышление к идее об «Ином за пределами мысли» или даже пытались, подобно Брэдли, выразить свои выводы о нем в терминах, которые напоминают некоторые выражения в «Арье». Сама по себе эта идея не нова, она стара, как Веды. В других формах она была повторена буддизмом, христианским гностицизмом, суфизмом. Первоначально она была открыта не интеллектуальным размышлением [не работой мыслящего интеллекта], но путем мистического следования внутренней духовной дисциплине. Когда — где-то между VII и V вв. до Рождества Христова люди, как на Востоке, так и на Западе, начали интеллектуализировать знание, эта Истина уцелела [выжила] на Востоке; на Западе, где интеллект стали признавать единственным и наивысшим орудием [для] открытия Истины, она начала отмирать [to fade]. Но и там она все-таки постоянно пытается возродиться [to return]; ее воскресили неоплатоники, а теперь, как представляется, неогегельянцы и другие (например, русский Успенский и один или два немецких мыслителя, я полагаю), кажется, подходят к ней [достигают ее]. И все-таки здесь есть разница.

На Востоке, особенно в Индии, метафизики [metaphysical thinkers] пытались, как и на Западе, установить природу высшей Истины посредством интеллекта. Но, во-первых, они не возводили интеллектуальное мышление в ранг наилучшего орудия в открытии Истины, но ставили его на второе место. Первое место всегда отводилось духовной интуиции и озарению, духовному опыту; интеллектуальное заключение, которое противоречило этому Высшему авторитету, считалось недействительным. Во-вторых, каждая философия была вооружена практическим путем достижения высшего состояния сознания, таким образом, даже когда начинали с Мысли, цель состояла в том, чтобы прийти к состоянию за пределами ментального мышления. Основоположник всякой философии (как и те, кто продолжал его работу или школу) совмещал в себе мыслителя-метафизика и йогина. Те же, кто были лишь философами-интеллектуалами [рационалистами, умосозерцателями], уважались за их ученость [learning], но никогда не возводились в ранг открывателей истины. А философии, которые не имели достаточно мощных средств [для достижения] духовного опыта, вымирали, становились принадлежностями прошлого, так как они не были действенным средством [they were not dynamic] для духовного открытия и реализации.

На Западе же утвердилась как раз противоположная традиция. Мысль, интеллект, логический ум стали все более и более рассматриваться как высшее средство и даже как высший предел [highest end]; в философии мысль есть и данность, и предел [is the be-all and the end-all. И именно посредством интеллектуального мышления и умозрения должна быть открыта истина; даже для духовного опыта требовалось, чтобы он прошел проверку разума, только тогда он будет

иметь силу — позиция, прямо противоположная индийской. Даже те, кто понимает, что ментальная Мысль должна быть преодолена, и допускает сверхразумное Иное, по-видимому, не избегают того ощущения, что [именно] посредством ментальной Мысли, очищенной и видоизмененной [sublimating and transmuting itself], должна быть достигнута и оформлена [made] эта иная Истина, чтобы занять место ментальных ограничений и неведения. И опять-таки западная мысль перестала быть динамичной [действенным средством]; она стремилась к [построению] теории бытия, а не к [его] реализации [it has sought after a theory of things, not after realisation]. Она еще была динамичной у древних греков, но, скорее, для моральных и эстетических, чем для духовных выводов [ends]. Позже она стала еще более чисто интеллектуальной и академичной; она стала чистым умозрением [intellectual speculation only] без каких бы то ни было практических путей и средств достижения Истины посредством духовного эксперимента, духовного открытия, духовной трансформации. Если бы не это различие, не было бы никаких оснований для ищущих, подобных вам, обращаться за помощью [for guidance] к Востоку, ибо в чисто интеллектуальной сфере западные мыслители так же компетентны, как любой восточный мудрец. Но именно этот духовный путь, дорога, которая ведет за пределы интеллекта, переход от внешнего существа к сокровенному Я [Self] был покинут чрезмерной интеллектуальностью европейского разума.

В выдержках из Брэдли и Иоахима, к которым вы отсылаете меня, все еще присутствует интеллект, размышляющий над тем, что лежит за его пределами, и приходящий к интеллектуальным, рассудочным, умозрительным заключениям относительно него. Он не является действенным средством [dynamic] для изменения, которое пытается описать. Если бы эти философы [writers] выражали в ментальных терминах некую реализацию, [пусть] даже ментальную, некий интуитивный опыт [переживание] этого «Иного, чем Мысль» тот, кто готов к этому, мог бы почувствовать это [его] сквозь вуаль языка, который они используют, и подтянуть себя к тому же переживанию [опыту]. Или же, если бы по достижении [определенных] интеллектуальных выводов они переходили бы к духовной реализации, находя [определенный] путь или следуя уже найденному, тогда, следуя за их мыслью, [ищущий] мог бы готовить себя к тому же переходу. Но ничего подобного нет в их напряженных размышлениях. Они остаются в области интеллекта, и в этой области они, без сомнения, превосходны; но они не становятся динамичными [действенным средством] для духовного опыта.

И вовсе не посредством «охвата мыслью» всей совокупной реальности, но посредством изменения сознания можно перейти от неведения к Знанию — Знанию, посредством которого мы становимся тем, что мы познаем. Перейти от внешнего к непосредственному и сокровенному внутреннему сознанию, расширить сознание за пределы эго и тела, возвысить его с помощью внутренней воли и стремления и открывая [его] Свету до тех пор, пока оно не выйдет в своем восхождении за пределы Разума, вызвать нисхождение супраментального Божественного через самоотдачу и самоотречение с последовательной трансформацией разума, жизни и тела — вот *интегральный* путь к Истине.[441] Именно это мы здесь называем Истиной и к этому стремимся в нашей Йоге.

15 июня 1930 г.

Приложение II.
Из интервью Сатпрема французскому журналисту Ф. Товарницки[442]

…А затем я увидел Шри Ауробиндо.

И вместе с этим… в тот самый день, когда я увидел Шри Ауробиндо… я вдруг наполнился тем самым, что смутно испытал в детстве и ощутил также в немецких концлагерях.

Оно находилось здесь, прямо передо мной — оно жило — глядело на меня и наполняло меня. Оно жило.

Оно было здесь, ЖИВОЕ — все в едином взгляде.

Т.: *Попытайтесь вспомнить. Расскажите об этой встрече. Как можно встретить в Индии такого человека, как три Ауробиндо?*

Увидеть Шри Ауробиндо было нелегко — это совсем особый случай, событие исключительное, потому что он никого не принимал. И лишь три или четыре дня в году его ученики, ну и вообще все желающие, могли пройти перед ним и видеть его (в Индии такие дни называются «даршанами»).

И вот в такой день я отправился в толпе народа для того, чтобы пройти перед ним. Я думал, что он — великий мыслитель, не больше, понимаете, не больше. Шри Ауробиндо был для меня «мыслителем», «философом». Из тех немногих его работ, которые я успел к тому времени прочитать для того, чтобы узнать, о чем собственно все это, я заключил, что Шри Ауробиндо действительно великий мыслитель.

Впрочем, тот, кого я увидел, был не философ: это был взгляд… Некое СУЩЕСТВО, БЫТИЕ.

Т.: *А где он находился?*

Он сидел в большом кресле. Мать — рядом с ним. И на самом деле, это *он* смотрел на тянущуюся перед ним вереницу людей. А люди проходили перед ним не для того, чтобы посмотреть на него, но для того, чтобы *его* взгляд мог открыть… приоткрыть дверь в нас — ту дверь, через которую нас нечто может наполнить — и свершить.

Т.: *А вы уже были знакомы с его сочинениями?*

Нет, но сразу же, по прибытии в Индию, непосредственно перед встречей я прочитал «*Этюды о Гите*». К тому времени я уже прочитал довольно много книг… Но читая эту особенную работу, я вдруг почувствовал, что это совсем не то, с чем я имел дело до сих пор, не то, о чем мне доводилось читать или что я смог понять прежде. Это — что-то другое. И все-таки для меня он был не больше, чем «мыслитель». И вдруг я встречаю его — не философа, но существо — никого, ему подобного, я никогда не встречал на земле. Это было живое СУЩЕСТВО, БЫТИЕ. Не человек в костюме или даже в белом *шаддаре*, накинутом на плечи. Это существо было… оно воплощало в своем взгляде, в теле, в своей атмосфере то, что я ощущал, плавая по бескрайним морским просторам… Вся эта безбрежность — в одном-единственном существе. И именно ЭТО смотрело на меня.

Это было подобно тому, как если бы я вдруг узнал, определил, увидел свое место — место, где я мог дышать. Место, откуда я пришел, — я пребывал там.

Т.: *И все это — в течение одного лишь взгляда?*

Это длилось, не знаю, может быть, четыре секунды… Четыре секунды — но мне их не забыть никогда.

Т.: *Как при встрече Свами Вивекананды с Рамакришной: все произошло в какие-то доли секунды.*

Понимаете, это узнавание. Именно так: не открываешь нечто «иное» (или внешнее), но то, что вдруг оказывается знакомым, ты узнаешь это.

Это… как «да» — только гораздо глубже, чем любое «да». Поистине это «ТО». Нет больше незнакомца, нет… Это «я» смотрю на свое «я» — внезапно появляется то самое «Я». «Я», истинное «Я» — это «то-что-остается» после того, как с него сорваны все покровы лжи и излишеств. «То-Что-Выдерживает-Испытание-Временем». И все это было в том взгляде.

Т.: *Это была первая встреча.*

Да. И я никогда не забуду ее.

Я захотел ПЕРЕЖИТЬ все это. Я сказал себе: если есть человек, который воплощает это, и ЯВЛЯЕТСЯ им — то, что я чувствовал, является и «моим», — то, значит, именно это нужно найти и пережить.

Но я еще не был… мне еще предстояло помотаться по белу свету и исчерпать много других путей.

Во-первых, все это происходило в ашраме, — а поскольку ашрам — это не что иное, как еще одна церковь, я не хотел иметь с ним ничего общего, это было не по мне. Это же стены… любые стены казались мне тюрьмой — будь то стены азиатские или восточные — для меня не было в этом никакой разницы: все — плен. Словом, и речи быть не могло, чтобы вступить в «Ашрам Шри Ауробиндо». Нет, только не это, никаких сомнений.

И все же… и все-таки этот взгляд продолжал преследовать меня. Это существо, бытие, этот миг бытия продолжали жить во мне.

Я уехал [из Индии].

Но взгляд этот заставил меня решиться раз и навсегда… порвать со всем этим псевдобудущим, которое я собирался создать для себя в колониальном правительстве. Я вдруг сказал себе: «Нет, хватит. Я больше не могу…» Я больше не могу ПРИТВОРЯТЬСЯ, что я живу. Нет — это уже невозможно.

Так я отказался от колониальной «карьеры»… и уехал [из Индии].

Сочинения Шри Ауробиндо

Почти все работы, приводимые ниже, включены в полное собрание сочинений Шри Ауробиндо в 30-ти томах (Пондишери, 1972 г.)

I. Индийская традиция

The Foundations of Indian Culture, 1st ed. 1953.- 'Arya' Dec. 1918-Jan. 1921 (New York)
On the Veda, 'Arya' Aug. 1914-Jan. 1920.- 1st ed. 1956
Hymns to the Mystic Fire.- 1st ed. 1946
Isha Upanishad (translation & commentaries), 1st ed. 1921.- 'Arya' Aug. 1914-May 1915
Eight Upanishads (translations & introduction).- 1st ed. 1953
Essays on the Gita, 'Arya' Aug. 1916-July 1920.- 1st ed. 1922
The Renaissance in India,1st ed. 1920.- 'Arya' Aug. 1918-Nov. 1918
The Significance of Indian Art, 'Arya' 1918–1921.- 1st ed. 1947

II. Философия — социология

The Life Divine, 'Arya' Aug. 1914-Jan. 1919.- 1st ed. 1939
Ideals and Progress, 'Arya' 1915–1916.- 1st ed. 1920
The Superman, 'Arya' March 1915-Aug. 1915.- 1st ed. 1920
Thoughts and Glimpses, 'Arya' 1915–1917.- 1st ed. 1920
Thoughts and Aphorisms.- 1st ed. 1958
The Hour of God.- 1st ed. 1959
Evolution, 'Arya' 1915–1918.- 1st ed. 1920
Heraclitus, 'Arya' Dec. 1916-June 1917.- 1st ed. 1941
The Supramental Manifestation upon Earth.- 1st ed. 1952.- 'Bulletin' 1949–1950.- *The Problem of Rebirth*.- 1st ed. 1952.- 'Arya' Nov. 1915-Jan. 1921
The Human Cycle, 'Arya' Aug. 1916-July 1918.- 1st ed. 1949
The Ideal of Human Unity.- 1st ed. 1919.- 'Arya' Sept. 1915-July 1918.- Revised 1950
On the War, 1940–1943.- 1st ed. 1944
War and Self Determination, 1916–1920.- 1st ed. 1920
Man-Slave or Free? 'Karmayogin' 1909–1910.- 1st ed. 1922

III. Йога

Elements of Yoga, 1933–1936.- 1st ed. 1953
Lights on Yoga.- 1st ed. 1935
More Lights on Yoga.- 1st ed. 1948
Sri Aurobindo on Himself and on the Mother.- 1st ed. 1953
The Mother.- 1st ed. 1928
The Yoga and its Objects.- 1st ed. 1921
The Synthesis of Yoga, *'Arya' Aug. 1914-Jan. 1921*.- 1st ed. 1948
Letters, 2 volumes (On Yoga I & II).- 1st ed. 1958[443]
The Riddle of this World.- 1st ed. 1933
Bases of Yoga.- 1st ed. 1936
Correspondence with Nirodbaran, vol. I.- 1st ed. 1954
Correspondence with Nirodbaran, vol. II.- 1st ed. 1959

Letters (translated from Bengali).- 1st ed. 1961

IV. Литературное творчество

Views and Reviews, 'Arya' 1914–1920.- 1st ed. 1941
Letters, third series.- 1st ed. 1949
Life-Literature-Yoga.- 1st ed. 1952
Conversations of the Dead, 1909–1910.- 1st ed. 1951
The Phantom Hour (a short story), 1910–1912.- 1st ed. 1951
Kalidasa, 2 volumes, 1893–1905 (Baroda).- 1st ed. 1929
Vyasa and Valmiki, 1893–1905 (Baroda).- 1st ed. 1956
The Future Poetry, 'Arya' Dec. 1917-July 1920.- 1st ed. 1953
Collected Poems and Plays, 2 volumes.- 1st ed. 1942
Poems Past and Present.- 1st ed. 1946
Poems from Bengali, 1893–1905 (translation).- 1st ed. 1956
Savitri.- 1st ed. 1950
Last Poems, 1937–1944.- 1st ed. 1952
More Poems.- 1st ed. 1957
Vikramorvasie, 1903–1904 (Baroda).- 1st ed. 1911
Songs of Vidyapati, 1893–1905 (Baroda).- 1st ed. 1956
Rodogune, 1893–1905 (Baroda).- 1st ed. 1958
Ilion.- 1st ed. 1957
Vasavadutta 1915–1916.- 1st ed. 1957
Urvasie, 1893–1896.- 1st ed. 1896
Ahana and Other Poems, 1895–1915.- 1st ed. 1915
Love and Death, 1899.- 1st ed. 1921
The Viziers of Bassora, 1893–1905 (Baroda).- 1st ed. 1959
Eric, 1912 or 1913.- 1st ed. 1960
The Chariot of Jagannath, 1918.- 1st ed. 1972.- (translated from Bengali)

V. Политический период

The Ideal of the Karmayogin, 'Karmayogin' 1909-10.- 1st ed. 1918
A System of National Education, 'Karmayogin' 1910.- 1st ed. 1921
The National Value of Art, 'Karmayogin' 1909.- 1st ed. 1922
The Speeches, 1908–1909.- 1st ed. 1922
The Doctrine of Passive Resistance, 1907.- 1st ed. 1948
Bankim-Tilak-Dayananda, 1907-1916-1918.- 1st ed. 1940
The Brain of India, 'Karmayogin' 1909.- 1st ed. 1921
Tales of Prison Life (translated from Bengali).- 1st ed. 1974

ШРИ АУРОБИНДО — Биографическая справка

Шри Ауробиндо (Ауробиндо Гхош) — выдающийся мыслитель, общественный и политический деятель, поэт-провидец, йогин — родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье врача. С семилетнего возраста обучался в Англии; окончил Королевский колледж в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. С ранних лет проявил незаурядные способности в древнегреческом и латыни, а также в стихосложении.

В 1893 г. в возрасте 21 года возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет занимает различные посты в администрации штата Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. В эти же годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии и становится одним из лидеров национально-освободительного движения. Одновременно он погружается в изучение священных индийских текстов и индийских языков. В 1904 г. он решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме с обвинением, грозившим ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден. Во время заключения он получил интенсивный йогический опыт — внутренние переживания и откровения, которые изменили внешний ход его судьбы. Он оставляет политическую деятельность и полностью посвящает себя йоге.

В 1910 г., повинуясь внутреннему голосу, он удаляется в Пондичерри, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжить интенсивные занятия йогой. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле жизни божественной. Достижению этой цели он посвятил оставшиеся сорок лет жизни.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает 35 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

МАТЬ — Биографическая справка

Мать (Мирра Ришар, урожд. Альфасса) родилась в Париже 21 февраля 1878 г. Ее отец был банкиром, выходцем из Турции, а мать принадлежала к египетской королевской семье. Начальное образование Мирра получила дома; она прекрасно рисовала, играла на фортепиано и делала успехи на литературном поприще.

Уже в детстве Мирра получила ряд духовных опытов, которые, как она позднее говорила, заставили ее «осознать возможность соединения человека с Всевышним и всесторонней реализации Его в жизни божественной».

В 1906–1907 гг. Мирра предприняла две длительные поездки в Алжир, где она изучала оккультизм. Постепенно вокруг нее сформировалась группа духовных искателей. В 1914 г. Мирра отправляется в Пондичерри (Индия), где встречает Шри Ауробиндо, узнав в нем того, кто многие годы направлял ее внутреннее развитие. Она пробыла рядом с ним около года и затем вернулась вместе со своим мужем Полем Ришаром в Японию. В 1920 г. она приехала в Пондичерри насовсем.

Постепенно вокруг Шри Ауробиндо и Мирры собралась небольшая группа учеников, которая со временем превратилась в Ашрам Шри Ауробиндо. Почти полвека Мирра, которой Шри Ауробиндо в 1926 г. дал имя «Мать», руководила Ашрамом, и за это время он вырос в огромную общину, насчитывавшую около 2000 членов. В 1951 г. Мать создала школу, которая затем превратилась в Международный образовательный центр. В 1968 г. она основала Ауровиль, международный город, расположенный недалеко от Пондичерри и насчитывающий сегодня около 1800 жителей — представителей всех народов земли, стремящихся воплотить мечту Шри Ауробиндо о едином человечестве.

Но прежде всего Мать была первопроходцем в области духовного опыта; после ухода Шри Ауробиндо в 1950 г. она продолжила его работу. Ей удалось освоить такие уровни сознания, о существовании которых люди не догадывались раньше. В 1958 г. Мать уходит в уединение и полностью посвящает себя супраментальной йоге и интенсивным поискам, о которых мы можем узнать в «Агенде Матери» — ее беседах с Сатпремом, которые он записывал на протяжении последних 17 лет ее жизни.

Мать оставила физическое тело 17 ноября 1973 г.

САТПРЕМ — коротко об авторе

Родился в Париже в 1923 г. Детство провел в Бретани, посвящая все свободное время путешествиям под парусами вдоль побережья, — по словам самого Сатпрема, «*жил одним морем*».

Во время Второй мировой войны стал участником французского Сопротивления, был схвачен гестапо и заключен в концлагерь. В то время ему было всего двадцать лет. Пробыл полтора года в Бухенвальде и Маутхаузене, в 1945 г. был освобожден. Во время заключения испытал глубокие переживания. «*Все потеряло свою ценность,* — вспоминает автор, — *не оставалось абсолютно ничего, все во мне было разрушено, разбито, уничтожено…*». В этой атмосфере «*непрерывного, сплошного ужаса*» ему открылись «*бескрайние внутренние просторы*» и «*сила, которая помогла выстоять*». Не ощущая «*никакой реальности*» во всем, что окружало его в послевоенной жизни, не видя никакого смысла ни в семье, ни в работе, ни в карьере, ни в бизнесе, — «*Что еще мог предложить мне Запад?*» — он отправляется в путешествие: сначала в Египет, а затем в Индию, где он впервые увидел Шри Ауробиндо, но не остался в его ашраме, «*… поскольку*, — говорил Сатпрем, — *…любые стены казались мне тюрьмой*». Он уезжает в Южную Америку, проводит целый год в джунглях в Гвиане (что послужило ему материалом для написания первого романа «Золотоискатель»), затем отправляется в Бразилию, а оттуда — в Африку. В 1953 г. он вернулся в Индию и стал нищенствующим саньясином (бродячим монахом), практикующим тантризм (впечатления и переживания этого времени легли в основу второго его романа «Телом земли»). Встреча с Матерью, сотрудницей Шри Ауробиндо, в корне изменила его жизнь: «*Мать покорила меня*», — вспоминает автор. Он полностью отдает себя служению Матери. Шри Ауробиндо он посвящает свою первую работу — «Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания», а затем и вторую книгу, написанную в том же духе, «На пути к сверхчеловечеству». В течение девятнадцати лет он находился рядом с Матерью (это она дала ему имя Сатпрем, т. е. «тот, кто умеет истинно любить»), став ее доверенным лицом и свидетелем личных бесед, им записанных (впоследствии из них был составлен интереснейший документ в 13-ти томах — «Агенда Матери. Хроника супраментального воздействия на Землю»). Длительное общение с ней дало толчок к написанию трилогии о Матери (1. «Божественный материализм»; 2. «Новый вид»; 3. «Мутация смерти»), затем художественной повести «Гринго», действие которой разворачивается в джунглях, и, наконец, последней работы «Разум клеток», в которой представлена суть открытия Матери: изменение генетической программы и иное, новое видение смерти.

В настоящее время автор живет не поддерживая активных социальных контактов, не занимается общественной и литературной деятельностью, полностью посвятив себя продолжению той работы, которая была начата Шри Ауробиндо и Матерью.

---

notes

Примечания

1

1. Thoughts and Glimpses, 16: 378

2

2. The Hour of God, 17: 148

3

3. The Human Cycle, 15: 36

4

1. On Himself, 26: 1

5

2. On Himself, 26: 7

6

Purani A.B. Life of Sri Aurobindo, 8

4. The Human Cycle, 15: 166

5. Thoughts and Aphorisms, 17: 138

9

В английском языке графика слов «пуритане» (the puritan) и «похотливые» (the prurient), как это видно, очень схожа; во французском же языке она (puritains — pruritains) почти идентична. Шри Ауробиндо говорил о них, что это по сути один и тот же человеческий тип. Вот этот афоризм Шри Ауробиндо: «The seeker after divine knowledge finds in the description of Krishna stealing the robes of the Gopis one of the deepest parables of God's ways with the soul, the devotee a perfect rendering in divine act of his heart's mystic experiences, the prurient and the Puritan (two faces of one temperament) only a lustful story. Men bring what they have in themselves and see it reflected in the Scripture». — «Ищущий божественного знания находит в описании того, как Кришна крадет одежды пастушек-гопи, одну из самых глубоких притч о путях Бога и души, преданный Богу человек находит здесь совершенное выражение в божественном действии своих мистических переживаний сердца, похотливые и пуритане (два лица одного темперамента) — лишь сексуальную историю. Люди приносят то, что они имеют в себе, и видят это отраженным в Писании» (прим. пер.).

6. On Yoga II, Tome 2, 871

11

Whitehall — улица в Лондоне, где расположены правительственные учреждения, в переносном смысле — английское правительство (прим. пер.)

12

Purani A.B. Life of Sri Aurobindo, 43

13

1. New Lamps for Old 12.4.1893

14

Название французской книги об индуизме, написанной Ланца дель Васто.

2. Thoughts and Aphorisms, 17: 138

16

Все цитаты из Упанишад, Вед и Бхагавадгиты в этой книге даны в переводе Шри Ауробиндо, т. е. их русский перевод сделан с английского перевода Шри Ауробиндо (прим. пер.)

3. The Synthesis of Yoga, 20: 51

18

Etrange имеет несколько значений во французском языке, в том числе: 1. чужой, чуждый, незнакомый; 2. необыкновенный, странный. Автор имеет в виду как раз эту двойственность. Говоря об индийцах, что это странный, необычный народ, мы выражаем тем самым и более глубинную правду: что они чужды этому миру, «не от мира сего» (прим. пер.)

4. The Synthesis of Yoga, 20: 439

20

Сохмет — «Могучая», богиня-львица, почитавшаяся в Мемфисе, где вместе с Пта и Нефертумом они составляли триаду. В Древнем Царстве ее называли Матерью царей (прим. пер.)

21

Храм Матери Кали в Дакшинешваре (на берегу Ганга в шести километрах от Калькутты) — место, где жил великий мистик и йогин Шри Рамакришна (1836 — 1886) (прим. пер.)

22

Шанкара (788–820) — мистик и поэт, ему принадлежит теория *Майявады*, или доктрины учения об иллюзии, которая вытеснила из Индии буддизм.

5. The Problem of Rebirth, 16: 241

6. Savitri, 29: 664

25

1. Thoughts and Aphorisms, 17: 88

2. G.Monod-Herzen: Sri Aurobindo, 342

27

3. New Lamps for Old 7.8.1893

28

Ведический период, предшествовавший периоду Упанишад, относится ко времени до 4000 г. до н. э.

4. A.B.Purani: Evening Talks, 199

30

Purani A.B. Life of Sri Aurobindo, 102

31

6. On Himself, 26: 12

7. Speeches, 2: 7

33

1. Life, Literature and Yoga, 86

2. The Synthesis of Yoga, 20: 302

3. The Synthesis of Yoga, 20: 65

4. On Himself, 26: 85

5. D.K.Roy: Sri Aurobindo… 219

6. The Synthesis of Yoga, 20: 86

7. On Yoga II, Tome 2, 41

8. Letters on Yoga, 22: 166

9. On Yoga II, Tome 2, 302

10. On Yoga II, Tome 2, 277

Об этом «другом источнике» мы будем говорить позже, при изучении Сверхсознательного.

11. The Hour of God, 17: 11

12. On Himself, 26: 83

13. Letters on Yoga, 23: 637

47

В ходе дальнейшего изложения Сатпрем подробно описывает каждый из этих планов сознания, и читатель сможет уяснить разницу между ними (прим. пер.).

48

1. Letters on Yoga, 22: 234

2. The Synthesis of Yoga, 20: 370

В соответствии с индийской традицией этот центр, называемый «тысячелепестковым лотосом», — что выражает полноту света, светящееся изобилие, наполняющее ищущего, когда открывается этот центр — расположен в макушке головы. По мнению Шри Ауробиндо и по опыту многих других, то, что ощущается в макушке головы — это не сам центр, а светящееся отражение солнечного источника, расположенного *выше* головы.

51

В этой книге мы придерживаемся терминологии Шри Ауробиндо — подсознательное, бессознательное, сверхсознательное — везде, где автор говорит о всеобщей форме сознания в противоположность индивидуальным атрибутам, которые используются в современной психологии — бессознание, подсознание.

3. The Synthesis of Yoga, 20: 203

4. Letters on Yoga, 22: 358

5. The Synthesis of Yoga, 20: 170

6. Nirodbaran: Correspondence… II, 119

Мы еще будем говорить об этом центре, который Шри Ауробиндо называет *психическим центром*, или *психическим существом*, а другие называют душой.

7. Savitri, 28: 93

Очевидно, автор противопоставляет здесь существование обыкновенных людей (нейогов), которое связано с низшими чакрами, и йогическую деятельность, связанную с высшими чакрами (прим. пер.).

8. On Yoga II, Tome 2, 197

9. Nirodbaran: Correspondence… II, 83

61

D.K. Roy. Sri Aurobindo Came to Me

62

1. The Life Divine, 18: 48

2. The Synthesis of Yoga, 20: 321

3. Letters on Yoga, 22: 314

Если они не погружаются в подсознательное. Эту возможность мы обсудим позже при изучении данной зоны.

4. On Yoga II, Tome 2, 451

5. On Yoga II, Tome 2, 489

6. The Life Divine, 19: 989

7. Letters on Yoga, 23: 654

8. The Synthesis of Yoga, 20: 322

9. Nirodbaran: Correspondence… II, 112

10. The Synthesis of Yoga, 20: 53

11. The Riddle of this World, 79

12. Thoughts and Aphorisms, 17: 146

13. The Synthesis of Yoga, 20: 71

14. Letters on Yoga, 22: 125

15. The Synthesis of Yoga, 20: 217

Nirodbaran. Correspondence with Sri Aurobindo, Vol. II, 86

17. On Himself, 26: 355

18. On Yoga II, Tome 2, 671

19. Letters on Yoga, 22: 84

20. On Yoga II, Tome 2, 184

Существуют исключения из этого правила; степень проявления психического существа легко различима с первого взгляда.

1. Essays on the Gita, 193

2. Thoughts and Aphorisms, 17: 138

3. Savitri, 28: 74

4. Thoughts and Aphorisms, 17: 124

Бхагавадгита, II.20,22,27

89

Интересно, что на Александрийском Соборе отцы Церкви также обсуждали вопрос принятия [допущения] реинкарнации.

5. The Synthesis of Yoga, 20: 353

91

Психическая, или подлинная, личность выражает уникальность судьбы каждого человека под покровами его культурного, социального и религиозного воспитания. Так, в разных жизнях человек может быть мореплавателем, музыкантом, революционером, христианином, мусульманином и атеистом, но при этом в каждой из жизней в нем будут проявляться все тем же, присущим только ему образом любовь, например, или побеждающая энергия, или радость, или чистота, что придает особый колорит всему, что он предпринимает. И с каждым разом эта особенность его самовыражения будет становиться все более определенной, очищенной и широкой.

6. The Problem of Rebirth, 16: 111

7. The Problem of Rebirth, 16: 110

8. The Synthesis of Yoga, 20: 294

95

1. The Life Divine, 18: 63

Сознание не движется, оно находится внутри, но из этого своего «местонахождения» оно может проецировать себя на любой предмет, событие или на любого человека в мире, ибо на самом деле мир — внутри нас, а не вне нас, как мы полагаем (прим. пер.).

2. The Synthesis of Yoga, 21: 833

3. Letters on Yoga, 22: 314

Здесь можно сделать три замечания. Во-первых, довольно забавно, что молодой человек из-за недостатка опыта пытался вернуться в свое тело «через ноги» — не удивительно, что он испытал такие затруденения. Выходят из тела и возвращаются туда, как правило, через сердечный центр. Можно выйти также через макушку головы, но едва ли можно рекомендовать этот способ. Навсегда покидая свои тела (это называется в Индии *икша-мритью,* что означает «добровольная смерть»), йоги обычно выходят из тела через макушку головы. Во-вторых, следует заметить, что во время экстериоризации тело холодеет, а циркуляция крови сокращается до минимума; это понижение температуры может вызвать даже полную каталепсию со всеми внешними признаками смерти в зависимости от того, насколько сознание удалено от физического уровня. Таким образом, мы можем убедиться на конкретном примере, что когда уходит сознание, уходит и сила, потому что это — одно и то же. Когда мы теряем сознание (падаем в обморок), то сознание тоже уходит, потому что не всякое напряжение мы способны перенести, а так как мы не построили мост сознания между различными состояниями нашего существа, то этот вынужденный уход сознания будет воспринят нами как пустота. И последнее наше замечание: мы видим, что когда юный ученик вспомнил об Учителе, т. е. о Матери, в данном случае воспоминания оказалось достаточно, чтобы устранить смятение, вызванное страхом, восстановить порядок и, наконец, чтобы совершить правильное действие для возвращения в тело. Думая о Матери, он сразу же настроился на верную вибрацию, которая все привела в порядок. Таков, в общих чертах, один из механизмов защиты или помощи Учителя ученику.

4. The Synthesis of Yoga, 20: 238

101

1. The Life Divine, 18: 193

2. Mother India (Journal)

103

Мы пользуемся языком трехмерного пространства, который не соответствует реальности, потому что на самом деле не существует ни низа, ни верха, ни внутри, ни снаружи; наш ментальный язык, плоский, фотографичный, не в состоянии выразить всю полноту реальности мира, однако у нас нет другого выбора.

104

Все мы непроизвольно создаем формации нашими желаниями и мыслями (хорошими или дурными), а затем забываем о них. Но формации не забывают: они могут возвратиться спустя и два года, и десять лет, выполнив свою работу — исполнилось какое-то желание, осуществилась какая-то мысль, соответствующим образом сложились некоторые обстоятельства — хотя мы давно перестали обо всем этом думать; мы даже не способны осознать по этим результатам, что все это исходило от нас. Таким образом, нас осаждают всевозможные маленькие живые сущности, которые продолжают стремиться к своей реализации, хотя мы уже не хотим этого.

3. Savitri, 28: 120

4. On Yoga II, Tome 2, 110

107

Вспомним рассказы Чжуаньцзы о том, как ему снилось, что он был бабочкой. Ощущение было настолько реальным, что он не был уверен в том, кто он на самом деле — Чжуаньцзы, которому снится, что он — бабочка, или бабочка, которой снится, что она — Чжуаньцзы (прим. пер.).

108

5. Savitri, 28: 30

6. Thoughts and Aphorisms, 17: 137

110

1. Savitri, 28: 64

111

2. Savitri, 28: 169

3. The Human Cycle, 301

4. On Himself, 26: 98

5. On Himself, 26: 22

115

Выделено автором книги.

6. Essays on the Gita, 55

7. Ideal of Human Unity, 15: 320

8. Letters on Yoga, 22: 153

9. Savitri, 28: 256

10. On Himself, 26: 375

11. On Himself, 26: 279

122

12. On Himself, 26: 79

13. Savitri, 28: 82

14. On Himself, 26: 101

125

Творительный падеж от указательного местоимения «То» (прим. пер.).

Сходные термины использует апофатическое богословие (прим. пер.).

127

15. On Himself, 26: 154

128

Племя в Южной Африке (прим. пер.).

16. Letters on Yoga, 22: 273

17. Letters on Yoga, 22: 71

18. The Human Cycle, 15: 177

Еще раз следует подчеркнуть, что йога Шри Ауробиндо, которая стремится выйти за пределы Разума, начинается после того, как пройдена интеллектуальная стадия; как мы увидим, эту йогу невозможно практиковать, пока не завершены все промежуточные стадии. «Безмолвие разума», очевидно, не имеет ни малейшего смысла для аборигена острова Фиджи или для фермера из глухого сельского района.

19. On Himself, 26: 102

134

Свами Вивекананда (1863–1902) — великий йогин, ученик Шри Рамакришны. О его жизни и творчестве см., напр., Роллан Р. Собр. соч. В 20-ти т. Т.19. Л.,19358 Т.20. Л., 1936 (прим. пер.).

135

Purani A.B. Life of Sri Aurobindo, 109

21. On Himself, 26: 49

22. Speeches, 1: 664

138

По освобождению Индии.

139

1. Speeches, 2: 3

2. Speeches, 2: 7

3. The Synthesis of Yoga, 20: 109

142

Одно из имен Божественного.

143

Одно из имен Божественного.

144

Одно из имен Божественного.

4. Speeches, 2: 4

Мы намеренно привели буквальный перевод словосочетания «misused bodies», поскольку, на наш взгляд, оно наиболее точно отражает нарушение соотношения между духом и телом, которое должно служить духу. Ср. «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (1 Кор. 6, 19) (прим. пер.).

5. Speeches, 2: 5

6. The Synthesis of Yoga, 20: 285

148

Нети, нети — «не то, не то» — формула и метод Джнана-йоги, которая, отрицая все временное, преходящее, приближается к чистой неопределимой сущности, которая есть Бог (прим. пер.).

149

Один из образов Божественного.

7. Essays on the Gita, 59, 516

8. The Life Divine, 19: 805

9. Savitri, 28: 66

10. The Synthesis of Yoga, 20: 313

11. Savitri, 28: 260

12. Savitri, 29: 625

13. Collected Poems and Plays, 5: 311

См. Sri Aurobindo. Eight Upanishads. Chapt. X, XI.

14. The Life Divine, 677

15. The Problem of Rebirth, 16: 272

16. The Life Divine, 19: 1023

17. Savitri, 28: 24

18. The Synthesis of Yoga, 20: 185

163

Говорила Мать в одной из бесед с детьми Ашрама.

19. The Superman, 16: 289

20. Letters on Yoga, 23: 316

21. A.B.Purani: Evening Talks, 180

22. The Synthesis of Yoga, 20: 48

168

В оригинале непереводимая игра слов: vision — division; vision — видение, division — разделение (прим. пер.).

23. Savitri, 28: 325

170

1. The Hour of God, 17: 62

2. The Synthesis of Yoga, 20: 320

3. Savitri, 29: 454

4. The Synthesis of Yoga, 20: 162

Так в подлиннике (прим. пер.).

5. Savitri, 29: 686

6. The Synthesis of Yoga, 20: 110

7. The Life Divine, 19: 761

178

Savitri 28:80.

8. Essays on the Gita, 646

9. The Synthesis of Yoga, 20: 185

10. The Synthesis of Yoga, 20: 14

11. On Yoga II, Tome 2, 739

12. Thoughts and Aphorisms, 17: 79

13. Savitri, 28: 143

14. The Synthesis of Yoga, 20: 315

15. Savitri, 28: 239

Высшего существа (прим. пер.).

16. On Yoga II, Tome 2, 246

17. The Synthesis of Yoga, 20: 281

На данной стадии наших поисков вряд ли можно еще что-нибудь сказать по этому поводу. Необходимо супраментальное переживание, чтобы найти ключ к разрешению этого ложного противопоставления.

191

Некоторые полагают, что более правильным названием для того, что называется экстазом, было бы слово «энстаз». Но разве человек находится «в себе» лишь тогда, когда он находится вне себя? Ведь «экстаз» — ex-stare означает пребывание вне своего тела или вне восприятия мира. Другими словами, мы хотели бы определить как «в себе» то, что не находится вне нас. Значит, об «энстазе» мы сможем говорить лишь тогда, когда высшие переживания будут происходить в нашем теле и в гуще повседневной жизни. В противном случае это выражение неточно, хотя в нем наглядно отражена та пропасть, которую мы создали между жизнью и Духом.

18. Letters on Yoga, 23: 743

19. The Synthesis of Yoga, 20: 281

Вставка автора (прим. пер.).

195

Nirodbaran. Correspondence, Vol. II, 119

21. Letters on Yoga, 22: 235

22. On Yoga II, Tome 2, 197

198

Одно лето в аду. Бред II. Алхимия слова // Рембо А. Стихотворения. М., 1982. С. 172 (прим. пер.).

23. Savitri, 29: 525

О делении сферы бытия на два полушария см. ниже (прим. пер.).

24. Savitri, 29: 279

25. The Human Cycle, 209

203

26. The Hour of God, 17: 15

27. Letters, 3rd Series (1949), 134

28. Letters, 3rd Series (1949), 124

D.K. Roy. Sri Aurobindo Came to Me, 127

Далее автор говорит о том, что Шри Ауробиндо в качестве примеров поэзии озаренного разума (а также и других планов Разума) приводил стихи англоязычных поэтов (например, Шекспира, Вордсворта, Томпсона), которые были бы малопонятны французскому читателю, и поэтому Сатпрем приводит стихи А.Рембо. Поскольку переводчики не чувствуют себя вправе подобрать точные аналогии стихов, несущих адекватные вибрации, ниже приводятся те стихи Рембо и других поэтов, которые использованы самим Сатпремом. В сносках эти стихи сопровождаются переводом на русский, однако, очевидно, что основным является их звучание, музыка. В тех случаях, когда дается художественный перевод, приводится соответствующая ссылка (прим. пер.).

«Пьяный корабль». Пер. М.П.Кудинова (Рембо А. Стихотворения. М.,1982.С.82).

209

Дословно:
О времена, о замки! Чья душа без недостатка?

210

«Одно лето в аду. Бред II.» (В пер. Н. Яковлевой.)

211

«Лебедь». Пер. М.А.Волошина // Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX вв. 2-е издание. М.,1974.С.515.

Может быть, еще раз следует подчеркнуть, что существует четкое различие между человеком, который время от времени получает вдохновение и озарения (и потому они ненадежны), и тем, кто систематически развил свое сознание и может войти в контакт с любым из выбранных им планов сознания, оставаться там столько, сколько он пожелает, и получать без всяких искажений вдохновение и озарения, соответствующие этому плану. В этом и заключается работа интегральной йоги.

213

Дословно: «Вечное мгновение — причина [многих] лет» (прим. пер.).

30. Savitri, 28: 315

31. The Life Divine, 1127

32. Letters on Yoga, 22: 264

33. The Synthesis of Yoga, 21: 772

34. On Yoga II, Tome 2, 263

35. Poems Past and Present, I.

На диаграмме планов сознания (см. рисунок) можно заметить, что каждый центр содержит санскритскую букву: Лам, Вам, Рам, Ям, Хам, Ом — в восходящем порядке. Эти сущностные звуки представляют собой особые вибрации, которые управляют силами каждого из этих планов (см. книгу А.Авалона «Змеиная сила» — Avalon A. The Serpent Power. Madras, 1913).

Можно вычитать мантры из книги и повторять их до бесконечности, но если они не были даны Учителем, или Гуру, то они не будут обладать энергией или «активной силой».

36. The Human Cycle, 15: 5

37. The Future Poetry, 9: 233

The Future Poetry, 9:9

К сожалению, эти тексты приходят к нам в переводе — т. е. при этом теряется магия звука. Однако примечательно то, что когда слышишь оригинальный санскритский текст, который поет человек, обладающий знанием, можно получить озарение не понимая ни слова из того, что было сказано.

39. Letters, 3rd Series, 97

«Энеида». I,462.)

228

Дословный перевод.

229

Дословный перевод.

«Пьяный корабль». (Дословный перевод).

40. Savitri, 28: 120

Этот приговор был позднее заменен пожизненной высылкой на Андаманские острова.

41. Speeches, 2: 6

1. A.B.Purani: Evening Talks, 120

2. The Human Cycle, 133

3. The Human Cycle, 131, 136

4. The Life Divine, 19: 772

5. On Yoga II, Tome 2, 263

239

Буддизм в начале н. э. разделился на две ветви — хинаяну (что в букв. переводе с санскрита означает «малая колесница», или «малый [узкий] путь») и махаяну («большая колесница»); внутри каждой из них формировались затем различные религиозно-философские школы буддизма (прим. пер.).

6. Letters, 3rd Series, 128

7. The Life Divine, 19: 954

242

Во французском оригинале — непереводимая игра слов: recreation — отдых, восстановление сил; re-creation — создание заново (прим. пер.).

8. The Synthesis of Yoga, 20: 82

9. The Life Divine, 19: 1159

245

Шандернагор (Чандернагор, Чондронагор) — небольшой анклав в Бенгалии, принадлежавший в то время Франции.

Purani A.B. Life of Sri Aurobindo, 132

Purani A.B. Life of Sri Aurobindo, 122

3. Savitri, 28: 277

По Шри Ауробиндо, различные области психики человека являются результатом нашего продвижения по эволюционному пути, что представляется вполне логичным, поскольку именно в Материи и начиная с нее проявляются все более и более высокие степени сознания. Таким образом, Бессознательное [Inconscient] представляет собою нашу материальную, телесную основу (Шри Ауробиндо предпочитает называть его «Незнанием» [Nescient], потому что на самом деле Бессознательное не лишено сознания), тогда как Подсознательное заключает в себе наше земное прошлое, а Сверхсознательное — наше будущее. Внутри из каждой из этих трех зон находятся различные уровни всеобщего, космического сознания (которые Шри Ауробиндо иногда называет сублиминальными, чтобы четко отличать их от подсознательного, потому что сознание подсознательного очень ограничено или очень смутно, *подсознательно,* в то время как сублиминальные планы наполнены высоко сознательными силами). Та часть этих различных зон, которую можно отнести к личности, — этот очень незначительный пласт: наше тело плюс все то, что мы смогли индивидуализировать или колонизировать в этой или предыдущих жизнях.

4. Savitri, 29: 466

5. On Yoga II, Tome 2, 686

Как мы уже говорили, в подсознательном есть множество уровней и подуровней. Мы намеренно не остановились на описании этих низших миров; когда придет время, ищущий переживет их на собственном опыте. Если мы придадим этим силам особую ментальную форму, то это не поможет нам, как некоторые полагают, изгнать их, наоборот — тем самым они обретут большее влияние на наше сознание. Разум попросту не способен что бы то ни было излечить.

6. On Yoga II, Tome 2, 689

7. Savitri, 28: 172

8. The Synthesis of Yoga, 20: 123

9. Savitri, 517

257

Здесь под «предопределенным орудием» понимается человек, которому была бы «дана» эта трудность, он принял бы ее как свою (взял бы ее «на себя»), и, таким образом, создалась бы возможность для разрешения этой трудности в космическом масштабе (in the occult economy of things): он стал бы средством ее разрешения (прим. пер.).

10. On Yoga II, Tome 2, 733

11. Savitri, 28: 192

12. Thoughts and Aphorisms, 17: 15

261

Дословно: «все, что идет косо» (ce qui va de travers) (прим. пер.).

13. The Life Divine, 18: 12

14. The Synthesis of Yoga, 20: 123

15. The Human Cycle, 133

Ср. знаменитое из «Фауста» Гете:
Я часть той силы, что вечно хочет зла
И вечно совершает благо.

16. Savitri, 29: 613

17. Savitri, 29: 625

18. Mother India (Journal), 03.1962

19. Savitri, 29: 317

20. On Himself, 26: 153

21. Savitri, 28: 7

22. Poems Past and Present, 5, 99

23. Savitri, 28: 91

24. Last Poems, 5: 10

25. Savitri, 28: 42

26. Savitri, 29: 541

27. Savitri, 28: 169

28. Savitri, 29: 370

29. Letters on Yoga, 22: 388

30. On Yoga II, Tome 2, 34

Эта древняя традиция, известная всем иудеям, по-видимому, была с точностью почти до деталей воскрешена христианством в концепции чистоты (незапятнанности) Девы Марии.

282

Материальное бессознательное.

283

На всех планах нашего существа или во всех центрах сознания.

31. On Himself, 26: 425

32. Savitri, 29: 684

286

1. Savitri, 29: 566

2. The Synthesis of Yoga, 21: 808

3. The Synthesis of Yoga, 20: 234

4. Thoughts and Aphorisms, 17: 133

5. Letters on Yoga, 22: 451

Некоторые скажут, что наша обособленность, наш разум и наша мораль — это инструменты, необходимые для проживания в том мире, каким он в настоящее время является. И это действительно так. Наша обособленность вынуждена. Но как раз в этом и заключается причина того, что мир не представляет собой единое целое. Нам только никогда не следует терять из виду то, что это переходные средства и что мы должны заменить эти *временные меры* [stop-gaps — досл. «затычки»], как их называет Шри Ауробиндо, сознанием, которое есть видение и которое есть сила.

6. The Life Divine, 19: 983

7. The Synthesis of Yoga, 20: 316

8. The Synthesis of Yoga, 21: 835, 837-838

9. The Synthesis of Yoga, 20: 464

Интересно провести параллель с теорией относительности Эйнштейна. Согласно этой теории с приближением к скорости света время замедляется и сокращаются расстояния. В момент достижения скорости света наши часы остановятся, а линейки сожмутся до нуля. Супраментальное сознание, которое есть сам Свет, — это тоже победа над временем и пространством. Возможно, между светом физиков и светом пророков меньше различия, чем мы полагаем.

10. Savitri, 29: 660

11. The Synthesis of Yoga, 20: 393

12. The Synthesis of Yoga, 20: 408

13. Savitri, 29: 657

14. Savitri, 29: 614

15. Savitri, 28: 196

16. The Synthesis of Yoga, 20: 164

17. Savitri, 28: 63

18. Live, Literature and Yoga, 11

19. A.B.Purani: Evening Talks, 91

305

Земля в Ведах является также символом нашей плоти.

20. Savitri, 29: 600

21. The Life Divine, 19: 642, 766

22. Savitri, 29: 709

23. Letters, 3rd Series, 103

310

При скорости света мы также находим сочетание полной неподвижности внутри предельного [supreme] движения: глядя на это явление изнутри, имеем неподвижность, глядя извне — движение.

24. The Synthesis of Yoga, 20: 95

25. Thoughts and Aphorisms, 17: 92

313

26. The Hour of God, 17: 12

27. Savitri, 28: 183

десь, видимо, речь идет об удивительной силе взгляда Шри Ауробиндо, которую автор испытал на себе 24 ноября 1948 или 1949 г. (24 ноября 1926 г. Шри Ауробиндо удалился в свою комнату, и с тех пор дети Ашрама могли видеть его только по праздникам, Даршанам; в эти дни все они проходили перед Шри Ауробиндо и Матерью, сидящими в креслах на возвышении.) Подробнее об этом см. Приложение II в конце книги — отрывок из книги французского журналиста Ф.Товарницки «Семь дней в Индии с Сатпремом» (прим. пер.).

28. On Himself, 26: 378

29. The Ideal of Karmayogin, 2: 17

30. On Himself, 26: 58

31. Letters on Yoga, 22: 69

32. Letters on Yoga, 22: 139

321

Пондишери в то время находился на территории, принадлежащей Франции.

1. On the Veda, 42

2. On the Veda, 47

3. On the Veda, 46

325

Веды: Риг Веда, Сама Веда, Яджур Веда, Атхарва Веда.

В данном случае приведена нижняя граница датировки Вед, весьма отличная от принятой в советской индологии (прим. пер.).

327

Согласно индийской традиции, каждый цикл имеет четыре периода: Сатья-юга, век истины (или золотой век), за ним следует век, обладающий «тремя четвертями истины», Трета-юга, затем век «половины истины», Двапара-юга, и, наконец, век, когда исчезает вся истина, Кали-юга, когда забыт Пароль. После Кали-юги наступает новая Сатья-юга, но между ними происходит полное разрушение, *пралайя*, когда вселенная «вновь поглощается». Шри Ауробиндо считает, что открытие Суперразума несет новые возможности изменения такого цикла.

4. Letters on Yoga, 22: 93

5. On Himself, 26: 374

6. Savitri, 28: 97

D.K. Roy. Sri Aurobindo Came to Me, 247

8. On Himself, 26: 361

9. Nirodbaran: Correspondence… II, 154

10. Nirodbaran: Correspondence… II, 155

11. Letters, 3rd Series, 5

12. Nirodbaran: Correspondence… II, 150

13. The Hour of God, 17: 11

14. Savitri, 28: 76

339

Встреча Шри Ауробиндо и Матери произошла раньше — 29 марта 1914 г. 24 апреля 1920 г. — это день, когда Мать приехала в Пондишери для того, чтобы посвятить всю жизнь Шри Ауробиндо и той титанической работе, которая им предстояла. С этого дня и до самого своего ухода 17 ноября 1973 г. Мать не покинет Пондишери (прим. пер.).

15. Anilbaran's Journal (из неопубликованного)

16. On Himself, 26: 455

17. The Life Divine, 18: 108

18. Savitri, 28: 4

19. Thoughts and Glimpses, 16: 384

345

Средний термин [middle-term] — логическое понятие. Термины — элементы суждений, входящих в состав силлогизма: субъекты и предикаты его заключения и посылок. Субъект заключения называется меньшим термином, его предикат — большим термином, а термин, общий посылкам — средним термином. В квадратных скобках приведена наша интерпретация этого выражения в данном контексте (прим. пер.).

20. The Hour of God, 17: 148

21. The Hour of God, 17: 149

22. The Life Divine, 18: 162

23. The Life Divine, 18: 378

24. The Hour of God, 17: 15

25. The Life Divine, 18: 129

26. The Life Divine, 18: 87

27. The Synthesis of Yoga, 20: 151

28. Savitri, 28: 90

29. The Life Divine, 18: 243

30. The Problem of Rebirth, 16: 241

31. The Human Cycle, 290

32. The Hour of God, 17: 48

Тайттирия Упанишада II.7

33. The Synthesis of Yoga, 20: 216

34. Savitri, 28: 235

35. The Hour of God, 17: 7

36. The Life Divine, 18: 3-4

37. Thoughts and Glimpses, 16: 32

38. Thoughts and Glimpses, 17: 82

39. Thoughts and Glimpses, 16: 384

40. The Synthesis of Yoga, 21: 798

Согласно высказываниям Матери, змей земного рая — это символ эволюционной силы, которая вытягивает человека из животного блаженства для того, чтобы он вновь обрел состояние божественного счастья. После того, как человек съедает плод Познания, она (эта сила) развивает его ментальные способности до тех пор, пока они не достигнут точки поворота. У греков колесницу Деметры также несут крылатые змеи. Змей — это не только символ космический, но и символ индивидуальной эволюционной силы: когда восходящая сила (*кундалини*) пробуждается у основания спинного хребта и выходит из нашего физического сознания, где она спала, свернувшись, как змея в своей норе (*кундалини* означает «свернувшаяся»), когда она поднимается от центра к центру, развившийся человек выходит из обычного состояния несознания и входит в сознание космическое; затем, когда открывается центр в макушке головы, он входит в божественное солнечное сознание. Для Шри Ауробиндо и для риши, и, вероятно, еще для некоторых уже несуществующих древних традиций открытие этого солнечного сознания наверху — это лишь первая эволюционная стадия, за которой должно следовать открытие того же солнечного сознания внизу, в Материи. Это змея, кусающая свой хвост, или то, что Шри Ауробиндо называет трансформацией.

1. The Life Divine, 109

2. The Human Cycle, 292

3. The Hour of God, 17: 7

371

Известный французский благотворитель, основатель ордена лазаритов (1576–1660) (прим. пер.).

4. The Supramental Manifestation, 15: 24

5. The Supramental Manifestation, 16: 8

6. The Supramental Manifestation, 16: 29, 37

Это подлинное движение, находящееся за нашим дыханием, согласно Шри Ауробиндо, — то же, что и движение, управляющее электрическим и магнитным полем; это то, что древние йоги называли вайю, Жизненной Энергией. Хорошо известные дыхательные упражнения (пранаяма) — это просто одна из многих систем контроля вайю, которая в конечном счете позволяет практикующему выйти из-под влияния закона гравитации.

Цитировалось Шри Ауробиндо.

7. Savitri, 28: 338

Nirodbaran. Correspondence, Vol. 1, 56

9. The Life Divine, 19: 842

10. The Life Divine, 19: 843

381

Тестирование [testing] здесь нужно понимать как открытие и его подробное и всестороннее исследование, испытание (прим. пер.).

11. On Himself, 26: 469

Purani A.B. Life of Sri Aurobindo, 142

Речь идет о левитации (прим. пер.).

Purani A.B. Life of Sri Aurobindo, 121

14. On Himself, 26: 186

15. Savitri, 28: 20

16. Thoughts and Aphorisms, 17: 93

Purani A.B. Life of Sri Aurobindo, 167

18. Nirodbaran: Correspondence… I, 53, 71

19. Savitri, 29: 719

20. A.B.Purani: Evening Talks, 198

21. A.B.Purani: Evening Talks, 45

22. On Yoga II, Tome 2, 406

23. France-Asie (журнал), апрель 1953 г.

Физический свет, высшая комбинация скорости и неподвижности — это замечательный символ высшего Сознания. Подобным же образом физическое солнце — это еще один символ высшей Силы, как видели его многие древние — не такие уж наивные, как мы полагаем, — традиции. «Но индусские йогины, постигшие это в опыте-переживании, не ставили своей целью довести их до стадии научного знания, — замечал Шри Ауробиндо. — Перед ними открылись иные поля действия и источники знания, и они не стали останавливаться на том, что для них было лишь самым внешним аспектом проявления».

397

То, что в скобках — добавление переводчиков.

24. On Yoga II, Tome 2, 340

25. Savitri, 29: 383

Отсюда — польза мантры, которая может направлять по заданному руслу вибрацию определенной частоты к любой точке тела или даже ко всем точкам, если ее воспримет клеточный разум.

401

В «Агенде» Сатпрем приводит мантру Матери, которую она многие годы использовала в работе над телом (прим. пер.).

26. Letters on Yoga, 22: 340

403

Во французском языке слово pli означает не только складка, сборка, морщина, но и привычка. Отсюда и непереводимая игра слов: «выправить вибрацию» — «сгладить морщину» (прим. пер.).

27. Poems Past and Present, 6.

28. Savitri, 29: 700

29. Savitri, 29: 707

407

Roy D.K. Sri Aurobindo Came to Me, 73

408

Из письма, написанного во время первой мировой войны (28 июля 1915).

31. On Himself, 26: 425

410

Дословно: «царств, [наглухо] защищенных от солнца, подобно термитникам» (прим. пер.).

32. Savitri, 28: 216

33. Ideal of Human Unity, 15: 80

Roy D.K. Sri Aurobindo Came to Me, 251

35. The Synthesis of Yoga, 20: 348

415

Эта подглава имеет (к сожалению) лишь историческое значение. Теперь, после ухода Матери в 1973 г., условия в Ашраме резко изменились. Вряд ли «Ашрам Шри Ауробиндо» представляет собою сегодня нечто большее, чем просто некоторое преуспевающее учреждение. О подробностях работы Матери после ухода Шри Ауробиндо в 1950 г., а также о событиях, которые сопровождали ее уход в 1973 г., можно прочитать в «Агенде Матери» (13 т., где воспроизводятся записанные на магнитофон рассказы Матери о работе в теле с 1951 по 1973 г.) и в биографии Матери, написанной Сатпремом (в 3 т.): I. *Божественный материализм, II. Новый вид, III. Мутация смерти.*

36. Letters on Yoga, 23: 847

37. The Ideal of Karmayogin, 10

38. Letters on Yoga, 22: 856

419

Nirodbaran. Correspondence, Vol. I, 101

Purani A.B. Life of Sri Aurobindo, 167

421

Латинское «воочию, живьем» (прим. пер.).

41. On Himself, 26: 109

42. The Synthesis of Yoga, 20: 71

43. On Himself, 26: 109

425

44. On Himself, 26: 450

45. The Life Divine, 19: 932

Согласно Шри Ауробиндо, существуют еще три ступени, или три плана, сознания внутри Суперразума. Здесь, представляется, преждевременно останавливаться на этом.

46. The Human Cycle, 332

429

Риг Веда I.10.1.

47. Savitri, 29: 370

48. Savitri, 28: 343

49. Collected Poems and Plays, I, 5: 61

50. The Hour of God, 17: 9

434

См. «The Hour God» в посмертном собрании сочинений Шри Ауробиндо (p.61).

435

[The End Which Ever Begins Again] (См. «Савитри», 333)

The Human Cycle, 278

Это было написано в 1914 г. Может быть, положение изменилось с тех пор в лучшую сторону? Впрочем, нельзя с уверенностью утверждать это.

2. Thoughts and Aphorisms, 17: 82

3. The Human Cycle, 329

4. Savitri, 28: 43, 29: 629

5. Savitri, 28: 2

Я уже сказал, что идея Суперразума существовала уже с древнейших времен. И именно в Индии и еще кое-где предпринимались попытки достичь его, возвысившись до него, но то, что было упущено, — это способ сделать его интегральным для жизни и низвести для трансформации всей природы, даже физической

442

Ниже приводится отрывок из книги Ф.Товарницки «Семь дней в Индии с Сатпремом» (Towarnicki F. de. Sept jours en Inde avec Satprem. Paris. 1981. P. 20–23).

443

Автор приводит другое название: Letters. In 2 vol. (On Yoga I–II). Ed. 1 — 1958. Во всех каталогах последних лет это название не встречаетсяб потому что письма Шри Ауробиндо о Йоге были собраны, классифицированы и изданы в 3 т. в 1971 г. и с тех пор издаются только в таком виде. Сатпрем написал свою книгу в 1963 г. и не мог, естественно, ссылаться на данный трехтомник. Читателю же легче будет найти эти письма под тем названием, которое приводим мы (прим. пер.).